

**Антология авторской песни
серия «ГИТАРА ВРЕМЕНИ»:**

- «Грушинский» (Фестивальная летопись 1968-2000 гг)
«Заповедная страна» (Песни бардов Самарского края)
«Берег надежд» (Песни ленинградских авторов 1950-1960 гг.)
В. Вихорев. «В океане времени».
А. Яшунская. «С вами вместе»
«Янтарная струна» (Песни бардов Калининградской области)
Б. Полоскин. «Музыкальные истории»
В. Шабанов. «Ребус под названием Русь»
Ю. Панюшкин. «Чтобы быть большинству понятным»
«Духовная лирика»
«Поющая душа» (Песни ленинградских авторов 1970-е годы)
А. Тимофеев. «Приснился мне сон...»
Руководитель проекта В.К. Шабанов

**Проект Библиотеки Автограда
«Тольятти. Избранное»:**

- Дендрарий-1
Первый ректор
Дендрарий-2
А. Рудой. Поддавки
О. Вавилина. Система Кислюка
Ю. Панюшкин. В начале повторения пути
С. Дьячков. Книга Бытия
Дендрарий-3
А. Рудой. Выходки
Ю. Панюшкин. В начале повторения пути.
2-е дополненное издание
Редактор и составитель О.А. Вавилина
Дизайн и верстка Ю.А. Хализова

**Проект Фонда им. Валерия Грушина
и Библиотеки Автограда
«Гитара Времени. Избранное»:**

- Грушинский XXI век
Л. Фельдблит. ...Заплакать?! ...Засмеяться?! ...Забеременеть?!
Грушинское братство
Т. Карамалов. Гольфстрим впадает в Волгу
А. Воронцов. Вначале была жизнь. В 2-х томах
Руководители проекта
В.К. Шабанов, О.А. Вавилина

**Проект Фонда им. Валерия Грушина
и Библиотеки Автограда
«Гитара Времени. Избранное»**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

В. К. ШАБАНОВ, О. А. ВАВИЛИНА (руководители проекта)
В. И. ШЕМШУЧЕНКО (главный редактор)
В. И. ВИХОРЕВ, А. П. ВОЛОШИН, А. М. ГОРОДНИЦКИЙ,
М. Н. ДОБЫНДО, Б. Р. КЕЙЛЬМАН, О. Г. МИТЯЕВ,
Ю.М. ПОЛЯКОВ, А. Я. РОЗЕНБАУМ, К. Б. ТАРАСОВ

Дизайн и верстка

Ю.А. Хализова и О.А. Вавилина

А.С. Воронцов. Вначале была жизнь. Т. 1. / [рук. Проекта В.К. Шабанов, О.А. Вавилина]. Избранные стихи, проза, публицистика, очерки. – Самара : Новая техника, 2013. – 300 стр. : ил. – (Гитара Времени. Избранное).

Со стихами Александра Воронцова широкие читательские круги знакомы давно: он издал 5 стихотворных сборников и сборник песен на его стихи. Но другие грани его писательского дарования доступны довольно узкому кругу читателей. Эта книга позволяет расширить его, т.к. в настоящем сборнике кроме стихов и двух рассказов-новелл размещены автобиографические очерки и публицистические работы автора, что позволит несколько «догнать упущенное».

В них легко прослеживается неразрывная связь его личной жизни и творчества с жизнью страны. Богатство эмоциональных красок и добрый мягкий юмор, присущи не только его стихам, но и прозаическим работам. Читатель точно не будет скучать, читая предлагаемую книгу.

Книга разделена на два тома.

В данный том включены 1-я, 2-я части и 1-й раздел 3-ей части книги.

Александр Воронцов

ВНАЧАЛЕ БЫЛА ЖИЗНЬ

Том 1

Тольятти
2013

ОТ АВТОРА.

2007-й год

После издания 4-х стихотворных сборников настало время «подумать о душе». А впереди маячил 70-летний юбилей. Дело в том, что **поэзия была (и есть) только часть моей жизни.**

Может быть потому, что я Близнец по гороскопу, мне всегда хотелось пройти каким-нибудь новым путём, даже если он длиннее. А может быть... Впрочем, не знаю почему, но я стал трактористом, потом шофёром, потом инженером-конструктором прежде всего по велению сердца. И точно так же я стал лектором-международником, и точно так же я вернулся в конце 70-х к поэтическому творчеству, с которым, казалось, навсегда распрощался в юности. Опять начались газетные и книж-

ные публикации, потом 2 сборника стихов, потом приём в Союз писателей России, потом ещё два сборника стихов. Один из них называется «Трубач», но это не означает, что я только стихами пытался разбудить моих соотечественников, чьи «души и уши залиты тупым равнодушьем». И вот теперь, *опять же по зову сердца*, мне захотелось оглянуться на то, что сделано, точнее, что делалось мною на других направлениях.

Еще один момент. В 1992-м году М. В. Зотов (о нем – впереди) подарил мне Библию, которую до того я никогда не читал *Оказалось что, в ней нашлось место всему спектру человеческих страстей от человеконенавистничества до человекозаступничества, от расизма до интернационализма.* При этом авторов недаром называли цадиками (мудрецами). Один из них, Иезикииль, в главе 33-й говорит:

«...И было ко мне слово Господне:

²*Сын человеческий! Изреки слово к сынам народа твоего, и скажи им: если я на какую-либо землю наведу меч, и народ той земли возьмет из среды себя человека и поставит его у себя стражем,*

³*И он, увидев меч, идущий на Землю, затрубит в трубу и предостережет народ,*

⁴*И если кто будет слушать голос трубы, но не остережет себя; ... кровь его будет на его голове.*

⁵Голос трубы он слышал, но не остерег себя ... а кто остерегся, тот спас жизнь свою.

⁶Если же страж видел идущий меч и не затрубил в трубу, и народ не был предостережен, то когда, придет меч и отнимет у кого из них жизнь, ...кровь его взыщут от руки стража».

Уже в 1989 году я увидел идущий меч, и начал трубить. Но усыпители пока сильнее меня. И вот меч коснулся моего народа – страна рассыпалась, и только в России – миллионная убыль ежегодно. Кладбища переполнились, как реки в половодье. **А ведь главный удар пока впереди.** Я не пророк, я пользуюсь знаниями и методами анализа, полученными в годы моей лекторской деятельности. Многие мои прогнозы подтвердились, но главного прогноза я пока не могу дать. **Устоит ли Русь? Не знаю.** Но кровь народа не на мне будет.

Итак, **седьмой сборник** – комбинированный: в нём есть и стихи, и нечто вроде мемуаристики, и публицистика, но публицистика – главное в нём. В силу ограниченности объёма сборника я не включаю в него много материала. В статьях фигурируют имена и фамилии, как широко известные, так и менее известные. В этих случаях даются примечания...

ДОПОЛНЕНИЕ.

2013-й год

Увы, скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается. Пока работал над этой книгой, успел побывать в шкуре преподавателя колледжа, водителя персонального автомобиля, контролёра ОТК и даже «курьера с автомобилем»! Издал ещё одну книгу стихов «Что помнится крепче» и сборник песен на мои стихи «Сердце не знало оков», отредактировал 6 стихотворных сборников и две повести. Между этими делами перенёс инсульт и окончательно стал «пенсионерствовать» с начала 2010 года. Кроме того написал ещё некоторое количество стихов, которые тоже включаю в эту книгу.

С целью экономии объёма книги некоторые места купированы, они указаны многоточиями.

**P.S.: С целью экономии объёма
книги некоторые места купированы,
они указаны отточиями
(не путать с многоточиями ...)**

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

КАРАНДАШ

(Поэзия, не вошедшее в предыдущие сборники)

*Когда я по краю обрыва ходил,
Когда я слезу настоящую лил,
Тогда только в руки я брал карандаш.
Судьбу вопрошал: «Послабление дашь?»*

«Тихая лирика»

Александра Воронцова

В свою последнюю по времени написания книгу, которую на сегодняшний день можно назвать итоговой, известный тольяттинский автор Александр Воронцов включил стихотворения разных жанров. Читая ее, забываешь о том, «какое, милые, у нас тысячелетие на дворе», уходя от меркантильности и прагматизма, жесткости современной жизни в атмосферу других – вечных духовных ценностей: доброты, красоты, чистоты, милосердия. В противовес новомодным концептуалистам, которых нередко единственных почему-то именуют «современной поэзией», Воронцов вовсе не стремится быть остросовременным, а просто «пишет как дышит», продолжая лучшие традиции нашей классической отечественной литературы.

Размышляя о месте творчества А. С. Воронцова в поэзии, мне, я прежде всего, вспоминаю группу поэтов, которых критика называет «тихими лириками». Появившись на литературной сцене в 60-е годы прошлого века в противовес «громкой» поэзии «шестидесятников», Николай Рубцов, Владимир Соколов, Анатолий Жигулин, Анатолий Прасолов, Станислав Куняев и другие «тихие лирики» заняли особое место в русской поэзии. Призывной публицистичности поэтов, собиравших стадионы, они противопоставили лиризм и элегичность, мечтам о революционном социальном обновлении (тут, правда, Александр Воронцов несколько сложнее) – идею возвращения к истокам народной культуры и ценностей; безрассудному стремлению к научно-технической революции и западничеству – опору на русские литературные традиции; модернистским экспериментам – подчеркнуто «простой» и традиционный стих. И – удивительное дело – «поэзия стадионов» сейчас интересна, пожалуй, только как факт истории литературы и общества. А многие «тихие лирики» давно уже перекочевали в разряд классиков, чьи стихи на полках не пылятся, а приобретают все новых читателей, стремящихся обратиться к вечным ценностям жизни.

Как и у «тихих лириков», к которым по взглядам и мировосприятию, по нашему мнению, нужно отнести А. С. Воронцова, в его стихах усматриваются традиции А. Блока, С. Есенина, А. Твардовского, классиков XIX века. Причем не подражательство, а именно опора на их поэтические традиции, так как тольяттинскому поэту удалось найти свою неповторимую поэтическую манеру.

Стихи Александра Свиридовича о природе из раздела «КАЛЕНДАРЬ (картинки природы)» оставляют светлое и жизнеутверждающее чувство. Поэту хочется, чтобы наш мир был лучше, добрее, радостнее:

*Чтоб на розе вместо инея / Заискрилась бы роса,
Чтобы ей красною синею / Улыбались небеса!*

Фото «Роза в инее»

Творчеству А.С. Воронцова присуще ощущение нежности и тепла, трогательное, иногда почти детское восприятие природы, трепетное ощущение ко всему живому. Люди, животные, растения, стихии и предметы – все это, у Воронцова, как и у Есенина – дети одной матери-природы:

*Стебель клонится гибко: / «Ты возьми меня в путь!
Я такой невесомый – / Не устанешь со мной!
И со мной будешь дома, / Хоть пройди шар земной!
Я – домашний-домашний, / Я – уютный такой!»
Ах, Ромашка-Ромашка, / Ну, пошли, что ль, со мной!*

Ромашка

Несмотря ни на какие обстоятельства, поэту удастся сохранить негнимо оптимистичное отношение к жизни, верить в то, что за стужей обязательно придет весна и принесет с собой новое обновление:

*Завтра станет нам судьба ясна: /
Новые пойдут стихи и песни –
По другому быть не может, если / Завтра начинается весна.*

Завтра

Ему присуще удивительное жизнелюбие, умение по-державински находить искреннюю радость от жизни в самых незатейливых мелочах и «заражать» этой радостью других. Умение, надо сказать, редкое и такое важное, позволяющее в суетной сегодняшней жизни открывать ее главный смысл – просто жить и находить счастье в этом:

*Посмотри, как твой котёнок / Меж кустов бежит и скачет,
Мотылька схватить пытаясь! / Вон пошла соседка в шортах
С полотенцем на плече – / Поздоровался бы с ней...
А прощаться с летом – рано! / Ты не верь календарю.*

Календарь

В то же время, так же, как и «отец русской поэзии» Г. Р. Державин, Воронцов и в описании повседневного, бытового остаётся, прежде всего, Поэтом, видящим, как говорится в известном афоризме, даже в луже не грязную воду, а звёзды, которые в ней отражаются. Так, в ярком по своей образности стихотворении «Яблоки» обычное упавшее яблоко становится для автора поводом для глубокого философского размышления о жизненном цикле и истинном смысле жизни:

Пролетят года – я постарею, / На дрова, наверное, пойду.

Мне бы лишь увидеть, как зардеют / Яблоки зазорные в саду!

Яблоки

А. Воронцова без преувеличения можно назвать «поэтом обнажённой искренности», ему присуще открытое выражение чувств и богатство эмоциональной палитры. Поэт, не скупясь, делится своими яркими эмоциями с читателем. Удивительная ясность и чистота нравственной позиции, искренность и одухотворённость присущи всему его творчеству:

А если рядом – вдохновенье?! / А если рядом – красота?!

А за окошком – день весенний, / Где неба синь и высота?!

А если рядом – ожиданье / Стихов и песен, и всего?!

О, Боже, хватит ли дыханья / И стука сердца моего?!

А если?

А. Воронцов – поэт на редкость широкого авторского диапазона (само разделение на 8 разделов-тем уже говорит о многом, хотя я коснусь только некоторых из них). Наряду с лирическими стихами, важное место в его творчестве занимают юмористические стихи. В стихах поэта часто появляются иронические и юмористические нотки. Так, один из разделов поэт даже называет «ЗАГАДКА (юморески)». Однако, и юмор поэта – это не пустое бездумное зубоскальство, чаще всего встречающееся в последнее время, а мягкая ирония по отношению к себе или окружающей жизни, один из способов её постижения:

В каждой буковке – горе луково: / И смешно, и до слёз!

Разберись, поди, – эка штука вот –

/ Где – шучу, где – всерьёз!

Шутовство

Часто с теплым юмором поэт изображает своих героинь «Квасница», «Она», «Не бойсь»). Самоироничен по отношению к себе:

Нет, вовсе я не солнечный, – / Эпитет неудачный:

Скорее, даже облачный, / Скорее, даже мрачный.

Наоборот

Юмор А. Воронцова – это не холодная ирония, не злой смех, а тонкий, теплый, заразительный, истинно народный, когда хочется посмеяться или просто улыбнуться вместе с автором:

*Ты пройдишь чуть-чуть вдоль Волги, /
Ты присядь в саду под грушей,
А под яблоней не надо: / Был один уже Ньютон.*

Календарь

Любовная лирика поэта – отражение его нестареющей души – никого из читателей не сможет оставить равнодушной. Это одна из самых сильных сторон поэзии А. Воронцова, то, что, читатели особенно ценят в ней. Она представлена в разделе «Вспоминай». Но, несмотря на такое «ностальгическое» название, стихи поэта свидетельствуют: любовь для него не воспоминание, а вечная и неотъемлемая часть жизни. При этом, Александр Свиридович, как человек активной жизненной позиции, считает, что в поэзии общественное значение любовной лирики не менее значимо, чем всего остального, «потому что главной героиней всегда была, есть и будет женщина. Женщина – существо непостижимо сложное, отношение к ней – ещё сложнее. Поэтому и стихи получаются самые разные: от трагических до комических»:

*Так, наверно, мир устроен – / Непонятно только, кем –
Чтобы рушились устои, / Воздвигались бы затем.*

Знаешь?

Стихи А. Воронцова отличаются особым задушевным лиризмом в раскрытии самых интимных человеческих чувств. Удивительны та естественность и деликатность, с которыми поэт обращается к этой теме. Раскрывает он ее многогранно, будучи предельно откровенен и даже интимен в выражении своих сокровенных чувств и мыслей по отношению к женщине – ничто человеческое ему не чуждо! Но, в то же время, смело раскрывая свои тайные желания и эмоции, он нигде не переходит за «заветную черту», всегда остается настоящим Рыцарем перед своей «Дамой печального образа»:

*Я пройду все сраженья жестокие, / Усмирю ветряки навсегда,
Чтобы дамой весёлоюкою / Стала ты, как в былые года.*

«За!»

В своем отношении к любви Воронцов ставит высокую планку. Ему нужна только такая Любовь:

*Хотя бы сквозь тайную грусть, / Но чтобы – до дрожи!
Но чтобы до гула в груди, / Особенно слева!
И чтобы в призыве: «Приди!» / Была королева!*

Что?

В стихотворении «И приду» поэт по-блоковски готов пройти «сквозь ночь, и сквозь стену», чтобы глаза любимой сияли как аметисты сквозь занавес полутьмы. Такое отношение автора к любви – трепетное и возвышенное – может служить примером для нашего времени, навязывающего другие «идеалы» в отношениях мужчины и женщины. В глубоко лирическом стихотворении «Желание» поэт в шестнадцати строках показывает эволюцию любви-желания мужчины и женщины на протяжении жизни: от юношеской любви-страсти до высшей ее стадии – единственного желания, чтобы любимая женщина просто «жила и жила бы» рядом:

*Как много желал, то любя, то скорбя, – /
С тобой и с желаньями не было сладу.
Так мало мне надо теперь от тебя: / Жила и жила бы!*

Желание

И даже традицию нерукотворного памятника поэзии А. Воронцов воплощает через любовь к женщине, своей многолетней верной спутнице – жене Людмиле:

*Оправдываться незачем и нечем, /
Слова пусты, и лишь одно не ложь:
Пока живут стихи – ты не умрешь, /
Тебя врезаю в них все крепче, крепче!*

Людмиле

В пронзительном стихотворении «Вспоминай», он убеждает, что Любовь – это то, что делает человека бессмертным, потому, что память о ней умереть не может:

*За окном – звезда и вечность, / Да ещё собачий лай...
Мы увидимся, конечно, / Вспоминай лишь, вспоминай!*

Вспоминай

В своем творчестве А. Воронцов не раз обращался к поэтической традиции С. Есенина. Он адресует к строкам поэта, используя их в качестве эпиграфа – например, «Остался в прошлом я одной ногою...» («Такие дела»). В стихотворении, иронично названном поэтом «A LA ESENIN», обыгрывается примененный С. Есениным в «Шаганэ ...» композиционный прием строфического кольца. Есенинская образность встречается во многих стихах А. Воронцова («Плачут ветлы, под инеем стынучи, / Плачут ветры, печально трубя», «Где вы, зори ознобные вешние?» и др.). Образ С. Есенина встречается и в очерках А. Воронцова «Сладкая полынь» и «Есенин в моей жизни».

Особо хочется отметить музыкальный дар поэта А. Воронцова. «Я же из Воронежских краёв, а там шагу не делают без песни...», – признаётся Александр Свиридович, автор сборника песен «Серд-

це не знало оков..... «Оказалось, что песни, каждая в разной степени, греют душу, и не только мне», – пишет автор в предисловии к сборнику, посвящая его «всем, у кого в горе и в радости поёт душа!». И как поэту-песеннику ему подвластны различные музыкальные жанры – лирические песни, танцевальные («Прощальное танго», «Звездный вальс»), причем не только на русском, но и на украинском языке.

Если обратить литературоведческий взор на поэзию А. Воронцова, то можно заметить его приверженность к простоте поэтической речи. Как поэт, он – приверженец традиционных стихотворных размеров, в его стихах нет или почти нет замысловатых поэтических изысков: разностопных строк, экзотических рифм. Яркие метафоры и другие тропы не занимают в его поэзии главного места. Особенность стихов А. Воронцова не только в камерности читательской аудитории, но и в негромкой, задушевной прелести русского слова, простоте поэтического синтаксиса, спокойствии интонаций, свойственных русской поэзии

Творчество Александра Свиридовича Воронцова сохранило верность той традиции, которая уходит своими корнями в глубину народной почвы и, как показало время, вне которой нельзя создать ничего значительного. Такой подход, к счастью для настоящего и будущего русской культуры, и помогает сохранить живой Музу русской поэзии. Той истинной поэзии, которая, несмотря на свою кажущуюся простоту, способна дать автору возможность обрести в своем слове бессмертие. Ведь она обязательно будет находить своих новых читателей и почитателей, ищущих в поэтическом слове вечные ценности и открывающих его книги. Ибо, как пишет об этом А.С. Воронцов, обращаясь к читателям:

*...Можете даже забыть моё имя,
Только один мне позвольте каприз –
Вы уж оставайтесь друзьями моими.*

**Елена Койнова,
доцент Тольяттинского государственного университета,
член Международного Есенинского общества «Радуница».**

РЕМАРКА АВТОРА К ЧАСТИ ПЕРВОЙ

В часть первую книги включены стихотворения, которые по каким-либо причинам не вошли в ранее изданные книги, или написаны после 2009г., а также прозаические произведения.

Что касается стихов, то я так же, как и в предыдущих книгах, решил не ломать традицию – распределил их по тем же 8 разделам. Несколько беднее обычного получился раздел гражданской лирики, но, думаю, читатель и там найдёт, что прочесть. Неожиданно объёмным оказался раздел, посвящённый самому себе, может, потому, что пришла пора потихоньку подводить итоги. Но, так или иначе, специально что-либо писать для выравнивания разделов я не буду. А если появятся новые стихи, то поставлю их на те полочки, на которые они сами попросятся. Даты написания стихотворений и посвящения так же традиционно не указываю за исключением редких случаев, когда эти даты существенны для стихотворения.

После издания книги «Что помнится крепче» у меня были книжные публикации в качестве соавтора в коллективных сборниках: «Священная война» и «Немеркнущий свет победы», посвящённые Великой Отечественной войне, а также в альманахе «Стрежень», в самарских альманахах «Русское эхо» и «День поэзии». Но особо значимой считаю публикацию в сборнике «Писатели Самарского края», в который были включены 100 писателей и поэтов, начиная от Аксакова, Горького, Ширяевца, Алексея Толстого и кончая ныне живущими, такими, как Сиротин, Никульшин, Чепурных, Маслов, Рассадин, Семичев, Портнягин. Оказаться в такой компании считаю немалой честью для себя.

В конце 2010 года у меня вдруг появился материал для двух небольших рассказов, скорее даже, новелл. Работая над ними, я не раз вспоминал беседу М.Горького с В.Лениным: Ленин был страшно удивлён, когда услышал, что прозу писать труднее, чем стихи. Но очерки об отце и моих внуках были написаны на особом эмоциональном подъёме. А теперь, дорогие читатели, приступайте к чтению того, что есть в этой части книги.

КАЛЕНДАРЬ
(картинки природы)

*А прощаться с летом – рано!
Ты не верь календарю.*

ЗАВТРА

Завтра начинается весна
Завтра начинаются надежды.
Сбросим обветшалые одежды:
Завтра начинается весна.

Завтра будет всё уже не так –
Новые и мысли и поступки,
Новые желания и шутки.
Завтра будет всё уже не так.
Завтра мы забудем про «вчера»,
Будем уповать на завтра только,
Прошлого рассыплется иголки:
Завтра мы забудем про вчера.

Завтра станет нам судьба ясна:
Новые пойдут стихи и песни –
По другому быть не может, если
Завтра начинается весна.

ФОТО «РОЗА В ИНЕЕ»

Ах ты, роза, роза в инее,
И под инеем жива?
Где ж вы, взоры соколиные,
Где волшебные слова?
Что ж волшебники-то скудные,
Где речей золотая нить?
Вы смогли бы розу чудную
Нежным словом оживить?
Чтоб на розе вместо инея
Заискрилась бы роса,
Чтобы ей красною синею
Улыбались небеса!

КАЛЕНДАРЬ

«Все врут календари...»

А.С. Грибоедов

Календарь промолвил: «Осень!»,
А погода прошептала:
«Видишь, листья все на кронах,
Значит, лето не завяло,
Ты не верь календарю!
Он – транжира! Он бросает
Листья-дни без сожаленья:
Для него они – пустяк!

Ты пройдишь чуть-чуть вдоль Волги,
Ты присядь в саду под грушей,
А под яблоней не надо:
Был один уже Ньютон.

Посмотри, как твой котёнок
Меж кустов бежит и скачет,
Мотылька схватить пытаюсь!
Вон пошла соседка в шортах
С полотенцем на плече –
Поздоровался бы с ней...

А прощаться с летом – рано!
Ты не верь календарю».

РОМАШКА

Ах, Ромашка-Ромашка!
Что за чудо-цветок!
Он – жильё для букашки,
Вдохновенья исток.
Он такой неказистый,
Но за что-то воспет...
Не за то ли, что чистый,
Что в улыбке привет?
Это чудо-улыбка
Грустновата чуть-чуть,
Стебель клонится гибко:
«Ты возьми меня в путь!
Я такой невесомый –
Не устанешь со мной!

И со мной будешь дома,
Хоть пройди шар земной!
Я – домашний-домашний,
Я – уютный такой!»
Ах, Ромашка-Ромашка,
Ну, пошли, что ль, со мной!

ЯБЛОКИ

Вот оно – ещё одно упало
С дерева, в надежде прорасти.
В кроне их уже осталось мало.
Что висят, те просят: «Отпусти!»

Дерево, конечно же, отпустит –
Только сил и сока наберись! –
Может быть, и с потаённой грустью,
Но промолвит: «Падай и катись!

Где-то остановишься и где-то
Семечками в землю ты уйдёшь
И уже на будущее лето
Стеблем любопытным прорастёшь.

Пролетят года – я постарею,
На дрова, наверное, пойду.
Мне бы лишь увидеть, как зардеют
Яблоки задорные в саду!»

ШУТОВСТВО (юморески)

***Веселись! Веселись, красавица:
Не в обиде я – вот... прочти!***

ПОВАДКИ

Чужую нарушу межу,
Иль в битву ввяжусь слишком рано –
К тебе непременно потом прихожу
По волчьи зализывать раны.

А если кого-то я сам укусил,
А если клыки не сломались,
А если осталось немножечко сил,
Ну, может быть, самая малость,

Тогда я опять ни о чём не тужу –
Повадки мои очень странны –
Опять ухожу на чужую межу,
Пока ни появятся раны.

СЛУЧАЙ

Споткнусь о тебя, упаду –
Стану падшим мужчиной.
Долго буду гадать в аду
О причине:
Как нырнул я до самого дна?
В небеса почему не взвился?
А причина всего одна:
Соблазнился!

И причина причины ясна:
Вот в чём случая сила –
Просто это пришла весна
И смутила.

А ЕСЛИ?

А если рядом – вдохновенье?!
А если рядом – красота?!
А за окошком – день весенний,
Где неба синь и высота?!
А если рядом – ожиданье
Стихов и песен, и всего?!
О, Боже, хватит ли дыханья
И стука сердца моего?!

А! Будь, что будет – что тут скажешь,
Ведь жизнь всегда – борьба стихий...
Держись поэт! Костями пусть ляжешь,
Но выдай лучшие стихи!!

ПРОГОНЯЛКА

Брысь из памяти! Брысь!
Ах ты, чёртова баба!
Хватит сердце мне грызть...
Ну, полегче хотя бы.

Дай заснуть-отдохнуть,
Не вертись перед глазом!

Эх, понять бы, в чём суть
И забыть бы всё сразу!

Прицепилась к душе,
Крепче рьяной липучки.
Доконали уже
Эти «женские штучки».

Что-то давит в груди...
Нет, с тобой надо строже.
Я прошу, уходи!
Только, знаешь... попозже.

ШУТОВСТВО

Веселись! Веселись, красавица:
Я ведь клоун почти!
Шутовство тебе очень нравится...
Не в обиде я – вот... прочти!
В каждой строчечке – закорючечки,
Что ни слово – то бредь:
За твои, мол, игривые ручечки
Я готов умереть!
В каждой буковке – горе луково:
И смешно, и до слёз!
Разберись, поди, – эка штука вот –
Где – шучу, где – всерьёз!
Авангардный ли, иль кондовый я –
Всё в почёте у дам.
Но за губы твои медовые
Я всю славу отдам!
Да она тебе что ли нравится –
Я ведь клоун почти?
Веселись! Веселись, красавица:
Не в обиде я – вот... прочти!

НЕ БОЙСЬ!

Я – с тобою, а ты – без меня,
Вот что плохо!
То ль тебя укусила змея,
То ль меня закусали блохи!
Ничего, ничего, не бойсь –
Я бельишко прожарю!
И змее наступлю на хвост –
Снова буду в ударе!

Я – с тобою, а ты – со мной
Будем снова!
Ты не трусь, улыбнись – и пой,
А за мною – слово!

КВАСНИЦА

У дороги колесница –
Грузный бак и лёгкий зонт,
А под ним сидит квасница
И глядит на горизонт.
– Где ты, где ты, покупатель?
Приходи, кваску пригубь.
Я хочу, чтоб ты истратил
У меня последний рубль.
Я напиток мой шипучий
Наливаю верно – всклень!
Разойдитесь, злые тучи,
Разгуляйся, светлый день!
Поднимайся, солнце, выше,
Лейся зноем через край...
Я пришел, тебя услышал –
Наливай же, наливай!
А квасница... а квасница
Этой ночью мне приснится!

ОНА

Нет, не сказать, что вредина,
Но мы как разностранцы:
Она живёт вне времени,
А, может, и пространства.
Она, собой довольная,
Звездой себя считает!
Вольна... Или фривольная?
Ну, кто же её знает.
Примчавшаяся с ветрами,
Все семь небес пробившая,
Из будущего светлого...
А может быть, и бывшего.
Гляжу с унылой рожею,
Клубятся мысли шалые:
Она – звезда? А кто же я?
Видать, планета малая...

* * *

Нынче ночь и скучна и темна:
Ни звезды в небесах, ни планеты.
То ль пропил их вчера сатана,
То ли все раздали поэты.

Ах, поэты! Лукавый народ:
Своего – ничего за душою,
Но не знают границы щедрот,
Если что-нибудь дарят чужое.

Завтра сам притворюсь простачком:
Чуть заря постучится в оконце –
Я полезу на крышу с сачком,
Чтоб поймать полусонное солнце.

Будет солнце в твоём сундуке
Полыхать ярче бабкиной броши.
Потому обо мне, чудеке,
Вспомнишь вдруг, как о чем-то хорошем.

ВОТ ПОЙМАЮ...

Вот поймаю солнышко – отщипну кусочек!
Радуйся и грейся! Грейся и сияй!
Станешь веселее и красивей прочих,
По лицу и душеньке загуляет май!

И пойдёшь по улице горделивой павой,
Я, такой счастливый, стану у плетня.
Чёрт бы с ней, с моею солнечною славой, –
Лишь бы оглянулась ты разик на меня!

Полюбуюсь издали на глаза искристые,
На походку лёгкую и такую стать!
Сердце заколотится яростно, неистово...
Только бы мне утречком солнышко поймать!

РЕАЛЬНОСТЬ

Ну вот! Позади виртуальность
И множество слов ни о чём.
Возникла причёски реальность,
Как ангел, – над правым плечом!
Прильнула упруго и нежно
Весёлая сказка кудрей.
А в жизни расплывчатой прежней
Когда-то мечтал я о ней.
Теперь я плечом осязаю,
Теперь ощущаю душой,

Что ты – не капризна, не злая,
Что ты бескорыстна со мной!
И я погружаюсь в нирвану,
Восторжен, и нежен, и смел...
Но в этот момент долгожданный
Будильник-садист зазвенел!

ЗАЧЕМ?

Ох, нелёгкая дорога –
Тяжелёхонек мой путь!
Восторгающихся – много,
Тихо любящих – чуть-чуть!
Их совсем немного, друзья,
Ими жизнь моя бедна:
Может быть, во всей округе
Наберётся лишь одна,

Не скажу, что правил строгих,
Что забыл свою весну,
Только сам люблю немногих –
Может даже, лишь одну.
Не ужель несчастным самым
Я назначен был творцом?!
Ах, зачем же эти дамы
Не одно и то ж лицо?!

НАОБОРОТ

Нет, вовсе я не солнечный, –
Эпитет неудачный:
Скорее, даже облачный,
Скорее, даже мрачный.

И вечно чем-то маюсь я
И в ноябре, и в мае...
Бывает, улыбаюсь я,
Письмо твоё читая.

Читая твои вести, я
Кажусь красивым, умным!
И потому уместнее
Мне называться лунным!

ВСПОМИНАЙ (любовная лирика)

*«Вспоминай!» – какое слово!
В нём ноябрь, и в нём же – май.*

ЖЕЛАНИЕ

Людмиле

Как много желал, то любя, то скорбя, -
С тобой и с желаньями не было сладу.
Так мало мне надо теперь от тебя:
Жила и жила бы!

Была непонятна: то плоть, то мираж,
Была то покорна, то недостижима.
А время грешило страшной из краж:
За пазуху годы – на цыпочках мимо!..

Истаяли годы... С кого же спросить?
Да взял ли я столько, сколь отдано было?!
Любая когда-то кончается нить,
А сердце, ты знаешь, ещё не остыло.

Опять я живу, и любя, и скорбя, -
С тобой и с желаньями всё нету сладу.
Так много мне надо теперь от тебя:
Жила, и жила, и жила бы!

«ЗА!»

Здравствуй, «Дама печального образа»!
Чья печаль, чья печать на челе?
Как же так – мы с тобой были оба «За»,
Только «За» затерялось во мгле.

Здравствуй, дама печальноокая!
Почему средь весёлых людей
Ты такая сейчас одинокая,
Словно стала душа холодней?

Кто её заморозил безжалостно?
Ты скажи, ничего не тая,
Откровенно ответь мне, пожалуйста,
Чья вина? Неужели моя?

И за то, что теперь мы не оба «За»,
На себя я надену узду –
Стану «Рыцарь печального образа»,
Донкихотить по свету пойду.

Я пройду все сраженья жестокие,
Усмирю ветряки навсегда,
Чтобы дамой весёлоюкою
Стала ты, как в былые года.

ЛАДНО!

Ладно! Ты меня убила –
Успокоюсь и замру.
Даже ясное светило
Не разбудит поутру.

Буду тёмною лошадкой,
Даже Бог не разберёт,
Есть ли что, к чему я падкий?
Я – мудрец иль идиот?

Буду благостно-смиренно,
Не скандаля, не грубя,
Всем шептать, что в мире – бренно
Всё-всё-всё!.. Опричь* тебя!

* Опричь (старорусское) – кроме.

ЗНАЕШЬ?

Знаешь, мы друг друга стоим,
Хоть и разные совсем.
Знаешь, мы друг друга строим,
Непонятно лишь, зачем.
Мы смелы и непродажны,
Кто ни глянет, – хороши!
И друг другу дом бумажный
Дарим только от души.

Ни к чему твоя награда –
Ни пристанище, ни дом –
Мне жилья совсем не надо:
Я живу в себе самом.
Да и ты в своей ракушке
Так загадочно живёшь...
То ль княгиня, то ль пастушка –
Никогда не разберёшь.

Так, наверно, мир устроен –
Непонятно только, кем –
Чтобы рушились устои,
Воздвигались бы затем.

Всё равно друг друга строим,
Непонятно лишь, зачем.
Всё равно друг друга стоим,
Хоть и разные совсем.

ВСПОМИНАЙ

«Вспоминай!» – какое слово!
В нём ноябрь, и в нём же – май.
Повторяю снова, снова:
«Не забудь же, вспоминай!»

И когда дождём в окошко
Осторожно постучу,

Вздрогнешь, словно пламя в плошке:
«Как увидеться хочу!»

И когда весёлой веткой
Я хлестну твоё окно,
Ты подумаешь: «Хоть редко,
Но заходит всё одно!»

За окном – звезда и вечность,
Да ещё собачий лай...
Мы увидимся, конечно,
Вспоминай лишь, вспоминай!

ПАМЯТЬ

Пусть даже что-то раскололось
В небесной тонкой тишине,
Люби меня, люби мой голос,
Но лучше – память обо мне.

Пусть голос улетает птицей,
Стихая где-то вдалеке,
Но долго суждено светиться
Весёлой радужной строке.

И только эта строчка-память
Не подведёт и не предаст:
В ней всё, что было между нами
Всегда свежо, как в первый раз!

ВЕТЕР

Понимаешь ли, так или иначе
Я люблю, хоть немного, тебя...
Плачут ветлы, под инеем стынучи,
Плачут ветры, печально трубя.
Мне в себе разобраться не дадено,
И подавно – тебя не понять.
Из моей из души что украдено?
Чем теперь мне твою наполнять?

Понимаю, что оба мы – грешные,
Кто греховнее, я не постиг.
Где вы, зори ознобные вешние?
Где начальный хрустальный мой стих?

Плачут ветлы, под инеем стынучи,
Плачут ветры, печально трубя.
Понимаешь ли, так или иначе
Я люблю, хоть немного тебя...

ЧТО?

Хоть вяжет капризная нить,
С тобою мы – люди ж!
К чертям деликатность! Спросить
Хочу тебя: «Любишь?»

Ну, пусть не по-моему, пусть!
Хотя бы – как можешь,
Хотя бы сквозь тайную грусть,
Но чтобы – до дрожи!

Но чтобы до гула в груди,
Особенно слева!
И чтобы в призыве: «Приди!»
Была королева!

И чтобы я знал: не во сне
Сбывается чудо!..
Но что тебя тянет ко мне?
Не знаю покуда...

ТАКИЕ ДЕЛА

«Остался в прошлом я одной ногою...»

С. Есенин

Остался в прошлом я одной ногою –
Такие непонятные дела...
Ведь я люблю тебя совсем иною,
Которой никогда ты не была!
Люблю тебя в таких краях и весях,
Которых сам давно не посещал.
Ты над моей наивностью не смейся:
Там у меня когда-то был причал.

А между ним и тонким горизонтом
Ладья плыла, качаясь на волне,
И снился удивительнейший сон мне:
Она причалит – ты сойдёшь ко мне.

И будет мне завидовать сам Врубель,
А я начну растерянно моргать:
Что целовать? Крыла, ланиты, губы ль?
И можно ль вообще их целовать?
Но ты крылами только осеняешь –
И вот уже в туманной высоте,
Ты, с облаком сливаясь, таешь, таешь,
Как память о небесной красоте.

Вперёд и вверх крыла тебя умчали –
Ты в небесах плывёшь, вольна, смела,
А я – одной ногою на причале...
Такой вот сон, такие вот дела.

ПОЖАР

Прости! Не пишутся стихи –
О чём писать-то?
О том, что кончились грехи
Весьма некстати?

О том, что страсти улеглись,
Взамен их – страхи,
Что в памяти былая «жись» –
Сплошные «ахи»?!

Там, позади, такой пожар –
В нём всё сгорело!
Сгорели чувства и душа,
Вот жаль, не тело!
Всего ужасней – Боже мой,

С того и стражду –
Сгорел священный образ твой,
Как лист бумажный.

* * *

Людмиле

Ты зря себя догадками тревожишь:
Мне уготован ад... А, может, рай.
Но только ты со мной не умирай,
Останься хоть в стихах – ты это можешь.

Оправдываться незачем и нечем,
Слова пусты, и лишь одно не ложь:
Пока живут стихи – ты не умрешь,
Тебя врезаю в них все крепче, крепче!

РОМАШКА

Поле бескрайное,
Стёжки не меряны,
Помыслы тайные,
Чувства растеряны!
А вдоль дорожек – ромашки-цветы,
Сколько их, сколько? – Не знаешь и ты!

Наташка-Ромашка,
Ты мне погадай:
Пуста моя чашка,
Или через край?
Наташка-Ромашка, -
Седьмой лепесток! –
Не всё на бумажке –
Читай между строк!

Поле просторное,
Дали туманятся,
Тропка проворная
Манит и манит всё.
А вдоль дорожки цветы и цветы,
Словно эскорт из любви и мечты.

Наташка-Ромашка,
Ты мне погадай:
Пуста моя чашка,
Или через край?
Наташка-Ромашка, –
Седьмой лепесток! –
Не всё на бумажке –
Читай между строк!

ДАЛЬ

5 часов ещё воздух пилить,
5 часов по дороге пылить.
Допилю, допылю, долечу –
И прильну к дорогому плечу!

Покорится упрямая даль,
Распахнётся, с каёмкою, шаль,
И сомкнутся горячие руки –
И настанет тепло, и не станет разлуки!

И ПРИДУ

И приду я к тебе, и сквозь ночь, и сквозь стену,
И руки мои будут нежно простёрты!
Глаза твои будут сиять аметистом
Сквозь занавес полутьмы.
И мы разыграем с тобою ту сцену,
В которой мы оба с тобой режиссёры,
В которой мы оба с тобою артисты,
Свидетели-зрители в ней – только мы!

ПИСЬМО ИЗДАЛЕКА

Твои слова простые,
Письмо издалека...
А знаешь, не остыл я –
Стихом зудит рука
И тянется к бумаге,
И просится к тебе!
Душа в хмельной отваге
Забыла о судьбе,
О всех предназначеньях,
Где каждый штрих – барьер.
Скажи, ну, на черта мне
Веленье высших сфер?!

Возьму и проломлю я
Все доски и бетон!
Скажу: «Люблю, люблю я!»
Но с губ не слово – стон...
Душа рвалась, кричала,
Но на губах – печать!
Не оттого ль сначала
Мне жизни не начать?..

О ПТИЦАХ

– Себя понапрасну не балуй:
Умолкли твои соловьи!
– А разве бывает любовь запоздалой?
А разве есть жизнь без любви?
– Да брось! Ведь нагрянула осень –
И дни, и душа холодней!
– И что? Ведь она ещё просит
Горячих по-летнему дней!
– Смотри – журавли полетели
По серому небу, смотри!
– Да, Знаю, что грянут метели...
Но всё ж прилетят снегири!

ПРОСТИ

Прости меня, шального мужика,
За то, что колетса нещадно:
Я обречён любить издалека...
Не обижайся, милая! Ну, ладно?!

О, мой цветок! Как вырвать мне тебя
Из поля, может быть, из грядки?
В свою гряду, растение не губя,
Пересадить смогу я вряд ли.

И, за собой не в силах повести,
Один смеюсь и плачу, словно леший...
Меня, нескладного, прости, прости!..
А, впрочем, я пока безгрешен.
Людмиле

НО ЧТО?

Людмиле

Ну что я буду делать без тебя?
Писать стихи, измученный до нитки?

Иль сочинять суровые агитки,
Друзей, народ и Родину любя?!
О, как они неполны без тебя!

Неполны. Нет! В излишестве простора
Всё, что осталось – так ненужно мне!
Один вопрос лишь нужен мне: как скоро
Сам окажусь в холодной вышине?
Останется один вопрос: как скоро?

О если б я ушёл пораньше, что ли,
Тебя, друзей, Россию не кляня?!
Я без тоски обрёл бы столько воли!..
Но что ты делать будешь без меня?

ПРОЩАЛЬНОЕ ТАНГО (элегии)

*Знайτε, дорогие, хорошие,
Ваши верные руки
Я ещё не забыл.*

БЫЛИ

«Были когда-то и мы...»
Были, были!
Как много пыли
На ветхих костюмах и в душах у нас!
Где соловьиные трели?
Как мы горели –
Мир целый грели!
Только огонь погас...

В поле на воле, –
В сумраке комнат
Помнить, помнить
Будут ли нас?
В ярком цветенье,
В зонтике тени,
В небушке синем,
В сказке осины
Вспомнят ли нас?!

В неге весною,
В тягости зноя,

В дождике скучном,
Под серой тучей,
В гнев суровой зимы
Не забывайте –
Помните, знайте:
Были и мы...

ПРОЩАЛЬНОЕ ТАНГО

Годы, словно льдины весенние,
Обгоняя друг друга,
Вольно к морю неслись.
Годы, ваше гулкое пение
Заполняло округу,
Наполняя мне жизнь!

Последняя заря –
а завтра будет темень,
Последняя заря –
пылают облака.
Последняя заря –
я завтра буду с теми,
Кто всех простил
и скрылся на века.

Зори, молодые, ознобные,
Не гасили вас ночи,
Не сжигали вас дни.
Только, только жаль, бесподобные
Год от года короче,
Полыхают огни!
Время засыпает порошею
Даже память о друге,
Даже тех, кто любил.
Знайτε, дорогие, хорошие,
Ваши верные руки
Я ещё не забыл.

Последняя заря –
а завтра будет темень,
Последняя заря –
прощание огня!
Последняя заря –
я завтра буду с теми,
Кто вас простил...
Простите вы меня!

ДОРОЖКА

(романс)

Взглянула походя, не дрогнув бровью,
И удалилась, так же не спеша,
Но засветилась поздней любовью
Моя почти увядшая душа.

Последней, непонятной, бестолковой,
Как облачко последних хризантем,
Чтоб гордо постоять над вазой новой
И сникнуть навсегда уже затем.

А это чудо статное дорожкой
Идёт и растворяется во мгле...
И вот уже блестят одни серёжки –
А больше света нет на всей Земле.
Ах, да! Ещё души моей лампада,
Но скоро ей погаснуть суждено...
И всё же не гнетёт меня досада:
Я пью последней радости вино

ВЕЧЕРНИЙ СВЕТ

Свет в окошке – последнее зарево,
Вечер хитрою кошкой крадётся.
Скоро свечи зажечь мне придётся,
А, быть может, зажгут надо мной.
Свет в окошке – тревожное зарево,
Это время закатных раздумий
Обо всём – от египетских мумий
До сугробов, что лягут зимой.

Горизонт потускнел, стал расплывчатым,
Тишина по ступеням крылечка
В дом и в сердце хозяйкой идёт.
Горизонт потускнел, стал невидимым.
Вот уже темнота сквозь окошко –
Лишь засветятся звёздочки-крошки,
Если туча их вдруг не сотрёт.

В доме стало бы словно в чернильнице,
Но горят сиротливые свечи,
Свет их долог, хотя и не вечен,
Есть ещё в них запасы огня...
Сколько есть. Извините меня!

СОЛНЫШКО

Восходы были сказками,
Лучи струились ласково,
И слышалось мне явственно, как солнышко поёт.
Теперь тепло невесело,
Теперь лучи не песенны,
Ах, солнышко вечернее, закатное моё!

Дорожки были торные,
Поля были просторные,
Во все четыре стороны звала, вела душа.
Я верил небу чистому
И солнышку лучистому,
Я шёл походкой спорою, хотя и не спеша.

С высоким чистым небушком,
Да колосистым хлебушком
Дружил я с юной юности – дождями не разлей.
Не знаю, что случилось ли,
Но я лишился милости:
К закату солнце клонится, а лучики – всё злей!

Что ж годы разбежались-то,
Что стало ты безжалостным,
Ах, солнышко вечернее, закатное моё?
Неужто зори вешние
Ушли в края нездешние,
И лишь в упрямой памяти мне солнышко поёт?

У НЕБІ

Полечу, долечу! Тільки дай мені крила!
Чуєш, я до хмарини злетів!
Ще тому, що ген там – в далині –
Бачу образ тонкий твій та милий,
Не звернути назад вже мені!
Чуєш, я до хмарини злетів!

Вже лечу, вже лечу! Вже на сьомому небі!
Що зустріну там – щастя? біду? –
Все одно! Прилечу ради тебе,
І для тебе слова я найкращі знайду!
Ну, а ти ждеш мене, чи не ждеш?
...ждеш мене, чи не ждеш?..

В НЕБЕ

(Перевод Петра Голубкова)

Полечу, долечу! Только крылья мне дай!
Улечу за тобою в заоблачный край!

Потому, что в заоблачной той вышине
Вижу нежный твой образ, что сердцу так мил,
Невозможно назад возвратиться уж мне!
Слышишь, я в облака за тобой воспарил!

И лечу я, лечу! Вот и небо седьмое!
Что там встречу я – счастье? беду? –
Все равно! Долечу ради встречи с тобою,

Лучших слов для тебя я алмазы найду!

Ну, а ты ждешь меня, иль не ждешь!
...Ждешь меня, иль не ждешь?..

ЗВЕЗДНЫЙ ВАЛЬС

Вальс, вальс, вальс!
Где-то там, над Землёю
Вальс, вальс, вальс!
Где-то там, высоко в небеси –
Бог ты мой! –
Ты танцуешь со мною!
Нет счастливей сейчас
Никого на Руси!

Там, там, там
Занимаются зори,
Там, там, там
Удивлённая смотрит Луна.
У тебя
Блещут искры во взоре,
А душа у меня –
Вся цветами полна!
Знай, знай, знай –
Этот вальс не забуду!

Знай, знай, знай –
Я достану звезду, ну, хоть раз!

Для меня
Это чудное чудо –
Среди звёзд над Землёй
Танцевать этот вальс!

A LA ESENIN

Грусть и радость сразу льют из глаз –
Надо же, судьба у нас какая!
Я тебя нежнейше приласкаю
В этот первый и последний раз.

В этот первый и последний раз
Всё замрёт, и в благодной тиши я
Поищу – найду слова большие,
Каждое – ценнее многих фраз.

Каждое – ценнее многих фраз:
Радость встречи, горечь расставанья,
Годы-горы, дали расстоянья
И повяжут, и разделят нас.

И повяжут, и разделят нас –
Станет больше кладь воспоминаний,
А потом – всё мягче и туманней
И слова, и руки, и экстаз.

И слова, и руки, и экстаз
Вдруг помчатся, в памяти мелькая...
Я тебя нежнейше приласкаю
В этот первый и последний раз.

A LA BLOCK

Зачем тебе седой и немощный? –
Младых красавцев – пруд пруди!
Для сатанинской службы всеюшной
Бери любого – и блуди!

Закатной зорькой раззадорена,
Твердя бессмысленное «Нет!»,
Истомой грешною изморена,
С ним встретишь сладостный рассвет.

А память, как и ложе, скомкана,
Угар ночной не сохранит,
И до восхода солнца комната

Вновь примет строгой кельи вид.
И сам собой вопрос: «Ну, с кем ещё
Я в келью тайную приду?»
И вдруг опять седой и немощный
Перед глазами, как в бреду...

А где-то это наваждение
За непонятной пеленой
Проявится твоим видением
Как плод индукции хмельной.

СЕЛЬСКИЕ МОТИВЫ

Я не умру – подумаешь, причуда!
Кто был без них? Припомни, расскажи.
Но только вот нагрязнула остуда,
Остуда тела, сердца и души!

Мы будем жить – содружество порочных,
Ты знаешь точно: не святой я сам.
Не упрекну тебя ни днём, ни ночью,
Но не возьму гулять по небесам!

Не поведу туда, где пляшет гулко
Разгульный гром, слегка навеселе,
Я предложу пройти по переулку,
По самому безлюдному в селе.

Без лишних слов, а то и вовсе молча,
Зачем слова – мы знаем всё и вся!
Все тучи в небесах разорваны на клочья,
И эти клочья до сердец висят!

Гроза утихла... молнии в остуде,
Дорожка полевая вдаль бежит...
Я не умру – подумаешь, причуды!
Кто был без них? Припомнишь – расскажи.

КАК ДОЛГО!

Как долго Вы пели...
Успели
Уже отсвистать соловьи,
Уже
Загудели метели,
Но пели по-прежнему Вы!

О чём Вы поёте
В полёте?
И мысли, и чувства у Вас –
На самой заливистой ноте.
А мой
Занедужил Пегас.

Как сильно устал он –
Не стало
Задиристой силы в крылах,
А воздуха в небе так мало,
И травы
Пожухли в лугах!

Глядит
Мой Пегас так несмело
На нимб, озаряющий Вас.
А мой незаметно угас:

Так долго!
Так долго Вы пели –

ГДЕ ТЫ?

Рассветы – закаты,
Закаты – рассветы.
И катится с горки
Горящее лето!

За горками – реки,
За реками – горы...
Угаснут за ними
И зори, и взоры.

Потоки – протоки,
Протоки – потоки.
А мы несказанно
Милы, но жестоки.

И солнце к потоку
Всё ближе, всё ближе!
Утонет светило –
Тебя не увижу.

За горы скатилось
Горящее лето,
А я исступлённо
Твержу всё: «Ну, где ты?!»

НИКОГДА

*«Я тебя никогда не увижу,
Я тебя никогда не забуду...»
А Вознесенский*

Век науки. И ты иногда –
Вот ведь чудо! – становишься ближе.
Понимаешь, в чём наша беда –
Я тебя никогда не увижу!

Канут в море гранит и пески,
Станут горы немножечко ниже,
Облетят гордых роз лепестки,
Но опять я тебя не увижу.

Словно бабочек или стрекоз
Время нас на булавку нанижет.
Всё застынет – ни бурь и ни гроз
Всё равно я тебя не увижу.

География тут не при чём,
Даже степь не бывает без края.
Просто жизнь забурлила ключом,
Но уже не моя, а чужая!

Всё равно так певуче, заметь,
Сквозь миры и века, и остуду
Будет слово упрямо звенеть?
«Я тебя никогда не забуду!...»

ЧАСЫ (зарисовки)

*Течёт размеренное время,
Плетёт, плетёт венок минут.
И тот венец – да мне на темя!
Кто я теперь – король иль шут?*

О СОЖАЛЕНИЯХ

Снова год стороною промчал,
Убежал, словно шустрый проказник,
И волшебное слово «причал»
Стало слышаться всё неотвязней.

Ничего не воротишь назад,
Сожалеть бесполезно об этом,
Не горюю, что близок закат,
Просто жаль, что всё меньше рассветов.

Не мои будут ночи хмельны,
Не мои будут рваться застёжки,
И неверная лампа луны
Не мою освещать будет стёжку.

Нет, не жаль, что зима впереди, –
Жалко, что обезлиствели клёны,
Что никто мне не скажет, прильнувши к груди:
«Я люблю тебя, слышишь, гулёна!»

БОЛЬНИЧНЫЕ МОТИВЫ – 3 (полная версия)

1.

* * *

Что сонеты, что элегии –
Стихотворческая бредь!
У меня есть привилегия:
Бросить всё – и умереть.

Пусть другие упираются,
Предаются кутежу.
Ну а мне что с ними маяться –
Брошу всё и полежу!
Под божницей в пору вешнюю?
Так ведь нет теперь божниц.
Нет, на даче под скворечнею
Под галдёж весёлых птиц.
Пусть визжит и мчится скорая –
Не успеет она ведь...
Вот такая, брат, история,
Стихотворческая бредь.

2.

ПОГОНЯ

Догоняет, стерва, догоняет,
Я скачу, лечу уже в намёт,
Но её дыханья жуткий лёд
Облачком клубится и не тает.

Ну а, может, дело всё в аллюре?
Вот останавлиюсь – пойду пешком,

Вот возьму, прикинусь «пиджаком» –
И подножку сходу этой дуре!

Пусть она с разгона – кувырком!
А я сам пойду, такой вальяжный,
И меня с почтительностью каждый
Назовёт бедовым мужиком!

3.

О СЛОВАХ

«Стар» – по-английски значит звезда,
«Ильсияр» – божественное сияние на тюрском наречии.
Я вспомнил это, когда
Увидел глаза, изнутри подсвеченные.

Ты не могла видать, но поверь,
Был и я лучист в годы неблизкие.
Ильсияр, ты прости меня, что теперь
Стар по-русски, а не по-английски я.

А, впрочем, не это главное:
Согласен быть мишкой плюшевым,
Лишь бы ты, славная,
Не забыла английское «революшен».

4.

* * *

Боже мой, до чего ты красивая!
Боже мой, до чего молода!
Мне бы выщипать бороду сивую,
Разломить пополам бы года!

Ты не бойся – тебя не замучаю
Запоздалой любовью своей.
Только знай, что ты – самая лучшая
На длиннющей тропинке моей.

Не беда, что почти незнакомая,
Что я сам неизвестен тебе...
Ты – вопрос. Ты – ответ. Ты – искомое.
В арифметике? Да! И в судьбе.
Всё. Нашёл! До чего же везучий я
После стольких утерь и преград!
Но останется всё ж неполученным
Этот, самый загадочный, клад.

Не успею уже, не замучаю
Запоздалой любовью своей...
До чего ж благодарен я случаю
На исходе стихающих дней!

5.

ПЕРИ И АЗРАИЛ

Я лежал в полубреду и смуте,
Надо мной кружились тихим роем,

Может, ангелы, а, может, просто мошки.
Был и я безмолвен: мне уста
Кто-то беспощадно запечатал –
Я смотрел, я видел, но молчал.
Только ангел белый, как снежинка,
Опустился тихо к изголовью
И крылами мягкими обнял.

Целовал прохладные ланиты,
Но уста мои не распечатал –
Я смотрел и ахал только в мыслях:
То была у изголовья Пери *
Из садов чудесного Востока.
Но она смотрела сквозь меня.
Пери что-то жарко говорила
И в лицо совала гневно фигу –
Нет, не мне! – совала Азраилу.

Азраила ** я не видел, всё же
Знал, что он стоит с кривой усмешкой
За моими слабыми плечами.

Ждал самоуверенный посланник
Душу мою, робкую голубку,
Чтобы коршуном наброситься ужасным.

Только встретил взгляд бесстрашной Пери,
Несговорчивую встретил фигу –
Отступил, стал мошкой и умчался.

Иблису *** доложит он покорно,
Что не смог принести на растерзанье
Душу мою, белую голубку.

Взгляд у Пери стал теплей и мягче,
Обернулась белым облаком – и скрылась.
Распечатать, жаль, уста мои забыла.

*Пери * – добрая фея-охранительница в мусульманской мифологии.*

*Азраил ** – ангел Смерти.*

*Иблис *** – Дьявол, Сатана.*

* * *

Плывут шальные времена,
Роятся пёстро даты,
Сменяясь и смеясь
По тысяче причин.
А мы сквозь них
Должны проплыть куда-то.
Куда? Мы знаем...
Только лучше помолчим.

* * *

Тишина в моём саду,
Только птахи нежно свищут.
Тишина в моём саду,
Только шмель гудит басисто,
Только кот вопит истошно,
Только спорит оголтело
Мой сосед с моей соседкой,
Что живёт через дорогу.

А по небу – хлопья ваты,
Ну, совсем-совсем беззвучно
Над ветвями проплывают,
Заполняя тишиною
И мой сад, и всю округу.
Потому и сам я – тихий.

ЧУДО

Хоть мы с тобою тет-а-тет,
Но где мороз по коже?
Где зной любовной дрожи?
Я не любовник, я – эстет!

Не зябну я и не горю,
Задумчив, но не хмурый,
Любуюсь я фигурой!

И всё ж судьбу благодарю
За этот благодный покой,
Который вместо блуда
Явило это чудо...
А чуду нужен я такой?
Скажи, скажи мне, чудо!

ЧАСЫ

Бежало времечко безмерно –
А просто не было часов –
И я всегда был самым первый,
А голос мой – всегда весом.

Нет, не старался торопиться,
Но как-то вечно – впереди!
Я пил, когда хотел напиться,
Я спал тогда, когда мне спится,
И было благодно в груди.
Но вот недавно поселились
В беспечном ранее быту
Часы.
Часы, скажи на милость!
Я жизнь веду теперь не ту.

Весёлой мартовской капелью
Звонят секунды за стеклом
Неугомонной тонкой трелью
Они заполнили мой дом.

Течёт размеренное время,
Плетёт, плетёт венок минут.
И тот венец – да мне на темя!
Кто я теперь – король иль шут?

И отчего бы непонятно,
Ушла куда-то благодать?
Теперь в ушах звенит невнятно:
«Не опоздать! Не опоздать!»

Но кто-то «капает на нервы»,
И разгорается скандал:
«Ты далеко не самый первый.
Ты опоздал, Ты опоздал!»

ТАЙНА

Много чего мимо нас прокатилось,
Много чего мимо нас пронеслось,
Боженька всё же явил свою милость:
Нас не сгубили ни зависть, ни злость.
Сердце, конечно, не так уже чисто,
Как во младенчестве, – что тут сказать?
Небо над нами теперь уже мглисто,
Но сохранилась души благодать.

Но сохранилось ещё беспокойство,
И за друзей не остыла боязнь.
Может быть, это великое свойство
Не позволяет нам плюхнуться в грязь.

В этом – великая тайна и милость,
Данная кем-то, иль просто судьбой.
Много по душам катков прокатилось,
А вот, поди ж ты, мы – люди с тобой!

ПОРТРЕТ

То ль белёсый, то ли палевый –
Так расплывчат стал портрет.
Ты его не «отзеркаливай»:
Всё равно меня в нём нет.

Амальгамой не тускнеющей
Пустоту не отразить:
Из портрета Чайкой реющей
Ускользнула следа нить.

Что теперь в портрете толку-то
Без огня и без примет?
Положи, припрячь на полку ты
Этот выцветший портрет.

Пусть глаза твои бесовые
Отдохнут от радуг, но...
Поколдуй чуток, чтоб снова я
Прилетел на полотно!

ЗНАЕШЬ?

Знаешь, мы друг друга стоим,
Хоть и разные совсем.
Знаешь, мы друг друга строим,
Непонятно лишь, зачем.

Мы смелы и непродажны,
Кто ни глянет, – хороши!
И друг другу дом бумажный
Дарим только от души.

Ни к чему твоя награда –
Ни пристанище, ни дом –
Мне жилья совсем не надо:
Я живу в себе самом.
Да и ты в своей ракушке
Так загадочно живёшь...
То ль княгиня, то ль пастушка –
Никогда не разберёшь.

Так, наверно, мир устроен –
Непонятно только, кем –
Чтобы рушились устои,
Воздвигались бы затем.
Всё равно друг друга строим,
Непонятно лишь, зачем.
Всё равно друг друга стоим,
Хоть и разные совсем.

ФАНТОМ

Фантом промелькнул и растаял –
Какая-то странная чужь!
Один или целая стая?
Что разницы – всё позабудь!

Фантомы на то и фантомы –
Сгуститься? Растаять? – изволь!
Вот только какие-то стоны...
Ах, да, есть фантомная боль...

Но вот эти боли утихли,
И лишь в отдаленье чуть-чуть –
Неясное эхо ли, стих ли...
Что разницы? Всё позабудь!

НА ОБОЧИНЕ

А на обочине лежит собачье тело.
Еще вчера играло, пило, ело
И лаяло то ласково, то зло.

Но пересечь дорогу не успело,
И не его теперь собачье дело,
Кому еще вчера не повезло.

А тот водитель, толстый и плешивый,
Что задавил собачку резвой шиной,
Клянет себя, собачку, чью-то мать.
Он бегает теперь вокруг машины,
Почесывая пузо и плешину
– Крыло и бампер надо рихтовать!

А тот ГАИшник, что оформил дело,
Провел замеры четко и умело,
Пополнивши попутно свой бюджет.
На справке, выданной им смело,
По белому уверенно чернело:
«Вины водителя в том нет».

А страхагент с такою кислой миной
Стоит перед помятою машиной,
Кумекает, как меньше заплатить:
Он знает, что директор с мордой львиной
Заставит все урезать вполовину,
А тут еще «водило» взялся нять.

Полдюжины людей уже втянулось в дело,
У каждого из них в душе кипело...
А на обочине лежит собачье тело.

БЫВАЕТ

– Бывает ли чёрной Луна?
– Бывает в минуты затмения.
– А чья в этой жути вина?
– Ничья: таково провиденье!
– Бывает ли чёрной душа?
– Бывает в часы озлобленья,
Когда ни копы, ни гроша
Не стоят ни век, ни мгновенье.
– А, впрочем, не важно, чья в этом вина, –
Добавил он тихо, но строго, –
Ты знай, не навеки чернеет Луна,
С душою – сложнее немного...

ХОРОШО

Ох, хороша моя кровать:
На ней легко существовать!
Я понял истину простую:
Вот я лежу – и существую.
Потом сажусь – и существую.
Потом встаю – и существую.
Потом иду – вновь существую.

Нелёгкий выпал нынче день –
Таскал я за собою тень.
Чужих забот катился вал,
А я весь день существовал!
За мною нет заметных дел?
И что? Дела – не мой удел!
А впереди опять кровать –
Как хорошо существовать!

СКАЖИ, РОССИЯ (про наших)

*Скажи, Россия, как живёшь?
Да и живёшь ли ты, Россия?*

ГОРСАД

Родные дали – городок не забытый,
Родные дали – горсад под горой.
Я весь в медалях, врагом не убитый,
Брожу по саду предвечерней порой.

Аллеи всё те же, клёны лишь постарели,
Алеет вновь нежно за рекою закат.
И звучны, как прежде, соловьиные трели,
Лишь мы разминулись, как тебя отыскать?

Оркестра звуки чуть уловимы,
Кларнет воркует, басы ворчат.
Куда всё делось, – необъяснимо!
И всё сначала нам не начать!

На танцплощадке в танце кружатся пары,
Не ты ли это?! Хоть на миг обернись!
На танцплощадке я самый старый –
Здесь молодая опять бушует жизнь.

Аллеи всё те же, клёны лишь постарели,
Алеет вновь нежно над горою рассвет.

И звучны, как прежде, соловьиные трели,
Лишь мы разминулись: нет тебя уже, нет!

Оркестра звуки чуть уловимы,
Кларнет воркует, басы ворчат.
Куда всё делось, – необъяснимо!
И всё сначала мне не начать!

ЧТО МНЕ ОТРАДА

Сыну Дмитрию

Ты спросил, что мне отрада,
Что для счастья надо мне?
Мне для счастья мало надо –
Люди стали бы умней;
Да чтоб совесть в них осталась,
Да чтоб стали почестней,
Да ещё душевней малость
(И со мною в том числе);
Чтоб не верили кликушам,
Провокаторам-козлам,
В чистоте держали души...
Да чтоб стал таким я сам.

ПРИКОСНИСЬ

Творческому клубу

«Прикосновение»

Прикоснись к своей стране
И спроси: «Ты всем довольна?»
Прикоснись к своей родне
И спроси: «Тебе не больно?»

Посмотри на отчий край,
Где пустырь вместо пашни,
Где пожух зелёный рай,
И спроси: «Тебе не страшно?»
Прикоснись к своей душе
И спроси: «Ну что, родная,
Поседела ли уже
От беды родного края?»
Прикоснись к своей груди,
Улови, как сердце стукнет –
Не набатом ли гудит:
«Коль не я, то кто заступник?!»

ТАРАСУ БУЛЬБЕ

С небесных круч взгляни на Русь, Тарас:
Мы одолели множество этапов –
Андриев стало больше, чем Остапов,
Теперь в чести бандит да педераст.

Казакі продаються за грошиг,
А в атаманах ходят иноземцы.
Добро бы ляхи или, скажем, немцы –
Приблудные все больше торгаши.

Теперь не то что люльку – дочерей
Сдают врагам за доллары и марки.
И погибают сырые Одарки,
Заморских ублажая упырей.

Вчера в могучей жили мы стране,
Теперь она и хвора и убога.
Зайди, Тарас, поспрашивай у Бога,
Не сдал ли нас в аренду Сатане?

И если так – спустись, хотя б как дым!
Мы верим, ты не избалован раем, –
С тобою мы Андриев покараем,
Остапов верных снова породим!

ТАРАСУ БУЛЬБИ (укр.)

З небесних круч поглянь на Русь, Тарасе:
Ми тут здолали безліч вже етапів –
Андріїв стало більше, ніж Остапів,
Бал правлять шахраї та педерасті.

Все продають: від тіла до душі,
А в атаманах ходять всі чужинці.
Були б хоч ляхи, чи, скажімо, німці,
А то здебільш приблудні торгаші.

Тепер не те, що люльку – і дочку
Здають чужим за долари і марки.
І гинуть безпорадні ті Одарки
У упирів заморських на гачку.
Могутні вчора ми були, чи ні?
А нині Русь і хвора, і убога.
Зайди, Тарасе, розпитай у Бога,
Чи нас не здав в оренду Сатані?

І якщо так, спустись із небуття, –
Ти ж не розпечений, я вірю, раєм.

З тобою всіх Андріїв покараєм,
Остапам вірним ми дамо життя!

Олександр Воронцов
(переклад Петра Голубкова
редагування Валентини Леснічої)

Л Ю Д И

Люди, люди, люди, люди –
Ненадёжные друзья.
Кто за это вас осудит?
Да никто... А, может, я?

Беды, беды, беды, беды –
Словно камни в огород!
Брошу всё! Сбегу! Уеду –
Позабудь меня, народ.

Люди, люди, люди, люди!
Вы же все – моя семья.
Кто вас, подлых, приголубит?
Да никто... А может, я?

ПОКА

Залу

Пока что мои братушки,
Злобой, как сталью, звеня,
Не зарядили пушки и не пальнули в меня,
Пока не исчерчен пулями
Тревожный ночной небосвод,
Воспользуемся стульями –
Не шлёпнемся на живот.

Пока не сверкают ножички,
Пока не совсем поседел,
Поговорим немножечко
О времени и о себе.
Всё расскажу, что ведаю,
Даже скажу о том,
Что не достиг победы я,
Что в горле – колючий ком.

Может, сейчас поймёте вы
До наступления тьмы,
Что перед их пулемётами
Все подравняемся мы.
Так что, друзья, послушайте,

Пока я ещё не сник,
Пока меня черти не скушали,
Пока я ещё большевик.

ПРОРОК

Он говорил –
Мы не прислушались.
Предупредил –
Мы не послушались.
Не верили,
Что слово – олово.
Теперь беда на наши головы...

Теперь мы просим:
«Подскажи,
У нас ведь смута!»
Мы просим очень,
А он тихонько так
Лежит –
Уста сомкнуты.

ПАМЯТИ МАМЫ

Куда там! Картинка прелестная:
В окне – придорожный бурьян,
Домишки, поля с перелесками,
Над ними – тягучий туман.
Я знаю страну свою, вроде бы,
И вижу следы перемен.
Пустынны поля моей родины,
Угрюмы глаза деревень.
Я знаю края свои, вроде бы,
Ну, как их не помнить, не знать:
Там детство моё колобродило,
И взбучку давала мне мать.

Была она строго-придирчива,
Хоть чаще бывала нежней.
Ах, мама! Вернулась бы нынче ты:
Теперь твоя взбучка нужней!
В стихах только, словно Есенин я,
Пою о распутье дорог,
Но видишь – поля не засеял я,
Но видишь – дома не сберёг...

СКАЖИ, РОССИЯ

Скажи, Россия, как живёшь?
Да и живёшь ли ты, Россия?
Всё так же колосится рожь?
И ковыли всё так же сини?
Скажи, Россия, как живёшь?

Тебе заморские цари
Всё так же не указ, как прежде?
И над тобою две зари
Всё так же светятся надеждой?..
Две негасимые зари.

Всё так же любящи сыны,
И на тебя похожи дочери?
Не зная за собой вины,
Ты так же спишь, открывши двери?
Не знаешь ни пред кем вины?

А я встаю то в шесть, то в семь –
Не спится от заботы вечной:
Я должен, должен, должен всем,
И больше всех – тебе, конечно!
Я должен, должен, должен всем.
И, отлучённый от небес,
От этой благодатной сини,
Давно бы в петлю я полез,
Но ты живёшь во мне, Россия!..
Хоть отлучён я от небес.

ПОТОМУ ЧТО

Поутихло земное начало,
И не слышно призыва на бой –
Не с того ли душа замолчала,
Недовольна собой и судьбой?

Недовольная всем белым светом,
Сомневаясь: была – не была?
Улеглась, словно в саван, одета
В два большие-большие крыла.

Где когда-то кружила в зените,
Лишь звезда непонятно дрожит.

Где лучей были звонкие нити,
Ныне демон угрюмо кружит.

Не начать всё былое сначала,
И кого теперь вызвать на бой?
Бесполезно: душа замолчала,
Недовольна судьбой и собой!

A LA NECKRASOFF

Живут в моём отечестве,
Где много всякой нечисти,
Когда-то очень строгие,
Теперь почти убогие
Соседи и друзья.
Их терпеливо слушаю:
Хочу понять, чем души их
По самый край заполнены –
Ущербны или вольные;
Пряма ли их стезя.
Пушай, чуть неуклюжие,
Зато ребята дюжие,

Пушай они замызганы,
Пушай веснушки брызгами,
Зато они – в меня!
Пушай местами подленьки,
Зато душою подлинны,
Немного нагловатые,
Немножко хитроватые,
Зато они – родня!

ХОЧУ БЕССМЕРТИЯ

Я обыкновенный смертный,
Не об этом здесь речь,
Но хочу быть бессмертным,
Чтобы Русь убережь.
Чтобы деток и внуков,
Да и правнуков тож
Я берёг бы от муки...
Жаль, что к Богу не вхож.

И поля, и пригорки,
И рябины листок

Я от участи горькой
На века бы сберёг!

И не знала б ненастья
Вся природа, а внук –
Ни оскаленной пасти,
Ни шипенья гадюк.

От угрозы оскала
И от жути клыков,
А ещё б их спасал я
От своих дураков.

КАРАНДАШ (дань Аполлону)

*И сердце опять разрывала мне боль:
Ну, где карандаш?! Без него-то я – ноль!*

СТИХИ

Молвой вменённые в грехи,
Забылись шалости и даты,
Что украшали жизнь когда-то,
Но помнит женщина стихи!

Забыты горечи утерь,
Годов забыта вереница.
Одно ей помнится теперь:
Она в стихах была – царица!
И голова уже бела,
Но то ли мнится, то ли снится:
Ведь это я была... Была.
Конечно же, была царица!
Обиды от людей, стихий
Все затерялись между прочим,
Но помнится отрава строчек...
Но помнит женщина стихи!

ПЛАТА

Братьям-литераторам

Не судите, земляки, так строго:
Разве я один такой в стране?
За таланты, взятые от Бога,
Подати плачу я Сатане.

Ох, и привередлив арендатор,
Что когтистым наделён перстом,
Если что, он: «Terzium non datur»,*
Жалко душу, так талант – на стол!»

Где она, золотая середина?
Да и не престижно – «средняк»!
Вот и гнешь перед рогатым спину,
И за ним – в кабаке, а то в бардаке...

* «Третьего не дано» (лат.) – юридический термин.

МЫ БУДЕМ

Андрею Чанкаеву

Мы будем, как прежде, легки и лихи,
Лишь только душа бы запела.
А что нам рифмовка, а что нам стихи –
Такое несложное дело!
Стихов-пирогов напечём –
Всё будет сердито и мило,
Лишь только бы жизнь, как сегодня, ключом –
Но только не в темечко – была.

Тогда – хошь в Москву, хошь в самую Кострому
Мы двинем и смело, и гордо,
Чтоб плюнуть стихами там в морду...
Вот только бы знали, кому...

КАРАНДАШ

Когда я по краю обрыва ходил,
Когда я слезу настоящую лил,
Тогда только в руки я брал карандаш.
Судьбу вопрошал: «Послабление дашь?»

Казалось так часто, что дело – труба,
Но чуть послабление давала судьба –
И жгучая вмиг высыхала слеза,
И все, кто был «против», кричали мне: «За!».

Ответствовал им: «Я ведь тоже весь – ваш!»,
Но вдруг замечал – потерял карандаш!
И сердце опять разрывала мне боль:
Ну, где карандаш?! Без него-то я – ноль!

УЖЕ

Какое, к чёрту, вдохновение?!
Какие искры на снегу?!
Я привыкаю к неумению,

Я привыкаю к «не могу».
Уже по нраву жизнь безгрешная,
Вопросы: «А зачем? Куда?»
Минуты позабыв поспешные,
Считаю время на года.
Уже всё реже, реже плачется –
В ресницах места нет росе.
Всё реже нравятся чудачества...
Ещё чуть-чуть – и я «как все».

ДВА СВЯТА (УКР.)

Свято пісні у повнії залі –
До дверей притулившись, стою.
О, як оплески довго лунали –
Нагорода за пісню твою!

А у мене сьогодні два свята –
Я, щасливий, святкую за двох!
То виводять в душі солов'ята:
Невгамовне своє: «тьох-тьох-тьох!».
Бешкетують в очах бісенята –
Спонукають до тебе прийти,
Бо у мене сьогодні два свята:
Перше – пісня, а друге – це ти!

*Свято – празник.
Оплески – рукоплескания, аплодисменты.
Лунали – звучали.
Невгамовне – незатишающее, неугомонное.
Бешкетуют – озоруют, почти дебоширят
Спонукають – заставляют, понуждают.*

ОБЕЩАНИЕ (сам по себе)

*Но в плохое вы не верьте,
Ведь обещано цыганкой:
Буду жить до самой смерти!!!*

КЛЁНЫ

Полежу на полотах ветвей,
Не пугайся, бабуля: мне – восемь!
И каких-то особых затей
Сердце сызмальства просит и просит.

Наши клёны – такая краса!
Так густы, зелены и ветвисты.
С них – чуть ближе плывут облака,
Воздух здесь горьковатый, но чистый.

Здесь гуляет со мной по ветвям
Рыжий Васька с усатою мордой,
А внизу – у плетня – там и сям
Сплошь окурки от «Примы» и «Норда».

Здесь вчера были стук и галдёж:
Ух, плясали здесь старшие братцы!
Балалайки рвала молодёжь!
Жаль, мне восемь, а не восемнадцать!

Говорят, этих клёнов уж нет –
Только поросль... Но мне они снятся.
И уже с высоты новых лет
Снова жаль, что мне не восемнадцать.

ПРОСТИ МЕНЯ

Прости меня – я всё прожил...
Прожил себя, прожил судьбу!
И даже медную трубу,
И напряжение жил –
Я всё прожил...
Но я ведь жил!

ОТ ИНОГО

Чётко понял я сегодня:
В разнотонных пятнах саж,
Истопник из Преисподней
Будет делать мне массаж.

Ухмыляться будут Черти,
Оставляя без порток:
«Ничего! Другие терпят –
Потерпи и ты, браток!

Что невесел, ёлки-палки!
Где твоя земная прыть?!
Что осталось от закалки,
Не дававшей тебе нить?»

Ах, вы, рожицы кривые,
Ах, картонные рога!
Мне ли гнуть пред вами выю?!
Мне ли честь не дорога?!
От иного я невесел,
Никому не стану врать:

Мало я покуролесил,
А теперь – не наверстать!

* * *

Неужто душа опустела –
Ни мыслей, ни чувств, ни речей?!
А, может, ослабло и тело,
И в нимбе не стало лучей?
Ну, что ж, посияли – «и будя»!
Ведь угли пока горячи.
И тот, кто их напрочь остудит,
Поднимет на память лучи.

ПРОСЬБА

Эх, прожить мне лет 300 бы
И при этом, заметь! –
От сердечного приступа
Я хочу умереть.
Чтобы – раз! – и под кустики
В заповедном раю.
И к Апостолу: «Впустите
В садик душу мою?
Посмотрите – измаялась,
Истомилась она.
И её уж немало раз
Зазывал Сатана.
Золотые и медные
Предлагал пятаки.
Еле вырвалась, бедная –
На крылах синяки.

Здесь от боли и грусти бы
Мне её подлечить...
Ну так что же, пропустите?»
А Апостол молчит.

* * *

Жизни конец до обидного прост,
Истину эту несложно постигнуть:
Тело моё отвезут на погост,
Мысли мои разбегутся по книгам.
Тешу себя, что вовек не умру,
Памятен буду средь сереньких буден.

Соком кленовым пройдя сквозь кору,
Чувства мои растекутся по людям.
Мне же не надо ни тризн и ни риз,
Можете даже забыть моё имя,
Только один мне позвольте каприз –
Вы уж останьтесь друзьями моими.

ЗВЕРЬ

Обычной меркою померь –
И скажешь, что приятный я.
Но где-то там, под спудом, зверь
Лежит во мне, припрятанный!
Когда одна из сотни рук
До шерсти докопается
И супротив погладит вдруг –
Он тут же огрызается.
Прорежутся и клык, и рык,
Глаза засветят бликами...
Ну, а пока – он так привык –
Лежит себе, мурлыкает.

ОТПУСКАЮ

Мой Ангел-хранитель,
Со мной ты устал.
Не скромничай – вижу и знаю!
Ты книгу мою
Всю уже прочитал.
Спасибо!
Тебя отпускаю!

Архангел посадит
Тебя на плечо
Кому-нибудь, кто поспокойней.
Сиди, не стесняйся,
Ведь ты не при чём –
Ты отдыха очень достоин!
И дальше я сам
Побреду наугад
Искать перевалы и броды,
А ты попривыкнешь,
И будешь ты рад,
Что нет под крылом
Сумасброда.

ОБЕЩАНИЕ

Нагадала мне цыганка:
«Будешь жить до самой смерти!»
Метко сказано злодейкой:
До сих пор ещё живой!
Пролетели полустанки
В непрерывной круговерти,
И теперь я на скамейке –
Самый лучший запасной!

Если вызовут на поле,
Я, конечно, поиграю:
Силы есть ещё чуточек –
За победу всё отдам!
Ну, а если в сердце боли –
В раздевалку «поканаю»,
Оглянусь ещё разочек
На трибуны я, а там...

Позовут ли снова? Вряд ли!
Нет назад оттуда хода.
Что дадут там? Мед ли, яд ли? –
Ну, какая будет мода!
И в какой поставят склянке?..
Но в плохое вы не верьте,
Ведь обещано цыганкой:
Буду жить до самой смерти!!!

У ЗЕРКАЛА

Зерцало созерцаю утром я,
Оно несёт благую весть:
Что стал теперь я перламутровым,
Даже не верится, но... весь!

Играют на причёске песенно
Десятки утренних лучей,
Но только вот не очень веселы
Огни задумчивых очей.

И подбородок мой упряменький
Украсил белый ореол.
Я весь ещё добротнo-пряменький,
Но если честно, – не орёл!

А может, лишь остатки ночи всё –
С ресниц не смывшаяся муть?..
Ведь не напрасно же мне хочется,
Как прежде, крыльями взмахнуть!

ПРО ЖИЗНЬ

Нет, жизнь моя – пока что жизнь!
Пока не просто существую –
Я что-то всё ещё творю,
Ещё с друзьями говорю,
С врагами бьюсь и протестую,
И не прошу: «Остановись!».

И не прошу: «Остановись!»
Любое чудное мгновенье
Пуškai передо мной идёт:
Пока я сам иду вперёд,
Пока ищу стихотворенья!
Нет, жизнь моя, конечно, – жизнь...

ПРОСЬБА

Напиши обо мне некролог –
Не беда, что я был баламутом,
Напиши: ни единой минуты
Обходиться без дела не мог!
Напиши обо мне некролог..
Напиши обо мне некролог –
Пусть бывал иногда очень пьяным,
Но стихи, мол, писал очень рьяно –
Сколько было задиристых строк!
Напиши обо мне некролог..
Напиши обо мне некролог –
Пусть бывал иногда слишком трезвым,
И не к тем прибегал очень резво,
Всё равно напиши некролог:

«Научиться он жизни не смог!»

* * *

Жизни веточка,
Был я – клеточка.
В ней программа была моя.
Годы ринулись,

Горы сдвинулись,
Посмотри теперь – вот он я!

МИНИАТЮРЫ

*В твоей любви ко мне не сомневаюсь,
Но точно знаю, что ещё сильнее
Ты любишь эту самую любовь.

*Счастье – это когда тебя понимают,
Несчастье – это когда тебя поняли.

*Сегодня так же, как в былом,
Закон всё тот же существует:
Пока добро не станет злом,
Оно нигде не торжествует.

*Изъяли сердце, вставили булыжник.
Я весь – такой же, только не влюбляюсь,
Я – прежний весь, Но не пишу стихов.

*Нынче сердце в таких тисках,
Хоть спокоен... спокоен с виду,
Но на сердце такая тоска,
Словно я не помог инвалиду.

*Я вовсе не старый, просто я понял,
Почему старики в июле
Выходят на улицу в валенках.

*Я весь в делах – и в дождь, и в стужу
Иду на зов, и сам зову:
Пока я жив – я ещё нужен,
Пока я нужен – сам живу!

Автоэпитафия

Столько разорвано жил,
А вышло – всё на смех курам.
Простите за то, что жил,
Простите за то, что умер.

БЕЗ ПОЛИТИКИ
(Проза)

ВАЛЬС!! ВАЛЬС! ВАЛЬС. ВА-А-АЛЬС...

*«Пусть это был только сон...»
Из оперетты И. Кальмана «Сильва»*

Что это? Что это?! Что-то непонятное, но невыразимо знакомое и какое-то родное, звучало со всех сторон, обволакивало, наполняя все-го теплом и блаженством. Но что же это?! Вот звуки стали дробиться, как горная река на порогах, на отдельные потоки и струйки. Каждая – со своей нотой и со своей окраской, и он понял – это же хор, и он его уже когда-то слышал. Вот почему так легко и празднично на душе: это же встреча с прошлым, с пронзительно счастливыми минутами, которые неизбежно бывают даже у самых загнанных людей. Да-да! Это – хор, просто хор. А то, что звуки льются сверху, тоже просто: хор ведь на сцене...

Хор был некогда знаменит, да и теперь ещё иногда поплёскивают лучики славы, как ночью окна в свете фар. Нет, руководитель и хористы не стали ленивей и не «забронзовели» от былых успехов. Просто времена другие – у новых хозяев жизни новые запросы: зачем им эта полу-самодетельность, пусть даже и ходившая в лауреатах Всесоюзных и Всероссийских конкурсов?.. А для тех, у кого «дензнаков» нет, задушевность, неподдельный смех и такие же слёзы от слов и музыки – бальзам. И в хор идут, в основном, такие же сентиментальные и такие же «не первой молодости», как их слушатели, не за деньгами, а душу излить. Потому хор не расцветал, будто майский сад, но ещё и не пожух, как цветник без полива. Только анютиных глазок, флоксов, крокусов и тюльпанов становилось поменьше, но календулы и хризантемы, цветущие до самых морозов, украшали клумбу, радуя глаз и навевая воспоминания, по-прежнему сладкие, хоть и окутанные ву-алью грусти.

Он сидел в первом ряду среди почётных гостей. А впрочем, не совсем и гость – кроме приветственных слов он поделился с залом своим творчеством, значит, тоже участник концерта. (Спасибо Галине Ивановне, что пригласила на этот концерт и даже нашла место в программе). Внутренняя «репетиция», как и само его выступление, были позади, и теперь он, свободный от неизбежного напряжения, с нежностью и грустью рассматривал своих собратьев, продолжавших концерт. А ведь за последние пять лет те немногие хористы, которых он знал лично, заметно постарели. Да нет, задор в них всё тот же, голоса ещё звенят, лукавство во взглядах, игривость в движениях. И всё же, и всё же...

Программа построена так, чтобы доказать – хор жив. «Живите долго, дорогие мои! А как вы поёте!», – душа его уносится в голубые выси, а память – в беззаботную юность на полвека назад. Неужели полвека?! И он странно раздваивался: было радостно слушать любимые песни, многие из которых – часть той самой юности, что бушевала тогда, и было как-то неловко оттого, что он, несмотря на все жизненные передрыги, был моложав на вид, и его полусерьёзно, полу кокетливо называли «молодым человеком». Это ласкало слух, хотя и знал, что он старше чуть ли не каждого в этом хоре.

Взгляд его остановился на небольшой стайке хористок, непонятно для него, почему оказавшихся рядом на сцене. Они выделялись своей молодостью на фоне «возрастных», как говорят футбольные комментаторы, хористов. Руководитель хора, похоже, умелый и многоопытный, а хористы были послушны ему, словно кнопки баянные: каждый включался в пение строго в нужный момент, звучало и многоголосье, и унисон, а иногда песня прокатывалась по хору, как волна болельщиков на стадионе во время важных матчей.

Все женщины-хористки были в венках, казавшихся издали свитыми из живых полевых цветов. «Молодые хористки» были явной изюминкой на этом празднике. Особенно выделялась одна молодлица: она пела старательно, лицо было почти строгое, но чувствовалось, что пение доставляет ей удовольствие. При этом трепетное священнодействие умильно украшала одна комическая деталь: в такт дыханию по бархату её концертного костюма пробегали две волны от кушачка к скульптурной груди и обратно; чудилось, что под платьем она прячет руки, и водит ими в такт музыке. Но нет – руки были опущены строго по швам. «Ну, и бог с ними, с этими волнами – не хихикать же из-за этого: соседи тебя за кого примут?» – пробурчал он про себя.

Но вот объявлена новая песня. «Старательная» выходит вперёд. Ба, да она ещё и солистка! А, впрочем, чему удивляться? В этом хоре всегда была «длинная скамейка запасных». Прелестная песня, прелестный голос, своевременная поддержка хора. «Старательная» кроме умилительной внешности всё больше завораживает пением: ни одной ошибки, а, может, просто он – недостаточно взыскательный слушатель? Да какая разница, – песня греет душу, на сердце становится легче! На сердце... ах, да, где-то валидол был. Да вот же он! Конечно, лучше бы нитроминт впрыснуть, да неловко как-то при «почтенной публике».

Объявили другой номер – хор уходит со сцены, хористы, как горошины в банку, сыпаются за кулисы. С авансцены начинают читать юмористический рассказ в стихах, публика в зале веселится. Ему тоже смешно, но смеяться нельзя: кто-то воткнул в грудную клетку раскалённую иглу, и она даёт о себе знать при каждом силь-

ном вдохе. Но вот валидол начал действовать, иголка остыла, а потом куда-то пропала совсем. Теперь можно и посмеяться, благо есть прекрасный повод: исполняется шуточная песня с хореографической иллюстрацией. Партнёрша – всё та же «Старательная». Как легка в движениях, как точна, как «парит» над сценой, сколько иронии в позах и каждом «па»! Нет, прирождённая Анастасия Истомина! Он пожалел, что даже, будь он современный Пушкин, вряд ли сумел бы описать всю красоту и феерию этого танца. А, может, он просто заинтересованный зритель? Как это, заинтересованный, в каком смысле? Нет, надо повторить заклинание Паниковского: «Ах, какая фемина! Я люблю её как дочь!». Впрочем, к чему заклинания? Что плохого в том, что ему радостно смотреть на этот самородок, переливающийся всеми красками радуги? Интересно, геологу, нашедшему алмазный кристалл с естественной огранкой, хочется оставить его себе, чтобы только одному любоваться им? Боже, да в любом случае вот этот кристалл в карман не спрячешь: он свою волю имеет и нырнёт только туда, куда сам захочет. Танец заканчивается таким красивым движением, что... Интересно, в музыке такая концовка называется кадансом, а в хореографии? Ладно, потом выясню! Как там у Пушкина: «Души исполненный полёт». Здесь нечто такое же, только уже не полёт, а приземление... Он почему-то не мог сосредоточиться на одной, пусть даже не очень верной, мысли. Нет, их было много, они торопились, обгоняя друг друга, цепляясь одна за другую, и свивались в жгуты, которые хотелось распутать. Но как?

А концерт продолжается. Почти каждый номер под овацию. Объявляют выступление инструментального трио в сопровождении хора. Хор высыпается из-за кулис. Ах, вот почему молодки оказались рядом! Они и есть трио, которому подвластны древние, но не стареющие инструменты. Что такое? На правом фланге – опять «Старательная»! Более того, судя по её взглядам и жестам, она руководила этим трио. Да что же это! Откуда такой самородок-универсал?! Из цыганского табора что ли? Нет, русая, и глаза не угольные. Он отчаянно заметался взглядом по рядам лиц в хоре. Ведь там есть интересные физиономии, с интересной мимикой, с интересными блёстками глаз – изучай, запоминай, сколько хочешь. Но его взгляд, словно муравей в песчаную воронку, заготовленную муравьиным львом, неумолимо скатывался к «Старательной». Наваждение. Ну и пусть! Только вот левую сторону груди кто-то зацементировал – непробиваемая и тяжёлая, может, это отвлечёт. А всё же лучше ещё одну «валидолину» загрызть.

Струнные отработали свою программу. Отлично! Возгласы: «Браво! Молодцы!» Но он не кричал вместе со всеми, а тихо, как геолог, укравший-таки самородок, сидел и тайно радовался. А всё-таки

хорошо, что Галина Ивановна, привела на этот концерт! Откуда-то из угла высовывается мыслишка: «Думаешь, «Старательная» на тебя обратила внимание из-за кулис? Чёрта с два! У неё следующий номер в голове был, не до тебя ей было». «Эй, мыслишка, что привязалась, как осенняя муха, уйди, подлая! Она видела и слышала, как зал мне аплодировал!» «Ну и что? Ей каждый раз так аплодируют. Это привычное дело для неё. И даже если обратила – то не забывай, что...» «Ах, мыслишка-стерва, под дых бьёшь!» Как противно быть похожим на Паниковского, но на Остапа Бендера уже никак не вытянуть. Он удержался от вздоха, и правильно сделал: иголочка опять где-то промелькнула.

Ба! Объявляют окончание концерта, но своеобразно: ведущий спрашивает, нет ли заявок. Заявки были. Для хора с богатейшим репертуаром никакая заявка не страшна, тем более что не обязательно всему хору петь – всегда найдётся кто-то из хористов, знающий заявленную песню. Зал гудел, словно улей в погожий день, – кто-то от восторга, кто-то уже выбирается из зала, а кто-то только лишь встал, но загораживает видимость (чёрт, это уже из хоккея!) другим. И вот выкрикивают: «Вальс! ... вальс!» Зал утих: все любили этот вальс и город, которому он посвящён. Это был город-праздник. Конец августа, но зелень такая свежая, улицы такие нарядные, а брусчатка такая чистая! Широкая река, подвесной пешеходный мостик на остров, где такие хорошие пляжи! А потом в городе появилось метро, в котором поезда выскакивали из темноты туннеля сразу на солнечную эстакаду – вверх небо, вниз – красивая река, в душе – восторг! Какой это был чудесный город! Но он не был в нём уже 36 лет. Каков он теперь?

А вальс – визитная карточка города – звучал ещё в те далёкие годы; кажется, что он существовал вечно, но до сих пор не постарел, не устарел и всё так же наполняет душу молодостью. И бес с ними, с этими иголками, жизнь прекрасна! Галина Ивановна заняла место у микрофона, и тут произошло чудесное. Ведущий решительно заявил: «Все танцуют!» Видимо, ему хотелось вовлечь в праздничное действо всех зрителей-слушателей. Хитрец! Ему надо доказать – хор жив!

Да, надо поддержать его! На свободную площадку у авансцены потянулись первые пары. Тряхнуть старинной, что ли? Когда-то брал призы именно за вальс. Избегал стандартных па, любил импровизацию, потому приглашал не первую подвернувшуюся, а присматривался, которая легче танцует. А тут и приглядываться не надо: пригласи «Старательную» – не ошибёшься. Да куда там – дыхалки на два круга всего и хватит. А дальше? Она же молодая – лет на 40 моложе. Ну, хватил! На тридцать семь-тридцать восемь. А, может, только на тридцать пять? Идиот, даже если так – всё равно вдвое...

Ну, статистик нашёлся! Иди! Да нет, только опозоришься! Будешь, как маятник, кружить то влево, то вправо, чтобы голова не закружилась, но всё равно плюхнешься на любую подвернувшуюся табуретку и будешь сидеть, платком пот вытирать и дышать открытым ртом, как щука на берегу. А ей, «Старательной», что делать?

Ладно, к бесу все эти рассуждения – пока не спустилась со сцены, надо приглашать, а то сразу уведут. Может, это последний шанс. Всё, пошёл! Как парашютист в открытый люк. И чего боялся?! Шаги, на удивление, лёгкие, все движения чёткие, осанка – молодой позавидует! И вот уже у самой сцены: «Тоня, позвольте пригласить Вас на вальс!». (Имя он узнал от разговорчивой соседки по ряду, бывшей хористки).

Надо же! Тоня подошла к рампе, протянула руки, он подхватил её, сразу же вошёл в танец и, кружась, начал лавировать между парами, вышедшими раньше. Партнёрша была легка в движении, и почему-то становилась всё легче, а перед глазами плыли огни зала и рампы. К солистке подключился хор, (а, может, часть хора – он уже не вникал). Песня лилась сверху, огни плыли всё быстрее, Тоня слушалась малейшего движения и, казалось, он танцевал с ней уже много-много лет на этой танцплощадке на берегу великой и красивой реки, по которой снуют речные трамвайчики. А в отдалении начинает темнеть лес по склонам высокого и крутого берега; и поблёскивают в лучах предзакатного солнца золочёные купола церквей, которые он знал ещё с детства, потому что они были на олеографии, подаренной бабушке сестрой, некогда ходившей паломницей в эти святые места.

Всё это: и танцплощадка, и набережная, и причалы речных трамвайчиков, и купола церквей кружились в такт этому волшебному вальсу, который становился все быстрее, а Тоня – всё легче. Неужели вернулись прежние силы? Да, да! Вот уже в вальсе закружился весь береговой склон, ближние улицы, дальние кварталы на той стороне реки, а красивые голоса поют о необозримых далях, в которые они ещё вернуться.

Музыка отовсюду, и она всё красивей, голоса всё слаще, облака плавно плывут рядом. Вальс. Вальс! Вальс!! Где же Тоня? Да вот же она, с набережной машет рукой и становится всё меньше и меньше, а небосклон меркнет, но вверху загорается звезда и светится всё ярче. И мелодия песни, ещё недавно такая бурная, становится тише, тише и от этого так покойно на душе, так покойно... Вальс. Вааальс...

- *Галина Ивановна, а ты чего на прошлую репетицию не пришла?*
- *Знаешь, Тонечка, на похоронах была.*
- *Кто же это умер?*
- *А помнишь, у нас недавно в концерте поэт стихи читал.*
- *Что ты! Такой, с виду, крепенький. Пил что ли?*

– Да нет. Просто заснул – и не проснулся. На поминках другие поэты выступали. Говорили, что в нашем городе уже так повелось, что поэты во сне умирают. Фамилии называли, да я не запомнила. Он пятый, что ли...

БЕЗ ПОЛИТИКИ

«Чёрт! Надо ли было их жалеть? – он с опозданием вошёл в вираж и чудом не выкатился на встречную полосу, поворачивая вправо; опять же, повезло: на перекрёстке не было пешеходов! Стоп! Стоп! Смотри за дорожной обстановкой, а всё прочее – вон из головы». Но «вон» не получалось. Никак. Два случая, один противней другого, вертелись в голове, словно буравчики в руках плотника. «Ну да, они почти все – мои друзья, и вообще, такой праздник на носу, да и повод встретиться не такой уж малый – коллективный сборник вышел! Эй, эй! Сборник сборником, а вон посмотри, к бордюру пьяный приближается – праздновать, подлец, начал – а тут наледь, не плюхнулся бы под колёса! Надо отодвинуться. Что там слева? Хорошо, становлюсь в левый ряд... Точно! Растянулся-таки мерзавчик. Молодец я! Как он – ногами вперёд! Точно, наехал бы, если бы влево не подался! Лёд – коварная вещь. Сам-то я тогда недаром осторожничал – остановился, а то бы и я поскользнуться мог». Он вернулся в свой ряд. Впереди маячил светофор, снег под колёсами основательно был изъезжен, но машина хорошо держала дорогу: зимняя резина всё же, шипованная. «Радоваться бы. Да нет, не получается. Господи, лучше бы я не останавливался – прошёл бы и ничего не видел! Тогда и на себя, и на пишущую братию не злился бы!».

Дальше опять ехал «на автопилоте», а ведь всего каких-то три-четыре часа назад всё было иначе. Да, всё, кроме гололёда. Впрочем, и не гололёд, а просто подтаявший снег, утрамбованный подошвами пешеходов и шинами автомобилей, плодящихся, словно кролики. «Вот её надо было пожалеть! А как? Я даже не успел понять, что произошло. Господи, пожалеть друзей – разве это безжалостно к ней, такой беззащитной? А, может, я не всех жалел, а только Кирилла? Да он же прямо просил: «Только без политики давай, а то у тебя вечно темы!..». А у него самого-то стихи такие есть (и на них даже песни написаны), что исполнительница, и та опасалась: «А меня не посадят?». Сколько вёдер всякого с ним в минувшие времена, когда он был ещё просто Кирюшка, а не Кирилл Петрович. Может, потому и прислушался к его председательской просьбе? А он чего «затачивался» по этой теме? Господи! Да это же так просто, а я как слепой и глухой! Ведь на мероприятии была чиновница из мэрии. Почему-то не в начале, а почти в конце Кирилл предоставил ей слово, когда я уже выступил, и ничего поделать уже было нельзя».

Последний поворот, площадка. Выключить огни, поставить замок на руль – это всё минутное дело, но выходить из машины не хотелось. Выйти – значит, опять пройти по той же дорожке, по тому же заледевшему повороту при входе во двор. «А ведь Кирилл словно чувствовал, что у меня в душе кипело, хотелось рассказать об этом эпизоде. А почему «в политику не лезь»? Какая политика? Бытовой случай! Бытовой? А 25 лет назад возможен был этот «бытовой случай»? Нет, Кирюха не дурак! Не пропил нюх-то. Во, чёрт, рифма: Кирюха не потерял нюха». Недаром его председателем выбрали!» Дипломат!

Тяжело вышел из салона машины. Уже стемнело, но птицы всё ещё не уgomонились на ветках: вороны хрипло каркали, галки мягко тьявкали, но всё это только подбрасывало тоски в душу. Идти надо ещё осторожнее, чем днём: шлёпнуться, как дважды два! А уже не 17 лет, а наоборот. Да. Вот он, последний поворот, не доходя до которого каких то 4-5 шагов он тогда остановился – шёл из подъезда к машине. Уже почти при выходе из двора на глаза попала детская фигура – девочка лет двенадцати. Это если судить по росту и узеньким плечикам, которые почему-то сиротливо сутулились. Головка была наклонена, потому лица её было не разглядеть, но что-то тоскливое чувствовалось во всей этой фигурке, придавленной каким-то несчастьем. И стояла она как раз посреди проезда, метрах в трёх от выхода со двора на боковой проезд. Вот этой сиротливостью, этой убитостью она и привлекла его внимание. «Из которого же подъезда она? В нашем нет девочек такого возраста. Почему она стоит посреди дороги? Что у неё стряслось, чем она удручена и даже как будто нарочно прячет лицо?»... Но углубляться в эти вопросы не было возможности: наледь на тротуаре – можно было припечататься на бочок...

И тут откуда-то слева бесшумно выкатился огромный «Джип»-иномарка и плавно стал поворачивать направо во двор. Тогда он, помнитса, остановился и взялся за ограждение клумбы, чтобы ненароком не скользнуть под колёса «Джипа». Но «Джип» тут же прекратил правый поворот, напротив, слегка вывернул колёса влево и остановился. Ему этот манёвр показался непонятным. «А, может, просто отодвинулся, чтобы проезду не мешать? Видимо, постоит какое-то время». Стекло правой задней двери плавно опустилось сантиметров на десять, на секунду показалось усатое темноволосое лицо, стекло так же плавно поднялось, а дверка приоткрылась. Какое-то неприятное чувство всколыхнулось, но не успело оформиться даже в предположение, как стоявшая посреди проезда девочка сделала три-четыре быстрых шага и юркнула в приоткрытую дверь. «Джип» тут же тронулся и стал набирать скорость. Вот почему она лицо прятала! Рынок!.. Из номерного знака запомнились буква «Р» и цифра «3».

Да, это было вот здесь. «А что же я сам не остановил девочку и не попытался выяснить, кто она, и что ей делать в этой машине? Так она же была ближе к машине и вскочила в неё за секунду! Так бро-

сился бы наперерез! А гололёд! Ах, гололёд?! Но что же я так оторопел? Выходит, оказался неподготовленным к каким-то действиям? Пока я приходил в себя, машина скрылась за поворотом. Может, потому не рассказал об этом, а не из уважения к просьбе друга и не из жалости к собратьям, которые так хорошо пишут о русской природе, о русской душе и о любви к народу? Да и я... Как же дальше об этом писать, рынок-то он вокруг и всюду?! И что же я вам, братия, не рассказал этот случай? Без политики ведь!».

11.01.2011

БЕЗВЕСТНЫЙ ЗАЩИТНИК (отцу вместо памятника)

Ремарка автора

Строго говоря, это исследование должно размещаться в Части 2-3, т.к. написано уже после 1999 года, но стилистически оно просится в данный раздел, потому я решил поместить это небольшое эссе в подразделе прозы (в цитатах оставлена орфография оригинала). Так же поступил и с рассказами из жизни моих самых лучших в мире внуков.

А теперь я расскажу вам об отце.

Фотография была сделана, когда отец служил в РККА где-то около Благовещенска в начале 30-х.

Фотография сделана за 2 часа до отправки отца на фронт. Стоят родители и сёстры Клавдия и Ирина. Сидят бабушка Анисья (мать отца), тётя Устинья и я.

На хуторе Неледов нас было 9 сверстников, и только у одного был отец: он был эпилептик, и его не взяли в армию. Почти у всех остальных вместо отца – бумага: «...пропал без вести». Отцы тоже были сверстниками и все призывались в 41-м...

Своего отца я не помню: в 41-м мне было 2 года. Сохранилась в памяти только смутная картинка: отец лежит на кровати, держит меня на животе и поет:

– Страна моя, Москва моя!

Что такое «страна» и «Москва», я не знал, зато знал, что такое струна: у нас была гитара. И до сих пор, когда слышу песню «Москва майская», мне вспоминается отец и слышится: «Струна моя!». Как провожали отца в августе 41-го, я знаю только по рассказам. Когда призывников усадили в кузов машины, он взял меня на руки, и над нами шутили: «Воронцовых двое на фронт отправляется». Но он отдал меня маме, пообещав мне яблок и пулемет.

Потом был переезд из города Богучара на хутор. Потом была полугодовая оккупация с июля 42-го. Был повар Ганс, который нас не обижал и даже угощал конфетами. Были полицаи, которые увели корову и грозились застрелить деда Никиту. Был страшный офицер с огромной собакой, выгнавший мою тетку и двоюродных брата и сестру из половины дома, принадлежавшей дяде Мише. Так что в нашей половине (комната, кухня и сени) были дед, бабушка, мама с тремя детьми, тетя Устя с двумя детьми, да еще повар Ганс готовил в нашей кухне. Были во дворе машины с красивыми красными стекляшками сзади, но их нельзя было вытащить, пока не разобьешь камнем.

Потом немцы исчезли, полицаи сбежали и долго не показывались на хуторе, и было радостное слово – Сталинград!

Потом приехали двое из какого-то «сельсовета» и привезли какую-то бумагу. Потом мама жутко плакала, убежав за погребницу, а бабушка не пускала меня и сестер к ней. Сестры тоже плакали. Мне сказали, что теперь у меня нет отца, но я так и не заплакал: гитара не играла, «струна моя» молчала, и я не ощущал потери того, чего у меня все равно не было. Была весна 43-го, мне было почти 4 года.

Потом были долгие, тягучие, как резина, голодные годы. В 50-м голод окончился, но сытость началась еще не скоро. Годы в юности шли побыстрее, чем в детстве, после армии – побежали. А когда в 70-м я приехал в Тольятти, они помчались быстрее «Жигуленка». Я не успел оглянуться, как стал дедом трех внуков. А в конце 99-го поехал хоронить свою маму Евдокию Никитичну.

На следующий день после похорон мы с сестрами разбирали мамин архив и в нем обнаружили несколько отцовских писем, среди которых 5 – военной поры. Мама хранила их 58 лет, несмотря на окку-

пацию, переезды, бытовые неурядицы. Сохранились и некоторые отцовские документы.

Отец мой Свирид Стефанович, выходец из верхнемамонских крестьян, судя по документам и по воспоминаниям старших, был человек незаурядный.

Донское село Верхний Мамон было большим, семьи были огромны, а земли мало. Поэтому арендовали участки у помещиков по всей округе за 50, 60 и даже 80 вёрст. А когда после революции помещики сбежали, часть мамонцев, среди которых были и мои деды, основала три хутора у самой границы Воронежской и Ростовской областей. Земли стало много, работы – еще больше. Детские руки тоже понадобились в поле и в огороде. И когда в конце 20-х началась коллективизация, оказалось, что грамотной молодежи почти нет. Советская власть нашла выход: был организован ликбез – пункты для обучения взрослых. А для детей в двух хуторах построили школы. Оба моих родителя успешно прошли ликбез. С таким элементарным образованием отец и ушел в армию на действительную службу. Служил где-то около Благовещенска.

Вернувшись на гражданку, он через некоторое время подал заявление в Острогжскую Совпартшколу, готовившую специалистов для народного хозяйства. Его не хотели принимать, т. к. формально у него не было даже начального образования, тогда как для поступления требовалась хотя бы семилетка. Но он настоял, его приняли, и он осилил программу. В аттестате из 18 оценок 2 – «отлично», 13 – «хорошо» и только 3 – «посредственно». Приказом по школе его даже наградили грамотой и книгой («Джуд незаметный» Т. Гарди – она сохранялась до 50-х годов). А когда в 38/39 годах он обучался в Богучарской райколхозшколе, то в свидетельстве об окончании все 9 оценок – «отлично». По окончании Райколхозшколы работал счетоводом в колхозе, а с мая 40-го – бухгалтером доротдела в Богучаре. А 10 августа 1941г. «Уволен ввиду ухода в Р.К.К.А.» («Приказ № 42)

Проводы. Речи. Заверения о скором возвращении с победой. Мне, кроме того, обещаны яблоки и пулемет. А уже на следующий день – первое письмо со сборного пункта в с. Коротояк Острогжского района, это километров 200 от Богучара.

«Здравствуйте, многоуважаемое семейство: Е.Н., К.С., И.С., А.С. и все родные, мама и сестры!..»

А.С. – это я. Дед Стефан не упоминается, т.к. в 40-м он умер. В молодости он был крепок, служил в лейб-гвардии, в Семеновском полку. Участвовал в Революции, устанавливал Советскую власть на Дону. Потом, видимо, перешел дорогу какому-то подлецу, и по ложному доносу 8 месяцев просидел в каталажке, но на суде был полностью

оправдан и незадолго до моего появления на свет был выпущен на свободу, но через год умер, не дожив до 56-ти лет.

Письмо обычное, начало традиционное: жив, здоров, бодр. И далее: «Обещают обмундировать. Если получим обмундирование, то свое вышлю домой, а, возможно, соскучишься, то к тому воскресенью приедешь проведать и все заберешь...».

Значит, несмотря на войну, почта работала четко и транспорт тоже. На самодельном конверте штемпели: Коротояк – 12. 08. 41., Богучар – 17. 08. 41.

«Со мной все богучарцы, которые со мной выехали, и Рыбалкин Колька тоже здесь... Дуся, живи не горюй, детей корми лучше.

Передай привет всем моим знакомым и сотрудникам ...»

Упоминание о друзьях и земляках – в каждом письме.

«До свиданья – и долго, конечно, не будем. Скоро немцу конец, будет совсем разбит. Вернемся, ребята все brave, настроение отличное. Можно без ошибки иметь уверенность в полной победе. Я дома больной, а сейчас здоров...»

Да, дома его мама однажды еле вытащила из сердечного приступа. На письмах из Коротояка нет штемпеля военной цензуры, значит, писал так не для цензора, а был уверен в «ребятах», да и домашних подбадривал. В «полной победе» он не ошибся, а вот в сроках...

Уже через несколько дней – второе письмо. Штемпели: Коротояк – 17. 08. 41., Богучар – 20. 08. 41. После обычного приветствия:

«Затем сообщаю, что я до 16 числа находился здесь... Сегодня, видимо, будем выезжать. Куда, сообщу, когда приеду на место».

Получается, что на подготовку к фронту было отведено всего 5 дней! Одно это говорит, какая складывалась обстановка. И далее:

«Со мной много мамонских ребят, Семендев Игнат, но сегодня и их отправляют. Затем, дорогая Дуся, прошу много не беспокоиться, жалей детишек и сама себя. А так же не ссорься со своими. Держитесь поучней».

Должно быть, вот это стремление «держаться поучней со своими» помогло стране выстоять в 41-м и окончательно не погибнуть. Была нехватка оружия, обмундирования, продовольствия, и если бы еще не «держались поучней» – хана была бы.

«Затем сообщаю, что я по вас слегка соскучился. Сейчас хотя б увидеть хоть немного. Шурик, видимо, все ждет меня с пулеметом и яблочками.

Но ничего, вернусь – я обещанное все ему привезу...»

Эх, батя, батя!

И вот коротенькая открытка моему деду по матери Зеленину Никите Ивановичу.

«...Затем сообщаю, что поехал на фронт. Чувствую себя бодро, сражаться буду хорошо, прошу желать успехов.

С пламенно-красноармейским приветом вам Воронцов».

Штемпели затерты, но, видимо, 16...17 августа.

Позже мама узнала, что отец был на фронте где-то под Брянском. В энциклопедии «Великая Отечественная война 1941 – 1945», издания 1985 г. на стр. 115 есть статья:

«БРЯНСКИЙ ФРОНТ создан 16 авг. 1941. В его состав вошли ... В начале сент. войска Б.ф. нанесли фланговый удар по 2-й танк. группе нем.-фашистских войск, на-ступавшей на Ю. , однако не смогли предотвратить выход этой группы в тыл войскам Юго-Зап. фр. и с 30 сент. вели оборонит. бои на Орловско-Брянском направлении...»

В книге В. Карпова «Маршал Жуков, его соратники и противники в годы войны и мира», опубликованной в Роман-газете №12 (1162) за 1991 г. на стр. 58 сказано, что «...6 сентября Гитлер подписал директиву №35 на проведение ...операции (по захвату Москвы – А.В.), которая получила кодовое название «Тайфун»... «Тайфун» разразился 30 сентября ударом танковой группы Гудериана по войскам Брянского фронта... Так началась великая Московская битва».

Вот почему была такая спешка: создавался новый фронт. Враг не давал времени на раскачку. И войска вновь созданного фронта сразу же вступили в тяжелейшие бои.

Фронтowych писем отца мы нашли пока 2, хотя по рассказам матери должно быть еще одно.

В письме, датированном 16.09.41. отец пишет:

«Я в данное время нахожусь на передовой линии. Если останусь жив, возможно, скоро отойдем на отдых, тогда сообщу...»

Тон спокойный, но это спокойствие человека, который провел в боях на фронте около месяца. Говорит об «отходе на отдых».

А на треугольничке письма штампель: «Досмотрено военной цензурой».

«От вас писем не получаю. Это для меня очень печально. Пишите и описывайте о всем, где ребята? Со мной Захарченко с пожарки. Много не горюйте, готовь продуктов: разобьем Гитлера – приду на отдых, чтоб хорошо поправиться...».

И последнее из имеющихся писем со штампелем полевой почты от 23.09.41:

«...я нахожусь пока на старом месте, т. е. в своей дивизии, но только в другом подразделении. Писем от вас не получил. Получите это письмо – шлите телеграмму по тексту – если все живые, то «все живы, ребята в городе или на фронте».

Кого нет в живых, сообщите, а то я беспокоюсь за вас, что с вами...»

Читаю эти строки и думаю, что правдив был Гоголь, когда писал, как Тарас Бульба на костре не о себе, а о своих казаках беспокоился.

А «ребята» – это дядя Миша, дядя Петя (тоже погибший), и дядя Андрей, (дошедший до Белграда и до Вены и ныне здравствующий) и земляки-богучарцы.

«...и с тем пока до скорого счастливого свидания.

Ваш Воронцов».

Увы! Оно не состоялось: под Брянском началось жуткое сражение. На стр. 516 упомянутой энциклопедии написано:

«ОРЛОВСКО – БРЯНСКАЯ ОПЕРАЦИЯ 1941, оборонит. операция войск Брянского фр. , проведенная 30 сент. – 23 окт. ; часть Московской битвы 1941-42... В результате О-Б.О советские войска сковали крупные силы противника и, истощив их, сорвали планы нем.-фаш. командования на глубокий обход войск Зап. фр. и Москвы с Ю.»

В той жуткой мясорубке, что была в 41-м под Брянском, мой отец, как и десятки тысяч других воинов, пропал без вести.

Как закончилась его жизнь, я не знаю, но зато про него и про его товарищей в Энциклопедии сказано, что они сорвали фашистские планы обхода и захвата Москвы.

Остались письма. В общем, письма как письма – ничего героического. Даже неизвестно, что отец сумел за месяц сделать на фронте. Но Москву-то не дал немцам захватить сходу.

И это – главное!

20. 05. 2001

P.S.: Летом 2004-го мой дядя Андрей Стефанович сказал, что ему от бывших фронтовых товарищей давно было известно о том, что отец попал в плен и погиб мученической смертью. В найденном письме, по словам матери, было написано, что отец с группой товарищей ходил в разведку, и взяли «языка», потому, «возможно буду представлен к награде». Похоже, наградили его другие и совсем по-другому...

15 сентября 2004 г. не стало и дяди Андрея.

МОИ ЧУДЕСНЫЕ ВНУКИ

***В молодости жизнь была прекрасна,
но тогда у меня не было внуков.***

Думаю, что моё жизнеописание будет неполным, если я не повторю, что «поэзия была только часть моей жизни», так же как и политика: у меня есть любимые внуки.

О сыне и дочери я уже говорил, мелькают они, особенно Галя, и в стихах, поэтому сразу – о внуках. Да теперь и поздно о моих детях рассказывать – сын уже седеет. Я почти подготовил очерк, который так и назвал: «Мои чудесные внуки». Но для экономии объёма книги приведу только отдельные эпизоды из их (и моей!) жизни. Все истории – абсолютно точный пересказ эпизодов с ними.

1. Ритуля

Она самая старшая – летом ей будет 20 лет. Она закончила Школу Искусств и учится на 2-м курсе Госуниверситета в Питере.

Рюкзак

До школы ещё два года, но рюкзаки у старших девочек та-а-а-кие красивые! И носить их так классно – сразу почти взрослой выглядишь. А престиж для Риточки – всё!

И вот я прихожу, чтобы взять Ритулю к себе на выходные. Она начинает старательно собираться, а я стою у двери и улыбаюсь. Рите, похоже, мои усмешки не очень нравятся, и она молча собирается «к бабушке». Но вот одежда вся на Ритуле, и она уходит в свою комнату. Через минуту тащит рюкзак, который распирают книги, он чуть не разрывается.

– Рита! Оставь часть книг дома – всё равно не успеешь прочитать! (Рита читать начала лет в пять), – пытаюсь её урезонить, потому что рюкзак неподъёмный, а нести хочет только сама – такой характер!

– Нет надо! – Рита непреклонна.

– Ты же его не поднимешь на спину! – пытаюсь урезонить её.

– Подниму!

Рита ложится на пол, засовывает руки в лямки рюкзака и пытается встать. Это не удаётся.

– Поднимайте меня! – команда строгая и однозначная.

Я со смехом поднимаю её вместе с рюкзаком и ставлю на ноги. Идём к лифту. Рита покачивается, но помощи не просит. Я предлагаю сам:

– Ритуля, давай я тебе помогу!

– Нет, деда, только сама!

На счастье, лифт пришёл быстро, Риточка вошла в кабину и тут же прислонилась спиной, точнее, рюкзаком к стенке. Смех смехом, но мне её жалко. Опять предлагаю, но уже с хитрым манёвром:

– Рита, давай я тебе помогу – буду держать рюкзак, а снимать не буду!

Ритуля изучающее смотрит на меня и заявляет:

– Дедушка, ты думаешь, у меня сил нет? Нет, дедушка, силы у меня есть!.. Вот только кончаются...

Тут я уже не выдерживаю и смеюсь громко. Ритуля с та-а-акой укоризной посмотрела на меня и отрезала:

– Хохотунчик ты у меня, дедушка!

Прогулка

– Ритуля, пойдём гулять! – к ней я обратился так, для проформы, чтобы лишний раз поговорить с внучкой. Кто же не любит гулять?! Да ещё в разгар лета, тем более что ни Маши, ни Оли сегодня нет – в «домике» под столом одной скучно. Всё: самостоятельно собралась – панамку на голову, и топ-топ по лестнице.

Хорошо летом! Воробьи чирикают, белые облака гуляют между деревьями, которых полон двор, дедушка рядом! Чего ещё? Одно плохо – качели заняли две большие и наглые девчонки.

Ладно, пойдём с горки съедем. Горка уже старая, нескольких досок давно нет, зато металлический жёлоб блестит – отполирован попами нескольких поколений детворы. Но горка быстро надоедает Рите.

– Деда, пойдём вон туда, – её пальчик протянулся в сторону арки соседней «китайской стены».

Замечательно: с той стороны дома чудесный скверик! Но есть одно «но»: рядом с аркой магазин, а в нём «чипсы», «чупа-чупс», «сникерсы» и ещё какая-то отравка, за которую, кроме прочего, надо деньги платить. После недолгого нытья и переговоров сошлись на маленькой шоколадке. Шоколадка удивительно быстро закончилась; из радостей остались воробьи, тень сквера и непонятное сооружение (скульптурная «малая форма»!), сквозь дыры которой лазили пацаны, не намного старше Ритули.

Но и Ритульке надо совместить приятное с полезным, расширить, например, её познания в географии. Я ласковым и несколько наивным тоном начинаю лекцию:

– Риточка, мы пришли вот с той стороны. За этим высоким желтоватым домом наш двор, где качели стоят. А вот это – школа. Ты тоже скоро подрастёшь и будешь ходить в школу. А там – бульвар, это улица такая, на которой деревьев ещё больше и скамейки должны стоять, только ЖЭК почему-то их не поставил...

Реакция Ритули была несколько нестандартной:

– Дедушка, ты не бойся: если мы заблудимся, я тебе покажу дорогу!

Я отворачиваюсь, чтобы она не видела мою ухмылку. Когда мы перешли на другую сторону косого бульвара, я в твёрдой уверенности, что Ритуля не могла сохранить ориентировку, задаю ей каверзный вопрос:

– Внученька, покажи ручкой, где наш дом?

Ритуля некоторое время изучающее смотрит на меня и вдруг изрекает:

– Дедушка, так мы же ещё не заблудились! Вот, когда заблудимся – я покажу.

До сих пор не пойму, как я удержался на ногах!

2. Маша

Она учится в 10-м классе Школы Искусств и занимается верховой ездой «на коняшках».

Жираф

Ритуля уже ходит в старшую группу, и её стремление к первенству и руководству получает подкрепление статусом старшей сестры. В её присутствии мой авторитет в глазах Маши, которая первый год ходит в садик, резко понижается: я не обладаю таким волевым характером... И поэтому, когда мы на покрывале бабушкино-дедушкиной кровати рассматривали том «Детской Энциклопедии», посвящённый животному миру, мои комментарии были не всегда решающими.

Дошли до жирафа. Ритуля ткнула пальчиком в длиннеее (единственное слово с тремя буквами «е» подряд) животное:

– Вот, Маша, смотри – это жираф, он живет в Африке. Ты знаешь, где Африка? – Увы, Маша не знала, поэтому она молча смотрела то в книжку, то на Ритулю, которой ответ не очень-то и нужен был: достаточно того, что Маша убедилась в её неоспоримом преимуществе. Потому она продолжала:

– А знаешь, какой он высокий! Он выше всех на Земле – шесть метров! – она сделала многозначительную паузу. Тут я решаюсь вступить в разговор: Маше ничего не понятно – ни метры, ни шесть, надо объяснить как-то доступней.

– Да, Маша! Жираф очень высокий! Если бы он стоял на газоне, он мог бы заглянуть к нам в окно.

Тут Маша недоверчиво посмотрела на окно (мы живём на третьем этаже), но головы жирафа там не увидела и повернулась ко мне. Рита не могла допустить, чтобы в её команде были перебежчики, и тут же с жаром заявила:

– Нет, дедушка! Ты неправильно объясняешь! Жираф он как Лариса Моисеевна, ещё две Ларисы Моисеевны, и Пашка сверху!

Я засмеялся, удивлённый такой буйной фантазией, но крыть мне было нечем. Месяца через полтора на одном из утренников я увидел, что Пашка – самый маленький ребятёнок в Ритиной группе.

Камешки

За Волгой, где-то над Усольем, тучи начинают медленно наливаться синевой. Сын и зять заливают бетоном дорожку по дачному участку, время от времени поглядывая на небо и на площад-

ку для автомобиля. Есть опасение, что не управятся: щебень кончается, а ведь надо-то ведра два. Не ехать же из-за этой мелочи на базу стройматериалов!

– Пап, сходи на берег, набери камней! – сын вошёл в роль командира: он делает основную работу.

– Сходить-то можно, а за девчонками кто присмотрит? Мама занята...

Девчонки – это мои внучки Рита и Маша, которой через три месяца будет три года. А Ритуле недели две назад исполнилось целых шесть лет.

– Да возьми их с собой! Нам некогда за ними следить.

Деваться некуда. Беру два ведра, двух внучек – и вдоль по улице в сопровождении кота Фильки, который, правда, скоро отстал – нырнул под чужой забор.

Разговорчивая Рита о чём-то без остановки рассказывала, Маша добросовестно держала мою руку и с мрачноватым молчанием топала по асфальту. А я был занят вопросом: не полезут ли мои внучки на обрывистый бережок, пока я буду выбирать из песка камешки.

Увы, сомнения оказались небеспочвенными. Я отчаянно метался между внучками и вёдрами. Наконец, осенило:

– Внученьки! Идите дедушке помогать, у вас это получится! (Это я упредил извечное: «А мы не умеем!»). Маша приближалась медленнее тучи. Рита шустрее. Показал, какие камешки брать, куда бросать. Начали, наконец. Всё! Внучки привязаны. Маша бросает два-три камешка и отодвигается от ведра. После некоторых уговоров она возобновляет работу, но что-то ворчит себе под нос. Потом опять останавливается и ворчит невнятно, что-то похожее на «татали!».

– Рита, что Маша сказала?

Рита у нас переводчик: она Машин язык понимает хорошо, поэтому тут же переводит:

– Она сказала: «Достали меня!»

Первые капли дождя удержали меня от обидного для Маши смеха...

3. Оля

Оля учится в 9-м классе Школы Искусств на художественном отделении.

Французенка

Оля – двоюродная сестра Риты и Маши. А мне она тоже родная внучка. Ей уже полтора года, и у неё уже есть свои интересные повадки. Самое забавное, что она не сидит на горшке. Нет, сидеть-то она сидит, да только при этом перемещается по линолеуму, как хоккей-

ная шайба по площадке. Да ещё распевает какие-то песенки. Ближе к полутора годам она не только петь, но и слова выговаривать стала. Таких слов с каждым днём становилось всё больше.

Однажды мы с бабушкой зашли в комнату, когда Оля по обыкновению каталась на горшке и распевала песенку. Она увидела бабулю, радостно протянула к ней ручки и с такой хорошей дикцией закричала:

– Шарман!

Мы остолбенели и с губами до ушей стали переглядываться. Тут Оля доканывает нас:

– Шарман манифик!

Мы расхохотались. Жалко, что Оля нам не перевела это восклицание. До сих пор не перевела: в школе она изучает немецкий, а французского не знает.

4. Юрасик

Он ходит в садик. А учиться пойдёт, вероятно, в ту же Школу Искусств.

Кормилец

Юрасику 3 года и 7 мес. Круг его интересов всё шире, а меню всё уже. Но что он любит неизменно, так это блинчики. Мы с бабулей у него: он приболел, и потому не ходит в садик.

– Юра, что тебе сделать на завтрак?

– Бабуль, напеки блинов.

– Сделаю, мой хороший.

Юрасик лезет в холодильник, достаёт с полки два яйца (одной рукой!), потом пачку масла и показывает бабушке:

– Бабуль, а мука там!

Я ушёл из кухни смотреть новости по телевизору. Через некоторое время возвращаюсь. Картина умилительная: бабуля держит ситечко с механическим приводом над большой миской, а Юрасик старательно жмёт рычажок. Чтобы оказаться тоже при деле, я хватаюсь за ситечко и делаю вид, что помогаю. Юрасик вздыхает:

– Уф! Устал!

– Отдохни, внучек, ты молодец, стараешься!

Юрасик снова начинает нажимать на рычажок. Я решил его приободрить:

– Вы с бабушкой молодцы – наделаете блинчиков и будете есть! Я бы тоже блинчиков поел.

Тут Юрасик останавливается, внимательно смотрит на меня и солидно так изрекает:

– Не волнуйся, мы тебе напеком!

Ничего лучшего в жизни я не слышал!

Гигиенист

Юрасику три с половиной года. Он в очередной раз пришёл к нам в гости. Перед его приходом прячем всё, что можно спрятать, особенно вилку электрического шнура компьютера: иначе Юрасика было не остановить – включал компьютер и молотил пальчиками по клавиатуре. У меня душа в пятки уходила!

Итак, мне казалось, что мы хорошо подготовились к стихийному бедствию.

Но вот Юрасик у нас, ассистирует бабушке на кухне, а я спокойно смотрю телевизор. Идиллия продолжалась минут десять. Потом я встал и вышел в прихожку. Батюшки! Юрасик вытащил из шкафа бабушкин фен, размотал шнур и изо всех сил тянулся к розетке! (Хорошо, что она высоко расположена).

– Юрасик, ты зачем фен взял?!

Полагаю, что эта штука очень напоминала ему папину «зузалку», потому и вытащил. Я почти безнадежно дал команду:

– Спрячь на место!

Не тут-то было:

– Я бактейии отгонять буду!

У меня отвисла челюсть, и я «отвянул» от Юрасика: что можно возразить против санитарии и гигиены?

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

СИЛА В УБЕЖДЕННОСТИ (Публицистика)

*«...Я последним уйду с бастиона,
А, быть может, совсем не уйду».*

Эту часть книги я посвящаю моим друзьям и единомышленникам, разделявшим со мною капли побед и моря поражений, но всё-таки не сломившимся и сохранившим веру и надежду, и любовь к обманутым и подслеповатым соотечественникам, всё равно родным и таким нами!

«Без остаточной деформации» (Предисловие к части 2)

Советским людям поколения, к которому принадлежит автор сборника, во второй половине XX века пришлось пережить немало исторически знаковых событий (как ярких, так и позорных, разрушительных, связанных с ползучим, потому не столь явственным, буржуазным перерождением экономики, политики, идеологии в послевоенный период), завершившихся так называемой «перестройкой», т. е. фактическим переходом к иному общественному строю. События августа 1991 года – октября 1993 года подвели жирную черту под курсом на капитализацию страны.

В этом аспекте крайне интересен вопрос об отношении рядовых коммунистов к развивавшимся в стране и партии тенденциям. Ведь «...большинство коммунистов на всех этапах советской истории трудились, боролись и умирали за народное дело, свято веря в идеалы партии». (Программа РКРП).

Автор не скрывает того, что он, как и многие настоящие коммунисты, лишённые реальных демократических механизмов, позволяющих влиять на прежнюю власть, нередко и сам становился заложником чуждых ему тенденций в курсе КПСС. Часто этому мешало выработанное у советских людей безграничное доверие к высшему партийному руководству. Однако пытливость ума, честность и правдивость, любовь к социалистической Родине, нравственное осознание общественного долга и преданность делу коммунизма, пропущенные через творческую, поэтическую душу, не могли оставить его равнодушным к происходящему. И тем более, когда набухшие контрреволюционные семена дали свои ещё слабо осязаемые ядовитые ростки.

Особое доверие к автору, прошедшему трудовой путь от тракториста до ведущего инженера-конструктора, познавшего творческую

радость и лектора, и поэта, и публициста, вызывает его искренность в своих душевных переживаниях и, что самое главное, оптимистический поиск путей их преодоления.

Я благодарен автору, с которым мы познакомились на Учредительном съезде Российской коммунистической рабочей партии в Свердловске 23 ноября 1991 года, за предоставленную возможность своей статьей открыть эту часть его очередного сборника. Должен заметить, что в отличие от меня, Александр Свиридович примкнул к Движению Коммунистической Инициативы несколько ранее, чем внес неопенимый вклад в дело защиты ортодоксальной коммунистической идеи и организации нового партийного строительства в нашей области.

* * *

Предлагаемый автором материал второй части книги настолько разнообразен по форме и содержанию статей, что не позволяет аннотировать его обобщенно в одном измерении.

Первый раздел второй части книги начинается замечательной статьей о лекторском искусстве «Сила – в убежденности». Нешаблонно, на живых примерах, автор с изумительной четкостью излагает предпосылки и задачи лекторского искусства и доказывает его общественную значимость. Заслуживает внимания тезис о том, что «... главная наша сила – не ракеты, не подводные лодки, а наша убежденность, наша сплоченность, наша готовность выдвинуть новых Матросовых, Кошевых, Талалихиных, Космодемьянских». Актуальность статьи подтвердили события 1991 – 1993 гг. Следующая статья «Сладкая полынь» посвящается развенчанию пьянства и его частной разновидности – «культурного винопития». Автор, сам поборовший в себе этот порочный недуг, приходит к мысли, что «...борьба с пьянством никогда не будет успешной, если одновременно не будет вестись борьба за трезвость». Отсюда и вывод, что главное здесь не запреты, а приобщение человека к чтению, участию в общественной жизни, художественной самодеятельности, т. е. ко всему тому, что мы называем работой души. По наблюдению автора люди пьют не от низкой цены на водку, а от низкой культуры. «Культура, – по словам автора, – это степень отдаленности от дикарского первобытного состояния, степень осмысления самого себя и своего места в природе». Автор заканчивает свою статью мудрым резюме: «...борьба с пьянством – это откачивание воды из трюма, а борьба за трезвость – это заделывание пробоины».

Завершается первый раздел статьей «Третья причина», где автор уже к лету 1991 года делает попытку выяснить теневую причину кризиса, охватившего СССР к началу 90-х годов. В докладе Ю.В. Андропова «Шестьдесят лет СССР», говорилось: «Империалисты не

расстаются с замыслами экономической войны против социалистических стран, вмешательства в их внутренние дела в надежде расшатать их общественный строй...». Конечно, Юрий Владимирович знал, что говорил. Тому подтверждением является весь ход мировой истории с Октября 1917 года. Безусловно, конкретные пути этого вмешательства были различными. Автор показывает на основании имеющегося у него материала всю масштабность вмешательства во внутренние дела СССР мировой закулисы и, прежде всего, масонских организаций, их стратегию и тактику, раскрывает причастность агентов к разрушительным процессам в СССР, позорную роль во всем происходящем Генерального секретаря ЦК КПСС Горбачева М.С. Резюмируя статью «Третья причина» уже позже, автор пишет:

«Многие опасения, высказанные в статье, подтвердились. Но это не потому, что я обладаю мистическими способностями, вроде Нострадамуса. Просто как лектор я знал больше других, и я владел методикой анализа. Поэтому я видел «грядущую катастрофу» и мне хотелось, чтобы читатели присоединились ко мне в попытках предотвратить ее». Далее автор добросовестно делится теми ответами, которые, по его мнению, дала сама жизнь.

Второй раздел второй части книги открывается живо написанным репортажем «Тоцкое противостояние» об акции РКРП и движения «Трудовая Россия» «Русский редут» – далекой предшественнице нынешнего движения против размещения базы НАТО в Ульяновске.

Статья «Кто и зачем?» – свидетельство зарождающихся в начале 90-х годов прошлого века рыночного криминального нигилизма и пестуемой буржуазной властью извращенных форм политической борьбы. Итог поучителен.

Третий раздел второй части книги начинается статьей по событиям на Выборгском ЦБК, когда впервые в классовом противостоянии буржуазная власть пошла на применение огнестрельного оружия. И это в условиях, когда трудовой коллектив через своего юридического представителя – профсоюзную организацию, в рамках буржуазного законодательства сумел создать народное предприятие, обладающее новейшим уникальным оборудованием, в противовес попытке его банкротства и распродажи собственности со стороны криминальных «прихватизаторов». Но, несмотря на первоначальные победные шаги коллектива, хапуги-капиталисты, нащупав его слабое место, сумели перехватить инициативу. А рабочий класс еще не сумел из состояния «класса в себе» войти в состояние «класс для себя», оказавшись в положении экипажей крейсера «Очаков» и броненосца «Потёмкин». В названии статьи «Мы непобедимы, только когда едины» – ключ к разгадке победы.

Статья «Березовский играет в беспроигрышную лотерею» срывает таинственную завесу с сущности господствующей власти в постсоветской России, раскрывает ее классовое содержание и указывает единственный путь освобождения трудящихся.

Чуткая, душевная статья, посвященная Михаилу Васильевичу Зотову – инвалиду Великой Отечественной войны, «стихийному коммунисту», неудобному для многих человеку – это гражданский и партийный долг автора своему старшему товарищу, показывает всю сложность противоречивой человеческой души, опирающейся в своем выборе на «...чистые и горячие чувства, нежели на холодную глыбу знаний». Чистый и честный человек всегда встанет на баррикаде по ту сторону, где униженные и оскорбленные.

Пропустив несколько материалов, остановимся на полемической статье, «Давно пора... обсудить», в которой автор, не без основания, полемизирует с автором другой статьи в газете «Трудовая Россия» Ставицким о соотношении «национального и интернационального». И в своих сомнениях, по-моему, приходит к правильному умозаключению о диалектическом отношении, казалось бы, к ясной ситуации. Здесь надо всегда помнить двуединую задачу большевиков, призывавших в 1917 году не только к поражению своего (своих) буржуазного (ых) правительств в кровопролитной бойне, но и к превращению войны из войны империалистической в войну гражданскую, однако только тогда, когда она ведется сознательным классом против того, кто известен народу как насильник. Как говорил В.И. Ленин в Докладе на VII (Апрельской) Всероссийской конференции РСДРП(б): «Надо уметь стоять на точке зрения марксиста, который говорит, что это превращение империалистической войны в гражданскую строится на объективных условиях, а не субъективных». Конкретные объективные условия возможных поворотов истории и будут являться исходными данными для выработки правильного решения. И автор, проясняя лекторскую мудрость, предлагает читателю самому разобраться в данном вопросе, изложив все исходные данные. (Более детальное продолжение этой полемики в статье «Копать надо здесь» оставляю без комментария. Такие ситуационные всеобъемлющие проработки, по-моему, не вели даже большевики).

Завершающая раздел статья «Ни бог, ни царь и ни герой...» оптимистично, на опыте коллектива ВАЗа, показывает пример пробуждения рабочего класса в борьбе за свои экономические интересы, первые ростки самоорганизации, связи с уже организованными рабочими структурами, доказывая, что у рабочего движения впереди «нетронутая целина», а значит и лимит на революционные выступления не может быть исчерпан. Однако это требует замену стихийности организационной пролетарской дисциплиной. Говоря слова-

ми классика «...нам истерические порывы не нужны, нам нужна мерная поступь железных батальонов пролетариата».

Замечательным образцом почти эпистолярного жанра представляется отдельная работа автора «С кем вы, мастера науки?» в форме полемики с профессорами Школы Трудовой Демократии Г.Я. и Б.В. Ракитскими по целому ряду политических, экономических и др. вопросов.

Если отбросить всю наукообразную чепуху в оранжевых книжках этих авторов, то станет ясным: центральный предмет полемики – это выяснение понятий диктатуры класса вообще и диктатуры пролетариата в частности. Естественно, для большевистского ортодокса Воронцова А.С., диктатура класса есть не что иное, как его (класса) политическая власть в государстве. Диктатура пролетариата есть политическая власть рабочего класса. (И не больше и не меньше).

Автор весьма этично, но не без иронии, пытается осмыслить: почему Ракитские постоянно подменяют понятие «диктатура класса» диктатурой группы лиц (диктатором, тоталитарным режимом и пр.) В своей полемике с «мастерами науки» он в поисках ответа неоднократно подходит с разных сторон творческих изысканий Ракитских до тех пор, пока окончательно не «уничтожает» оппонентов в споре. Автор, как говорится, «на пальцах» рассказывает о механизме капиталистической эксплуатации, опровергая докторские исследования профессоров Ракитских, откуда и выводит политическую миссию рабочего класса, и необходимость его диктатуры и возрождения в нашей стране Советской Власти, как высшей формы демократии.

Это квинтэссенция полемики сопровождаемой попутными разоблачениями поддерживаемых Ракитскими мифов о советском тоталитаризме, сталинских репрессиях, «гладоморе» и пр. измышлениях, уводящих в сторону рабочее движение от истинной Борьбы с эксплуатацией и задачи ее ликвидации на вечные времена.

В целом, несмотря на серьезное содержание, книга читается легко, доходчива, и её даже можно рекомендовать в пропагандистской работе среди самой широкой аудитории.

Секретарь Самарского Обкома РКП в 2006 – 2011 гг.

О.В. Слухов

Часть 2.1 СТАТЬИ, НАПИСАННЫЕ ДО АВГУСТА 1991-го.

СИЛА – В УБЕЖДЕННОСТИ (Из опыта работы лектора)

Летом 1973 года, когда я был ответственным секретарем первичной организации общества «Знание» КВЦ ВАЗ, ко мне подошел Виктор К.

– Саша, я тоже хочу читать лекции, скажи, как стать лектором?

Я стал с жаром объяснять, какое это благородное дело – быть лектором. Потом объяснил, как подать заявление в общество, как выбрать тему. По лицу Виктора было видно, что он с энтузиазмом слушает мои пояснения. И вдруг:

– А как платят за лекции?

– 4 рубля за лекцию. Но начинающим лекторам платят только через 1,5 – 2 года лекторской работы. Сначала оплачивается каждая шестая лекция, потом – каждая третья, потом вторая. Опытным лекторам оплачиваются почти все лекции, но, как правило, не более шести в месяц.

Энтузиазм на лице Виктора погас. Наступила моя очередь поинтересоваться:

– Витя, а почему это тебя волнует?

– Понимаешь, я хочу купить машину, а денег не хватает.

Я так и сел. Вспомнился другой случай. Среди конструкторов КВЦ были альпинисты. Одного из них после его возвращения с Памира я шутливо спросил:

– Почем там эдельвейсы на базаре? (Каламбур с намеком на рыболовов, которые покупают живую рыбу на рынке). Но он ответил серьезно:

– Эдельвейс никто на базар не понесет: слишком много сил надо отдать, чтобы сорвать его.

Кому нужны деньги, Витя, тот в горы за эдельвейсом не полезет, а будет в долине разводить клубничку.

Думаю, нет особой необходимости говорить, что лекторская работа – нелегкая работа.

Так где же он, тот эдельвейс, ради которого лектор карабкается на кручи, получает синяки и шишки и даже иногда срывается?

Чаще всего это объясняют чувством долга.

Да, по моему мнению, лектор начинается именно с него. Но только начинается. Для того, чтобы человек состоялся как лектор, одного чувства долга недостаточно. Почти каждому доводилось приучать котенка лакать молоко из блюдечка. В конце концов, понимает, что это – вкусно.

Чувство долга для начинающего лектора – то же, что пальцы хозяина для котенка. И надо не один раз поперхнуться, чтобы почувствовать вкус удачно прочитанной лекции. А когда человек, выступающий перед аудиторией, почувствует самоуважение оттого, что на него смотрят десятки пар глаз, и десятки пар ушей внимательно ловят его слова; когда он почувствует удовольствие от аплодисментов, звучащих не из вежливости; когда он с торжеством услышит слова: «Приходите еще!» – одним словом, когда этот человек испытает высшее из всех наслаждений – радость от общения с людьми, тогда он станет лектором, и его уже не надо насильно заталкивать на трибуну.

Дальше чувство долга отойдет на второй план, вместо него выдвигается чувством ответственности. А оно двояко. Увы, лектором нельзя стать раз и навсегда. И высокий уровень мастерства не есть гарантия успеха. За титулы аплодируют до лекции, после лекции – за неё самую. Это первая грань чувства ответственности – ответственность перед собой. Ведь чем выше поднимаешься, тем больше падать. И поэтому я, например, никогда не соглашусь читать лекцию, если не уверен в её успехе, хотя имею уже немалый опыт (в июне я прочитал тысячную лекцию).

Вторая грань – это ответственность за результат лекции. Цель любой лекции – не просто дать определенный объем информации слушателям. Нет! С этой задачей справляются технические средства. Лектор должен подкрепить чувства и мысли убежденного, убедить сомневающегося и переубедить предубежденного. Вот сверхзадача! Решить ее может только хорошая лекция.

А хорошую лекцию может прочитать только хороший лектор. Таковым может стать лишь тот, кто соединяет в себе эрудицию, ораторское мастерство и убежденность. При отсутствии любого из этих качеств нет лектора, значит, не может быть и хорошей лекции.

Брак нетерпим в любой работе, в лекторской – особенно.

Если ошибается лектор, читающий о разведении кактусов, то это досадно, ибо у многих доверчивых слушателей не зацветут кактусы на подоконнике. А если ошибется лектор-международник...

– То катастрофы не произойдет, и война не начнется, – скажете вы.

Это статья – не лекция. И потому я без аргументации скажу, что наши противники не трогают нас по одной причине: не уверены в безнаказанности. И главная наша сила – не ракеты, не подводные лодки, а наша убежденность, наша сплоченность, наша готовность выдвинуть новых Матросовых, Кошевых, Талалихиных, Космодемьянских. (По «Эху Москвы» месяца два-три назад слышал одного политика, которому в Вашингтоне как-то сказали: «Мы не боимся ни ваших ракет, ни ваших ядерных боеголовок, потому что у вас нет главного – пальца! Пальца, который бы нажал на кнопку». Кстати, речь по радио шла о «жестких» заявлениях ВВП. А тогда был! – А.В. 03.2013г.)

Плохая лекция невольно поможет нашим врагам в их попытках сократить число будущих героев. И любому мало-мальски информированному человеку страшно даже подумать, что может произойти, если мы, оставаясь реально сильными, только покажемся слабыми. (Тогда мне и в кошмарном сне не могло привидеться то, что все это сбудется всего лишь через 6 лет. Но Горбачев уже был, и, видимо, какие-то смутные предчувствия заставили меня обратиться именно к этому примеру. – А. В. 2005г.) Вот она где, главная ответственность! Конечно, я далек от мысли, что вся воспитательная работа делается только лекциями. Но без лекций немыслима сейчас идейно-воспитательная работа.

К сожалению, это не все понимают, даже те, кому положено по роду их деятельности. В итоге хороших лекторов растаскивают на административные и партийные посты быстрее, чем вырастает полноценная замена. Где они, некогда известные лекторы Негуляев, Сержанов, Кульпин, Покровский? Живы, здоровы, даже «растут», только уже не как лекторы. А как используются выпускники отделения международных отношений вечернего Университета марксизма-ленинизма? Помнят ли о них парткомы производств, рекомендовавших их в Университет?

Общество «Знание» – прекрасное общество. Оно не только дает возможность многое узнать и многим поделиться с людьми. Оно очень благодарное, оно ценит своих членов. В отличие от других обществ оно не берет взносов, наоборот – платит гонорары (Витя, ау!), награждает ценными подарками, грамотами, путёвками в санатории, оплачивает командировки. Но и ему нужна помощь со стороны партийных работников и понимание со стороны хозяйственных руководителей. Ибо без активного воздействия на «человеческий фактор» те задачи, которые поставила жизнь и которые так четко сформулированы Генеральным секретарем ЦК КПСС М.С. Горбачевым, выполнить непросто.

А. ВОРОНЦОВ,
*лектор-международник заводской организации
общества «Знание».*

P.S.: *Статья была написана летом 1985 года и опубликована 11 июля в № 79 (2231) газеты «Волжский автостроитель».*

Мне даже в кошмарном сне не могло привидеться, что Генсек наш вслух сформулировал те задачи, которые требовались жизнью; а про те, что он готов был принять к исполнению от мировой закулисы, он умолчал. В конце февраля 94-го в кулуарах клязьминского «восстановительно-объединительного съезда» Егор Кузьмич Лигачёв сказал мне, что Горбачёв пришёл в Генсеки не предателем, а стал таковым «в процессе». (А.В. – 2005)

СЛАДКАЯ ПОЛЫНЬ **(Трезвый взгляд на пьянство)**

– Ну, хорошо. Отобрали водку а что взамен?

Если бы вопрос исходил от забулдыги или просто «выпивающего» мужчины, я бы не удивился. Но спрашивала вполне интеллигентная женщина.

Ну, во-первых, не отобрали, а ограничили производство и продажу водки. А, во-вторых, ради чего это сделано?

КОГДА-ТО пятилетним мальчишкой я соорудил из немецких снаряжных ящиков «машину», а вместо фар натыкал взрывателей от снарядов. Мой двоюродный брат (он на 8 лет старше меня) отобрал у меня взрыватели, забросил в болото и ничего не дал мне взамен (кроме подзатыльников).

Боже! Как я обижался на него! И только позднее я начал понимать, что брат всё же оставил мне нечто взамен: пальцы на руках, глаза на лице, а может, и саму жизнь.

Академик Фёдор Углов весной прошлого года в «Работнице» опубликовал статью, в которой прямо говорил, что победа над пьянством для нас, как для нации, будет равносильна победе на Куликовом поле. Доказательств в подтверждение этого вывода и Угловым, и другими исследователями приведено более чем достаточно. Кто ещё сомневается в этом, пусть поинтересуется в школах, много ли в городе дебильных детей (я и слово-то это только в последние годы узнал). А ведь есть ещё и спецшколы.

Хорошо, что наконец-то осознали необходимость борьбы с пьянством всем миром. Я был как-то в Кошкинском районе. Женщины не нарадуются новым порядкам. Многие только свет и увидели. Человеку степенного поведения трудно понять это, но я думаю, сотни семей стали жить спокойнее.

Однако сколько среди нас скептиков, готовых опрокинуть ушат грязи на доброе дело. Вот только одно мнение:

– Повысили цену на водку, а всё равно, кому надо – пьют.

Так ведь пьют не от низкой цены на водку, а от низкой культуры! Давайте же посмотрим на соотношение культуры и спиртного.

ЧТО ТАКОЕ КУЛЬТУРА? Я не буду приводить выдержки из словарей. По-моему, пусть это и несколько упрощённо, культура – это степень отдалённости от дикарского, первобытного состояния, степень осмысления самого себя и своего места в природе.

А в чём сила алкоголя? Да в том, что под его воздействием мозг начинает вырабатывать норадреналин и дофамин в таких количествах, что они, особенно дофамин, вызывают состояние блаженства, или эйфории (по-гречески), или кейфа (по-персидски, а в оби-

ходе «кайф»). Так вот, из-за этого «кайфа» опьянённый человек уже прощает алкоголю то, что он оглушает его и отравляет многие органы. Вот тут-то и начинаются парадоксы. Знаменитый поэт и драматург Шиллер сказал: «Когда народ во что-то сильно верит, становится сильнее правды ложь». Как бы иллюстрируя эту мысль, один мой знакомый изрекал: «Что за еда без выпивки? Всё равно, что корова – пожевал своё, и всё».

Ладно, простим его заблуждение – он всего лишь слесарь-сборщик с душанбинского завода «Таджиктекстильмаш». Но вот более начитанный экскурсовод в Ялте зазывает посетителей в дегустационный зал: «Вино, принимаемое культурно, даёт человеку радость и хорошее настроение. Так давайте учиться культурному винопотреблению!»

Это заблуждение распространилось настолько широко, что в последних документах партии и Правительства констатируется: пьянство поразило все слои общества».

Культура предполагает в человеке приоритет духовного, а винопитие основывается на физиологическом (да и то искусственном!) удовольствии, так что «культурное винопитие» это всё равно, что сладкая полынь. Алкоголь, проникая в мозг, поражает в первую очередь его самые важные слои, управляющие высшей нервной деятельностью, т. е. «культурой». Подтверждение этого известно каждому: у пьяного человека сначала нарушаются поведение, мыслительные процессы, речь, и только потом – двигательные функции («моторика»).

КАЗАЛОСЬ БЫ, что вопрос ясен. Но что интересно – высокий уровень интеллекта не является защитой от алкоголя. Вспомните Эпикура, прямо призывавшего к возлияниям. Вспомните Омара Хайяма, убеждавшего, что можно пить «культурно»:

*Запрет вина – закон, считающийся с тем,
Кем пьётся, и когда, и много ли, и с кем.
Когда соблюдены все эти оговорки,
Пить – праздник мудрости, а не порок совсем.*

Вспомните трагедию Есенина, когда-то ухарски призывавшего:

*Опрокинутая кружка
Средь весёлых – не для нас...
А потом начавшего прозревать:
...Только жаль, на тридцатом году –
Слишком мало я в жизни требовал,
Забываясь в кабацком чаду.*

Да мало ли их, способных, талантливых, гениальных, павших жертвой всеобщего заблуждения, что культура и алкоголь – совместимые понятия.

Необходимость и правомерность ограничения винопития достаточно ясны и сомнения вызывают всё меньше. Но пока ещё для

многих туманен ответ на вопрос: «Что взамен?». Отчего он возникает? У кого он возникает? Великий поэт нашей эпохи В. Маяковский сказал:

*...Чем от скуки,
Лучше уж от водки
помереть!*

Да, наркотики вроде дофамина вырабатываются в организме не случайно: жизнь должна радовать организм, коль он запрограммирован на борьбу за существование. Но организм вырабатывает дофамин в оправданных случаях и в оправданных дозах. И любое неграмотное вмешательство в природу (теперь это нам хорошо известно) ни к чему хорошему не ведёт.

А мы часто вместо того, чтобы получать радость от хорошо выполненного дела, от физических упражнений или от танцев, от общения с интересными людьми, от причастности к искусству, идём по линии наименьшего сопротивления.

Выходит, вопрос: «Что взамен?» – возникает от беспомощности души, т. е. от низкой культуры. (При этом одна только эрудиция не может перекрыть дефицита других граней культуры – отзывчивости, деликатности, доброжелательности, гражданственности). Душе, которая «трудится», скучать некогда. Недаром Лев Толстой говорил, что самообщение для него никогда не скучно. А люди с нетренированной или ленивой душой чётко обрисованы тем же Маяковским:

*...Мы только мошки,
Мы ждём кормежки.*

Так почему мы должны сидеть, сложив крылышки, то бишь ручки, и ждать, что нас кто-то развеселит? Смотрел я концерт самодеятельности, устроенный комсомольцами цеха № 46, и думал, что эти ребята всю жизнь могут быть счастливыми и весёлыми, даже если ни по одной рюмке вина не выпьют. Они не ждут, что их кто-то будет веселить.

И, на мой взгляд, борьба с пьянством никогда не будет успешной, если одновременно не будет вестись борьба за трезвость. Ведь недаром после документов партии и Правительства о преодолении пьянства и алкоголизма стали создаваться общества борьбы за трезвость, вводиться безалкогольные обряды и традиции. Если помочь понять человеку, что не пить – это хорошо, это приятно, тогда он гораздо легче поймёт, что пить – это плохо. Поэтому мы не должны налегать на запреты, хоть это и проще, а активнее настаивать на том, чтобы каждый человек больше читал, больше участвовал в общественной жизни, в художественной самодеятельности – работал душой.

Какова же роль запретов и ограничительных мер? Тоже очень важная: нельзя изменить мироощущение людей, пока они пьют, ведь

алкоголь ведёт себя в душе человека, как кукушонок в гнезде приёмных родителей. Он вытесняет все желания, кроме одного – пить, пить и пить.

Образно говоря, борьба с пьянством – это откачивание воды из трюма, а борьба за трезвость – это заделывание пробойны. Не заведём пластырь – никогда в жизни океан не перекачаем. А если будем тянуть с откачкой, пока полностью герметизируем пробойну, – утонем.

Всё очень просто. Вот только, чтобы понять эту простоту, потребовались долгие годы размышлений и тяжелейшие физические и душевные травмы.

Так что же взамен? Трезвость! И это немало.

А. ВОРОНЦОВ,
Инж.-констр. СКП, Лектор общества «Знание».

P.S.: Статья была написана в апреле-мае 1986 года, когда у меня был уже более чем годовой опыт трезвой жизни. После того, как 22 сентября 1984 года я пьяненький соскользнул в смотровую яму гаража, и металлическая окантовка прошла по моим рёбрам, как по стиральной доске, переломив на левом боку пять из девяти, я серьёзно задумался о вреде пьянства. А когда через месяц (мне тогда было всего 45 лет, я был ещё крепок и энергичен: за 31 день мои рёбра срослись, мне закрыли больничный) и одну неделю после этого я снова «налопался» и до Нового года успел перенести 5 запоев, каждый от 2-х до 5-ти дней длительностью, я понял, что у меня только две альтернативы: трезвость или полное падение с бесславным концом. Выбрал трезвость. 2 января 1985 года я не стал опохмеляться, потом через неделю пошёл к врачу. Потом через месяц в Ялтинском санатории «Киев» сорвался, снова остановился и до лета 1986 года не срывался. Потом были новые срывы, новая борьба с собой, и с 10 ноября 1989 года по сей день я – трезвенник. Лучший врач, который занимался со мной – Валентин Степанович Евдокимов – подсказал мне простой приём: пассивностью алкоголизм не победить. Именно в борьбе с ним лучшая оборона – наступление. Уйдёшь «в глухую оборону» – обязательно проиграешь: рано или поздно он к тебе вернётся. Эта статья – одна из контратак. И в конце концов я победил!

А статья была опубликована в «Волжском автостроителе» 22 мая 1986 года. Многие помнят это время. Или знают о нём по рассказам.

**ТРЕТЬЯ ПРИЧИНА,
или умолчание, равное соучастию**

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Статья была задумана в 1990-м году. К этому времени мне уже достаточно точно была понятна роль Горбачева в том «процессе», который «уже пошел».

Поскольку пять газет, в т. ч. «Правда», «Советский патриот», «Советская Россия», под разными предлогами, вроде того, что прислан не 1-й экземпляр, не опубликовали моего открытого письма ему с десятью вопросами, я решил подготовить более обстоятельную статью. Если в «Открытом письме» я обращался к Горбачеву с некоторой надеждой, что он просто ошибается, то в «Третьей причине» я предпочел напрямую обратиться к читателю и поставить его перед вопросом: а не предатель ли Горбачев?

Сам я в этом уже не сомневался. Как раз в это время я примкнул к «Движению коммунистической инициативы», и спектр источников информации у меня значительно расширился. При этом оказалось, многие мои умозрительные выводы получают конкретное подтверждение.

Статью я начал писать в ноябре 1990-го, закончил вчерне в марте, доработал после 2-го съезда ДКИ (22–23 апреля, Ленинград) и в мае начал попытки опубликования ее в тольяттинской газете «За коммунизм». Зам. Гл. редактора Орлов И.П. начал тормозить выход статьи – он лично вел ее. Потом оказалось, что он уже втайне «демократ». В чьих же руках был идеологический сектор КПСС? Удивляться ли, что она так быстро рассыпалась вскоре.

Но вот начался спектакль ГКЧП. Однако многие восприняли его всерьез, И уже 20 августа – звонок от Игоря Петровича: «Ставим первую часть статьи в номер, приезжай корректировать гранки». На завтра я в редакции, а 22-го с некоторым чувством победителя читаю газету и тут же получаю телефонное приглашение от выпускавшего редактора приехать для вычитки окончания статьи. Через час я уже в редакции, но выпускающий редактор смущенно отдает мне гранки и отправляет к главному. За какой-то час обстановка изменилась («демократы» замитинговали), и мне было объявлено, что статью снимают, а страницу переверстают. А дня через два-три Орлов И.П. открыто обрушился на мою статью, и я впервые увидел, какие бывают перевертыши.

Но статья все-таки сделала свое дело: на нее обратили внимание те коммунисты, которые ими остались. Мы начали группироваться и уже в самом начале сентября провели первую встречу на скамейке в Парке Победы. Кроме меня были: Гузаев Н.И.(впоследствии

переметнувшийся в КП РФ), Дуняхин А.С., Дубинин В.П. (ныне покойный), Котляров Сергей (на него заводили дело по поводу ГКЧП, а через год его убили при загадочных обстоятельствах), Михеенко Анна Васильевна (она первая позвонила мне после разгрома ГКЧП) и Оськин В.Ф. (его долго тягали на прокурорские допросы, тоже по поводу ГКЧП).

В 91 и 92 годах статья публиковалась в коммунистических и патриотических газетах.

При перепечатывании этой статьи я старался не отходить ни на одно слово от первоначального текста, разве только кое-где исправил огрехи машинистки. Примечания, сделанные при перепечатывании, отмечены моими инициалами и датой перепечатывания.

А.В. , 2004г.

(Для сокращения объёма статьи в этой книге кое-где произведено купирование – А.В. 2013)

* * *

Нет числа программам вывода страны из кризиса, прежде всего экономическим. Все эти программы исходят из того, что СССР – больная держава, ее надо лечить, правда, некоторые авторы считают, что болезнь уже неизлечима. Позиции последних достаточно хорошо и со смакованием освещает «Комсомольская (?) правда» и бесчисленные листки прозападников от «демократов» до монархистов. Позиции официальных лекарей публикуются и пропагандируются официальными средствами массовой информации (Гостелерадио, журналы «Коммунист» и «Партийная жизнь», газеты «Известия», «Труд», «Правда» и др.).

Время от времени собираются консилиумы для постановки и уточнения диагноза и для выработки тактики лечения. Однако кризис, начавшийся в 88-м году, усиливается: ни терапия, ни хирургические меры не помогают. Ликвидаторы ликуют: «Видите, мы же говорили, осталось только одно – уничтожить империю!» (Рейгановское дополнение они пока произносят шепотом).

В чем же дело?

Давайте посмотрим самый свежий диагноз: «Участники Пленума считают, что причины негативных явлений в обществе кроются как в наследии прошлого, сложностях и многогранности решаемых задач, так и в просчетах, допущенных в ходе их реализации». (Объединенный Пленум ЦК и ЦКК, апрель 1991г.)

То есть причин болезни только две. И одна из них прямо наследственная, а вторая – приобретенная, но косвенно имеет тоже наследственное происхождение, ибо вершители ошибок далеко не юноши, и они произрастают из того самого прошлого. Итак, повто-

ряю: причин только две, и обе зародились внутри самой болящей державы. Причины эти реальные, они известны, изучены, спасибо гласности, хорошо и глубоко – аж до тирана Сталина, до жестокого мечтателя Ленина и аж до зарвавшегося Петра 1-го, зачем-то разгромившего шведов.

Так в чем же дело? Почему никаких сдвигов в лечении? Почему болезнь нарастает и уже смахивает на агонию?

Ответ может быть только один: названы не все причины, есть и третья причина.

Почему «названы», а не «выяснены»?

25 февраля 1986 г.

«Капитализм встретил рождение социализма как «ошибку» истории, которая должна быть «исправлена». Исправлена во что бы то ни стало, любым способом, без оглядки на право и мораль: вооруженной интервенцией, экономической блокадой, подрывной деятельностью, санкциями и «наказаниями», отказом от какого бы то ни было сотрудничества». (Политический доклад ЦК КПСС XXVII съезду КПСС. Подготовлен под руководством М.С. Горбачева и зачитан им же).

Ну что же, если об этой причине «забывают» на высоких консилиумах, то от этого незначимее она не становится, и поэтому давайте оглянемся и поmaraкуем сами.

Май 1954г. – образуется легальный международный орган главных масонских лож – Бильдербергский клуб, объединивший богатейших и влиятельнейших людей Северной Америки и Западной Европы. (Назван по месту первой встречи в отеле «Бильдерберг», Голландия).

Масонство – религиозно-политическая организация сектантского типа, основание которой связывают со строительством во времена царя Соломона храма бога Ягве. Отсюда название членов организации – «вольные каменщики-строители храма Соломона». (По-французски каменщик называется «масон»). В основе идеологии организации – культ «мудрого гения». «Культ мудрого гения» – идея господства «благородных и мудрых от природы», идея обреченности угнетенных на положение рабов в силу якобы «вечных законов природы» – вот сущность плоской банальной мудрости иллюминатов и франк-масонов (см. Макркс К. и Энгельс Ф. Соч. т. 7, с. 274).

В клуб входили и входят такие люди как А.Даллес (его план уничтожения СССР при написании статьи мне еще не был известен – А.В.), Г. Трумэн, Брозио (Ген. Сек. НАТО), Кортини (Великий магистр ложи «Великий Восток»), Личи Джелли (магистр ложи «П-2», т. е. «Политика Сионизма-2»), А. Сулицбергер (совладелец газе-

ты «Нью-Йорк таймс»), Г. Киссенджер, миллиардеры Давид Рокфеллер и Эдмон де Ротшильд, Давид Арон (бывш. зам. помощника президента США), Д. Раск, У. Мондейл, З. Бжезинский, Р. Купер (бывш. зам. Госсекретаря США), генералы Норстед и Гудпейстер, Ж. Помпиду, Ги Молле, Мендес Франс, Ф.-Й. Штраус, Вилли Брандт, М. Тэтчер и др.

Какие возможности клуба? Вот несколько примеров.

1956 год. На основе рекомендаций клуба разрабатывается план «Феникс», предусматривающий вооруженный переворот в Венгрии.

Март 1966. Бильдербергский клуб рекомендует Франции остаться в военной организации блока НАТО. Де Голль поступает по-своему, и в апреле 1967г. клуб принимает решение убрать президента Франции, используя ситуацию. «Разрушения и ранения – сейчас наши лучшие союзники» – говорится в решении клуба. Через считанные дни по всей Франции прокатилась волна «стихийных» демонстраций, забастовок, студенческих волнений. Разбиваются витрины, жгутся автомобили. Правительство вынуждено применить силу, авторитет Де Голля падает, в итоге он уходит в отставку и через несколько месяцев умирает.

1968 год. Сенат США на основе рекомендаций клуба утверждает проект закона о торговле с ЧССР, предусматривающий выделение займа. Разрабатываются планы «Вето» и «Зефир» для дестабилизации и переворота в ЧССР.

Еще более могущественный орган мирового империализма – созданная в 1973-м году «Трехсторонняя комиссия». Она также является легальным международным масонским органом. Инициатор создания и нынешний ее руководитель – Давид Рокфеллер, миллиардер и сионист. В составе комиссии видим все тех же: Г. Киссинджер, Д. Картер, Г. Браун, М. Блюменталь. Те же известные в масонском мире западноевропейцы, например, В.Ж.Дг Эстен и представители японского капитала: каждую из сторон представляют по 100 человек.

Представляя в «9-й студии» руководителей Трехсторонней комиссии в январе 89 года, Валентин Зорин сказал: «Западные журналы называют Трехстороннюю комиссию неофициальным правительством капиталистического мира. Это, конечно, преувеличение, но влияние ее велико».

В отличие от Зорина, я склонен считать, что преувеличения здесь нет никакого:

1980 год. На основе решений Трехсторонней комиссии разработан план «Полонья», предусматривающий выделение займов Польше. Что произошло дальше, читатель знает.

Май 1981 На обеде в редакции «Нью-Йорк таймс» министр ВМФ США Д. Леман заявляет: «Необходимо превратить Советы в изолированный остров, чтобы мы владели остальным миром».

Май 1981 А. Хейг в речи перед студентами Сиракузского Университета: «Мы преисполнены решимости восстановить наше лидерство в мире».

1982 год. Во время визита в Англию Р. Рейган призывает отбросить социализм «на пепелище истории», предлагает объявить «Крестовый поход» против «Империи зла». И высказывает весьма здравую мысль: «Исход борьбы, развернувшейся ныне в мире, будет зависеть от победы или поражения стремлений и идей».

1986 год. Выходит книга З. Бжезинского «План игры. Геостратегические рамки американско-советского соревнования». В ней автор делает вывод, что в новых условиях «одержать верх – значит создать международные условия..... способствующие таким переменам в Советском Союзе, которые сделают Советский Союз более сговорчивым...».

Май 1986 На очередном заседании Трехсторонней Комиссии сделаны два основополагающих вывода:

1. Политика и усилия Белого Дома по мобилизации Запада на борьбу с СССР зашли в тупик.

2. Существует возможность улучшения отношений с СССР и замены военно-политического нажима идеологическим и экономическим. Для этого рекомендовано:

а) навязать СССР гонку сверхдорогих вооружений, например СОИ (Стратегическая Оборонная Инициатива – программа создания вооружений космического базирования – А. В. , 2004г.);

б) усилить помощь врагам друзей СССР, например, война в Афганистане ужесточилась;

б) организовать экономический кордон для изматывания СССР;

в) организовать технологический кордон для закрепления технологического отставания СССР, усилить потоки людей и идей в обоих направлениях.

Насколько действенны эти решения?

а) Рейган перестает называть нас «Империей зла», улыбается еще более лучезарно, соглашается на встречу в Рейкьявике и идет на подписание Вашингтонского договора. Намечается подвижка в вопросе о 50%-ном сокращении наступательных стратегических вооружений.

б) Параллельно радиопропаганда «из-за бугра» становится повоенному конкретной. Например: «23 августа собираться у памятника Адаму Мицкевичу. Нести лозунги...»

в) В Сумгаите уголовники «стихийно» устраивают армянский погром. За сутки до этого туда прибывают «сверхинтуитивные» американские корреспонденты.

г) «Вдруг» азербайджанцы и армяне вспоминают, что 60 лет назад у них была нерешенная территориальная проблема.

д) В искусстве и средствах массовой информации разворачивается кампания покаяния за «грехи сталинизма».

е) Прокатывается волна сострадания к «несчастливым уголовникам». Благодарные бывшие «зеки» идут в первых рядах «борцов с тоталитаризмом» в Сумгаите, Звартноце, Степанокерте и Фергане.

ж) Как грибы после дождя растут «неформальные» движения. При этом белоэмигрантский «Посев» пишет: «Через неформалов Россия рано или поздно придет к классовой борьбе».

з) СССР подписывает Венские соглашения о свободном обмене идеями и людьми, о расширении «прав человека». «Гласность» и «плюрализм» становятся международным обязательством. Антикоммунистическая и антисоветская пропаганда перестала встречать сопротивление. Бывшие государственные издания стали использоваться для пропаганды развала государства, для уничтожения цементирующих его морали, идеологии, для подготовки трансформации внутренней и внешней политики, для «проталкивания» во властные структуры людей с антикоммунистическими убеждениями, либо вообще без убеждений.

Почему же именно 86-й год выбран Трехсторонней комиссией для изменения тактики борьбы с социализмом? По моему мнению, причин здесь две.

1. Военное решение проблемы уничтожения социализма невозможно, т.к. при неядерной войне НАТО, практически, не имел преимуществ перед ОВД (Организация Варшавского Договора – А.В., 2004г.), а в некоторых аспектах и уступал. Ядерная война невозможна из-за эффекта «ядерной зимы». Сверхновые вооружения, в т.ч. космического базирования, будут реально готовы к боевому применению не раньше 2000г.

2. Внутри социалистического лагеря назрел кризис: застой в экономике породил искажения политики, идеологии, морали, а самое главное, привел к появлению на базе расширяющейся теневой экономики ростков класса буржуазии – потенциальной 5-й колонны.

Недаром в одном из докладов ЦРУ президенту США в 85-м г. говорилось: «В 80-е годы русские вступили в общество всеобщего потребления ... появилось стремление к накопительству, выросло новое поколение, не знающее ужасов войны, но привыкшее к хорошей жизни за счет труда своих родителей. В этих условиях оторвать что-то от благополучия неизбежно приведет к внутренним потрясениям».

Поскольку все это из названного Пленумом «наследия прошлого», то мне нет необходимости копаться в истоках застоя. Хочу только подчеркнуть два момента, предопределивших его.

Первый. В работе «Детская болезнь левизны в коммунизме» (см. ПСС, т.41, стр. 30) Ленин писал: «Мы боимся чрезмерного расширения партии, ибо к правительственной партии неминуемо стремятся примазаться карьеристы и проходимцы, которые заслуживают только того, чтобы их расстреливать. Последний раз мы широко открыли двери партии ... в те дни ... когда Юденич был в нескольких верстах от Питера, а Деникин в Орле ...».

Увы, это предостережение было забыто. В итоге мы видим, что «товарищи» Ельцин, Попов, Собчак, Бунич, Шаталин, Яковлев, Шмелев и др. процветали при Брежневе и процветают сейчас. И чем пышнее их процветание, тем глубже пропасть, в которую летит страна.

Второй. Экономические реформы 1965...67 годов нацелили экономику не на производство материальных благ, а на получение прибыли для предприятия-производителя. А самый простой и короткий путь получения прибыли с наименьшими затратами усилий – приписка. Новым А.И. Корейкам открылась широкая перспектива.

Так или иначе, но наше общество загнило, и чтобы развалить его, надо было подрубить уже подгнившие опоры.

Какие же?

1. Мораль.

Пробивавшийся на поверхность лозунг «Каждый – сам за себя!» вырвался, и его тщательно пестуют. Тут и зарубежные кинофильмы о суперменах, тут и проклятая «уравниловка», тут и тезис о контрактной системе найма, тут и призыв к обогащению.

«Делайте деньги!» Делают – меркантильность даже в отношениях с друзьями. Делают – расцвет проституции. Делают – взрыв ракеты. Делают – подъем воровства и грабежей.

«Наслаждайтесь!» Наслаждаются – кто сексом, кто просмотром порнофильмов, кто половыми извращениями от садизма до скотоложства.

Интересно, что когда масонам выгодно, они стремятся «... подрывать государство и другие национальные институты; разлагать нации и народы; заражать общественное сознание метастазами стяжательства, карьеризма, эгоизма и корыстолюбия; расшатывать любые моральные устои; разрушать семью, культивировать всевозможные пороки и извращения». (см. «Человек и закон» №10, с.107, 1981г.) И это озверивание людей производится на фоне ханжеских воздыханий об «утраченных духовных ценностях».

Извините, пробить всю сознательную жизнь в партии, подняться до поста члена Политбюро, а потом в трудный для партии момент

выйти из нее и начать против нее же борьбу – это духовность? Превратить благотворительные фонды в лазейку для уклонения от налогов и в средство «отмывания» грязных денег – это духовность?

Николай Островский, папанинцы, челюскинцы, Алексей Стаханов, Валерий Чкалов, молодогвардейцы, Иван Козловский, Игорь Ильинский, Михаил Шолохов, маршал Жуков, капитан Гастелло – это что же, бездуховные люди?

2. Идеология.

Социалистическое строительство и коммунистическая идея – вот та самая веревочка, которая превращала в неломаемый венок хрупкие пруты 120 наций и народностей нашей огромной страны. Ее-то и надо было пересечь в первую очередь.

Начинали с тезиса о необходимости преодоления последствий культа личности Сталина. Усилиями аникоммунистов и соглашателей пришли к отрицанию марксизма-ленинизма. Переименовывая улицы, города, снося памятники вождям и героям революции, пытаются вытравить из памяти народа цели и заветы Октября. Но это еще не все: фактически плюют в душу 2...3-м поколениям советских людей, подбрасывая им тезис о напрасности их жизни, их трудов и лишений.

3. Политическая структура.

Главный политический стержень – КПСС. Это огромная партия, и развалить ее таким методом, как были развалены КПЧ, ВСРП, СЕПГ, невозможно. В отношении КПСС ставка сделана прежде всего на сепаратизм.

Как только удастся отколушнуть компартию какой-либо республики, то далее дело техники: раскол по типу упомянутых партий, отстранение от власти и даже запрет (как в Армении).

В отношении КПСС в целом также ведется мощная подрывная кампания по таким направлениям:

отмена статьи 6 Конституции СССР,
подрыв материальной базы КПСС,
использование ренегатов для борьбы с ней (примеры общеизвестны),
создание антикоммунистических фракций в самой КПСС,
объединение антикоммунистических сил, от монархистов до гомосексуалистов, в противостоящие КПСС политические партии (одна из них, ЛДПР, действует до сих пор – А.В. – 2004г.),

– перерождение Советов. Здесь главный упор на «приближение к Западной демократии». Советы, родившиеся как Советы рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, трансформировались в парламенты, представительство трудящихся в которых резко снизилось. Во многих советах верх взяли ставленники необуржуазии, не скрывающие своей цели – развал социалистического государства. Так, в

1988г. на одном из митингов «неформалов» Г. Попов заявил: «Для того, чтобы вызвать всеобщее недовольство, необходимо окончательно развалить торговлю».

4. Госструктуры.

Прежде всего подрываются иммунные системы государства. Правоохранительные органы парализуются демагогией о «гуманизации», подкупом все большего числа их работников мафией и дезорганизуются произвольным толкованием законов.

На КГБ навешали всех собак и зашельмовали до того, что сейчас чуть ли не позорно защищать родное государство и почетно быть переребечником.

Армию хотят утопить в болоте бытовых неурядиц и сделать бессмысленной саму службу: если Родина с нами так поступает, то зачем ее охранять?

Все это – под вопли о «деполитизации», за которыми только одно: лишить СССР возможности стоять против внешней угрозы и подготовить бездумную «деполитизированную» дубинку, для трудящихся, которые неизбежно прозреют и попытаются бунтовать, когда увидят, кого посадили им на шею.

5. Экономика.

Экономика – это основание, на котором зиждятся все структуры государства, как палатки полярников на льдине. Раскрошится ледяное поле – погибнет весь городок.

Некоторые уязвимые места нашей экономики видны даже дилетантам: протяженные коммуникации между предприятиями (жел. дороги, трубопроводы, ЛЭП), неравномерное распределение источников энергии и недостаток кадров. Поэтому саботаж, умело маскируемый под безалаберность, был организован прежде всего на транспорте. Разложение дисциплины, безответственность позволяют обходиться без прямых диверсий: аварии в этом случае сами собой идут. Когда этого стало мало, были спровоцированы забастовки в угледобыче и блокирование некоторых дорог, потом пошли в ход и прямые диверсионные акты.

Специфические уязвимые места могут быть известны только специалистам. И тут уже начинают обучать кое-кого. Так, однажды в газетах помещали интервью с руководителями организаций «Карабах» в Ереване. Оказывается, в составе «Карабаха» есть экономическая группа, занимающаяся разработкой эффективных способов подрыва экономики города, республики, региона.

Особое значение придается расчленению производства на региональные куски, каждый из которых обречен на умирание. Отсюда и нападки на систему централизованного управления хозяйством и вопли о национальном и региональном суверинитете.

Страшнее этого призывы к денационализации земли. Мало того, что это вызовет всплеск межнациональной вражды, спровоцирует распри, доходящие до мордобоя и братоубийства на межах; мало того, что это заставит надрываться людей на клочках земли и оторвет детей от образования и тем самым увеличит наше технологическое отставание – это еще превратит в груды ненужного металла сотни тысяч тракторов и нынешних сельхозмашин и превратит в египетские пирамиды десятки заводов по производству тракторов и сельхозмашин и одновременно потребует **СОТНИ МИЛЛИАРДОВ РУБЛЕЙ** для создания новой инфраструктуры в сельском хозяйстве, в тракторостроении и сельхозмашиностроении.

И все-таки самое страшное – это деморализация активной части производительных сил, т. е. людей. Те, кто работают, – разочаровываются, начинают хуже трудиться. Молодежь отвращается от труда и ищет легкой наживы в мошенничестве и разбое. Тунеядство разрастается. Новые законы о труде – как дождик для сорняков.

Результат налицо: спад производства, дефицит даже самых необходимых товаров, инфляция, расслоение общества, обогащение кучки за счет обнищания масс.

Еще страшнее то, что под видом «конверсии» разрушается оборонный потенциал страны: тормозятся научные разработки, дисквалифицируются работники (изготавливаются утюги, платяная фурнитура и т.п. на предприятиях ракетно-космического профиля), теряются драгоценные кадры.

И это притом, что «...никто на западе не собирается пока отказываться от разработки новейших типов оружия». (См. «Правда» № 170, стр.5, 1991г.) «В США в 1989г. общий объем производства аэрокосмической промышленности составил 120,6 млрд. д. Во Франции... 17,7 млрд. д.». (см. там же)

То есть через 4...5 лет, когда НАТО и Япония будут иметь оружие нового поколения, мы будем с техникой 70-80-х годов, да еще и урезанной количественно в соответствии с подписанными и готовящимися договорами.

В 1941-м была ситуация: договор со страной, которая уже имела план нападения на нас, вывоз наших материальных ресурсов в эту же страну, отставание в техническом оснащении армии. Итог известен: на танк – с трехлинейкой и бутылкой горючей смеси, массовый героизм и 27 млн. жертв.

Уже сейчас нас заводят в ситуацию, когда к 95 году у нас будет только два выхода: старообрядческое самосожжение или падать ниц перед всеильным объединенным Западом.

Китай, кстати, тоже не стал пока страной воплощенного пацифизма.

6. Межнациональные отношения

Дружба народов – это было одно из достижений социалистического строя у нас. Она принесена в жертву реакции. Хотя в свое время Председатель КГБ т. Крючков заявил, что в Ферганских братоубийственных событиях внешние силы не замечены, через некоторое время стало известно, что к этим событиям приложили руку спецслужбы США и Пакистана. Да это и не мудрено. 27.12.89 г. газета «Советский патриот» опубликовала выдержки из инструкций агентуре ЦРУ в связи с перестройкой. Есть там и такие перлы: «Каждому социальному бунту или недовольству сразу придавать национальное направление. Националистические цели должны быть доминирующими во всех начинаниях. Социальные недовольства мотивировать национальными мотивами, даже если первопричина была не в этом». А вспомним хотя бы прием Р. Рейганом делегации лидеров «Крунка» во главе с Мурадяном? Удивительно, но этому откровенному акту вмешательства в наши внутренние дела руководство СССР никакого препятствия не оказало.

Я уверен, что здесь корни трагедии Нагорного Карабаха, Южной Осетии, Молдавии, Ферганы, Прибалтики. Более того, если не принять мер, то аналогичные события будут развязаны на Западной Украине, в Белоруссии, в Крыму, в Поволжье.

Однако вернемся к хронике.

Осень 87г. На слушаниях в Конгрессе США «Об экономических реформах Горбачева» заявлено: «Национальным интересам США отвечал бы провал социально-экономической политики КПСС и Советского правительства». Это за закрытыми дверями. А на бесчисленные подобострастные вопросы: «Как вам нравится наша перестройка?» западные политики, похлопывая по плечу журналистов и даже наших политиков, кивали: «О кей! Только еще больше гласности и плюрализма!»

Январь 89г. В СССР прибывает делегация Трехсторонней комиссии во главе с самим Рокфеллером. Члены комиссии допущены на радио, телевидение, а Рокфеллер принят на высочайшем уровне.

Целей своего визита гости не скрывают: приехали посмотреть, как идет перестройка, подготовить рекомендации правительствам западных стран для выработки линии поведения в отношении СССР. К апрелю их доклад был готов. При его подготовке члены делегации опирались как на свои личные наблюдения, так и на данные более чем двухсот научных центров, изучающих СССР во всех аспектах.

Уже в апреле-мае этот доклад был известен у нас (разведка все еще работала! – А.В., 2004г.) и в №№ 76,77 «Бюллетеня почтовой информации» был опубликован. Но ведь этот бюллетень доступен только работникам областного звена и выше. Рядовым советским

гражданам этот доклад не показали. И это под вопли о «гласности», которая на деле означает только свободу антикоммунистической пропаганды.

Как же оценили обстановку в СССР и какие рекомендации своим правительствам дали сильные мира сего? Пройдемся по страницам доклада: если его полный текст закрыт от народа, то хотя бы некоторые места откроем.

«Программа Горбачева – это попытка сохранить стране статус сверхдержавы в XXI веке ... Необходимым предварительным условием является радикальная перестройка Советской системы в направлении сближения с западными идеями рыночной экономики и демократического государственного устройства. Авторы данного доклада поддерживают такое определение понятия перестройки».

А мы-то, грешные, думали, что тезис «Альтернативы рынку нет» вымучен бессонными ночами пекущимися о нас отцами государства. А он просто подsunут через тех же буничей, шаталиных, шмелевых, новодворских, яковлевых тем лидерам СССР, которым народ верил, т. к. они считались отцами перестройки, начатой в 85...86 годах.

В течение нескольких лет нам внушают, что Запад бескорыстно стремится облагодетельствовать Советский народ. А вот что говорят сами заправилы капиталистического мира: «Исходя из нашего совместного опыта контактов с коммунистическим миром, переговоров с нынешними советскими руководителями, в том числе с Горбачевым, и научных разработок западных специалистов, мы считаем, что перед нашими странами открывается редкая возможность изменить суть отношений между Востоком и Западом таким образом, чтобы это было выгодно Западу».

Вот в чем суть! Но ведь, извините, «козе понятно», что если отношения не взаимовыгодны, то односторонняя выгода означает ущерб другой стороне! А нам товарищи Горбачев, Ельцин и их советники внушают, что отношения с кап. странами улучшались и улучшаются на основе взаимности, и что для нас это великое благо. Для чего же эта мистификация?

Один из возможных ответов имеется в том же докладе: «По нашему мнению, после 4-х лет пребывания Горбачева у власти (напомню, что доклад составлен в начале 89г. – А.В.) его экономическая программа сделала немалый хаос, не принесла существенных результатов... В связи с тем, что внутренние возможности для маневра, имеющиеся в распоряжении Горбачева, ограничены, и есть серьезная опасность неудачи, он все чаще в качестве компенсации ищет успеха во внешней политике».

Сейчас, после 6-ти лет (его пребывания у власти), мы на грани катастрофы, а наши успехи во внешней политике, увы, весьма

условны: взамен сокращаемого арсенала наш потенциальный противник создает новый, еще более современный и более действенный. Можно привести множество примеров, но я ограничусь двумя:

а) боеголовки с уничтоженных ракет «Першинг-2» использованы в авиабомбах и ракетах воздушного базирования, не подлежащих сокращению по Вашингтонскому договору;

б) США форсируют работы по созданию оружия космического базирования.

Все это полностью вписывается в установки Трехсторонней комиссии: «Мы выступаем в пользу политики параллелизма, согласно которой сокращения тесно увязываются с концепцией прочной обороны на любом уровне и возможностью достижения прогресса в решении политических проблем».

Проще говоря, Запад должен иметь достаточно сил для навязывания нам своей политики. Как на этом фоне понимать усилия тех, кто, прикрываясь фиговым листком конверсии, разваливает нашу оборонную промышленность, подрывает боеспособность армии?

Говорят, что наш односторонний пример усилит нажим народных масс на правительства в кап. странах, и те вынуждены будут пойти на реальное разоружение. Увы, о вторжении в Панаму, о бомбардировках Ливии, о нападении на Ирак народные массы узнавали из утренних газет. А «неофициальное правительство» Запада со страниц своего доклада дает директиву официальным правительствам: «Пока наши страны должны сохранять силу и оставаться начеку. Успешный переход к более мирным отношениям между Востоком и Западом не гарантирован».

Что же диктует нам во внешней политике Трехсторонняя комиссия?

Здесь три направления:

1. Восточная Европа.

а) «Мы намерены добиться прогресса, который позволит народам Восточной Европы самим (?) определять свою судьбу. Но мы не хотим давать повода для нового советского вмешательства».

Вот и весь сказ. А т.т. Шеварднадзе и Яковлев нам внушают, что развал соц. системы – это самопроизвольный процесс. Увы, это Запад «добился прогресса» в деле «превращения Советов в изолированный остров».

б) «...Соединенные Штаты и государства-члены НАТО должны оказывать активное давление на Советский Союз, требуя сокращения его обычных сил, развернутых на европейском ТВД (т. е. театре военных действий – А.В.) в дополнение к уже объявленным односторонним сокращениям».

Не потому ли так поспешно стали гнать эшелоны с нашими войсками из Центральной Европы? При этом НИ ОДНОЙ американской части отсюда не выведено. Более того, потенциал НАТО укреплен за счет территории, людских ресурсов, экономического потенциала, военной техники и личного состава армии бывшей ГДР.

Уму непостижимо, как это согласуется с заявлением Горбачева: «ГДР – наш стратегический союзник, и мы ее в обиду не отдадим».

Другие наши стратегические союзники готовы превратиться завтра во врагов и даже вступить в НАТО.

2. Курильские острова.

Трехсторонняя комиссия четко поддержала Японские притязания на Южнокурильские острова: «Мы также призываем к благоприятному разрешению территориального конфликта между Советским Союзом и Японией, связанного с советской оккупацией 4-х японских северных островов».

Ни больше, ни меньше. Как будто не было ни Ялты, ни Потсдама, ни Сан-Франциско, где США, Великобритания, Япония и другие страны признали в 51-м г. отказ Японии от притязаний на Курильские острова.

То, что Трехсторонняя комиссия, одна из сторон которой – японцы, хотела бы пересмотра истории, не удивительно. Удивительно то, что наши политики и наши средства массовой информации (СМИ) исподволь готовят народ к возможному изменению нашей позиции по этому вопросу.

3. Региональные конфликты.

В докладе ставится задача заставить Советский Союз «отказаться от использования» региональных конфликтов в своих интересах: «... вопрос о готовности Советского Союза отказаться от соблазна использования в своих целях региональных конфликтов станет важным показателем нового состояния отношений между Востоком и Западом».

Что же мы видим в итоге?

В Афганистане душманы пошли в широчайшее наступление. США открыто и нагло нарушают Женевские договоры, по которым они и Пакистан обязаны прекратить всякую военную помощь душманам.

В Никарагуа – победа проамериканских сил.

На Ближнем Востоке США, зная о подготовке Ирака к вторжению в Кувейт, не остановили его (более того, они провоцировали его на эту акцию – А.В., 2004г.), а затем использовали это вторжение как предлог для военного вмешательства. Теперь они фактически оккупировали Северный Ирак и уходить с Ближнего Востока не собираются.

В Эфиопии малоуспешное многолетнее сепаратистское движение вдруг стало поразительно результативным. В итоге победили проамериканские силы.

Т. е. сами американцы от «соблазна» не отказались и не собираются отказываться.

Экономические и политические аспекты нажима на СССР.

Во внешнеэкономической области Трехсторонняя комиссия рекомендует предоставить СССР статус наблюдателя в ГАТТ (генеральная ассамблея торговли и тарифов) и МВФ, тогда как бывшим соц. странам Европы предлагается стать полноправными членами МВФ и ЕС. Сейчас, в 91г., эти рекомендации выполняются. Суть ясна: использовать экономические козыри для политического нажима на СССР.

Во внутриэкономической жизни СССР Трехсторонняя комиссия рекомендует своим странам принять такое участие, которое равносильно вмешательству во внутренние дела. Цитирую: «...мы предлагаем, чтобы наши страны поддерживали меры, которые способствовали бы экономическим преобразованиям, ориентированным на рыночную экономику:

1. Рост числа совместных предприятий с целью производства потребительских товаров следует поощрять.
2. Может быть оказана финансовая поддержка новым институтам, созданным в СССР для подготовки специалистов для мелких предприятий в сфере услуг и частного сектора в сельском хозяйстве...»

А мы-то удивляемся, что это у нас, как грибы, растут школы менеджеров, что это идеи бизнеса даже для детей по телевизору пропагандируют.

Казалось бы, все ясно. Главная цель – способствовать возрождению класса капиталистов в СССР. А уж он-то будет естественным союзником США и даже станет, в угоду старшему партнеру, продавать свой народ. (Увы, это сейчас и происходит – А. В., 2004г.)

Однако, товарищи, вопрос несколько сложнее. Посмотрим еще одно откровение из доклада комиссии: «То, что внутривнутриполитической реформе в программе действий Советского Союза отводится главное место, имеет для наших стран гораздо большее значение, чем вопрос о том, увенчаются ли эти реформы успехом. Дело в том, что уже сама неотложность внутривнутриполитической реформы по крайней мере поглощает энергию, необходимую для решения традиционных для холодной войны задач».

Вот где главный ответ на вопрос, зачем они лезут в наши дела. Нейтрализовать СССР и обеспечить безраздельное господство в мире империализму, в первую очередь американскому, – вот сверхзадача в борьбе против нас.

Именно поэтому 11 апреля 1989г. газета «Нью-Йорк таймс» давала рецепт: Более 2-х тысяч лет назад китайский военный стратег Сунь Цзу советовал: «Высшее военное искусство заключается в том, чтобы победить врага без борьбы».

Это тем более важно для них, что они помнят и предостережение другого военного мыслителя – Клаузевица (кстати, в 1812...13 годах находившегося на военной службе в России – А. В., 2004г.): «Россия не такая страна, которую можно действительно завоевать, т. е. оккупировать. Такая страна может быть побеждена лишь внутренней слабостью и действием внутренних раздоров».

Поэтому было бы наивно полагать, что с реставрацией капитализма в СССР подрывные действия против нас окончатся. Нет. В конце прошлого года Г. Киссинджер заявил: «Как идеологическая сила Москва, в основном, утратила свое значение. Но как государство Россия вызывала озабоченность своих соседей на протяжении 700 лет. Советский Союз остается потенциальным противником».

Поэтому давайте подумаем, в чью пользу призывы и действия, направленные на раскол Союза и его республик.

Наивно полагать, что эти грандиозные замыслы «мирового правительства» могут быть выполнены агентурой ЦРУ и других подобных организаций, засылай хоть миллион, если внутри самого Союза не будет сил, способствующих этому. ОНИ ЕСТЬ.

На кого же может опереться Трехсторонняя комиссия?

Прежде всего, используется стремление нашего руководства сохранить мир и предотвратить противоборство с Америкой любой ценой. В докладе четко указано: «...необходимо разработать стратегию, которая будет основываться на правильной оценке потребностей, побуждающих Советский Союз двигаться в направлении... реформы и ослабления конфронтации с Западом. Мы считаем, что эти перемены, вероятно, произойдут быстрее, если Горбачев сохранит руководящее положение, чем в том случае, если это положение займут его известные политические соперники». (Читатель, хоть теперь-то ты понял, где «хунд геграбен», как говаривал незабвенный Савва Игнатьич? – А. В., 2004г.)

А некоторые наши лидеры уже не возражают и против оккупации СССР. Я имею в виду высказывание Э.А. Шеварднадзе 20.05.1991г. в США (интервью газете «Сан Франциско Кроникл»): «Если бы я продолжал оставаться членом Советского Правительства, я не стал бы возражать против участия ООН в решении внутренних конфликтов».

Вспомним Ближний Восток: США помогают разгореться любому конфликту, а потом идут «устанавливать мир». В последний раз они,

как в 50-е годы в Корее, использовали флаги своих союзников и даже флаг ООН.

Вспомним и то, что полгода назад в печати США стал подниматься вопрос о судьбе ядерного арсенала СССР в случае раскола страны. Потом уровень постановки вопроса повысился: весной экс-президент Никсон был у нас в Грузии и заявил, что США «должны подумать» о будущем ядерных сил СССР. Следующий уровень, надо полагать, будет официальной доктриной действующих руководителей США.

Однако более мощную поддержку Западу могут оказать и уже оказывают новоявленные советские капиталисты. Примеров тут множество. Взять хотя бы аферу со 140 миллиардами рублей. Недаром В.И. Ленин предупреждал, что частная собственность ежечасно порождает капиталистические отношения. Учтем и следующее обстоятельство. Поскольку сколачивание больших состояний всегда связано с нарушением морали и законов, а в СССР даже в принципе невозможно было (кроме единичных случаев сверхталантов) законным путем добыть сотни тысяч и миллионы, то все новоявленные «совбуры» тесно связаны с уголовным миром, по сути, составляют часть его. А уголовный мир организован, безжалостен и вооружен. Все это крайне ценно в борьбе за политическую власть для организации широкого террора, для будущего уничтожения коммунистов и для давления на трудящихся в предстоящих после возрождения капитализма классовых схватках.

Еще большая надежда Трехсторонней комиссии – рост буржуазного национализма вместе с ростом числа и веса «совбуров». Результаты их деятельности уже видны повсюду.

Но самая большая надежда Трехсторонней комиссии в этом плане – неинформированность и политическая малограмотность всего народа. Делается упор на дискредитацию социализма. В докладе указывается: «Осознание реального состояния дел, подкрепленное каждодневным сравнением, благодаря средствам молниеносной связи, с положением на Западе может вызвать кризис». Поэтому мы наблюдаем, с одной стороны, рьяную пропаганду по телевидению и в газетах престелей жизни, а с другой стороны, – все нарастающий дефицит у нас. Там, где дефицита нет – его создают искусственно, припрятывая, а то и уничтожая товары.

Т. е. решается двуединая задача: замордовать людей до такой степени, чтобы они готовы были принять любую власть, которая остановит кошмар, (тогда, в 90...91 годах, я еще не читал «Протоколов сионских мудрецов», в которых рекомендуется именно этот метод – А. В., 2004г.), а с другой стороны во всех бедах обвинить коммунистов и травить на них народ. Сделать это нетрудно, ибо инициаторами всех антинародных мероприятий последнего времени являются люди

с партбилетами. Некоторые из них, видимо, решили, что их миссия уже выполнена. Маска больше не нужна, и можно выйти из КПСС.

Ряды «выходцев», пока писалась эта статья, пополнил Э.А. Шеварднадзе, заявивший о создании новой партии. Есть такой прием на бойнях: чтобы стадо овец без сопротивления шло под нож, впереди его пускают козлов, ведущих их до забойного цеха, потом козлы отходят в сторону и получают что-нибудь вкусненькое. А стаду вкусненькое уже не понадобится.

Кстати. Я никак не могу припомнить гневных слов Генерального Секретаря ЦК КПСС в адрес людей, бросивших партию в трудное время.

Сопоставляя все факты, можно только поздравить Трехстороннюю комиссию с успехом в деле переоборудования СССР из соц. в кап. страну и в деле развала его на осколки.

Правда, в последнее время, видимо, напугавшись излишней откровенности и реакции на нее, на Западе, да и в нашей прессе (см., например, статью Т.Колесниченко в «Правде» № 1, стр. 6 за 6.07.91) нас начали успокаивать тем, что Западу не выгоден распад СССР. Что ж давайте вспомним, как в 1973 г. Г. Киссинджер удивлялся фашистскому перевороту в Чили. А в 74 г. стало известно, что переворот подготовлен «Комитетом сорока» при СНБ США. Председателем этого комитета был сам Г. Киссинджер.... Это во-первых. А во-вторых, надо быть наивным до идиотизма, чтобы поверить в искренность желания вырастить мощного конкурента на рынке.

Запускается и такая идея: «Зачем Западу завоевывать нас? Чтобы потом кормить 300 млн. ртов?» Это уже рассчитано на святую наивность не понимающих, что Западу надо не 300 млн. рабов или ртов, а 21,4 млн. км² нашей территории – источник сырья, полигон для вредных производств, ареал обитания дешевой рабсилы. (Кстати. М. Тэтчер заявила, что и рабов-то надо всего 50 млн. Остальных, значит, надо выморить – А. В., 2004г.) Так же, как и Гитлер когда-то, они вовсе не собираются кормить нас – они собираются кормиться за счет нас.

И уже кормятся. Миллиарды народных денег текут за кордон, сплавляется ценное сырье, продовольствие, драгоценности. Обращает на себя внимание такой факт, что во всех невероятно хитроумных аферах (например, продажа «на корню» добываемых алмазов фирме «Де Бирс», основанной в XIX английским евреем С. Родсом) участвуют международные сионистские силы, делающие политическую погоду в США, ЮАР, Израиле. Сопоставляя это с появившимися про-израильскими акцентами в нашей ближневосточной политике и с кадровым составом советников наших верхов, начинаешь понимать причины успехов Трехсторонней комиссии, в которой Ротшильды и Г. Киссинджер играют далеко не последние роли. Может быть, здесь же и кроется ответ на вопрос, почему наши «диагносты» видят

только две причины болезни и не замечают третью. Поэтому хочется обратиться к нашим руководителям: не забывайте, что дача клятвы на верность народу и Державе – это не просто телевизионное шоу. Определитесь, с кем вы – с народом СССР или с Трехсторонней комиссией.

Поэтому хочется обратиться и к народу: откройте глаза, и пока вас полностью не захомутали вчерашние «теневики», остановите их сегодня – завтра будет поздно: «В целом за год в карман «теневиков» попадают десятки, сотни миллиардов рублей. Имея такие средства, воротилы преступного бизнеса начинают контролировать государственную экономику, проникать в структуры власти, расширять лоббистское воздействие на них...». («Правда» за 12.07.91г.)

В заключение для тех, кто, прочитав эту статью, все еще сомневается в том, что диагнозы и рецепты нашим «лекарям» диктуются извне, рекомендую почитать интервью Д. Буша корреспонденту «Правды» (см. № 164, за 12.07.91г.): «Сейчас Советская экономика болеет... По нашему мнению – путь к исправлению положения, лежит через приватизацию, рыночную реформу и т. п. ... Мне хотелось бы знать, что Советский Союз так же твердо следует курсу реформ, как того хочет – я уверен в этом – Президент Горбачев. Нам хотелось бы, чтобы Ельцин и Горбачев продолжали – я употребляю это слово намеренно – работать вместе».

Что ж, как в воду глядел наш Генеральный секретарь 25 февраля 1986 г. (см. выше). Жаль, что сейчас он смотрит не в чистый родник, а в кривое зеркало.

И УЖЕ НЕ ЗНАЕМ МЫ, УСТОЯТ ЛИ ИДЕИ, ВЫСТРАДАННЫЕ ЛУЧШИМИ УМАМИ И СЕРДЦАМИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА; УСТОИТ ЛИ ВЕЛИКАЯ ДЕРЖАВА, ОДИННАДЦАТЬ ВЕКОВ СОЗДАВАВШАЯСЯ ПОТОМ И КРОВЬЮ НАШИХ ПРЕДКОВ; УСТОИТ ЛИ СЛАВЯНСКАЯ КУЛЬТУРА ПОД НАТИСКОМ ТЕХНОКРАТИИ И РОК-Н-РОЛЛА АНГЛО-САКСОНСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ.

А, может быть, не так уж страшна иностранная кабала? Германия, Япония, Южная Корея ... Может, и нам победители дадут такую возможность?

Многие мои знакомые так и думают, и меня почти уговорили, и убедили бы, если б не эта откровенность: «...изменить суть отношений между Востоком и Западом таким образом, чтобы это было выгодно Западу», и если бы эта выгода не оборачивалась кровью по всему Союзу.

А если бы «гласность» не прятала этого от моих знакомых, может быть, они и перестали уговаривать меня примириться с реставрацией.

**Май-июль 1991 г. Воронцов А.С.
Чл. КПСС с 1968 г. Член общ. «Знание»**

ПОСЛЕСЛОВИЕ АВТОРА

В 91...92 годах некоторые читатели (либо очень невнимательные, либо идеологические противники) пытались меня упрекнуть в том, что я объясняю развал Союза только внешними факторами. Что тут сказать? Разуйте глаза и прочтите заголовок. ТРЕТЬЯ ПРИЧИНА. Вовсе не единственная, и даже не первая! Просто первые две и назвал, и рассмотрел Горбачев в докладе, а я об этом только упоминаю. Зачем мне его дублировать?

Еще один момент. Многие опасения, высказанные в статье, подтвердились. Но это не потому, что я обладаю мистическими способностями, вроде Нострадамуса. Просто как лектор я знал больше других, и я владел методикой анализа. Поэтому я видел «грядущую катастрофу», и мне хотелось, чтобы читатели присоединились ко мне в попытках предотвратить ее. Предвидеть мне, в целом, удалось. А предотвратить?

Прошло более 13-ти лет. Верхи устыдить мне не удалось, низы разбудить и просветить – тоже. Но жизнь дала ответы на многие вопросы и часть сомнений развеялась.

Что же мы видим?

1. Подтвердились опасения по поводу двурушничества Горбачева. Беседуя с Е. К. Лигачевым в феврале 93-го, я узнал, что на пост Генсека Горбачев вступил еще не предателем, но готовым к этому, что и произошло с ним «в процессе» перестройки. Из других источников мне стало известно, что переломным моментом стала его встреча с Рейганом в Рейкьявике осенью 1986-го. Встреча на американском корабле у берегов Мальты (осиное гнездо масонства) завершила его грехопадение. Оставалось только как-то завуалировать его предательство. Для этого и был поставлен спектакль ГКЧП. Горбачевское отступничество стоило народам СССР многих миллионов жизней и десятков миллионов поломанных судеб. Неясна мне роль председателя КГБ Крючкова во всех этих событиях.

2. Великая держава не устояла. Тысячелетняя империя – в руинах. Дело Горбачева довершил Ельцин «со товарищи», за что и удостоился поздравительного звонка от Буша. Однако изрядно потрепанная Россия все еще чудом держится на плаву. Надолго ли? Сейчас неясна мне (да и не только мне) роль Президента Путина в нынешних российских событиях. То ли он пытается кое-как приподнять страну, то ли устанавливает словесно-дымовую завесу, под прикрытием которой готовится последний удар. Линии разлома России уже проведены в виде «федеральных округов», некоторые будущие марионеточные правители выехали из центра в будущие вотчины. Карты будущих зон оккупации уже неоднократно публиковались на Западе.

3.Самое ужасное то, что предательские настроения постепенно спускаются сверху вниз, процесс этот подогревается подконтрольными «демократам» СМИ. Для поддержания этого процесса народ сознательно деморализуют, превращая людей в животных. Редкие голоса коммунистов (а их в 1990г. даже в КПСС было всего 3%, остальные – балласт и перевертыши) не могут соперничать с технологиями массового оболванивания. Чего стоит одна только кампания по оправданию ликвидации льгот для пенсионеров и других категорий населения! Главной задачей манипуляторов общественным сознанием является превращение нашего народа в быдло, не только не способное, но и не желающее сопротивляться уничтожению.

4.Масонам официально разрешено открыть в России две ложки. А Ельцин щеголял в одеянии кавалера Мальтийского Ордена.

5.Сионисты окончательно подмяли под себя еврейскую общину и процветают. Национальный состав олигархов-миллиардеров и новая ближневосточная политика России – подтверждение тому.

6.Когда «демократы» прельщали людей капитализмом, то особенно напирали на «права человека» и на «свободу». В итоге – РАБСТВО в прямом смысле этого слова. Это уже не считая того, что миллионам людей и годами не выплачивают зарплату.

7.В области культуры – насаждение бескультурия, бесчеловечности, темноты. Тем не менее очаги сопротивления как в автономных республиках, так и среди русских «культуртрегеров» остаются.

8.Запад уже при Горбачеве жироваз за наш счет, а теперь и подавно: триллионы наших рублей утекли, недра и промышленность ставятся под контроль западного капитала. А «западный» капитал весь под Ротшильдами, Морганями да Соросами. Вот и вспоминается Библия: «Ты будешь жить в городах, которые не строил, и пить воду из колодезев, которые не копал».

Спасение для России только в одном – отказаться от капитализма, ибо частная собственность – это вечная грызня и братоубийство и взаимопревращение в легкую добычу для иноземцев.

Не верите? А вы опять прочтите статью, и сравните то, что я в ней говорил, с тем, что происходит.2004...2013

Александр ВОРОНЦОВ
Член РКРП с 1991г, Член Союза писателей России

ТОЦКОЕ ПРОТИВОСТОЯНИЕ

Предисловие автора

Получив власть над Россией с помощью американцев, Ельцин и его окружение вскорости начали отрабатывать должок. Для этого они начали крушить все, что создавало мощь и величие России. К середине 1994-го дело дошло до стратегических систем вооружения страны. На широко известном Тоцком полигоне находились центры управления ими. Вот там-то и назначены были так называемые российско-американские учения. По форме они были тренировкой «умиротворения» народных волнений, а по существу – шпионская операция американских спецслужб. Конечно, это вызвало протест многих патриотов. Активнее и целенаправленнее всех оказался Анпилов Виктор Иванович. Он-то и организовал акцию «Русский редут».

С ним я познакомился в апреле 1991-го в Ленинграде на 2-м съезде ДКИ. Ранее он был у нас в Тольятти, где с помощью Осыкина В.Ф. отпечатал 3-й номер «Молнии» в типографии ВАЗа. Потом я встретался и беседовал с ним на других съездах ДКИ и РКРП, а так же «Трудовой России».

После отсидки в Лефортово он мне показался несколько заторможенным и «зацикленным» на президентских выборах, но то, что именно он предложил акцию «Русский редут», меня обрадовало: это означало, что Анпилов восстанавливался. Проведя ряд политических акций в Москве и других городах, Анпилов с группой товарищей поездом отправился в Тоцкое. По дороге к ним присоединялись активисты РКРП и «Трудовой России». Поскольку поезд «Москва – Оренбург» через Тольятти не идет, я с товарищами отправился своим ходом (на автомобиле).

Пребывание в Тоцком меня сильно впечатлило – и я написал эту статью, которую распространял среди товарищей по «Русскому редуту» и на митингах, а также опубликовал в газете «Коммунист Тольятти», которую недолго издавали КП РФовцы.

Пикетирование дало жизнь стихотворным строчкам, ставшим потом песней. 22 августа 91-го возникли слова:

«Я последним уйду с бастиона,/ А, быть может, совсем не уйду».

А накануне отъезда я написал к этим словам стихотворение «Ах, Россия!», имевшее такие строки:

*«А когда зарубежную свору,
Чтоб тебя добивать, приведут –
Без раздумий и без разговоров
Поднимусь и взойду на редут...»*

И вот 1 сентября я, Виталий Тардаев, Сергей Овсяников и товарищ из организации «афганцев», без раздумий и без разговоров отправились на моей «шестёрочке» в Тоцкое.

А.В. , 2005г.

На станцию Тощая мы приехали с часовым опозданием. Мы – это трое тольяттинцев (Юра-«афганец», Сергей Овсяников – член КПРФ и я, автор этих строк) и куйбышевец Виталий Тардаев. (В первоначальной редакции статьи я счел за благо фамилии Сергея и Виталия не указывать полностью, теперь, по прошествии десятка лет, я их «рассекретил» – А.В. 2005.) Автомобиль предусмотрительно поставили в сторонке, и вдвоём пошли на разведку.

На привокзальной площади – УАЗики милицейские, автобус с ОМОНовцами, военные. У «комка» – группа «крутых», явно – подсадка спецслужб. Повеяло 1942-м годом, когда я в детские годы 5 месяцев провел в оккупации «под немцем».

На перроне – группами по 2 – 3 человека ОМОНовцы и милиционеры. 4 женщины «в годах» поют революционные песни – это агитгруппа «Русского редута». Около них небольшая толпа.

Чуть дальше – вокруг Анпилова толпа поплотнее: следят за его полемикой с главой местной администрации и подполковником милиции – интеллигентным по виду и речи казахом лет 40 – 45-ти. Оба уговаривают Анпилова вернуться в Москву вместе с пикетчиками.

– Почему?

– Понимаете, сюда нельзя...

– Назовите мне статью Конституции или Закон, которые бы запрещали мне ходить по родной земле.

– Таких законов нет, но ведь здесь полигон, опасная зона...

Но Анпилова на такую «морышку» не поймать:

– Если здесь закрытая военная зона, то она должна быть огорожена?

– Да.

– Должны быть выставлены часовые?

– Да.

– Значит, до ограждения и до часовых мы можем дойти?

– Да, конечно.

– Так неужели вы считаете, что мы полезем на часовых и на колючую проволоку?

Интеллигент-милиционер устыдился первый. Дискуссия завяла.

Власти поняли, что 80 человек, половина из которых – женщины и пожилые (от 55 до 73 лет) мужчины, Тощую дивизию, даже не подкрепленную американцами, ОМОНовцами и милицией, не одолеют, и приехали сюда они вовсе не для этого.

Понимают это, конечно, и в МВД и в МО, но зачем же они стянули против горстки безоружных и физически заурядных людей такие силы? Зачем в Сорочинске (город в 30-ти км от Тощого) дежурил отряд ОМОН при вертолетах?

Видимо, у Ерина и Грачева (тогдашние МВД и МО – А.В. 2005.) совести гораздо меньше, чем у тоцкого подполковника, да и ту 3 – 4 октября 1993 они замарали. А люди с нечистой совестью всегда пугливей.

Когда акция «Русский редут» подошла к стадии пикетирования Тоцкого полигона, местным жителям стали врать, что приедут боевики и громилы.

Среди приехавших были люди, уже отведавшие ОМОНовских дубинок, побывавшие под обстрелом бейтаровцев и спецназа у Белого дома (Бейтар – созданная сионистами в Израиле и в других странах организация боевиков, выступающая как добровольческая неправительственная организация. В Москве действовали как приехавшие из Израиля, так и местные отряды, созданные по заданию Лужкова тогдашним руководителем службы безопасности Москвы Боксером. Выступали, в основном, в роли провокаторов вооруженных столкновений между правительственными структурами и дружинниками оппозиции. По рассказам участников событий у Останкинской телебашни от рук бейтаровцев погибло больше народа, чем от подразделений спецназа, засевших в телецентре. – А.В. 2005).

Были среди пикетчиков и те, кто воевал на фронтах Великой Отечественной войны. (Одна из них – москвичка Оси-пенко Евгения Антоновна, двенадцатилетней девочкой ставшая дочерью полка, прошедшая тысячи фронтовых километров и имевшая боевые награды. Весной её не стало. Склоним головы перед её светлой памятью. – А.В. 2005.) Эти люди не боялись вовлеченных в изменническую операцию сил ОМОНа, милиции, армии потому, что приехали защищать Родину – единственное, что у нас еще не отняли. Если в 42 году Власов сдал немцам только одну армию, то сейчас пытаются сдать Мировому правительству всю страну. Начиналось с небольшого: Миша Г. и Эдик Ш. подарили Штатам 42 тыс. км.2 акватории Берингова моря (бескорыстно ли?). Теперь Курилы пытаются вручить Японии, Сибирь сдать для колонизации Америке и Японии, Среднюю Азию и Закавказье – Турции и Ирану (Конечно с новым правительством, угодным Штатам. – А. В. 2006г.), да те никак пока не могут проглотить такие куски. Молдавию чуть было Румыния не слопала, но поперхнулась на Приднестровье. Столицы Собчак и Попов успешно запродали западным банкирам...

А народ пока ослеплён, оглушён, обманут, втянут в грызню за место у корыта. И лишь когда корыто опустеет, – завизжит, забрыкается, забодается. Вот тогда и понадобятся «миротворческие операции», обучать которым прибыли на Тоцкий полигон 252 американца. И как символ нынешнего и грядущего поражений и отчаянного сопротивления горстки прозревших над Тоцким развевались большой бе-

лый и маленький красный флаги, невесть кем водружённые на водонапорной башне. А, может быть, кто-то по-прохановски намекнул, что перед общей угрозой и белым и красным не грех выступить в одном строю?.. Ночь провели в спортзале средней школы. От мест в гостиницах отказались. Чтобы не дробиться, т.к. помнили 22 июня 1992 года. Анпилов предупредил о введении «сухого закона», чтобы не давать козырей властям, жаждущим подловить пикет на чём угодно. Предупреждение было не лишним, т.к. среди пикетчиков были и коммунисты, и монархисты, и казаки, и аграрники. А практика показывает, что при всей своей непримиримости белые могут запросто пить красное, а красные – белую.

К семи утра мы уже были готовы к поездке на пункт пикетирования. Используя две легковушки и один УАЗик, зафрахтованный местными товарищами из РКРП, через час мы были уже перед мостом через Самарку. Там у шлагбаума нас ждали милицейские машины, сами милиционеры и ОМОНовцы в пятнистой униформе. Их было не меньше, чем нас. Картина вызвала поразительный букет чувств: страх, гордость, презрение, жалость, недоумение.

Гляди-ка – нас считают за реальную силу. Нас, при всей нашей физической хилости. Казалось бы, 15 – 20 обученных детинушек с дубинками могут разметать нас, как котят. А, впрочем... смогли же 28 человек у Дубосекова остановить танковый полк. И горечь. Страшная горечь. Не оттого, что этих оболваненных, как власовцев выставили против своих. А оттого, что слишком много по России молодых, крепких и умненьких, валяющихся на печках, как Емелюшки, а за себя постоять выставивших «поединщиков»: Григория Михайловича, семидесятитрехлетнего майора, бородой закрывавшего ордена, Евгению Антоновну, в двенадцать лет ставшую дочерью полка и понюхавшую пороха на фронтах Великой Отечественной... Да не уж-то мы все совесть потеряли?! Нет, не все: прибыла горстка мужчин и женщин разных возрастов, разной национальной и партийной принадлежности, верующие и атеисты. Их привела сюда тревога за себя, за народ, за Родину.

В чем же источник тревоги? Ведь на учениях отрабатывались «миротворческие операции». А разве мы не убедились за последние годы, что скрывается за красивыми словами? «Перестройка» – это разрушение; «рынок» – криминальный капитализм; «либерализация цен» – инфляционное ограбление; «рэкет» – бесчеловечное вымогательство. И даже для наёмных убийц подыскивали чужое, потому неясное, слово «киллер». Так вот, «миротворческие» – это карательные и жандармские операции, которые предполагается проводить силами русских войск под руководством США на любых территориях, в т.ч. и на Российской. Скупая информация Ростелерадио подтвердила

эти опасения. Фокус в том, что при «денежной приватизации», которая является третьей фазой всенародного ограбления, могут начаться волнения. А если учесть, что из-за недорода и плохой уборки урожая год будет голодный, то возможны и бунты.

Ельцина и его клику страшит возможность смены власти: придётся отчитаться за «прихватизацию», за кровь, за разор. Америку страшит потеря Российской кормушки и возрождение Великой державы. Есть основания предполагать, что из-за этих опасений Ельцин во время визита в Германию заручился обещанием НАТО оказать ему военную помощь вплоть до интервенции в случае угрозы режиму. Мы считаем, что тоцкие учения – репетиция военной оккупации России. Регулярные посадки (3 раза в день, а до нашего прибытия было до шести рейсов) огромных «Боингов» на Тоцком аэродроме и сообщения Самарского радио об инспектировании приволжских аэродромов американцами только подтвердили наши опасения.

Далее. Поскольку США не уверены, что в развращенной, алкоголизированной и коррумпированной Российской Армии не осталось боеспособных частей и подразделений и патриотически настроенных людей, то, во избежание больших потерь для Америки при оккупации России, США нуждаются в заполнении оставшихся пробелов в разведданных. Это мы понимаем, потому и приехали на пикетирование. И эти наши опасения подтвердились огромным числом самолёто-посадок (несколько десятков рейсов 200-тонных машин на 252 человека!) и строительством по требованию американской стороны дополнительной асфальтовой дороги и понтонного моста, т.к., якобы, «американская техника не выдержит ваших дорог». Надо полагать, речь шла об электронике.

Как проходило пикетирование?

Мы стояли двумя шпалерами вдоль дороги с флагами, транспарантами, плакатами. Мы выкрикивали и скандировали призывы, обращения и лозунги, мы писали краской на дороге: убрать американцев! Мы раздавали литературу.

Ещё накануне на перроне вокзала я для пробы предложил газеты милиционерам и ОМОНовцам. Взяли! Причем, некоторые попросили «добавки» для казармы. И здесь, у шлагбаума, большинство охотно брали газеты, листовки, стихи патриотического звучания. Отказывающихся от газет из числа военных было очень мало. Однако беседы с солдатами и офицерами показали, что в головах у них – политическая каша. Не удивительно при нынешних возможностях средств дезинформации. Преобладающее настроение: «Мы-то что, нам приказывают – мы исполняем». С одной стороны страшно, с другой – обнадеживает: Бог даст, найдется кто-то и подаст правильную команду.

Но самым важным в пикетировании было то, что мы подготовили три документа: заявление американской стороне (готовил лично Анпилов, поскольку хорошо владеет английским), заявление Российской стороне и обращение к лидерам оппозиционных политических сил (эти документы готовила редакционная комиссия, образованная по моему предложению).

Командование Тоцкой дивизии попыталось было уклониться от приема документов, но Анпилов предупредил, что в таком случае мы применим иные формы пикетирования, которые привлекут внимание Российской и мировой общественности. Поскольку в Тоцком было полно репортеров, и они уже контактировали с нами, военные пообещали дать ответ к 15 часам. Ответили: завтра к 12 будут готовы принять наши заявления.

В субботу 3 сентября в 11ч. 55м. Анпилов сел в балаковскую «Ниву» красного цвета. С ним – четверо представителей от регионов, в т.ч. двое ветеранов Великой Отечественной.

- Дайте мне флаг СССР! – потребовал Анпилов.
- Виктор Иванович, может, лучше флаг РСФСР?
- Нет! Только флаг СССР!

И вот «Нива» под красным серпасто-молоткастым флагом подъезжает к шлагбауму. Армейский и милицкий офицеры отдают честь флагу, и шлагбаум поднимается....

Вернулся Анпилов в сложном настроении: довольный, что главная задача пикетирования выполнена, и разочарованный поведением русских офицеров на встрече. Назначенные командиром дивизии для ведения переговоров полковники мялись и жались, так что ведение встречи вынужден был взять на себя американский полковник. Выходит, часть наших офицеров уже готовы отойти на вторые роли и поставить себя под американское командование. На следующий день на 12 часов было назначено прекращение пикетирования. По предложению местных товарищей из «Трудового Оренбуржья» решено было утром в центре Тоцкого провести митинг-встречу с Анпиловым, а на вокзале – прощальный митинг перед отъездом основной группы – москвичей.

А ночью случилось ЧП.

Мы уведомили гарнизонное руководство, что завтра снимаемся. Т. е. дали понять, что ОМОНу нет смысла устраивать нам «достойные проводы» (о чем нас предупредил один милицкий капитан). Но на всякий случай я совершал обычное ночное курсирование между базовым лагерем и палаточным у шлагбаума. Тольяттинцы и балаковцы прибыли на своих «колёсах», поэтому нас использовали для связи, бытовых перевозок (чай, пища, рюкзаки и т. д.) и для внешней разведки – не отмечается ли скопление ОМОНа или спецназа.

Приезжаю с одним москвичём в палаточный лагерь около 2-х часов ночи и узнаю, что милиция выстраивала всех у костра, пересчитывала и т. п. Оказалось, что в военном городке при попытке поднять красное знамя арестовано несколько наших товарищей. Кто? Сколько? Обстоятельства? Кто санкционировал акцию? Где Анпилов? Виктор Иванович, как назло, впервые отлучился с вечера в поселок. Разворачиваюсь в сторону Тоцкого, но уже через 1-2 минуты настигает милицейская машина. Требуют документы. Настоял, чтобы сначала предъявили свои удостоверения люди в черной униформе. Нехотя, но показали. (Надо отдать справедливость, случаев хамского отношения или прямых угроз со стороны милиционеров я не видел и не слышал от приезда до отъезда. Видимо, все же понимают, что нынешний режим 70 лет не продержится). Связались по рации, сообщили данные на наш автомобиль, мою фамилию и как одет. Через 6-7 минут я и московский товарищ были в милицейском участке на территории военного городка.

Требую разъяснить причины задержания. Разъясняют:

– Двое ваших товарищей арестованы при попытке поднять флаг над городком, а один сбежал. Если он в темноте заблудится и попадет на полигон в зону обстрела, кто будет отвечать?

Картина прояснилась. Чуть отлегло. Но сомнение осталось: а что если третьего подстрелили, а потом подбросят к мишеням на полигоне? Но по раздраженному тону дежурного понял, что «партизан» действительно ушёл. Потом был обыск машины, очная ставка с Сергеем С. – московским поэтом, пикетчиком. Я не мог отрицать свою причастность к пикету, т.к., будучи в редакционной комиссии, поставил свою подпись под заявлениями, переданными командованию учений. Да и чего мне стыдиться? Пусть устыдятся те, кто охранял передовой отряд оккупантов. Поэтому я во всё время допроса был в контратаке. Дежурный вынужден был от милицейского протокола перейти к общеполитической дискуссии.

В конце концов реальные претензии остались только к Андрею, 20-тилетнему комсомольцу из Омска: при нем не оказалось никакого документа кроме нового комсомольского билета, да и тот без фото и печати. Ему пообещали 30-ти суточное выяснение личности. Однако, через некоторое время, после телефонного звонка дежурный приказал:

– Выпустить всех четверых! – ясно, что мы мешкать не стали.

В палаточном лагере одни ругали Андрея и Сергея С., другие их восторженно хвалили: нашёлся «партизан» – местный, оренбургский. Жалко, сноровки ребятам не хватило...

На следующее утро при помощи местных товарищей организовали встречу местного населения с Анпиловым. Митинг провести не могли, т.к. для этого надо подавать заявку за 10 дней. Небольшая сельская площадь к 11 часам была заполнена довольно плотно.

Милиция (4-5 чел.) маячила на заднем плане, спокойно наблюдая за происходящим. Выступил Анпилов. Небольшое выступление агитгруппы, к которой я уже подключился с авторским чтением стихов.

Потом были вопросы, из которых можно понять: люди недовольны положением, но кто и что с ними делает, почти не понимают. То, что рухнул социализм и связанные о нем социальные гарантии – мало кто понимает, никак не могут взять в толк, что уничтожение завоеваний социализма и есть задача новой власти. Понимание этого затрудняется тем, что персоналии почти не поменялись: власть новая, а лица, её осуществляющие, – прежние. Вот это массовое предательство верхов, отступившихся от Советской власти, чтобы опять остаться «верхами» – это есть главный козырь врагов трудящихся и врагов России.

Поэтому и движение против оккупации и колонизации страны пока слабое. Неужели надо ждать, пока плеть «сахива» погонит нас на плантации? Неужели без этого люди не разберутся в сути происходящего?..

С митинга повез Анпилова к месту пикетирования. Пикет был уже снят, палатки разобраны, костер догорал, часть людей уже уехала в базовый лагерь. Анпилов официально уведомил военных и милицию о снятии пикета. Попросили у Анпилова 2-й экземпляр заявления американцам. Видимо ФСК постеснялась просить американцев снять копию. Но нам уже некогда было решать эту проблему. Через полтора часа основная часть пикетчиков была на вокзале. Мы попрощались с новыми и старыми друзьями и вырулили на автодорогу.

Однако «Русский редут» этим не закончился: по пути следования поезда «Орск – Москва» пикетчиков встречали представители «Трудовой России» и патриотических организаций во многих городах. Борьба за независимость Родины еще вся впереди. Когда 2-3 года назад нынешний режим называли «оккупационным правительством», то многое недоумевали. А вот сейчас Ельцин, силой оставивший за собой пост Президента РФ, поехал в Америку просить разрешения на отсрочку перевыборов. Какие же еще доказательства нужны?

Где же вы, молодые, здоровые? Сколько же будете прятаться за спины пожилых?

Обнадёживает то, что хотя содействующих пока немного, зато немало сочувствующих: на акцию «Русский Редут» было собрано 5 млн. руб., в т. ч. 3,5 млн. в Москве и 230 тыс. руб. в Тольятти. Спасибо всем кто помог, внеся посильную лепту: и инженеру М.К. (3 тыс.) и «афганцу» А.С. – (10 тыс.) и бизнесмену С.С. (20 тыс.) и десяткам других людей и общественным организациям: КИРФ; РКРП; «Трудовой Тольятти».

27. 09. 94 г. Тольятти

КОГО И ЗАЧЕМ?

Когда 14 июля я увидел в газете Обращение новоиспеченного «Мэра» г. Жилкина к горожанам, то возликовал: одумался-таки Сергей Федорович, понял, что без народа он порядок и покой в городе не наведет. Увы, моя радость была преждевременной – весь призыв свелся к высокомерной и холодной фразе: «Выражаю надежду, что мои действия в этом направлении будут, правильно поняты горожанами и принесут свои результаты».

Выходит, г. Мэр остался верен своей концепции, которую он высказал 1-го июня в 18ч.10мин. на ул. Победы, 25, будучи кандидатом. Так как у меня не было магнитофона, то процитирую по памяти, а если что запамятовал, то мне могут подсказать присутствующие на встрече Данышина Ю.С., Бозина Л.Н. и еще трое членов Общественной Палаты города и около 50-ти избирателей.

А сказано было вот что: «Пока нет хороших законов о борьбе с организованной преступностью, но мы не должны ждать. Для борьбы с организованной преступностью нам не надо поднимать население – нам надо иметь людей, умеющих убивать. Знаете, есть люди, которые одним ударом могут любого сделать инвалидом I-ой группы. С такими людьми мы лишим бандитов физической возможности совершать преступления. Это не значит, что мы их совсем вычеркнем – мы их подлечим и будем выдавать пенсию...»

Нашлось не менее 10-ти человек, которые заплотировали, а у меня – мурашки по коже.

Но оставим эмоции. Зададим три бесстрастных вопроса:

1. Где-то что-то похожее уже было на словах и на деле. Что и когда?
2. Неужели Жилкин такой наивный и мало осведомлённый, что не понимает практической неэффективности предлагаемого метода?
3. Если он действительно собирается так действовать, то почему не опасается превентивных мер со стороны будущих покойников и инвалидов?

Начнём с третьего вопроса. Ответов на него может быть тоже три:

а) Сергей Фёдорович отчаянный смельчак и такой альтруист, что жизни своей не жалеет за спокойствие своих сограждан.

б) Сергей Фёдорович блефует и, кого надо, уже уведомил, чтобы зря не беспокоились: слова, слова!

в) У Сергея Фёдоровича уже есть мощная броня в виде формирований, которые надо легализовать. Уж не поэтому ли в одном предвыборном манифесте говорилось: «Преступники понимают только язык силы, и мы готовы говорить с ними на этом языке»?

Какой же ответ наиболее вероятный? Не будем спешить, а пока подумаем о втором вопросе.

Сергей Фёдорович ещё молодой человек, но если даже не смотреть на его четырёхлетний опыт руководящей работы, а проанализировать его ответы на вопросы избирателей, то можно сделать вывод, что уровень его компетентности в городских делах весьма высокий. Достаточно сказать, что он чётко обрисовал проблемы каждого района города, а не только своего родного Автозаводского.

Даже с меньшей эрудицией можно понять, что если в борту корабля пробоина, то надо, только часть матросов ставить на помпы, а самых умелых и решительных ставить на установку пластыря, т. е. на ликвидацию причины аварийной ситуации..

Что же Сергей Фёдорович? А он повторил ту же мысль, которую 31 мая высказал на Общественной Палате города: «Для городского бюджета промышленность не очень-то и нужна. Вот в Нижнем Новгороде почти все заводы стоят, а город живёт за счёт ярмарки. Нам надо поступить так же. А если вы меня поддержите, то мы ещё организуем международную лотерею – будут приезжать богачи, а мы будем иметь до 15 миллиардов ежеквартально».

Вот те раз! Опытный, с высшим образованием, капитан предлагает расширить брешь в борту корабля и поставить более мощные помпы. Море что ли решил перекачать? Ведь превращение Тольятти из города-труженика в город-торгаш, в город-шулер неизбежно вызовет рост лакейства, попрошай-ничества, мошенничества, проституции, сутенерства, воров-ства, рэкета и т.п. Я уже не говорю о падении главного достояния города – производительной квалификации его граждан. Сколько же костоломов понадобится, когда в криминальную деятельность будет втянуто чуть ли не каждый житель, когда жажда лёгкой наживы, как полая вода, сметёт все моральные препоны? А без них юридические препятствия – решето. А ведь в морской практике известны случаи, когда капитаны топят свои суда, чтобы получить большую страховку. А суета вокруг помп – для «отмазки», то бишь, алиби. Вот теперь, наконец, и вспоминается, когда происходило что-то похожее.

1988 – 1990 годы. Вопли: «Нечего ждать, когда будут законы о новой кооперации! Даёшь свободу предпринимательства! даёшь рынок!» Итог – народное хозяйство в руинах. Спад производства – более 40%, тогда как во время войны – только 17%..

Миллионы безработных и полубезработных, в том числе ВАЗовцы. Есть и лотерея – фирмы «АДА» на выборах Мэра города Тольятти.

1990 – 1991 годы. Призыв: «Нечего ждать, когда будет закон о выходе из Союза, берите суверенитет, сколько проглотите!» Итог: миллионы беженцев, развал страны, кровь, сотни тысяч убитых.

Октябрь 93г. Умеющие убивать боевики из отрядов «Бейтар», созданных г. БОксером при московской Мэрии, не жалея патронов, из автоматов «Узи» бьют в упор безоружных людей у Останкино, у Дома Советов и по всей Москве. И за всеми этими этапами – сионистские организаторы и американские спецслужбы. Что-то к нам в Тольятти зачастили из «Ротари-клуба», из «Фонда Сороса» «тихие американцы».

Жилкин на Общественной Палате заявляет, что каждый городской проект должен проходить «независимую» иностранную экспертизу. Какова же «беспристрастность» экспертов из США? Ведь общеизвестен уже план, о котором говорил Б. А. Крючков на процессе по делу ГКЧП. План Запада, предусматривающий сокращение до 150-160 млн. человек (т. е. вдвое) населения на территории СССР за 25...30 лет (т. е. к 2015...2020г.г.). Причём, этот геноцид должен идти «цивилизованно», т. е. методами не военного, а социального убийства.

Как хочется, чтобы тревога оказалась ложной. Как хочется аргументированных заверений, что программы нового мэра дадут городу материальное процветание, подъем морали, рост интеллектуального потенциала, а всей стране поможет стать независимой, мощной экономически, способней постоять за себя и окружённой друзьями. Но, пока жив червь сомнения, зародившийся на пред-выборном собрании. Да и как ему не жить, если идёт построение «рынка», т. е. капитализма, а его суть: «Человек человеку – волк». И если выходят Указы, постановления, обращения, то это всего лишь признак того, что элита в основном сформирована, вакансий осталось мало, поэтому надо оградить сверхдоходы «забуревших» от наглых посягательств голодных волчат. Волчата теперь набросятся на тощее, но доступное «быдло», попутно решая задачу Мирового правительства о сокращении нашего поголовья. Волчат же будут ликвидировать бейтаровцы Боксера и Жилкина, что тоже способствует решению этой задачи.

P.S.: *За что боролся.... Лет пять назад Жилкина закололи «заточкой».*

А. В. Избиратель, член Общественной Палаты г. Тольятти
19.07.1994 г.

Часть 2.3 СТАТЬИ, НАПИСАННЫЕ В 2000-е ГОДЫ

БЕРЕЗОВСКИЕ ИГРАЮТ В БЕСПРОИГРЫШНУЮ ЛОТЕРЕЮ

Да простит меня читатель, но статью я начну с цитирования по памяти двух выдающихся евреев. Первый – гениальный философ, экономист и теоретик революций. Звали его Карл Маркс. Второй – доктор наук, один из величайших комбинаторов, способный «из воздуха» создавать миллиарды и выходить сухим из воды. Зовут его Борис Абрамович Березовский.

Первый лет полтора назад сказал: «Элита удерживает власть не тем, что сохраняет ее в одних руках, а тем, что постоянно перебрасывает ее из рук в руки, с тем, чтобы выпустив ее из одной руки, тут же подхватить другой.»

Второй, с присущим ему цинизмом заявил прошлой осенью перед телекамерой: «Капитал должен управлять страной. Мы нанимаем президентов. Форма найма – выборы». Буквально 2 – 3 месяца спустя также по ТВ он сказал: «Покидая зал заседаний Гос. Думы, Ковалев бросил мне: «Кукловод!» Ну что ж, лучше быть кукловодом, чем куклой». Браво, Борис Абрамович! После этих цитат можно было бы ничего и не добавлять: все предельно ясно. Однако для медленно думающих немного порассуждаю на эти темы. Секрет перебрасывания власти из рук в руки состоит в том, что перебрасывается не сама власть, а ее зрительный образ. Этот образ власти передается от куклы к кукле, а ниточки не видны на фоне декораций. Но Березовский настолько уверен в тупости и трусости «электората», что не стесняется показывать приводные нити, дергая за которые, капитал заставляет отплясывать и клинтонов, и горбачевых, и ельциных, и путиных. Какими же ниточками дергаются куклы? Их довольно много: от игры на тщеславии до убийства. Вспомните братьев Кеннеди, Сальвадора Альенде, министра Пуго (кстати, Явлинский и Лебедь так до сих пор не пояснили, как это они «опоздали» к «самоубийству» Пуго и его жены, а Лебеда уже и самого убрали давно – А.В. 2013), маршала Ахромеева, генерала Рохлина. Но это крайности, и они редки. Главных же ниточек две: деньги и средства массовой информации (СМИ).

Вспомните, как откровенно Клинтон говорил о миллиардах долларов, затраченных Западом на переизбрание Ельцина. Вспомните знаменитое заявление российских банкиров в 1996 году. Золотая ниточка действует не только во время выборов, она поблескивает и после. Вспомните, как тот же Березовский, отсиживаясь в Швейцарии, заявил, что если его потянут на суд, то он расскажет очень многое. Буквально через несколько дней он вернулся в Россию, а Скуратов вылетел из кресла Ген. Прокурора. Действие второй ниточки хорошо иллюстрируют карьера Горбачева и Ельцина, история Клинтон-Моника, эпопея Скуратова, поднятие и опускание Примакова.

Для чего вообще нужны выборы, если их исход предрешён, если они так похожи на карточную игру с шулером? В сущности, все очень просто. Подгонять трудящихся кнутом, как это было на плантациях в США, это же «не гуманно» и «не эстетично». Нынешние эксплуататоры предпочитают, чтобы их рабы сами спешили на работу и были бы еще благодарны «работодателям». Теперь роль кнута выполняет безработица. Мощь этого кнута ощущают на себе уже многие тольяттинцы. Чтобы раб не взбунтовался, ему надо внушить, что под кнут он попал по своей вине. Ну, не повезло человеку, а так он – такой же, как Алешкин, Чевозеров, Ягутян, как те же Кох, Потанин, Гусинский, Березовский: могут голосовать – сами выбирают власть вплоть до Президента. Свобода! Демократия! Как происходит передача эстафетной палочки? Вспомни: после того, как Горбачев выполнил главный заказ мирового и своего (тогда еще тайного, «теневого») капитала, его, несмотря на все «заслуги», стали в СМИ опускать все ниже и ниже. А его преемника (Ельцина) стали «раскручивать»: и пешком-то он ходит, и в очередях стоит, и с «партократами» борется. Словом, свой в доску!

Когда «Горби» отшвырнули, и атрибуты власти передали «Борису», то потихоньку стали и его готовить к сдаче: то покажут его болезненное состояние, то идиотическую гримасу, то расскажут, как он пИсал на самолетное колесо на глазах у встречающих, то как он с похмелья просыпает важную встречу и т. д. и т. п. То есть, владельцы СМИ (а это те же Гусинский и Березовский) ясно дают понять, кто в доме хозяин. Ельцина до такого позора, как Горбачева, не довели, но на фоне падения его «рейтинга» уже с лета начали «раскручивать» Путина. То на самолете его покатают, то в новогоднюю ночь в Чечню пошлют, то мантию средневековую на него наденут.

Конечно, этого маскарада мало. Чтобы сделать героя, нужна победа. А чтобы была победа, нужна война. А чтобы была война, нужен повод. Вот и дали «ваххабитам» возможность 2 года укрепляться в Дагестане, как раньше Дудаеву в Чечне. А потом вездесущий Борис Абрамович покрутился на Кавказе – и боевикам и наемникам показалось, что они могут запросто отколоть Северный Кавказ от России, тем более что Америка в этом заинтересована. Дело за малым – взбунтовать Дагестан, а дальше все пойдет само собой. Вот боевики и поперлись в Дагестан. А тут еще кто-то (до сих пор неуловимый) взорвал дома в Москве и Волгодонске, причем до того своевременно, что и нарочно не придумаешь! После этого превращение Путина в национального героя стало делом техники.

Сначала, как читатель помнит, в герои определяли Степашина, но он имел неосторожность заявить, что Пиночета из него не получится. А Борису Абрамовичу и другим олигархам мягкотелые не нужны. То ли дело был Борис Николаевич – в 93-м угрохал 2500 сограждан, потом в Чечне десятки тысяч уложил. Сколько сейчас российских

граждан будет уничтожено в Чечне – пока никто не знает. А ты, читатель, все твердишь: «Лишь бы войны не было!» Да ее против тебя уже 10 лет ведут! (И сейчас продолжается – А.В. 2013) После получения эстафетной палочки Путин тут же гарантировал безнаказанность губителю страны и безопасность «прихватизаторов», так что березовские могут спать спокойно, тем более, что все дела в прокуратуре, открытые при Скуратове, заморожены или развалены.

Ясно, что к моменту выборов Путин не успеет раскрыться и, вероятно, «электорат» проголосует за него. А если все же нет, то для подстраховки есть еще Явлинский, Жириновский и др. Читатель их всех хорошо знает. Читателя-избирателя постоянно пугают Зюгановым, будто он все отберет, когда станет Президентом. Милый ты мой! Что же у тебя отбирать-то? Жилье? Так ты и так БОМЖ. А кто еще не БОМЖ, тот сидит за решеткой и за железными дверями, как в клетке. Образование? Так ведь и без того уже 2,5 млн. твоих детей не учатся, а у березовских-ельциных внуки давно за границей. Работу? Так ты и без того безработный. Лечение? Оно уже не по зубам тебе, и ты умираешь, не дожив до пенсии.

Так что не бойся. Тем более что Березовский Зюганова не боится, и заставил «Медведя» с КПрФ в кооперацию вступить. Почему? Да потому, что тов. Зюганов давно «исчерпал лимит революций» и национализировать ничего не собирается (т. е. что награбили березовские – все у них останется) и стал «конструктивной оппозицией». Так что уже не только коммунисты, но и сами капиталисты понимают, что Зюганов не коммунист, а либерал-социалист. Для тебя он – самый приемлемый вариант, потому что Пиночетом точно не станет, а вот Путин – запросто. Так что березовские в любом случае не прогадают.

Российская Коммунистическая Рабочая партия (РКРП) считает, что от кровососов-олигархов Россию может освободить только рабочий класс, но не парламентскими играми, а организованной классово-вой борьбой за свои интересы и, значит, за интересы всех трудящихся. А если ты, читатель, рабочий или другой труженик, то бросай игру по буржуазным правилам и заставь всех играть по твоим, пролетарским правилам, как это делали твои деды и прадеды и как это делали 2 года на Выборгском ЦБК, на шахте «Воргашорская» и в других местах. Вот тогда точно беспроигрышная лотерея березовских превратится в их безусловное поражение.

**Александр ВОРОНЦОВ,
слесарь ЗАО «УММ» член РКРП. 2000г.**

** Алешкин, Чевозеров, Ягутян – местные тольяттинские «олигархи» – А.В.*

** За эти годы одна кукла здорово посильнела (видно, сама стала хозяином), так что одного кукловода надолго «во глубину сибирских руд» запрятала, а двое за границу смылись. Одного из них – пресловутого Березовского недавно то ли задушили, то ли довели до самоубийства. Ну, оплакивать его не будем – логичный финал среди волков – А.В., 2013г.*

МЫ НЕПОБЕДИМЫ, ТОЛЬКО КОГДА ЕДИНЫ (Что происходит на Выборгском ЦБК?)

По материалам оппозиционной печати

В последнее время, ввиду крайнего обострения обстановки на Выборгском целлюлозно-бумажном комбинате, власти вынуждены отказаться от информационного блокирования его. Но то, что они сообщают – в лучшем случае полуправда. Что же происходит на самом деле?

Из 8000 чел. населения поселка Советский 2100 работают на Выборгском ЦБК, который оснащен уникальным новейшим оборудованием. Есть только 3 аналога – 2 в Канаде и 1 в Германии. Комбинат может изготавливать мелованную бумагу мирового качества. Настоящая стоимость комбината – около 100 млн. долларов.

«Прихвизаторы» умудрились купить его всего за 22 млн. руб., т. е. за 3...4млн долларов по тогдашнему курсу. Купила комбинат фирма «НИМОНОР», зарегистрированная на Кипре, хотя по данным «Интерпола» такой фирмы не существует. Фактически эта афера явилась результатом сговора с властями Ленинградской области местных нуворишей (они же «нувориши» – новые русские»). Не обошлось, конечно, без участия чубайсовского Госкомимущества. Целью аферы была распродажа уникального оборудования за рубеж по настоящей цене. Чтобы подготовить это, стали тормозить работу комбината, задерживать зарплату, в общем, вели дело к банкротству. Чем это грозило коллективу и всему поселку – понять не трудно: для них ЦБК, что ВАЗ для Автограда.

Борьба с хищниками привела к объявлению бессрочной забастовки в начале 1998г. Далее забастком взял управление комбинатом в свои руки. Нашли директора из своей среды и других администраторов. Стали готовить комбинат к запуску и запустили! Прорвали бытовую блокаду. Стали платить зарплату. Сначала всего по 350 р., а к середине 1999г. она выросла до 1590 р! В ходе стачки стихийно сложилось народное предприятие, учредителем которого стал трудовой коллектив, а юридическим представителем – профсоюзная организация, создавшая ЗАО, где всем пакетом акций владеет трудовой коллектив без права индивидуальной продажи акций.

Фирма «НИМОНОР» долго и безуспешно судилась с народным предприятием, делала попытки силового захвата его – тоже безуспешно: труженики комбината на силу отвечали силой. Тогда «НИМОНОР» переуступила всего за 14 млн. руб. свои «права» на комбинат «английской» фирме «Alcet:UK Ltd». Владеют этой «заграничной» фирмой российские буржуа: водочный фабрикант Сабодаж, владелец волховского алюминиевого комбината Шморгуnenко и глинозем-

ного – Шлоссберг, а также бывший конкурсный управляющий ЦБК Бочкарев. Но при оформлении сделки не присутствовали, т.к. не приглашались, (вопреки закону) ни Ванторин, как глава Совета кредиторов ЦБК, ни представители трудового коллектива. Таким образом, и эта сделка незаконна даже по буржуазному законодательству!

Тем не менее, 9 июля в 10ч.50мин. Сабодаж в сопровождении судебного пристава и 70-ти головорезов в масках ворвался на комбинат и захватил кабинет директора. Однако Ванторин через окно смог сообщить о том, что взят в заложники.

Через час у заводууправления было уже 300 человек, а в поселок ушла пожарная машина с громкоговорителем. И вскоре на территории ЦБК было уже 1500 человек. Они плотной стеной стали теснить захватчиков. Те отступили на 4-й этаж, несмотря на то, что были вооружены, и что среди них находились «бойцы» отряда «Тайфун», специализирующиеся на подавлении тюремных бунтов. Когда туда ворвались рабочие, Сабодаж и другие «хозяева» заперлись в туалете. Потом работникам ЦБК прибыла помощь из Ленинграда и наряд местной милиции, руководство которого сразу стало на сторону рабочих. Прибыли депутат Гос. думы член РКРП Григорьев, секретарь ЦК РКРП Ячменев и председатель РИК Советов рабочих Николаев.

Захватчиков с позором вывели под охраной милиции. Они при нападении применяли дубинки и ботинки, разбили голову председателю СТК Николаеву, избili несколько человек, но победить сплотившихся рабочих не сумели. Страх перед расплатой не позволил им ПРИМЕНИТЬ оружие.

Однако экспроприаторы так просто награбленное не возвращают. И в ночь с 13 на 14 октября Сабодаж опять привел судебного пристава и с ним банду на 15 «джипах» и микро-автобусах. Среди них опять «госслужащие» из спецотряда «Тайфун». На чьей стороне власть?

В 1 ч. 50 мин. банда ворвалась на территорию ЦБК, избивая работников ночной смены и круша заводское оборудование.

В 2 ч. 30 мин. стачком комбината поднял по тревоге рабочих. Захватчики встретили их дубинками, «Черемухой» и даже начали стрелять по приказу судебного пристава Веселовой. Двое рабочих получили огнестрельные ранения, несколько человек пострадало от дубинок, кулаков и ботинок захватчиков. Однако рабочим, в свою очередь, удалось захватить «водочного короля» Сабодажа, который опять руководил бандитской акцией.

В 3 ч.50 мин. рабочие блокировали «Тайфуновцев» в столовой, где эти варвары занялись обжорством, погромом оборудования и продуктов и издевательствами над заложниками. На комбинат прибыл депутат Гос. Думы Григорьев и представители прессы.

Днем в 16 ч. 45 мин. захватчики были с позором выведены с завода. Власть, конечно, стала на сторону капитала: против коллектива ЦБК возбудили уголовное дело по ст. 315 УК «Оказание противодействия представителям власти». А кровопролитие, учиненное этими «представителями» в масках, пока не наказано. Думается, это дело самих рабочих. В.И. Ленин в своих работах доказал, что бывают в истории моменты, когда за короткий период революционное прозрение масс происходит быстрее, чем за предыдущие десятилетия. Рабочие ЦБК за одни сутки стали крепче, злее и веселее, чем до сих пор, несмотря на шишки и раны.

Однако надо иметь в виду, что борьба еще далека от завершения. Теперь капиталу нужна уже не собственность, а иное – уничтожение форпоста рабочего сопротивления. Осознав, что силой объединившихся рабочих не победить, власти и «хозяева» применили более коварную и потому более действенную тактику: они превратили в объект подкупа весь коллектив. И вот итог: из 2300 работников 1700 согласились отдаться Сабодажу и его фирме «Alcem Ltd». Правда, выторговали кое-что для себя: по 1000 руб. аванс, обещание в течение 2-х недель погасить задолженность и обеспечить среднюю зарплату 2500 р/мес, а минимальную не ниже прожиточного минимума в Ленинградской области, а также обязательство не перепрофилировать комбинат и не сокращать рабочие места.

Казалось бы, неплохой тактический выигрыш, но это пиррова победа: хапуги-капиталисты, нащупав слабое место коллектива, непременно постараются наверстать упущенное и выдавить из него все, что отдали сейчас. А главное, они перехватили инициативу.

В чем же причины стратегического поражения коллектива ЦБК? На мой взгляд, основных причин две:

1. Измотанные долгой борьбой, трудящиеся ЦБК не получили должной помощи (ни материальной, ни моральной, ни политической) от коллективов других предприятий хотя выборжцы отстаивали не только свое право на труд и на жизнь, но фактически боролись за права рабочего класса всей России. И коллектив Выборгского ЦБК оказался в положении экипажей броненосцев «Очаков» и «Потемкин».

2. Огромную политическую значимость своей борьбы не осознали многие работники самого Выборгского ЦБК и разменяли журавля в небе на синицу в руки.

Однако при внимательном рассмотрении обе эти причины сводятся к одной: трудящиеся России, за редким исключением, не осознали ни своей классовой принадлежности, ни своих классовых интересов, ни простой истины, что трудящийся может гарантированно

улучшить свое положение, только добившись улучшения положения рабочего класса в целом.

Однако и буржуазии ликовать рано: подавленные бунты на «Очакове» и «Потемкине» явились прологом серии революций, в результате которых в России эксплуататоры на много десятилетий были свергнуты.

И последнее. Думаю, что не надо торопиться приклеивать ярлык капитулянтов и штрейкбрехеров 1700-м рабочим и ИТР Выборгского ЦБК: костяк революционеров 1917 года состоял из тех, кто был побежден в 1907 году.

Александр Воронцов,
слесарь, член РКРП. 2.02.2000г.

***P.S.:** Публиковал статью в самиздатовских газетах и, в основном, в виде листовок, которые распространялись на ВАЗе и других предприятиях города. Передавал и в Самару.*

ОН ВЫБРАЛ СВОЮ СТОРОНУ БАРРИКАДЫ (СЛОВО О КОММУНИСТЕ ЗОТОВЕ)

Уважаемые редакция и читатели «ТРУДОВОЙ РОССИИ», хочу поделиться с вами воспоминаниями о некогда широко известном, а ныне тихо забываемом человеке, с которым мне посчастливилось познакомиться и даже подружиться в последние годы его жизни. Все тольяттинские СМИ либо замолчали, либо вскользь упоминают о нем только как о диссиденте. Все мои статьи о нем вежливо, но твердо отклонялись во всех газетах города. Только «Тольяттинское обозрение» в 2000-м году приняло статью, но при публикации оставили от нее только... два предложения, а остальное – редакционный текст. Радио «Волна» поступило гуманнее: мне дали 15 минут, но первоначальный текст выступления порекомендовали «смягчить», что и пришлось сделать (цензуры при этом «нет»).

Итак, 25 декабря исполняется 7 лет со дня смерти Зотова Михаила Васильевича, художника, писателя, поэта, публициста, правозащитника, некогда «диссидента», ответственного секретаря Комитета по реабилитации политзаключенных послесталинского периода (КРПП), человека, который при этом в 70-ти летнем возрасте по ночам помогал мне расклеивать листовки, писал плакаты для антибуржуазных митингов, зачастую придумывая собственные тексты. Вот такой это был сложный человек, непонятый многими современниками.

Еще в 1982 г. в 3-м номере издававшегося в Нью-Йорке журнала «СССР: внутренние противоречия» имя Зотова в списке имен

известных диссидентов стояло сразу вслед за Анатолием Марченко. Через 5 лет 22 мая 1987 г. Парижская газета «Русская мысль» писала о нем: «Куйбышевский рабочий и художник, неоднократно в прошлом подвергавшийся политическим репрессиям, вплоть до принудительной психиатрической госпитализации, Михаил Зотов продолжает безбоязненно выступать за права трудящихся, за свободу творчества, за охрану гибельно эксплуатируемой родной природы...» Об этих публикациях Зотов упоминает в открытом письме А.И. Солженицыну в 1992 г.

Для многих из нас почти аксиома: если диссидент, значит, антикоммунист, значит, против Советской власти; значит, с теми, кто работает на разрушение коммунистической идеи и Советского государства. Так считали и сами разрушители. И когда им до победы оставался только один шаг, они наградили таки своего союзника: организовали в 1991-м персональную выставку картин, в чем они ему отказывали четверть века. Однако к этому времени Зотов уже начинал понимать, что его «благодетели» – это те же самые люди, против которых он так долго боролся, только они в преддверии грядущих перемен спешно меняли маски.

Почему я утверждаю, что Зотов уже начал понимать, что происходит?

А вот почему. 7 октября 1993 года он мне подарил каталог выставки картин, названной «Шаг в сторону». Название, надо признать, изумительное. Ведь многим так или иначе известно предупреждение конвоира: «Шаг влево, шаг вправо – попытка к бегству!» Что следует за таким предупреждением, понять не трудно. Михаил Васильевич в своем творчестве не побоялся сделать шаг в сторону, хотя его последствия знал предметно.

Так вот, дарственная надпись гласила: «Воронцову Александру Свиридовичу от автора с чувством растерянности и сомнения в правде своего вчерашнего творчества.

Вследствие ужасающих «реформ» Ельцина – развала державы, стравливания народностей, либерализации цен – я вынужден взглянуть на историю другими глазами. Сегодня даже Сталин видится мне уже не как некий монстр, но как защитник державы Российской и хранитель российской нации! К сожалению, в этом каталоге лишь одна картина-портрет М.Горького – представлена образцом моего «нового мышления»».

Михаил Васильевич всегда сопровождал свои картины авторским комментарием, который и был кратким выражением «образной мысли», о которой говорит он сам в предисловии к каталогу. Не вдаваясь в описание картины «Максим Горький» (1990г, холст, масло, размер 100X60), приведу зотовский комментарий. Вот он: «Человек

из народа», как его охарактеризовал Л.Н. Толстой, в преддверии революции был её кричащим и бескорыстным буревестником, а затем, в годы последовавшей Перестройки, оказался сраженным Соколом, заклеванным черным вороньем нахлынувшей конъюнктуры. История удаления его изображения с титульного листа «Литературной газеты» – это извечная история ненависти представителей барского круга к кухаркиному дитяти, посмевавшему, в отличие от них, обладать подлинным талантом». Бог ты мой! Да ведь почти то же самое можно было адресовать и самому Зотову. Ему всю жизнь, до самого последнего дня, приходилось отбиваться от «черного воронья».

Игорь Мурышкин, Р.А. Колесова, Ирина Фрицлер, я сам, да еще несколько человек прекрасно понимали, что подрванное боевыми ранениями и политическими репрессиями в брежневские времена его здоровье добивалось «демократами» еще более успешно. (Одна только судебная тяжба с Ельциным чего стоила!)

Да и быт его не способствовал сохранению здоровья. Он занимал одну комнату на правах «малосемейки» в двухкомнатной квартире. Вторую занимала женщина, которую он любил всю жизнь, на которой дважды женился и с которой дважды расхотелся. (Еще один признак таланта: его носитель в быту обычно трудный человек). Комната имела выход на балкон. Там постоянно находилось десяток-другой прилётных голубей. Некоторые даже гнезда заводили. После смерти Михаила Васильевича они еще долго прилетали на этот балкон. Комната служила Зотову и спальней, и столовой, и мастерской, и картинной галереей, и складом картин. В ней же проходили жаркие дискуссии, в основном, на политические темы. Михаил Васильевич был человек увлеченный, темперамент имел холерический, поэтому иногда во время дискуссий заходила Раиса Александровна и просила сбавить тон. Телефонные дискуссии обычно велись с таким же пылом.

Не будучи марксистом, Зотов зачастую преувеличивал роль субъективного фактора и, соответственно, роль личности в исторических событиях. Так, Ельцин был для него не просто олицетворением сил зла, но и главным, чуть ли не единственным источником зла и бед, обрушившихся на Россию. И каждого, кто вступил в противоборство с Ельциным, он считал героем, независимо от мотивов выступления. Поэтому осенью 93-го Руцкого и Хасбулатова он ставил в один ряд с Макашовым, которым он восторгался. В октябре-ноябре 93-го он нарисовал серию портретов, лучшим из которых стал выполненный в романтическом духе портрет Альберта Михайловича. (По обыкновению, Михаил Васильевич сделал фотокопию с этого портрета и передал её Макашову, а сам портрет был потом завещан мне.)

Оргию смерти, устроенную в октябре 93-го ельцинистами, Зотов переживал очень тяжело, тем более, что знал он о событиях боль-

ше других, т.к. кроме телевизора он получал информацию через меня от московских коммунистов; ему писали его товарищи по правозащитному движению, и вдобавок он слушал «Немецкую волну» на русском и немецком языках. Знал он и о крематориях, и о баржах, и о стадионе, и о расстрелах в подъездах, и о сгоревших в Белом Доме. Здоровье его стало резко сдавать. Однако он пишет картины и публицистические статьи. Некоторые просил растиражировать на ксероксе и дать для чтения ВАЗовским рабочим. Приведу выдержку из одной статьи, написанной в этот период. (Она представляет открытое письмо Юрию Карякину по поводу его выступления в телепередаче «Чашепитие» 10 августа 1994г. и называется «Чья бы корова мычала...»): «...несомненно, кости павших в Отечественную... переворачиваются в могилах... Они перевернулись уже в миг, когда собравшаяся в Беловежской пуще кучка оборотней объявила о ликвидации нашей великой Советской Родины... за независимость которой... отдавали фронтовики свои жизни! Они перевернулись дважды, когда клика засевших в Кремле лакеев западного капитала принялась внедрять в нашу жизнь античеловеческие, звериные принципы буржуазии: «Боливар двоих не вынесет», «Человек человеку – волк», «Одним барское все, другим нищенское ничего».

Тут Зотов четко понимал, «что такое плохо».

К зиме 1995г. Михаил Васильевич уже чувствовал себя нездоровым, но госпитализироваться не хотел: страх перед белыми халатами ему в свое время вогнали в подсознание. Но когда домашние средства стали явно недостаточны, Зотов согласился все же на госпитализацию. На следующий день, 24 декабря, он написал и передал И. Мурышкину завещание, которое Игорь опубликовал 2 февраля (40 дней) в газете «Город».

А 25 декабря 1995 г. Михаил Васильевич умер.

Городские власти были глухи и немы. Игорь стал раздобывать основные деньги на похороны, а мы, коммунисты из РКРП, скинулись, сколько могли, и взялись за организацию похорон: оформили документы, привезли тело, доставили гроб и т. д. и т. п. Надо сказать, организация КП РФ тоже оказала посильную помощь. Городские газеты поместили сообщение о смерти Зотова, но писали о нем скупое и только как о диссиденте советских времен. К 40-му дню я написал статью «Памяти коммуниста Зотова», но ни одна городская газета не осмелилась её опубликовать, даже газета И. Мурышкина. Вот вам и свобода слова!

Почему я так смело причислил Зотова к лику коммунистов?

Во-первых, одиннадцатую годами ранее таковым его назвала парижская газета «Русская мысль» (Вернёмся к цитате в начале этой статьи). Газета пишет, что Зотов «безбоязненно выступает за пра-

ва трудящихся» – вот они сразу два критерия, по которым определяется коммунист. (выделено мной, А.В.) Во-вторых, прочитаем самого Зотова. В большой статье «Красная тоска» он пишет: «В ночь на 25 мая 1967г. я распространил в трех районах Москвы тысячу прокоммунистических листовок. Вот вступительные слова текста:

«Товарищи!

Ежедневно каждому из нас приходится сталкиваться с теми или иными несправедливостями. Многие из нас давно уже поняли, что в стране строится не коммунизм, а нечто подлое и позорное. Прикрываясь именем Ленина, именем прошлой революции, партбюрократическая, обуржуазившаяся верхушка нашего общества фактически насмерть растоптала все великие принципы правды, справедливости, равенства и свободы...».

А вот в статье «Значит, с коммунистами» уже в 1992г. он полемизирует с посетителями выставки «Деловая Россия», посвященной до-революционному купечеству. Его оппоненты заявляют, что коммунисты «...лгали, будто в царской России люди плохо жили». Зотов им заявляет: «...выходит, Некрасов с его поэмой «Кому на Руси жить хорошо», Лев Толстой с его картинами дикой крестьянской нищеты, Достоевский с его панорамой петербургской серости..., Репин с его «Бурлаками» – это все коммунисты? Здорово!.. До последнего времени все сомневался, по какую сторону баррикады стать? И вот вы... меня окончательно просветили. Естественно, не по ту сторону, где рвачи да хапуги, что на людском несчастье свое благополучие строят, а по ту сторону, где Толстой, Некрасов, Достоевский, Репин. По-вашему, это всё коммунисты?.. Ну что же, значит, с коммунистами!»

И ещё. Вот что он пишет в постскрипуме к статье «Красное Знамя». «Газета «Тольятти сегодня» комментируя мое выступление (4 октября 1994г. – А.В.), недоуменно заметила: «Михаил Зотов в недавнем прошлом рьяно выступал на стороне тех, кто сегодня, по его мнению, является врагом нации. Откуда такая трансформация политических пристрастий и убеждений?» Но ведь это, мягко говоря, заблуждение, будто я, Зотов, выступал на их стороне. И это не пустые слова – свидетели тому картины, написанные еще в 60-е годы, написанные как обвинение в адрес партноменклатуры, предавшей идеалы социализма, – целая серия картин: «Пароход», «Автобус», «Магазин». Но кроме того заметка «Голосовать за здравый смысл», опубликованная в газете «Хроника» за февраль 1990г., в которой я выступил непримиримым противником рыночных отношений.

А если говорить шире, то я как верующий всегда считал СОЦИАЛИЗМ, если его не извращать, идеологией, напрямую исходящей из христианства...»

Как видим, Зотов был преимущественно стихийным коммунистом. Но иногда гораздо честнее и красивее опираться в своем мировоззрении на чистые и горячие чувства, нежели на холодную глыбу знаний. А в заключение я приведу выдержку из его завещания:

«Завещаю все свои картины-подлинники краеведческому музею г. Тольятти. И только семь из них нужно передать Воронцову А.С. – это картины «Сахаров», «Предтеча Сатаны», (Горбачев), «Ельцин в сопровождении Буша», «А.М. Макашов», а также картины «Анатомия ельцинизма», «Маммона» и одна из больших картин «Сломанная берега»...

Картины, что завещал Воронцову, можно выставлять прямо в заводских цехах. Это я советую Александру Свиридовичу...»

Вот такой был замечательный человек Зотов Михаил Васильевич, до последнего дыхания оставшийся на той стороне баррикады, которую он выстрадал.

Нам бы походить на него.

Александр ВОРОНЦОВ,
Участник ДКИ, член РКРП с 1991 г.

ПРИЛОЖЕНИЯ К СТАТЬЕ

1. Два стихотворения М.В.ЗОТОВА и его открытое заявление. (Орфография оставлена без изменения).

* * *

Беловежская пуца – их трое в лесу, –
Роковую спешат перейти полосу:
Преступление века! – запомни, народ!
И готовь, и готовь, и готовь эшафот!!!

Беловежская пуца – Отчизны разор:
В пляс помчался над нею охальник и вор –
Всё в разграб – за бугор – всё под корень, дотла
...Не забудь под набат подтянуть колкола!!

Беловежская пуца – сто тысяч смертей,
Неоплатные слезы детей, матерей,
Уходящих, бегущих с насиженных мест, –
...Это Родину вашу взметнули на крест!!

Беловежская пуца – проснись, богатырь!
Распрямись, развернись во всю русскую ширь,
Бьет в набат твой родной обворованный край!
Трое вышли из леса, уйти им не дай!!!
Беловежская пуца – готов эшафот.

Пусть взойдет на него эта тройка господ!

Сам народ пусть свершит над иудами суд!
И пусть души их черные бесы возьмут!!!

Беловежская пуца – пройдут времена –
Вновь восстанет из праха родная страна,
И лишь в памяти жить будет кучкою дров
Это гнусное время господ и воров!

1992 г.

**К КАРТИНЕ Ф. РОКОВА
«ПОРТРЕТ А. П. СТРУЙСКОЙ»**

И снова взорвана стихия
В который раз, в который раз
Мне в сердце ринулась Россия
Твоим застывшим зовом глаз.
Туда, где гром, туда, где пламя,
Туда, где буря и мятеж,
Где кровью вспыхнувшее знамя
Сквозь мрак рубает к свету брешь.

Туда, где Волге Стенька Разин
Швыряет юную княжну,
И вновь из нищенства и грязи
Ведет на сполохи страну.
Где усмиренную на крови,
Еще раз вздыбит Пугачев...

.....
И бизнесменствующей нови
Не удержать на ней оков!

Из вечной скорби и печали,
Из тихой кротости твоей
Забьются вновь набатом дали:
«Круши, ломай, пали и бей!!»

Твои глаза – моя Россия.
В долготерпении твоём
Обманно спящая СТИХИЯ:
Чем дольше сон, тем злее гром!

1992 г.

2. Заявление М.В. Зотова с отказом от медали.

*Председателю городского Совета Ветеранов
М. Ржевскому
От инвалида Отечественной войны
М.В. Зотова*

ЗАЯВЛЕНИЕ (Открытое)

В официальном приглашении получить медаль «50 лет Победы» никто не посчитал нужным предупредить нас – ветеранов войны о том, что выдаются данные медали от имени президента Ельцина. То есть от имени человека, развалившего Великую Советскую Родину и являющегося по существу злейшим врагом всего того, за что мы на фронтах Отечественной не жалели самой жизни своей.

Старые, полуслепые, полуглухие, мы только дома при внимательном осмотре «Удостоверения к медали» разглядели, кем и каким образом это удостоверение подписано.

Лично я – инвалид Отечественной войны – М. В. Зотов не могу сейчас выразить протест иначе, как только возвратить медаль вместе с удостоверением к ней через Председателя Совета Ветеранов М. Ржевского президенту Ельцину.

Призываю последовать моему примеру всех ветеранов города Тольятти, которые, не разобравшись, что к чему, приняли данную медаль.

Личная подпись Зотова

ПРИМЕЧАНИЕ А.С. Воронцова:

Поскольку я имел личный транспорт, то мне довелось отвезти М.В. Зотова летом 1995г. к М. Ржевскому, ныне здравствующему (увы, теперь, с 2006г., тоже покойному) и занимающему все ту же должность, и быть свидетелем акта возвращения медали.

Зимой 95/96 года пришла юбилейная медаль от имени Верховного Совета СССР за подписью С. Умалатовой, но Зотова же не было. По поручению Самарского обкома РКРП я передал её вдове – Р. А. Колосовой, а она сдала ее в Краеведческий музей г. Тольятти, где находится большая часть картин Михаила Зотова.

ДАВНО ПОРА... ОБСУДИТЬ

Что обсудить? Тем-то много. Даже слишком. Но вот есть одна, которая интересна и в теоретическом и, что ещё страшнее, уже и в практическом планах.

В номере 1-м (257) этого года «ТР» поместила статью тов. Ставицкого «ЕСЛИ ЗАВТРА ВОЙНА...». Эта статья и заставила меня «взяться за перо» и не только потому, что автор поднимает «вечную тему национализма и интернационализма». Главное, что пора уже провести дискуссию в более широком масштабе, нежели масштаб отдельной организации. («Мозговой штурм» – «ум хорошо, а два – лучше»). Тем более что в нашей партии есть люди с широким политическим кругозором и богатой информированностью. Особенно интересно было бы послушать т. Ячменёва: полковник по воинско-

му званию. Хотя само по себе воинское звание ещё не гарантия правильного выбора линии поведения. Вот генерал-полковник А.М. Макашов, человек, которого я до сих пор очень уважаю, по дороге на клязьминский «восстановительно-объединительный» съезд сказал в 1993-м: «Для меня главное, чтобы Россия была. А какой она будет – это уже вопрос второй». И когда Альберт Михайлович через некоторое время оказался в КП РФ, я не очень удивился. А всё-таки жалко, что он ушёл из нашей партии.

Но вернёмся к статье. Автор точно поставил диагноз нынешнему приступу «патриотизма» российской верхушки: «Российская буржуазия тоже «стала на крыло» и уже не согласна оставаться пассивной жертвой мирового передела». Добавим, что политическая верхушка, выполняя волю кукловодов-олигархов, и про «суверенную демократию» заговорила, и с громкими речами в Мюнхене выступает, и о «системах 5-го поколения» распорядилась.

Ещё можно добавить, что кроме «крыла» есть штришок чуть потоньше, но тоже важный: даже с миллиардами в «калашный ряд со свиным рылом» не пускают, скажем, Гусинского(!) – в Израиль, а Березовского Рокфеллеры не очень рьяно в компаньоны приглашают. А одного миллиардера в Куршевеле, как нагадившего котёнка, мордой в дерьмо тыкали. (Правда теперь он всё равно в Президенты метит – А.В. 2013). Т. е. к чужой кормушке не подпускают – надо свою максимально использовать и охранять. Поскольку в драке за кормушку лично они участвовать не будут, то для декора и понадобилась, как верно отмечает т. Ставицкий, псевдопатриотическая риторика. Даже самого Господа Бога в союзники приглашают.

Соответственно усилилась буржуазия с «национальной ориентацией», однако компрадоры ещё далеко не «оттеснены», как уверяет т. Ставицкий. На своих местах Чубайс, Греф, Кудрин, да и Зурабов, несмотря на обилие «божьей росы», никуда не уходит. И Е. Гайдар в запасе всё ещё (теперь уже в вечном запасе. – А.В. 2013). А «на подхвате» маячит Касьянов с ассистентом Ларионовым. Так что сдать Россию Западу без всякого боя, как это уже однажды проделали «Горби» и Ко., есть кому. Я думаю, автору статьи никто не возразит, что «никакой другой, кроме как империалистической, весьма вероятная будущая война быть не может. Не может иметь и другой причины, кроме как конкуренция за рынки и источники сырья». (Последние потрясения фондовых рынков такую вероятность увеличивают).

Далее т. Ставицкий задаётся вопросом (риторическим, вообще-то): «...то для коммунистов в условиях войны, прими она даже форму нападения на Россию, означал бы призыв встать грудью на защиту Отечества?». И отвечает на него: «Согласие на то, чтобы народ сражался... за государство дерипасок и абрамовичей с чубай-

сами... стало бы предательством своего класса и пособничеством буржуазии». (Как тут не вспомнить строки Некрасова:

*«Хорошо поёт, собака,
Убедительно поёт!...»)*

Но у меня возникают два вопроса.

1. Если мы не «встанем грудью», а повернёмся задом к нападающим, они что, придут для того, чтобы перебить или взять в плен дерипасок и абрамовичей с чубайсами? А нам скажут: «Спасибо, что не мешали убрать плохих парней!», потом приветливо помашут нам рукой и уйдут восвояси? И мы тогда – хошь капитализм достраивать, хошь социализм восстанавливать начнём?

2. Чем лучше наших дерипасок и абрамовичей с чубайсами «ихние» ротшильды, рокфеллеры, дюпоны и прочие соросы, которые придут к нам в форме нападения? Если нашим дерипаскам и абрамовичам с чубайсами пособлять не надо, ввиду того, что они буржуазия, то рокфеллеры, дюпоны и прочие соросы, это что, братья-пролетарии?

Мне думается, что если «чужие» победят «наших», то «наши» ни от бомб не пострадают, ни от стыда не сгорят, а будут процветать, как теперь процветает горбачёвско-ельцинская шайка. Аналогии тому мы видим в Югославии, в Афганистане, в Ираке. Там, правда, не то чтобы не «вставали грудью», а просто были несоизмеримо слабее тех, которые пришли в форме нападения.

Чуть ниже автор весьма резонно указывает, что пораженческая позиция «чревата»: «как и большевиков, это сделало бы нынешних коммунистов объектом самых яростных нападок, обвинений в непатриотизме и прямых преследований». Хороша альтернатива у нас! Прямо, как у Мюнхгаузена в Африке. Где выход? Что сделать, чтобы лев угодил в пасть крокодилу?

Похоже, что по этим двум вопросам т. Ставицкий ясности не имеет. В качестве подкрепления основного тезиса он ссылается на классиков и цитирует их. Но Маркс и, особенно, Ленин подчёркивали, что диамат и истмат – это не набор готовых, проверенных и потому верных, как «пифагоровы штаны» формул, а метод анализа, прежде всего. Истмат учит, что для правильной оценки события и прогноза его результатов, надо событие рассматривать в развитии и учитывать конкретные условия, в которых оно происходит. Вот медведь диалектику не изучал, пользовался аналогией с предыдущим событием и при дележе вершков и корешков всегда «пролетал». Мужик, правда, тоже диалектику не изучал, но был хитромудрый.

Изменилась политическая обстановка, изменилось вооружение, изменились методы ведения не только боевых действий, но и войны, в целом. Пример уничтожения СССР у нас перед глазами. Побе-

дители вообще не воевали против нас в том смысле, который мы имели в виду, когда готовились к схватке с ними. (Ах, как легко мы отнеслись к Г. Киссенджеру, когда он в 1990-м цитировал китайского полководца древности: «Наивысшее искусство состоит в том, чтобы победить противника без борьбы».)

Не изменилось пока только одно: Россия нужна мировому империализму не столько как рынок (и сырьевой и сбытовой), сколько как кладовая, а её народы, прежде всего русский, не нужны ни как землекопы, ни как покупатели ресурсов (вспомните хотя бы недавние заявления Р. Чейни, а чего стоит пресловутое заявление М. Тэтчер о 50-ти миллионах россиян!). Поэтому те, кто уцелеет после разгрома России НАТОвцами (а такая угроза становится всё актуальней), окажутся в положении американских индейцев. Пролетариев станет много, а рабочего класса не будет. И вопрос о социалистической революции на территории бывшей России ставить будет некому и не перед кем. Хорошо сохранившейся российской буржуазии будет позволено постепенно ассимилироваться в «западное общество» хотя бы на вторые роли (есть же в США негры-миллионеры). Тем более что наши нувориши и нуворишики уже давно сами к этому стремятся (вспомните хотя бы заграничное обучение).

Что же делать? Если бы я знал точный ответ, я бы не предлагал провести «мозговую атаку». Но мой тезис – в заголовке колонки на той же странице, что и статья т. Ставицкого. «Или социализм, или гибель». Нужно будет разобраться с буржуазией до того, а после того будет поздно. Поэтому, как правильно сказал т. Ставицкий, «будем призывать к социалистической революции, которая даёт трудовому народу действительно свою страну, действительно своё государство и действительно свою Родину...», пока это всё у нас не отняли окончательно.

А.С. Воронцов, член ЦК РКРП-РПК.
Г. Тольятти, март 2007

КОПАТЬ НАДО ЗДЕСЬ (так мне кажется)

Я рад, что в номере 5-м (261) этого года «ТР» поместила мою статью, в которой я предложил начать полемику по важнейшему вопросу, поднятому тов. Ставицким в статье «ЕСЛИ ЗАВТРА ВОЙНА...».

Редакционный комментарий к моей статье свидетельствует о двух вещах: а) редакция разделяет моё мнение о важности темы и о том, что пора уже провести дискуссию в более широком масштабе; б) редакция не бранит меня за то, что я пока не имею ответа на поднятый вопрос. Тем не менее, этот вопрос не выходит у меня из головы и

сердца, и в нынешней статье попробую на основе анализа текущего момента предложить один из вариантов ответа на вопрос: «Что и как надо делать?» (Подчёркиваю, что это всего лишь один из вариантов и что в результате дискуссии будет найден более-менее точный ответ.)

Какие же моменты можно взять за отправные, как доказанные или хотя бы очевидные? (Думаю, многим понятно, что очевидность в политической сфере не всегда равноценна истине).

1. Не менее десятилетия с конца 80-х в политической и деловой верхушке преобладали компрадоры, которые не только не скрывали своих воззрений, но и активно их пропагандировали. До сих пор в низах довольно широко распространён миф о том, что если бы Пётр 1-й не разгромил шведов, то мы теперь жили бы, как в Швеции; а если бы Сталин не разгромил Гитлера, то мы теперь жили бы, как в Германии.

2. За последние два года заметно усилилась патриотическая риторика. Всё чаще заигрывания с Востоком и демонстрация твёрдости перед Западом (удивительным образом сочетающаяся с клятвами верности и заверениями в дружбе). Однако, похоже, что в этой риторике процент «пиара» выше процента «реальности».

3. Происходит мощное наступление на права и свободы населения, в том числе и на пресловутые «права человека», под флагом борьбы за которые необуржуазия так рьяно боролась с Советским строем.

4. Всё шире раскрываются «ножницы» между реальными и телевизионно-пропагандистскими темпами роста благосостояния народа России.

5. Правящая верхушка «разделилась сама в себе»: появилась «Справедливая Россия» и сразу (!) от неё пошла молодая поросль.

6. Как зарубежные силы, так и внутренняя «пятая колонна» активизировали подготовку к очередному раунду «оранжевой революции». Пока не ясно, будет ли Сорос учитывать украинский опыт, где впервые она встретила отпор с вовлечением в него достаточно широких масс населения («антимайдан»), причём, неплохо организованный (на фоне Югославии и Грузии).

7. «Оранжевые», как захудалых бычков в реку для отвлечения стаи пираний, заталкивают Касьянова, Каспарова, Лимонова и примкнувшего к ним Геращенко. Упитанный бычок Ходорковский только ещё готовится к выходу.

8. Запад всё активнее лепит из России образ «плохого парня». Олицетворением его назначен Путин, на которого, по сути, началась травля. (Травят Путина, а «кольцо питона» сжимается вокруг России. Такое уже наблюдалось: Милошевич – Югославия, Хуссейн – Ирак, «талибы» – Афганистан.) При этом США всё больше погряза-

ют в экономических и внешнеполитических проблемах (особенно на Востоке).

9. Антиимпериалистические силы разобщены:

- коммунисты, влияние которых уже лет двадцать как снизилось,
- сами по себе;
- арабы, персы и низы Пакистана – сами по себе;
- Латиноамериканские страны – сами по себе;
- антиглобалисты (они как фейерверк: много радуги и грохота, а иерихонские стены не рушатся) – сами по себе;
- рабочее движение (там, где оно есть) – само по себе, либо под чутким дружеским руководством троцкистов.

10. Гниющая, особенно в России, буржуазия заражает своей гнилью всё более широкие слои населения, в т.ч. рабочий класс. Как результат этого гниения каждое новое поколение всё более дегенеративно физиологически, интеллектуально, психически, нравственно и социально. А влияет ли это всё на наш выбор тактики в грядущей войне России с империалистическим окружением? Если влияет, то как и в какой мере? (Опять напоминаю, что я ищу ответ на эти вопросы. Помогите мне.)

Я же сам, прежде чем идти дальше, подчеркну три тезиса:

а) Единственным критерием правильности выбора тактики будет возникновение в России революционной ситуации (РС) и минимума условий для успешного превращения её в реальную социалистическую революцию.

Думаю, что никто, даже т. Ставицкий, не будет спорить с этим тезисом. Напомню, что в основе революционной ситуации лежат потеря верхами возможности управлять обществом по-старому и нежеланием низов жить по-старому. Кульминацией развития революционной ситуации является возникновение двоевластия (многовластия) и решение вопроса: «кто – кого?».

б) Для возможности реализовать выбранную нами тактику надо влиять на развитие событий если не в глобальных масштабах, то хотя бы в масштабах России.

в) Крупную буржуазию надо устранить (хотя бы оттеснить) от власти, как я писал в 1-й статье, ещё до начала войны. А уж потом, после провозглашения социалистического, или хотя бы народно-демократического (тавтология придумана не мной), вопрос решается однозначно: только победа в войне с империализмом.

Если под войной понимать боевое использование Вооружённых Сил противоборствующих сторон, то оно будет коренным образом отличаться даже от 2-й Мировой войны, а уж о 1-й и говорить нечего. Фронт и тыл будут понятиями условными: удары будут наноситься по всей территории противника. Вероятность использования ору-

жия массового поражения очень высока: они – потому что территория России огромна, мы – потому что больше нечего противопоставить (думаю, большинство читателей знает реальное состояние нашей Армии). Сроки ведения основных боевых действий – не годы, а дни (в крайнем случае, недели). В силу этих факторов в ходе войны занимать ни победоносную позицию, ни, тем более, пораженческую, будет просто некогда.

Коренным образом будут отличаться и цели войны. Уже в 1-й Мировой войне территориальные приобретения стали отходить на второй план, во 2-й Мировой войне они ещё больше потеряли своё значение. На передний план вышла задача установления в побеждённой стране «правильного правительства». Сейчас эта задача является главной во всех империалистических войнах. Последние годы дают множество подтверждений тому. Самое последнее – события в Палестине, а «самое-самое последнее» – разворачивающаяся борьба за «путинское наследие» в России. Немного остановлюсь на тезисах «б» и «в».

Теоретически есть несколько (немного) вариантов влияния на развитие событий в масштабах России:

1) Иметь своих агентов влияния в правящей верхушке государства и Вооружённых сил. Хорошо бы ещё в ГРУ и ФСБ (а, может, товарищи Крючков и Бобков поделятся опытом 1991-го?)

2) Иметь в массах авторитет, превосходящий авторитет противников и конкурентов попутчиков.

3) Иметь своих агентов влияния в массах трудящихся, чтобы воздействовать на развитие (РС) или хотя бы для инициации широких народных волнений.

4) Иметь достаточно мощную сеть политического информирования населения для вбрасывания в нужный момент информации, дезинформации и лозунгов.

Но все мы прекрасно понимаем, что агентов влияния в правящей верхушке у нас нет, а в низах – очень мало. Информационные мощности наши малы, авторитет наш отягощён былыми грехами КПСС, новыми грехами КП РФ и малой собственной пассионарностью. (Это не удивительно: костяк нашей партии составили те, которым в 91-м было по 40...50 лет. Лет пять мы горели довольно ярко, а сейчас, понятно, у нас не может быть смелости, лихости и бесшабашности 18...25-тилетних. Увы, пассионарии этих возрастов ушли к лимоновцам и в пропутинские молодёжные формирования). Правящие круги при этом делают всё, чтобы «буревестников» в обществе было меньше, а «глупых пингинов» – больше.

Беру на себя смелость утверждать, что поражение России в империалистической войне неминуемо приведёт либо к полному по-

давлению морального и психического состояния народа и согласию с любым рабством (это более вероятный вариант), либо к гражданской войне по типу Ирака или Палестины. В обоих случаях ни о какой революционной ситуации речи быть не может.

Где же выход? Если посмотреть спокойно, то можно увидеть, что квазиреволюционную ситуацию и реальное двоевластие очень хорошо создаёт Соросовская агентура при подготовке «оранжевых» революций.

Думаю, что оставшиеся месяцы до очередной такой «революции» в России надо интенсивно воевать на два фронта: использовать разоблачительные факты и аргументы каждой из сторон фарса. И настойчиво внедрять в массовое сознание тот

факт, что обе противоборствующие стороны (условно, Касьянов – Путин), это две стороны одной капиталистической медали. И доказывать, что слабеющую путинскую власть (если это случится) надо отдавать не в Касьяновские руки, а в руки трудового народа. (Собственно говоря, нечто похожее было осенью 1917-го.)

Если Советы рабочих, крестьян и служащих возьмут власть до войны, то Армия будет на их стороне. Значительная часть полиции и др. силовых структур – тоже.

Приближается 90-я годовщина Великой Октябрьской социалистической революции. Этим моментом тоже надо воспользоваться для наращивания агитационно-пропагандистского нажима.

Где найти мощные СМИ? А вот это вопрос...

А.С. Воронцов, член ЦК РКРП-РПК.

Г. Тольятти, лето 2007

НИ БОГ, НИ ЦАРЬ И НИ ГЕРОЙ... **(Тогда на фиг они?)**

История сплошь пестрит богами, царями и героями. Значит, они для чего-то нужны. А для чего? Вечный вопрос, стоящий в ряду с такими, как:

– Что раньше появилось, яйцо или курица?

– Какая армия сильнее – та, что состоит из баранов, но управляется львом, или та, что состоит из львов, но управляется бараном?

Метафизического ответа на эти вопросы не существует. А диалектика даёт ответы, если вопрос рассматривается в развитии и во взаимосвязи с окружающей действительностью. В последнем случае она (диалектика) подсказывает, что как минимум львы-цари скоро начнут бляеть, а бараны-цари – рычать, иначе они не смогут общаться со своими подданными. Если они не смогут этого сделать, бараны-

воины околеют от рыка повелителя, а лвы-воины сожрут своего императора (в мгновение ока!). В обоих случаях армии не могут вступить ни в какую баталию, и вопрос, кто сильнее, отпадает.

Эти выкладки мне приходят в голову всякий раз, когда «простой обыватель» мне заявляет: «Терпеть больше не могу! Дай мне автомат и скажи, за кем идти. Где вожди?» То же самое мне приходит в голову всякий раз, когда «простой лидер» заявляет: «Терпеть больше не могу! Дайте мне класс. Где класс?!». В своё время (это было в Горьком в августе 1993-го на сессии Совета РКС) В.И. Анпилов очень верно ответил одному товарищу: «Во все времена пролетариат сражался тем оружием, которое добывал в бою». Добавлю, что вожди (т. е. те, кто ведёт) нужны только тем, кто движется, идёт: сидящих не поведёшь. И, как и оружие, вожди появляются только в бою. И появляются из тех же, кто сидел, но встал и пошёл! А боги должны были только наметить и отметить потенциальных царей и героев. И снабдить их «дорожной картой», когда они пойдут. А ещё они должны с началом движения снизойти на землю и, как простые цари и герои, тоже стать вождями.

Искусственно поднять сидящих не в силах даже боги. (Правда, остановить их и усадить покрепче некоторые пытаются, убеждая, что «Россия исчерпала лимит революций».) Даже предугадать момент, «когда спящий проснётся», не менее трудно, чем предсказать землетрясение. Общеизвестно, что сам В.И. Ленин ещё в 1916-м полагал, что революционная ситуация в России сложится очень скоро.

После некоторых признаков пробуждения в 1996...98 годах Россия впала в летаргию. Волжский автозавод – ещё раньше, хотя сквозь сон что-то бормотал: то один митинг, то другой, то участие рабочих в мэрских (мерзких?) выборах, (а то и в Губдуму!). И вот в июне-июле трудящиеся (впервые за многие годы!) вспомнили о предвыборных обещаниях ВАЗовских кандидатов в Губдуму, которые к тому же далеко не рядовые члены «партии власти»: поднять зарплату до 25 тысяч, а пенсии до 10-ти. И решили предъявить векселя к оплате. Это на фоне того, что за последние 15 лет ВАЗ скатился с первого на какое-то ... надцатое место в городе по средней зарплате, которая сейчас реально где-то на уровне 7...8 тыс. рублей в месяц, а не 11...14 тыс., как тщатся доказать ВАЗовские «пиарщики». К тому же инфляция за летние месяцы совсем осатанела.

Нашёлся смелый и сообразительный человек Афанасьев Александр, разработал нехитрый бланчик: «Мы, №№ п/п, ФИО, цех, бригада, табельный номер, требуем выполнить данное вами обещание и поднять зарплату до 25 тыс. рублей. А в случае невыполнения – с 1-го августа можем начать забастовку». И стал собирать подписи. А подписанные листы – через канцелярию отправлять Гендиректору Ар-

тякову. Нашлись помощники. Акция охватила цеха главного конвейера 45-2 и 45-3, затем 46-1, 48-е цеха, затем из Сборочно-кузовного производства перекинулась в Механо-сборочное, в цеха «Мотор-3» и др.

Ценность этого события в том, что, хоть Афанасьев и член профсоюза «Единство», но начал работу не по заданию, а по своей инициативе. Далее «процесс пошёл» так же стихийно, ускоряясь по закону цепной реакции. К концу июля число «подписантов» достигло десяти тысяч! Эту лавину не мог не заметить профсоюз «Единство» и стал оказывать посильную помощь. В основном, «информационной поддержкой»: прежде всего выпустили листовку, на одной стороне которой была коротенькая статья с ехидным заголовком: ПРОЦЕСС ПОШЁЛ; ниже – фрагмент подписного листа, а на обороте – советы забастовщику.

Однако наблюдательной оказалась и охранка: за активистами был установлен надзор, в первую очередь за Антоном Вечкуниным (он молодой, к тому же, по их подозрениям, связан с РКСМБ. А молодёжь – это вам не бабушки с плакатиком: «Нет закону №122»), во вторую очередь появилось распоряжение №64 от 24 июля 2007 г. И.о. нач. УСБ Черновалова:

«В связи с обострившейся социальной обстановкой...

2. Исключить возможность прохода лиц ... с агитационными плакатами, листовками и т. д., организовав тщательный осмотр сумок, пакетов и т.п. при входе;...

4. В случае обнаружения распространения... принять меры к задержанию лиц, её распространяющих...»

Вот она, свобода и демократия, в действии. А при социализме-то досматривали только при выходе.

Двоих, в том числе Афанасьева, арестовывали на проходной, но быстро выпускали. Антона Вечкунина взяли после второй смены при выходе из автобуса в пятницу. Захват производила группа лиц «в штатском», наутро мировой судья назначил ему трое суток ареста «за неподчинение милиции и нецензурные выражения на улице». По делу даже фигурировали два свидетеля, но на процессе их не было. Видимо, пока двое молодчиков «в из этой же группы стояли в качестве свидетелей (и резерва – а то Антон весит целых 60 кг. и талия у него тоже 60, только сантиметров – как бы такой богатырь не разметал спецов из УСБ ВАЗа) и ждали, когда он начнёт говорить им комплименты и прочие приятности «высоким словом русского романса».

Может, он и сказал чего-нибудь не «высоким штилем», но я не могу не процитировать четверостишие неизвестного (мне) автора, которое я слышал от бывшего секретаря Самарского ОК РКРП Малыгина В.Н.:

*«Нам демократия дала
Свободу матерного слова.
Но и не надо нам иного,
Чтобы воспеть её дела!»*

Однако арест Антона дела не решил, более того, ропот среди рабочих ВАЗа и даже озлобление усилились. На защиту Антона встали профсоюз «Единство», организация КП РФ (а у них есть люди и в Губдуме, и в Госдуме), РКРП вплоть до Тюлькина В.А. Были проведены пикеты в Москве и в Тюмени, были извещены международные профсоюзные организации. В результате бизнес и подконтрольные ему властные структуры больше трёх суток Антона не решились задерживать. Но, похоже, готовят вариант признания его «неадекватным». А что с такими делают дерипаски всех мастей, читайте интервью того же О. Дерипаски Евразийскому Агентству в июле прошлого года. Так что нам ликовать пока рано: Тольятти не менее криминальный город, чем Ачинск.

Нагрянуло 1-е августа, настал «момент истины». Оказалось, что подпись в листе среди десятков других подписей поставить легче, чем решиться на активные забастовочные действия в присутствии «наблюдателей» в форме, в униформе и просто в штатском, у которых «инструмент» в руках вовсе не слесарный: автоматы, пистолеты и резиновые «демократизаторы». Автоматчиков потом всё же припрятали.

Вожаки уже стали прорезаться в цехах, но они пока не успели набрать силу. Поэтому в обед в огромном зале столовой на второй бытовой вставке Главного корпуса собралось тысяч до двух народа из ц.45-2 и представители других цехов. И, как когда-то псковитяне к варягам, они обратились к профсоюзу «Единство» с просьбой возглавить забастовку. Руководство профкома «Единства» согласилось и пошло навстречу просьбе трудящихся.

Ситуация сразу изменилась. До этого рабочие цехов 45-2 и 45-3, 46-1, 48-ых и др. хотели, но не знали как, руководство профкома «Единства» знало как, но понимало, что с наличными силами они не смогли бы провести забастовку «как надо». Ох уж это «как надо!» – сразу вспоминается песня Высоцкого про волков, которых отстреливают, а они не могут выйти из круга, обнесённого флажками.

Профкому «Единства» уже волей-неволей надо было принимать какие-то решения. Они были приняты и поддержаны собранием: провести краткосрочную (3-х часовую) забастовку и готовить забастовку «по правилам» без указания конкретного срока – по фактической готовности. При этом представители администрации заверили, что участники забастовки не будут подвергнуты репрессиям. На 7-е ав-

густа была намечена встреча Золоторёва с Гендиректором «и др. официальными лицами».

После обеденного перерыва несколько сотен рабочих на конвейере (цеха 45-2 и 45-3) и в ц. 46-1 к работе не приступили и начали забастовку. Те, кто не решились открыто бастовать, физически не в состоянии были выполнить операции забастовавших. Но администрация применила испытанный ею ещё в забастовке 94-го года приём: периодически стали включать конвейер – некоторые рефлекторно бросались к своим операциям, а некоторые считали, что где-то договорились и всё «уладилось». Часть забастовавших вышла из корпуса. День выдался тёплый, многие легли на газон, кто на солнышко, а кто в тень от елей.

Когда я подошёл к ограждению завода, то через решётку забора с десятков фото и телерепортёров снимали эту идиллическую картинку: почти пикник. Шарма картине придавало присутствие милиции и охранки в новеньких, без единого пятнышка, «рабочих комбинезонах», и представителей администрации, пытавшейся урезонить забастовщиков. Что они говорили, через охранную зону было не слышно, но откровенный смех рабочих слышен был явственно. Вспоминалась картина Репина: «Запорожцы пишут ответ турецкому султану».

С пропагандистской целью администрация внушала журналистам, что забастовщики это те, кто вышел на газон, и только, а то, что это была верхушка айсберга, об этом помалкивали. Поскольку от поста последней операции (установка колёс) до регулировочной ямы размещается штук 5..6 автомобилей на каждой из трёх ниток, и почти столько же практически готовых автомобилей размещается между предпоследней и последней операциями, да ещё имея тридцатипятилетний опыт сдачи некомплекта в цех устранения недоделок, то администрация пыталась имитировать работу главного конвейера. Тех, кто не работал на ВАЗе, можно обмануть, но не ВАЗовцев же! Обман был главным оружием необуржуазии и её приспешников с 1986-го. Намеченная на 7-е августа встреча с Артяковым не состоялась по изящной в своей простоте причине: его просто в этот день не было в городе.

Потом начались другие отступления от обещаний: на 24-е августа в профкоме «Единства» имеется 230 дубликатов приказов о наказании. По некоторым данным всего их уже 270. Наказания разные: лишение премиальных за месяц, по итогам года, выговоры и т.п. Двоих – Виноградова и Мачехина из ц. 42-5 уволили. Так что профкому и юристу «Единства» предстоит долгая и нелёгкая неравная борьба за справедливость.

Чего не добились? Утроения среднего заработка.

Чего добились? В ц. «Мотор-3» прибавили (до 12 %) доплату за профмастерство и ещё кое-где какие-то крохи. Плохо?

Если чисто утилитарно – плохо! Хуже всего, конечно, не то, что администрация подлая, а то, что коллектив рыхлый и не смог встать единой стеной. Плохо и то, что подготовка забастовки шла стихийно. Поздно обратились к «Единству», а профсоюз не предложил своих услуг, как бы ни были ограничены его силы и возможности. Плохо и то, что организации как РКРП, так и КП РФ не смогли сыграть роль связующего звена между ВАЗовским коллективом и «Единством» (причины этого в данной статье я не буду анализировать).

Всё плохо? Нет не всё!

Представители многих цехов из той смены, которая 1 августа работала вечером и не участвовала в предупредительной забастовке, заявляют о готовности повторить. Настрой у многих изменился в сторону боевитости. ВАЗовцы уже иные. Если они зашевелиятся, то герои и цари найдутся, боги тоже станут помудрее.

Похоже, что «Россия НЕ исчерпала лимит революций».

Александр Воронцов, член РКРП с 23.11.1991 г.

Осень 2007

С КЕМ ВЫ, МАСТЕРА НАУКИ? (ПОПЫТКА ПОЛЕМИКИ С ПРОФЕССОРАМИ РАКИТСКИМИ)

Вместо предисловия

В июне прошлого (2007-го) года в Тольятти состоялся семинар, организованный Школой Трудовой Демократии. Семинар вызвал во мне такие противоречивые мысли и чувства, что я, во избежание разрыва пополам, решил поделиться своими сомнениями с кем-нибудь из участников семинара, в первую очередь, с руководителем Г.Я. Ракитской и такими участниками, как Этманов и Золотарёв. Поначалу я представлял это как обычное письмо. Но по мере работы над ним тема захватила меня, а материал, оставленный Галиной Яковлевной, был настолько объёмный, что у меня набралось раздумий на целую брошюру, которую я и попытаюсь издать, если найдутся единомышленники (конденты, по-латыни?) в издательствах.

Надо сказать, к окончательному пониманию позиции Ракитских я так и не пришёл, но попытка понять её была для меня интересна и небесполезна. А что касается затянутости сроков работы над этим анализом, то это зачастую было вынужденным, зато появлялась возможность каждый абзац рассмотреть под разными углами и получить из жизни новый иллюстративный материал. Так что почти полтора года моей жизни потрачены не даром. А если последуют телефонные или иные отклики – совсем хорошо: учиться никогда не поздно!

Александр ВОРОНЦОВ,

Июль 2008 – ноябрь 2009-го

Да простит меня Горький, что я немного переименовал название его знаменитого памфлета, но с позицией мастеров культуры, особенно таких, как Михаил Швыдкой или Марк Захаров, всё ясно, а вот позиция мастеров науки, даже таких, как Жорес Алфёров и Садовничий, просматривается труднее. А понять хочется. ...

Поэтому, когда в Тольятти 11...14 июня 2008 года при активном участии ВАЗовского профсоюза «Единство» был организован семинар «Школы трудовой демократии», я не только оказал техническое содействие в проведении семинара, но и попросил разрешения присутствовать на занятиях. Участниками семинара были рабочие автозаводов из Тольятти (с ВАЗа и с ДМ-Лада), из Всеволожска, Таганрога, Тулы, Москвы и Калуги. Из Канады прибыл Дэвид Магндель, один из руководителей «Интер-национального Университета трудящихся и эксплуатируемых» (интересно, как можно эксплуатировать не трудящегося?). Была представлена и Бразильская профсоюзная пресса.

Почему я напросился на этот семинар? 25 лет из моей 50-тилетней трудовой деятельности я работал конструктором, поэтому авторитетно утверждаю, что нельзя правильно сконструировать даже простую деталь, если не знаешь свойств материала. Тем более сложную машину. Маркс, Энгельс, Ленин потому и добились огромных теоретических, а Ленин ещё и практических результатов, что изучали и изучили свойства, особенности рабочего класса, буржуазии и других слоёв населения, участвующих в процессе социального развития. Мы же, в большинстве своём, почти не знаем ни современного рабочего класса, ни современной буржуазии, ни других современных «эксплуататоров и эксплуатируемых». Вероятно, поэтому сами в области теории безжалостно эксплуатируем Маркса, Энгельса, Ленина и (чуть-чуть) Сталина. Представьте, что бы получилось, если бы я сконструировал обычный бытовой холодильник на базе материалов, 100 и 150-тилетней давности?

Да, мы развиваем бурную деятельность, когда в Выборге или в Тольятти, или в других местах пытаемся оказать помощь в конкретной ситуации. Но ведь тот же Горький сказал: «Удариться лбом об стенку ещё не значит – изучить стенку». Поэтому я и оказался на семинаре «Школы рабочей демократии» и приуроченной к нему Конференции МПРА (Межрегиональный профсоюз работников автопрома).

Кроме того, хотелось понять, почему члены профсоюза «Единство», ведущие реальную классовую борьбу и активно сотрудничающие с членами РКРП-РПК не спешат так же активно вступать в нашу рабочую партию. При том, скажем, что им известно, как Ось-

кина В.Ф. неоднократно тягали по судам за участие в мероприятиях «Единства», а меня в своё время грозились выгнать с работы и принимали звонками милиции, когда я выступал в защиту профсоюзников. Т. е. члены «Единства» приветствуют, когда мы приходим на их баррикады, но не разделяют нашу идеологию, которая по сути – их идеология, идеология рабочего не принимают её за свою. Жаль. Ведь необходимым и главным условием успеха в борьбе пролетариата с буржуазией является соединение рабочего движения с марксистско-ленинской теорией пролетарской революции.

Мы это прекрасно знаем и пытаемся довести до них эту простую мысль (уже 16 лет, начиная с областного съезда Советов рабочих), а результат – близок к нулевому. Почему?

Три причины просматриваются относительно легко.

1. Официальной пропаганде удалось внушить широким массам понятие, что народ – сам по себе, а партии – сами по себе; и что задача каждой партии – обеспечить удовлетворение интересов членов этой самой партии, что они никого, кроме себя, не представляют. И вообще, «политика – грязное дело». Не потому ли даже наиболее активные профлидеры не понимают, что они занимаются самой настоящей политикой, как мольеровский Тартюф до 50-ти лет не знал, что он говорит прозой? А создание и деятельность партий-однодневок являются для буржуазной пропаганды прекрасной иллюстрацией этого обманного тезиса.

2. Хуже того, – к числу таких партий отнесли и коммунистические. Всеми способами, начиная от реплик «руководителей» страны и кончая кинофильмами и даже различными дешёвками-«телешоу», вдавливают в головы всем классам и прослойкам эту мысль. В качестве иллюстрации чаще всего используется деятельность КПСС в конце XX столетия. К сожалению, деятельность КП РФ, особенно его высшего руководства, тоже даёт такие примеры. А ведь в массовое сознание уже довольно крепко вбит ложный тезис: члены КП РФ – коммунисты, коммунисты – это члены КП РФ.

3. Ещё хуже – широко распространена мысль: «Весь мир живёт в капитализме – чего же нам выбиваться из общей стаи?». От этой мысли рукой подать до вывода: если жизнь в капитализме неизбежна, то лучше грабить, чем быть ограбленным Отсюда – отвращение к труду и тяга к паразитированию, вплоть до проституции и «киллерства».

Но неужели дело только в этом? Ведь, несмотря ни на что зарождается понимание простого факта: если ты эксплуатируемый, то это – надолго, вплоть до внуков и правнуков. Понимание такой безотрадной перспективы высказывают пока единицы, но тенденция – к десяткам и сотням. И поэтому от тезиса «политика – грязное дело»

начинают переходить к тезису «трудящиеся должны иметь свою партию, рабочие – особенно». Даже предпринималась попытка создать «Партию труда». Но эта попытка, вероятнее всего с помощью спецслужб, провалена.

Так вот же – есть Российская коммунистическая рабочая! Вступайте! Нет, даже такие борцы за рабочее дело, за плечами которых пикеты, митинги и забастовки, как Золотарёв, Ершов и другие вожаки «Единства», мягко ускользают от этого предложения. Более того, один из профлидеров заявил, что он не верит в возможность создания бесклассового общества: «Ведь всегда будут фрезеровщики, конструкторы, мастера и начальники цехов». Бог ты мой! Ему неведомо элементарное понятие о том, что принадлежность к социальному классу определяется не ролью в производственном процессе, а отношением к средствам производства: наёмный придаток к ним, арендатор, совладелец или владелец! Может быть, именно для поддержания этого заблуждения легендарный самарский «странный бунтарь» Григорий Исаев 18 лет назад вбросил лозунг: «Все начальники – сволочи!».

Семинар, который вела профессор, д-р экономических наук Ракитская Галина Яковлевна, начался нестандартно (в нашем понимании): каждый семинарист представился и сказал, что он хотел бы вынести из этого мероприятия. Такую методику я наблюдал на презентациях в фирмах «Герболайф», «Тянь ши», «Сибирское здоровье». Там правильность этой методы подтверждается рублём, т. е. количеством прозелитов (новообращённых) в пирамиде. Темами семинара были: «Зачем нужна рабочая демократия, и как её обеспечить?» и «Что такое достойная зарплата?». Я возликовал: к концу семинара буду знать, как поднять рабочих на борьбу за права всего пролетариата и за изменение к лучшему жизни всего народа...

Но тут начались неожиданности. Оказалось, во-первых, что речь идёт о внутренней демократии профсоюзных и иных рабочих организаций. Ладно! Организация – это инструмент для решений какой-то задачи. А плохим топором столетний дуб не сваляшь.

Второе меня озадачило: когда во время представления я употребил слово «товарищи», на лицах некоторых семинаристов и самой руководительницы прорезался плохо скрываемый скепсис. Хорошо! Может, они не верят лично мне, не знают, что главным содержанием моей жизни последние 20 лет была и есть борьба за рабочее дело? Не принимают за своего? Так это поправимо. Но вот что смутило: даже обращаясь к «своим в доску», Галина Яковлевна говорит «друзья мои!». (Мне как литератору нетрудно указать пресловутые «десять отличий» между «другом» и «товарищем»). Когда в завершение своего представления я выразил надежду дожить до того времени, когда борьба моих младших товарищей приведёт к падению диктатуры

буржуазии и торжеству диктатуры пролетариата, то Г. Я. не сдержалась: «Нам не нужна диктатура. Диктатуру мы уже видели!»

Тем не менее, семинар оказался интересным и полезным для меня. Во-первых, сам факт учёбы профактива. Результаты такой учёбы, судя по деятельности МПРА, немалые: профсоюзные вожаки идут весьма близко к концепции «Школы трудовой демократии». И Ракитская, и Мандель для них – большие авторитеты, хотя, по моим наблюдениям, ни в руководство забастовками, ни в проведение митингов прямо не вмешиваются. Наши взаимоотношения с «Защитой», по-моему, ещё не достигли такого уровня. Смерть В. Гамова добавила проблем. Чтобы конкурировать с ШТД, нам надо иметь второго Гамова и ... миллионные средства, желательно, в долларах или евро. Дело в том, что такие мероприятия очень затратны. Нет, преподаватели не требуют огромных гонораров – они люди очень скромные и непритязательные. Но орграсходы (!)... Скажем, только аренда автобуса из Всеволожска – 100 000 рублей. Как это для РКРП?

Во-вторых, есть истины, около которых ходишь, вроде бы, знаешь их, но когда услышишь их из других уст, понимаешь их весомость. Отчего появляется «вождизм»? Прежде всего от низкой активности «рядовых членов». Как повысить их активность? Ракитская предлагает использовать всем известный закон «перехода количества в качество». Если первичные подразделения (ячейки) не превышают по численности 5-ти чел., то характер обсуждения вопроса и принятие решений по нему резко демократизируются: в этой процедуре реально участвует каждый. Поэтому за реализацию принятого решения каждый борется как за своё личное решение: или он убедил, или его убедили.

В-третьих, Ракитские признают (и доказывают это!) Советы высшей формой демократии. И даже знают очень научный термин для них: «перевернутая пирамида власти». Согласен я с ними и в том, что найденная в России в 1905 – 7 гг., эта форма демократии существовала и на западе. Согласен с тем, что после 1917-го эта форма трудовой демократии у нас существовала недолго (расхождение только в сроках и причинах падения её).

В-четвёртых, семинаристам разъясняют, что они участвуют в политической жизни, более того, в самом ярком проявлении жизни – в борьбе, и ещё более того, – в классовой борьбе! К чему может привести рабочую массу осознание этого факта, мы, конечно, догадываемся.

В-пятых, на семинаре и вне его уделялось много внимания требованию «достойной зарплаты», и чуть ли не с бухгалтерской точностью подсчитывался её уровень. Не забыт даже корм для домашних животных! А ведь доказательность и обоснованность экономиче-

ских требований в трудовых спорах и при забастовках могут быть отличным аргументом. Более того, много и по делу говорилось о забастовках солидарности, а ведь от них – рукой подать до Всеобщей Политической Стачки. (Но вот о ней-то на семинаре – ни слова! Как у маори: до подножия горы – бегом и с криками, а на гору – ни шагу: табу! Почему? Не знаю).

В-шестых, ласкало слух заявление о том, что «мы, Ракитские, особенно Борис Васильевич, самые что ни на есть коммунисты». Только вот подлая мысль отравляет мою благодать: Ленин, кажется, говорил, что коммунист – это тот, кто распро-страняет понятие классовой борьбы до признания ДИКТАТУРЫ ПРОЛЕТАРИАТА. А вот этого-то Галина Яковлевна (про Бориса Васильевича не знаю: его не было на семинаре) признавать не желает. Более того, при каждом удобном случае подчёркивает, что в «совковую» эпоху рабочим было плохо: диктатура, она и «пролетарская» – всё равно диктатура. (Неужели профессор, доктор наук считает, что диктатура класса сводится к форме правления в государстве, где этот класс доминирует?) И когда прямо в автомобиле у нас разгорелась полемика на эту тему, и я пытался доказать, что диктатура, даже классовая, даже пролетарская, – явление исторически временное и необходима только до отмирания классов, Галина Яковлевна применила главный аргумент: «Вот Вам брошюры. Читайте мои статьи, и Вы поймёте, что диктатура пролетариата не нужна».

Так у меня появились две брошюры в оранжево-жёлтых обложках: №4 «Общественное большинство» и № 55 «Влияние глобализационных реформ 1990-2000 годов на положение трудящихся России». Обе написаны Ракитскими (одна статья – совместно, остальные – каждый свою часть), и обе изданы в Москве в 2007-м году. Ну что ж, припадём к этим авторитетным источникам и поищем причины необязательности диктатуры пролетариата.

Но уже в самом начале 55-й брошюры (стр. 3) читаю: «Социальная революция 1989 – 1991гг... существенно изменила положение трудящихся». Чуть ниже: «Перемены подобной глубины, да тем более в короткие сроки, осуществляются не самотёком. Их кто-то замышляет, планирует, продвигает в жизнь, продавливают, кто-то, напротив, сопротивляется или покорно принимает». Что тут возразишь, тем более, что я об этом 20 лет горланю? А тут человек спокойно, без пафоса, по-профессорски доказал, что «перестройка» – маска, под которой скрывалась «Социальная революция», и что она началась задолго до 1991г. Более того, мне известно, что курс на неё Михаил Меченый взял ещё в 1996-м году, после Рейкьявической встречи с Рейганом. И все эти годы я добивался того, чтобы тех, «кто сопротивляется» было больше, а «кто покорно принимает», – меньше.

Чуть ниже: «Социальная политика ... есть не что иное, как субъектные взаимодействия социальных групп (классов), а также общностей (народы, семьи, территориальные общности) по поводу их относительного положения». Опять спасибо авторам за чёткую поддержку: здесь я тоже десятилетия малоуспешно доказываю профоргам всех рангов, что они «говорят прозой», а занимаются – политработой. Большинство почему-то считает политикой только зону больших чисел, «когда счёт идёт на миллионы». И я их никак не могу переубедить, что «малая политика» тоже важна как составная часть «большой». А буржуазная пропаганда усиливает их заблуждение вплоть до того, что по телевидению заявляют: «премьер не должен заниматься политикой, он – хозяйственник». Спасибо Ракитским, что они чётко показали: никто физически не может быть вне политики.

Но уже на следующей странице (55 – 4) неожиданно натыкаюсь на тираду: «... существует множественность оценок всех важнейших исторических событий, процессов и общественных состояний в СССР и новой России. Современным россиянам ... трудно привыкнуть к реальной множественности идеологий... Наш добрый совет: старайтесь понять разнообразные оценки... Не будьте настолько бескультурными, чтобы объявлять ошибочными все позиции, кроме вашей». Друзья мои, вы же возглавляете Школу Трудовой Демократии! Как же люди труда будут вести борьбу (даже в пределах ваших теорий), если они выйдут на эту борьбу без уверенности в своей правоте? Они же не разбойники с большой дороги!

В азах логики, которую мне давали в 9-10-х классах, доказано, что из двух противоположных утверждений относительно одного события как минимум одно будет ложным. А Вы призываете рабочих принять термин о «тоталитаризме в СССР». Ведь кто-то может принять Ваш профессорский «добрый совет», тем более, что сам термин мало кому понятен. А через две страницы (55 – 6) поверивший в Вашу доброту наткнётся на разъяснение, которому точно поверят, потому что оно из надёжного источника (Словарь иностранных слов, изданный в Москве в советском 1982 году): «Тоталитарный режим – политический строй, при котором государственная власть в обществе сосредоточена в руках какой-либо группы... уничтожившей в стране демократические свободы... полностью подчиняющий жизнь общества своим интересам и сохраняющий свою власть благодаря насилию, военно-полицейскому террору...; то же, что фашистский режим». Друзья мои, а иезуитов среди Ваших предков не было? Хороший приём – бить врага его же оружием! Но ведь Вы же не враги, а друзья трудового народа – вы обучаете его сопротивляться. И в то же время даёте ложное целеуказание. Как это понимать? Даже сугубо буржуазное нынешнее Правительство РФ сегодня (26.07.2008) выразило протест Д. Бу-

шу против того, что он поставил на одну доску фашистский режим и «коммунистическое правительство СССР». (Здесь и далее выделено мною – А.В.) Но вернёмся на 5-ю страницу, посмотрим на Ваш анализ: «Согласно официальной государственной оценке в СССР было построено развитое социалистическое общество, для которого характерны..... Имелись иные, в основном, научные оценки характера общественного строя в СССР. В свободном виде эти альтернативные оценки можно выразить так: – в СССР в результате событий конца 1920-х – начала 1930-х годов сложилось тоталитарное общество... Научные оценки носят более строгий и определённый характер» (55 – 9), и тому подобное.

Остаётся только вспомнить бессмертный анекдот: «Как тонко, месье, как тонко!». Вы как бы объективно приводите две альтернативные оценки, которые (см. выше) опять как бы, равноправны. При этом от первой Вы достаточно чётко отмежевываетесь (ссылкой на «официальный государственный» её характер), зато другую фактически поддерживаете (она, видите ли, «научная»).

Но если Ваши симпатии на стороне буржуазно-демократического государства, а антипатии – в адрес «тотали-торизма», то интересно бы узнать, как часто в былые времена Вас на улицах обыскивала милиция без всяких понятий и без каких-либо обвинений? Заставляли ли вас сдавать отпечатки пальцев, если вы не бывали под судом? Загоняли ли Вас резиновыми дубинками и водомётами на митинги, как сейчас разгоняют с этих мероприятий? Много ли было в Москве пунктов работорговли и частных тюрем, наподобие тех, о которых сегодня (03.09.2008) шла речь в программе «Время»? Часто ли больничные санитары выкидывали больных на автобусных остановках? А вот «антитоталитористы» сделали это, заботливо забрав казённую коляску. И этого больного, отставного офицера, выкинули, «как бомжа», о чём поведал по телевидению 18.08.2008 в 18ч.30м. Игорь Кваша. Да и было ли тогда 2 миллиона «бомжей»? Думаю, сказать Вам нечего, потому что «тоталиторизм» при социализме – выдумка апологетов капитализма, который чуть ли не половину населения страны, т. е. тех, кто живёт «за чертой бедности», загнал в гетто и уничтожает по миллиону «дорогих россиян» ежегодно.

Попутно прошу пояснить такой парадокс. Вы считаете, «научной оценкой» утверждение (55–7): «...– взаимоотношения народов, входящих в СССР, с «сильным союзным Центром» строились на имперских принципах, как взаимоотношения колоний с метрополией». Тогда как понимать тот факт, что народы практически всех Союзных республик материально жили лучше русского народа? (Я жил на Украине и в Таджикистане, бывал в Грузии, Азербайджане, в Узбекистане, в Молдавии – так что знаю этот факт не понаслышке). И про-

цент людей с высшим образованием, скажем, в Армении и в Грузии был выше, чем в РСФСР. А как же колониализм? С другой стороны, после развала СССР, почти во всех бывших республиках (даже такой, как Украина – с могучим хозяйственным и научным потенциалом!) экономическое положение ухудшилось. Кто же кого доил? А Прибалтика, несмотря на то, что они переметнулась в стан врагов России, до сих пор, благодаря нашим компрадорам, устраивает своё благополучие за наш счёт. По Вашей теории это – парадокс. По-моему – всё закономерно. Думаю, что Вы, как безусловно культурные люди, не будете сразу «...объявлять ошибочными все позиции, кроме вашей».

Однако парадоксы 7-й страницей не исчерпываются. В №4 на стр. 37 читаем мудрую мысль по сложнейшему вопросу: «Октябрьская революция в России через несколько лет после Гражданской войны потерпела поражение: на рубеже 1920-1930-х годов в СССР произошла качественная деформация строя, от социализма осталась лишь одна фразеология, а фактически установился тоталитаризм (фашизм)». То, что авторы «забыли» слова «Великая» и «социалистическая», это не беда – экономия места на листе, зато сказана горькая правда об утере некоторых, социалистических завоеваний (скажем, подмена Советов вывеской – А.В.). До этого рубежа моей культуры хватает для признания чужой позиции. А вот дальше! Неужели авторы не понимают, что на каждом молоке – своя плесень. Давно известно, что фашизм – это болезнь капитализма. И возникает она тогда, когда правящий класс не может удержать в повиновении эксплуатируемые массы методами буржуазной демократии. Нам история предоставила уникальную возможность увидеть, из кого и как рекрутируется класс буржуазии. До этого процессы создания класса растягивались на столетия, и жизни человеческой не хватало проследить за ним. Кстати, Вы сами приводите (55 – 8) цитату из «Российской газеты»: «Россия переходит из одной исторической эпохи в другую со скоростью, соизмеримой с жизнью одного поколения».

Неужели Вы думаете, что те, кто «за бабки» истязает и убивает даже близких родственников и вчерашних друзей, а ныне конкурентов, останавливаются перед применением неслыханного насилия над «своими» наёмными работниками? Да Вы вспомните вопли Немцова в 93-году: «Виктор Степанович! Расстреляйте их!». Какой кровью капитализм-двухлетка залил Москву, Вы, вероятно, знаете не хуже меня. Эти же «крутые ребята», ставшие олигархами, постоянно разжигают межнациональную резню на Кавказе и по всей стране. Так вот, таких людей на стыке 20-х и 30-х годов осталось уже немного; главного оружия своего – денег, они лишились после отмены НЭПа, политической власти у них, практически, не было. А перерожденцев, вышедших из трудовых классов, тоже было немного: не успели

наплодиться, тем более что проводились регулярные чистки. Так что «неправда Ваша, дяденька», как говорил Ваня Солнцев. Другое дело, что могли быть бюрократические извращения, «комчванство» и т. п. Но фашизм – это патентованное средство капиталистов, когда они свой народ натравливают на другие, чтобы отвести грозу от себя.

Кстати, из других народов фашисты почему-то особенно не любили евреев, и чтобы их спасти от полного уничтожения (т. е. от геноцида, или «холокоста», как они сами называют), Советское руководство обеспечивало их первоочередную эвакуацию в 41–42 гг., а на фронт, наоборот, посылали ограниченно. И забывать об этом как-то нехорошо, тем более что «проклятые буржуи» главным признаком фашизма называют «антисемитизм». Или Вы в СССР видели спецкremатории для «семитов»? В общем, тут у Вас ошибка вышла.

Такие пожилые, как я, которые всё видели и помнят многое, эту ошибку заметят, но нас уже немного; а вот молодые ребята, которые даже 80-е годы не помнят, тем более, не знают, что для победы над фашизмом отдали свои жизни 10 млн. солдат и 17 млн. гражданских; не знают, что из 27 млн. (каждый седьмой житель) погибших 3 млн. были членами Коммунистической партии (каждый второй коммунист!). Этих-то, молодых, зачем с толку сбивать? А они Вам, как заступникам перед «работодателями», вероятнее всего, поверят: они ещё не научились анализировать по принципу – «ищи, кому выгодно». А я им говорю: фашизм применяется капиталистами тогда, когда надо задавить или отвлечь рабочее движение, переводя стрелки с классовых противоречий на межнациональные. Приём не новый, но почти всегда безотказный.

Конечно, вы можете возразить, что убийцы октября 93-го за два года не могли вырасти, потому что они – дети социализма. Но ведь есть два фактора. Вспомните, когда у нас пошла мода на каратэ и другие «восточные единоборства»? 10–15 лет шла подготовка будущих штурмовиков. Это одно. А второе – вопрос генетики... об этом немного позже поговорим.

А вот одна из «научных» оценок социальной структуры СССР (55–6): «...– общество в СССР было кастовым. Правящая каста – номенклатура – была единственным реальным субъектом общественных действий; остальные касты были декоративными субъектами...» Всё хорошо и правдиво. Но вот два вопроса возникают.

1. Если есть каста-субъект (управления), то остальным ничего не остаётся, как быть кастами-объектами, без всяких декораций. Так?

2. Касты – замкнутые сообщества, «ревниво оберегающие свою обособленность» (см. словарь иностранных слов). Тогда как же «касты рабочих и колхозников» отпускали своих представителей в «касты» инженеров, служащих и тех же управленцев? Вспомните, напри-

мер, как начиналась трудовая биография Михаила Горбачёва. А ведь таких было десятки и сотни тысяч. (Я начинал трудовой путь трактористом, а на пенсию ушёл ведущим инженером-конструктором.) И, наоборот, как же «каста управленцев» принимала их?

Значит, и здесь ошибочка вышла. Для меня было бы занимательней и полезней, если бы уважаемые профессора объяснили, как случилось, что большинство тех, кто «вышел из народа», так в народ и не вернулся? Почему вчерашние рабочие и колхозники, будучи выдвинуты на руководящие посты, постарались и смогли там закрепиться, а их потомки постарались уже начать создание этой пресловутой «касты»? И соответствовал ли этот процесс идее Советов, идеологии социализма, или наоборот?) Как и почему прослойка перерожденцев и оборотней усилилась настолько, что смогла в конце концов продать и социализм, и Советскую власть, и СССР, и, в конечном счёте, нас с Вами (причём, в буквальном смысле слова – о торговле детьми, женщинами, военнотружениками, рабами и человеческими органами, думаю, Вы слышаны не менее моего: даже буржуазские СМИ этого уже и не скрывают)? Думаю, что Россия потеряла половину населения, около трети территории и больше половины промышленного производства (а уж о сельском хозяйстве и говорить не приходится) из-за этих выродков (если хотите, перерожденцев-вырожденцев), а вовсе не «В связи с поражением в мировой гонке вооружений в 1970-1980-е годы...» (55–9). Вы прекрасно знаете, что СССР в этой гонке, наоборот, выиграл несколько важнейших «забегов»: МБР, подводный атомный флот, ракеты железнодорожного базирования... Тут мы превзошли США и количественно, и качественно. И в космосе шли впереди. «Антитоталитаристы» Горбачёв, Ельцин, Бакатин, Шапошников «и другие официальные лица» пустили всё в распыл. Но и жалких крох того бывшего могущества хватает пока для сдерживания Америки от авантюры в отношении России. События августа с.г. на Кавказе – тому наглядное подтверждение. И только поэтому США поступают с нами не так, как с Югославией, Ираком, Афганистаном, а ищут и создают новые способы борьбы с нами. (Добавлю уже в феврале 2009-го, что «газовый конфликт» с Украиной организован ими, также как и конфликт с Грузией. Новые саакашвили и ющенко для таких подлянок ими уже прикормлены, обучены и науськаны в самих же Штатах). Вы, друзья мои, это прекрасно осознаёте и не скрываете (55–9), что «... большую роль в развитии революционной ситуации в революцию (1991г. – А.В.) сыграли внешние силы, представляющие по преимуществу интересы международного капитала» (55–9). Вот где “Das Hund ist gegraben!” – как говаривал незабвенный Савва Игнатич. Аплодирую Вашей откровенности! Я мог бы подкрепить эту

цитату цитатами из речей Г. Киссенджера, А. Хейга и Буша-старшего времён 1970...1980гг.

Увы, мой энтузиазм оказался недолгим: уже через 2...3 строки спытаюсь о сентенцию: «...страны «мировой социалистической системы» обрели независимость, имперский СССР прекратил своё существование как геополитическая реальность. Это и есть антитоталитарная и антиимперская революция» (55–9)... Она совершилась в 1989 – 1991 годах». Друзья мои! Разве Вы забыли, что до самого 1992 года «антитоталитаристы» вопили, что СССР кормит чуть ли не весь «3-й мир», а Россия, в частности, – союзные республики? Это что же за империя такая, которая кормит свои колонии вместо того, чтобы жить за их счёт? Похоже, что тут у Вас опять неувязочка получается.

Далее, разве Вам не ведомо, что «четвёртая русская революция» есть не что иное, как вторая фаза контрреволюции 1918...1922 годов? И совершили её те самые «клопы», о которых писал Маяковский. Они дождались-таки своего часа. Вот тут-то и нужны бы Ваши ум и эрудиция учёных: кто ещё может объяснить, как они ожили во 2-м, 3-м и даже 4-м поколениях?! Гляньте, сколько сейчас объявилось «графов», «князей», просто «дворян» и «наследников» владельцев свечных и иных заводиков. Даже пресловутый В.В.Жириновский требует отдать ему «завод деда» (пожалуй, он врёт всё: отец его – юрист, может, и дед юрист, а не заводчик?). Но даже если врут и Жириновский и все остальные, то это показатель того, что «клопом» сейчас быть престижно и выгодно. Помню, в войну и сразу после неё с клопами боролись, как могли: керосином морили, пламенем свечи жгли, морозом давили; а они – чуть что, объявлялись вновь и вновь. Живучее племя! Вы представляете, что было бы с «имперской Россией», если бы клопы ожили в 1940-м году? Ведь они даже сейчас заедают 1 миллион человек ежегодно, сам Путин в официальных выступлениях признаёт факт ежегодной убыли населения России более, чем на 700 000 чел. Но вернёмся к брошюре.

Вот интересная, верная и новая (для меня!) мысль (55–11): «Создать опору новой власти в обществе – значит провести глубокие перемены, соответствующие интересам социальной группы, победившей в политической революции, упрочивающие её положение в обществе, гарантирующие доминирование её интересов в последующем развитии». Далее опять точная, хотя и нелюбимая в своей откровенности мысль (55–12): «При этом реальная степень учёта ... интересов подчинённых социальных групп зависит не столько от доброй воли победителей, сколько от уровня организованности и активности подчинённых групп, от реального соотношения социальных сил, от их фактического противоборства на общественной арене».

Вот тут я благодарен авторам за то, что они не побоялись сказать горькую правду своим ученикам: плохо им живётся не оттого, что дерипаски, абрамовичи, алекперовы и прочие чубайсы – кровососы; не оттого, что интересы этих вампиров оберегают путины и медведевы, а оттого, что они сами (ученики-рабочие) хреново сопротивляются, тем самым позволяя «провести глубокие перемены, соответствующие интересам социальной группы, победившей в политической революции...». Я аплодирую этой точности и откровенности, но чтобы быть ещё более откровенным, я бы сказал: «победивших групп». Они (так же как и побеждённые) пока ещё не слились в единый класс крупной буржуазии. Это группы: а) предательская часть партноменклатуры КПСС (она пока самая опасная для коммунистов, ведущих борьбу с капитализмом); б) бывшие хозяйственные руководители, ставшие владельцами или совладельцами предприятий (они постоянно теряют силу под напором подрастающих волчат-рейдеров); в) торговая буржуазия, ставшая таковой ещё в советские времена (эти почти не испытывают натиска пролетариата, зато с лихвой получают его со стороны государства, госчиновников и от «братков по классу» из 4-й группы; г) уголовный мир, претерпевший большие изменения и всё активнее делегирующие своих представителей в более престижные слои класса и в госорганы Но настырность бандюков неистощима. Как результат – радио (особенно «Шансон» и «Авторадио») забито блатными песнями, а телевидение – фильмами об уголовниках (даже фильмы нормальных жанров насыщены криминалом).

Вот бы Вы, дорогие товарищи Ракитские, подсказали, как, в какой форме вести классовую борьбу с этим отрядом необуржуазии. Вообще-то, этот элемент капитализма не нов. Вспомните бессмертную фразу: «Боливар двоих не вынесет!» А есть ещё не менее знаменитое высказывание о том, что у буржуазии на каждом долларе видны следы грязи и крови. Кстати, Вы их тоже заметили. На стр.14 (55–14) Вами написано: «Предыдущие преобразования сделали население России донором первоначального накопления капитала, а страну в целом – донором (жертвой) глобализации». (Примите мои аплодисменты!)

Но буквально следующий абзац опять приводит меня в недоумение: «В такой социальной ситуации стремление высшей государственной власти вернуть России политическую независимость... может быть реализовано противоположными способами.» (Первый способ я опущу, тем более, что там такая словесная эквилибристика!..) «Другой реально возможный путь – социальные преобразования в русле всё ещё нереализованных исторических задач социальной революции 1989...1991 гг. (переход от тоталитарного социального государства к демократическому социальному государству с достой-

ным уровнем жизни граждан...»). Какое открытие! Оказывается, рэкетские банды, составлявшие основу большинства «кооперативов» в 88 ... 92 гг., пытали и убивали людей для того, чтобы облегчить им вхождение в «демократическое социальное государство с достойным уровнем жизни». Не для того ли так много воплей о «ГуЛаге», чтобы заглушить вопли истязаемых нынешними «уважаемыми бизнесменами»? Дорогие друзья, даже я, при всей своей поэтичности (член Союза писателей России всё же), не могу Вас представить в одной упряжке с этими недочеловеками, тем более, что Вы негативно относитесь к явлению «широкомасштабной криминализации общественных отношений» (там же).

А вот ещё одно место, в котором наши мысли полностью совпадают (55 ... 11): «Властные органы – один из типов действующих субъектов социальной политики Даже если государство (власть) обюрократилась и коррумпировалась в высокой степени, то и в таких ситуациях оно отстаивает не исключительно свои собственные интересы, а интересы господствующих в обществе классов».

Верно! Буржуазная власть всегда такая, ибо она формируется хозяином положения – классом буржуазии. Очень хорошо летом 2006 г. об этом сказал один из главных буржуинов страны Олег Дерипаска в интервью корреспонденту Бюллетеня ВЕА Н. Асмолову. В ответ на его вопрос: «Что входит, в таком случае, в понятие «власть»?», он ответил: «Прежде всего группа людей, элита, способная принимать решения и их реализовывать...». Кстати, в этом же интервью он очень ярко сказал о «нетоталитарном» отношении к Вашим ученикам – профактивистам – на примере тов. Смоленцева. «Надо уметь работать с госаппаратом и политическими структурами – и все можно решить. У нас есть очень хороший опыт решения таких проблем ... в городе Ачинске. Один профсоюзный лидер пошел против правил – пытался отнять глиноземный комбинат, поднять рабочее движение, журналистов... Цена вопроса от профсоюза – около четырех миллионов долларов. Для меня цена вопроса – стоимость комбината... Этот бедолага, Смоленцев, не учел, что Ачинск очень криминальный город. Мы всего лишь сняли с профсоюзника всю защиту государства на некоторое время. ... Некоторое время спустя пошел купаться на пруд, а сердечко от стресса не выдержало – утонул... Собрался профсоюзный актив – крики, почему у трупа вся голова и шея сзади якобы сплошной кровоподтёк, ногти на руках сорваны – вроде бы пытали и убили его. Работал судмедэксперт... Результат очень профессиональным получился ... Человек плыл, пруд довольно большой. Глубина метра два. Ветер дул, волна большая. Сердце не выдержало ... Он задыхался, но еще карабкался по берегу, ногти срывал. И когда обессилел – его волной било о прибрежный камень, головой и затылком... Всякие об-

щественники шумели, обвиняли нас, три раза уголовное дело возбуждали – результат тот же. Умер от приступа. Теперь нет у нас проблем в Ачинске. Комбинат наш».

Такой вот результат борьбы «демократии» с возможным «тоталитаризмом». Такая вот «нацеленность реформ на первоначальное накопление капитала, их форсированного (шокового) и глобализационного характера...» (55 ...11).

Прочитую ещё два места из Вашей работы, где я хочу не полизировать, а аплодировать Вам. (55–22) «Государство не стало упорядочивать «пространство эксплуатации» как поприще цивилизованной деятельности капитала и наёмного труда, не стало защищать от прямого разграбления ... национального богатства ... Более того, государство было приспособлено для задачи совмещения форсированного накопления капитала с задачей глобализационного закабаления России. Всё это определило социально-деградирующий итог...». (55–23) «Социально-деградирующий итог реформ воплотился в конце 1990-х годов в особенностях социальной структуры российского общества...

– образование значительной по численности группы теневых дельцов и коррупционеров;

– люмпенизация значительной части населения («социальное дно» в конце 90-х оценивалось в 20–30 млн. граждан); (Вас это не ужасает, друзья мои? – А.В.)

– распространение «профессий», не связанных с созидательной жизнью общества (рэкетеры, проститутки и сутенёры, охранники и киллеры, нищие и проч...).

Друзья мои! Вы точны и беспощадны. Лучше не скажешь! Я – точно не смог бы так сформулировать. Мне недостаёт беспристрастности учёного («физика»); а вот избыток эмоциональности литератора («лирика») заставляет поставить вопрос: разве жуткая правда этих цитат, особенно последней, не приводят к мысли о пагубности «реформ» для России? А ведь эти «реформы» – не что иное, как реставрация капитализма. Не потому ли лучшие сердца и умы пытались избавить человечество от этого страшного этапа в его истории? Капитализм ВСЁ превращает в товар, даже человеческую жизнь. Вот где истоки «киллерства»! Думаю, что Вы это знаете лучше меня. Капитализм – всегда убийца, в какие бы «цивилизованные» маски и мантии он ни рядился: Боливар всегда рассчитан только на одного всадника. Как убрать компаньона-конкурента, или взбунтовавшегося эксплуатируемого – самому при помощи «Смит и Вессон» или при помощи «киллера», или при помощи «рейдера», или другим способом (телеэкран демонстрирует их немерено) – дело техники. Ещё один нюанс, по которому я целиком «блокируюсь» с авторами, но на который, к сожалению, мало кто обращает внимание: (55 ... 28) «Рефор-

мы социально-трудовых отношений в России, как ни странно, никто не объявлял». Точно! Более того, в конце 80-х «Меченый» постоянно твердил: «Больше реформ – больше социализма!» Обманывал всех, и почти всех обманул. Сравните эту подлость с тем, как открыто наши деды и прадеды ставили задачу свержения царизма и свершения социалистической революции.

Только я не стал бы вписывать штришок «как ни странно». Чего же тут странного? Клопы они и есть клопы. «Карьеристы и проходимцы, которые заслуживают только того, чтобы их расстреливать». Помните, в «Детской болезни левизны...»? Разве могли они быть откровенными, когда готовились к поджогу родной страны, чтобы разграбить её во время пожара? То, что они делали это под руководством зарубежных инструкторов, их несколько не обеляет.

Ещё одно точное и безжалостное наблюдение (55–29): «Реформа социально-трудовых отношений фактически началась ещё до августовского (1991 г.) политического переворота. Курс «советского» руководства на разгосударствление... на становление капиталистического ... хозяйствования...». Обращу внимание на кавычки к слову «советское». В том-то и трагедия нашего народа, что руководство СССР к этому времени давно перестало быть советским. И Ракитские это понимают и этого не скрывают. В наших позициях по этому вопросу полное совпадение. Единственный нюанс: мы, в РКРП, считаем, что буржуазное возрождение «клопов» началось с «Косыгинских реформ» второй половины 60-х годов. Считаем, что они-то и завели экономику СССР в тупик застоя, а общество – к морально-политической деградации. Оба этих фактора приняли (с посторонней помощью!) в 80-е лавинно-образный характер. Но вот в конце порадовавшего меня абзаца моё слияние с Ракитскими закончилось. Причина? А как я могу воспринять такое: «Нововведения соответствовали задаче формирования правовой базы отношений наёмного труда и капитала взамен правовой базы казарменной организации труда в СССР...»?

Друзья мои! Неужели Вы считаете идеалом трудовых отношений «американское перекаати-поле»: не хочешь быть без-работным – катись в другой город, там нет кризиса. Мне кажется, японский принцип пожизненного найма более гуманным, хотя он ещё более «казарменный». Потом, у меня 50 лет трудового стажа.этого достаточно, чтобы иметь право не соглашаться с Вами. Места работы и перемещения по службе (за исключением повышений) я выбирал сам. Но уже на стр. 30 Вы опять честно заявляете: «Включение России во всемирное пространство капиталистической конкуренции совпало ... с общей тенденцией либерализации трудовых отношений – тенденцией расширения свободы предпринимателей». Вот о ком радел Михаил Сергеевич («Меченый»)! А вы, товарищи шахтёры и профсоюзни-

ки, «раскатывали губы» – для вас, мол, старается. Мне тогда не верили, так хоть теперь Ракитским поверьте: вышесказанное – правда! Я свидетельствую!

Далее в следующем абзаце вывод: «Это привело к порче норм социально-трудового права, если оценивать... с точки зрения трудящихся». Да с какой ещё стороны могут оценивать эти нормы преподаватели Школы трудовой демократии?!

Чуть ниже (55–31) ещё одно смелое заявление: «...новшества, которые внёс новый Трудовой Кодекс в трудовое законодательство, соответствовали требованиям международных финансовых структур, режиссировавших российские реформы. Эти требования входили в число условий получения Россией ... иностранных кредитов. Правительство России послушно, а порой и с энтузиазмом выполняло требования этих структур». Точнее не скажешь. Комментарии излишни. Разве что подчеркнуть, что энтузиазм крушителей «тоталитаризма», скорее всего, порождался «откатами». Иначе с чего бы Касьянову дали кличку «Миша-2%»?

Результат такой деятельности в конце 2007-го года подвёл в дискуссии на радио «Эхо Москвы» влиятельный американский (еврейско-русского происхождения) политолог Ариэль Коэн. По поводу фрондирования Путина перед Америкой (вспомним его Мюнхенское выступление) Коэн с раздражением заявил: «Америка ещё не применила против России своего главного оружия – не раскрыты зарубежные коррупционные счета российских чиновников».

Вот и весь тут сказ. А байки про «тоталитаризм» и борцов с ним в СССР – это для «лохов», за счёт которых так хорошо живут наши и зарубежные алекперовы, абрамовичи, гусинские, дерипаски и т.д. (в алфавитном порядке). Байки эти нужны для политической и психологической поддержки мифа о добрых намерениях «реформаторов».

Ракитские развеивают этот миф (55–40): «...созидательный потенциал разрушался в ходе реформ. Это были не чьи-то промахи или временные трудности перехода, это была логика строительства в России периферийной части капиталистического мира, логика, которая надёжно воспроизводит дистанцию между Россией и развитой частью капиталистического мира. «Господа рабочие, ИТР и прочие...» (Б. Гунько), вспомните, как вам с конца 80-х Авалиани, Анпилов, Косолапов, Сергеев, Терентьев, Тюлькин и другие коммунисты твердили, что Запад планирует превратить СССР в грудку мелких сырьевых придатков к капиталистической системе. Вы, особенно шахтёры, предпочли поверить людям в масках. Результат перед вами. Теперь вот и Ракитские подтверждают, что наши предостережения были верными.

Исполнителей для этих целей мировая закулиса подбирала и готовила тщательно. Вспомните физиономию Бурбулиса, а чего стоит одна фамилия Шахрая (по-украински «шахрай» это пройдоха, мошенник, жулик) – они сами за себя говорят. А непотопляемый Чубайс, который наглостью превзошёл самого Шумейко!.. Тем удивительнее, что прозорливости Ракитских в цитируемой части абзаца предшествует такая их наивность в начале того же абзаца: «В России были предпосылки стать развитой страной после демократической революции 1989 ...1991гг...»

Как видно из приведенных многочисленных цитат, понять позицию Ракитских затруднительно: то они «за наших» и против «ваших», то они за «ваших» и против «наших». Отчего это? Пока не понял.

В заключение обзора брошюры «№55» процитирую кое-что со страниц 48, 49,50:

«В тоталитарном СССР имело место тоталитарное социальное государство. Социальное хозяйство развилось в связи с этим в обширный и жизненно важный для населения комплекс. Он управлялся ... командно-карательными методами посредством директивного установления вышестоящим органом ... программы выпуска и программы поставок, а также нормативов расчетов (твёрдых цен). (Ах, как хорошо сейчас стало: цены изо дня в день и от магазина к магазину меняются! – А.В.)Тоталитарное государство решало вопросы стратегической направленности, приоритетности, объёмов финансирования и кредитования, а так же дотирования отраслей социального хозяйства, капиталовложений». «В демократическом обществе сбалансированность социального хозяйства складывается как результат взаимодействия множества реальных самостоятельных субъектов Понятно, что с падением тоталитарного режима прежние методы регулирования социального хозяйства должны были уступить новым демократическим методам».

Друзья мои! Вот тут я плюну на скромность и процитирую себя самого. В 1992-м я написал коротенькое стихотворение с названием «НОВОРУССКАЯ МЕЧТА». Вот оно:

*«Деды твердили о совести,
Все приучали внучат,
Чтобы давать – по способности,
А по труду получать...
Скоро «совки» повымрут –
Во заживет народ!
От каждого – сколько вырвут,
Каждому – сколько урвет!»*

Но продолжу цитирование брошюр: «К сожалению, ультралиберальная идеология шоковых реформ основана как раз на идее ухода государства из всех сфер хозяйствования..... По логике ультралиберализма любое предприятие действует только по законам свободного рынка, подчиняется регулирующим требованиям только рынка, улавливает только сигналы платёже-способного спроса (видимо, «ультралибералы» не знали, что на каждом рынке есть кавказцы, бандиты и милиция, неподчинение которым опасно для жизни – А.В.) – «голосование непосредственного потребителя рублём».

Я привёл эти цитаты не столько для прояснения позиции Ракитских, сколько для того, чтобы при обзоре «брошюры № 4» снова обратиться к ним.

А пока я обращаюсь к упомянутому семинару.

Рассказывая о механизме капиталистической эксплуатации, Галина Яковлевна привела общеизвестную формулу: $Прб = Дх - Ипр$. (Я уже точно не помню, именно эти ли буквы использовались, но смысл от этого не меняется.) То есть Прибыль (от производства товара) равна Доходу (от реализации товара) за вычетом Издержек (на производство товара). Очень простенькая формула, но именно она определила историю последних 350 лет «цивилизованного мира», именно в неё запряганы обе мировые войны и все социальные революции последних столетий. Кроме того, она имеет не только экономический, но и глубокий социально-политический смысл. А саму формулу можно «разворачивать», как географическую карту в компьютере – оказывается, что каждый член этого уравнения, как матрёшка, включает в себя всё новые и новые элементы.

Для начала посмотрим на издержки производства. $Ипр. = М + Э + Пм + Об + Рс + Прч$, т. е. Издержки производства состоят из оплаты Материала, подлежащего переработке, оплаты Энергии на эту переработку, оплаты аренды Помещения, оплаты приобретения и содержания Оборудования, оплаты Рабочей силы и Прочих расходов (таких наберётся десятки, включая наём управляющих, но пока их не будем расшифровывать). Обратим внимание на то обстоятельство, что на стоимость материалов, энергии, аренды (или содержания) помещения (цех, корпус и т.п.) и большинство прочих расходов фабрикант может влиять очень ограниченно: всё это он покупает у таких же, как сам, жмотов-капиталистов, зачастую, монополистов... А вот покупка рабочей силы – другое дело. Тут, как правило, имеется избыток предложения (для этого капиталисты и поддерживают постоянную безработицу). По отношению к своим наёмным рабочим он сам выступает как монополист на СРЕДСТВА ПРОИЗВОДСТВА: он имеет орудия труда (оборудование, инструмент, оснастку и т.д.), которые и позволяют рабочим реализовать свою РАБОЧУЮ СИЛУ. От совокупления

этих двух составляющих и рождается ТОВАР, который можно продать, т.к. он удовлетворяет потребности людей. Казалось бы, труд и капитал – равноправная пара, никто из них не может дать потомства (товар) в одиночку. И сами они торгуются на «рынке труда» как равноправные покупатель (капиталист) и продавец (рабочий). Но, увы! Вся история капитализма – непрерывный мезальянс: почти всегда у капиталиста запасы больше, чем у трудящихся. А всем известно, что первым сдаётся тот, кто раньше исчерпывает ресурсы. Более того, часть трудящихся остаётся без этих самых ресурсов раньше, чем рабочий класс «в среднем», поэтому некоторые из бедолаг продают свою рабочую силу за минимальную цену – лишь бы не умереть с голода. Помните, великий Некрасов писал:

*«В мире есть царь, этот царь беспощаден,
Голод – название ему...»*

А в одном произведении, названном «Протоколы сионских мудрецов» и вокруг которого уже 105 лет ломают копья, сказано (Протокол № 3, абз. 4): «Народы прикованы к тяжёлому труду бедностью больше, чем их приковывало рабство и крепостное право. От тех так или иначе могли освободиться, могли с ними считаться, а от нужды они не оторвутся». Далее (абз. 7): «Наша власть – в хроническом недоедании и слабости рабочего, потому что он всем этим закрепощается нашей воле...».

Т. е. всё это ведёт к понижению того самого «уровня организованности и активности подчинённых групп».

Галина Яковлевна, Борис Васильевич, ради Бога, не подумайте, что эти азбучные истины я говорю Вам. Нет, это для тех «рядовых читателей», которые и не мечтают о докторских званиях (публичная полемика всегда ведётся для «публики»).

Но вернёмся к нашей (Вашей!) магической формуле. Расшифруем ещё одну составляющую. $Dx = Цг - Иобр$. Т. е. Доход равен цене товара за вычетом издержек обращения. Ясно, что максимальную цену за товар можно получить только при условии естественного монополизма (ну, не растёт хурма в Пензе, хоть убейся!), либо при искусственном монополизме (сговоре – это когда наши кавказские сограждане и соседи из ближнего зарубежья не пускают бабульку на рынок, если она пучок редиски намерена продать на полтинник дешевле, чем они). Но производители товара (начиная от бабульки-дачницы и кончая владельцем автогиганта) на рынок, как правило, не допускаются (или редиску за забор выкинут, или «киллера» наймут). Поэтому цена товара очень мало зависит от желания «производителя» (вспомните жалобы наших селян на низкие закупочные цены, тогда как в магазинах они еженедельно растут).

Издержки обращения помимо традиционных статей (транспортировка, предпродажная подготовка, хранение, оплата труда продавца и т.п.) включают в себя налог на продажу (тоже, в общем, не новость), взятки должностным лицам, дань рэкетирам (это наряду с колорадским жуком – один из главных подарков «новой демократии» от «нетоталитарной» системы). Нетрудно понять, что у фабриканта и по этим статьям не очень большая возможность повысить доход. Т. е. получается, что фабрикант может получить желаемый доход, в основном, за счёт снижения оплаты работникам, что на практике мы наблюдаем ежедневно, ежечасно.

Теперь посмотрим на главный член уравнения (Прб), ради которого фабрикант и затевает производство. Прибыль – это альфа и омега капиталистического производства. Вспомните классическую формулировку Сталина основного экономического закона капиталистического способа производства. А ещё есть одна интересная трактовка понятия «бизнес» как «право на прибыль в обмен на риск». Мне кажется, что это очень точная трактовка. Поэтому среди бизнесменов так много «рисковых людей», поэтому при буржуазном строе так много игорных заведений всех видов. Что же происходит с прибылью?

$\text{Прб} = \text{Лпт} + \text{Нкр} + \text{Рпр}$. Или $\text{Лпт} = \text{Прб} - \text{Нкр} - \text{Рпр}$. Т. е. прибыль расходуеться на личное потребление (коттедж, «Мерседес», рестораны, «шмотки», девицы в Куршавеле и т.п.), некоммерческие расходы (оплата услуг «киллеров», свечка в церкви за упокой бывшего друга, благотворительный взнос в какую-либо богадельню и т.п.) и расширенное производство.

Формулу можно перевернуть: на Личное потребление идёт та часть Прибыли, которая остаётся после вычета Некоммерческих расходов и расходов на Расширенное производство.

С точки зрения общества, особенно рабочего класса, интереснее перевернуть эту связку ещё по-иному: $\text{Рпр} = \text{Прб} - \text{Лпт} - \text{Нкр}$. Расходы на Расширенное производство равны прибыли за вычетом Личного потребления и Некоммерческих расходов. Сопоставив последние два варианта формулы мы явственно видим противоречия Буржуа и Рабочего. Буржуа заинтересован в росте личного потребления (надо помнить, что количество переходит в качество, и потребности меняются в зависимости от роста средств в личном распоряжении: нажраться до отвала – на первом этапе; ... завести гарем из сорока девиц и свозить их в Куршавель – на «эНном» этапе; стать властителем мира – на последнем этапе). Рабочий класс (да и другие трудящиеся, включая нижние слои буржуазии), наоборот, заинтересованы в том, чтобы расширить производство: появятся новые рабочие места, вырастут заработки, у мелкой буржуазии станет больше покупателей и т.д.

Что интересно, в этом в значительной мере заинтересован и сам фабрикант (пока он не стал крупным финансистом, и пока у него не «поехала крыша» от возрастающих возможностей): простая арифметика ему подсказывает, что если один эксплуатируемый рабочий даёт ему 1000 долларов в год, то от тысячи он получит миллион и т.д. И если бы на то была его воля, то он бы расширился до бесконечности. Увы, такова человеческая природа.

Поэтому позиция капиталиста двойственная: надо дольше и чаще запускать лапу в нору, но скорее бросать её, если она истощится почему-то, и бежать к другой норе. Особенно это характерно для эпохи акционерного капитала, когда «норы» стали не персонифицированными, а легко переходят из рук в руки. Вот где первоисток всех кризисов, в том числе и нынешнего.

В наше время, когда концентрация капитала стала фантастической (есть люди, имеющие денег больше, чем целые государства), появилась возможность провоцировать кризисы не только бессознательно, от жадности, но и вполне осознано, для выполнения своих геополитических задач на пути к статусу «властелина мира». Сорос, например, хороший знаток таких приёмов. А ведь есть «ребята и покруче»: даже сама Россия (лапами своего Двуглавого Орла) бросает свой же «Стабилизационный фонд» к их ногам.

Но опять вернёмся к магической формуле, приведенной Галиной Яковлевной на семинаре. Из этой формулы явственно видно, что капиталист-фабрикант имеет только один гарантированный способ увеличить Прибыль: недоплачивать своим рабочим. Остальные источники малонадёжны: от уплаты налогов можно, конечно, уйти, но тогда взятки надо больше давать; от рэкетиров можно отбиться, но тогда «киллерам» больше надо платить; поставщика сырья и комплектующих можно обжулить один, ну, два раза, а потом тот до того станет умным, что сам «киллера» наймёт. И вот тут-то фабрикант и начнёт давить на тех, кто меньше сопротивляется – на своих рабочих. И даже не потому, что он по натуре своей кровосос (хотя у нас так и есть, потому что наследственные фабриканты ещё не выросли), а потому, что рост издержек производства заставит его поднимать оптовую Цену, что приведёт к понижению конкурентоспособности его товаров. Сэкономить же на снижении личного потребления до уровня своих работников ему никак не хочется: не для того он по головам шёл. Вот именно поэтому «капитал систематически порождает инициативы, затрагивающие как продолжительность рабочего времени и времени отдыха, так и режимы работы. Редко такие инициативы бывают на руку трудящимся» (4–45). Точно Вы подметили, Борис Васильевич!

К сожалению, у Галины Яковлевны на семинаре не было времени так дотошно рассмотреть эту формулу, но и того, что она успела сказать, было достаточно, чтобы в эту формулу захотелось вдуматься и понять, что в ней заключена сама суть капитализма, бороться с которым (??? а, может, всё-таки с капиталистами?) обучают Ракитские. Но и я пока не всё сказал об этой формуле и потому обязательно к ней ещё вернусь.

А сейчас посмотрим кое-что в брошюре №4, в ней тоже есть немало интересного и поучительного. Вот с 3-й по 68-ю страницы раскинулась статья Бориса Васильевича «Теоретико-методологические аспекты изучения рабочего времени». Интересная статья, но в связи с вышеупомянутым, интереснее всего глава «За что бороться? Против чего бороться?». Ну, замах!!! Это на стр. 44. А уже на стр. 45 читаем: «Придёт время, когда трудовой народ России станет в своём большинстве жить на уровне материального достатка (до этого пока что очень далеко), когда этот достаток он сумеет сперва отвоевать, в активной классовой борьбе, а потом надёжно удерживать опять-таки посредством активной классовой борьбы».

Очень хорошо! Ведь «никто не даст нам избавленья – ни Бог, ни царь и ни герой...». Но одна хохлушка из анекдота спрашивала: «Оце и всэ?». А москали в таких случаях говорят: «Замах – рублёвый, а удар – ..., в общем, слабенький». «Придёт время и в активной классовой борьбе» «трудовой народ» выйдет «на уровень материального достатка», правда, он будет ещё «надёжно удерживать опять-таки посредством активной классовой борьбы» этот самый «материальный достаток». Но, во-первых, лингвистически словесные формулы «Придёт время» и «активная классовая борьба» плохо сочетаются, а, во-вторых, картинка что-то напоминает сценку, когда собачка вырвала-таки кость и потом рычит, чтобы другие боялись отнять у неё добычу. И, в-третьих, неужели трудящиеся не заслуживают лучшей доли, чем вечно быть рычащей собачкой, боящейся потерять полу обглоданную кость, добытую «в активной классовой борьбе»? Чем же они хуже тех, с которыми борются? Может, тем, что не могут идти по головам и считают зазорным жить чужим трудом и не любят «социальных рисков» (4– 45)? На мой взгляд исторического оптимизма трудящимся такая перспектива вряд ли придаст.

Правда, чуть ниже есть очень дельное замечание тактического порядка: «Когда конфликт протекает в рамках отдельного предприятия, ситуация почти всегда чревата поражением трудящихся. Если конфликт охватывает целую отрасль, большой регион или всю страну, шанс на победу трудящихся возрастает (но в случае победы редко удаётся её удержать». Вывод должен быть один: подготовиться, заручиться поддержкой товарищей по классу и, по возможности, со-

юзников и попутчиков, тогда уже замахиваться и бить изо всей силы. Всё очень просто. Но вот если бы мы следовали таким простым советам, как использование зубной щётки, то кариеса никогда бы не было.

«Качели» продолжают. На странице 49 читаем: «Стремление государства самоустраниться от регулирования части социально-трудовых отношений вызвало распространение не только нарушений законодательства ..., но и теневых методов регулирования труда». Ага, сейчас Борис Васильевич припечатает Дерипаску за ачинского профсоюзника! Увы, вяленький вывод (там же): «Неизбежное следствие этого – процветание недобросовестной конкуренции на рынке труда... Настоящим бичом стало отсутствие культуры самозащиты у российских трудящихся». И лёгкий упрёк в сторону рабочих: «На деле сложилась ситуация почти полной капитуляции труда перед объединённым натиском государства и капитала».

Этой грустной констатацией Борис Васильевич и заканчивает главку. Что тут нового? А ничего: ещё полтора века назад Маркс прямо заявил, что при капитализме Правительство – это всего лишь комитет по управлению делами буржуазии. Потом это Березовский и Дерипаска с изрядной долей цинизма подтвердили с... буржуазной стороны. По-моему это универсальная формула: при любой классовой общественно-политической формации доминирующий класс создаёт такой комитет как один из каналов осуществления диктатуры класса.

Теперь самый раз приглядеться к статье Галины Яковлевны «Диктатура пролетариата – ошибочная концепция власти в социалистической революции». Лихо сказано? Куда как! Но возникает вопрос: если не пролетарская, то чья же должна быть диктатура в концепции власти при социалистической революции?

Для начала посмотрим, что такое социальный класс? Это всего лишь совокупность людей, имеющих одинаковое отношение к средствам производства (СП). Классов не так уж много, особенно если брать во внимание основные СП: владельцы (частные и коллективные, т. е. совладельцы), арендаторы (те, кто временно пользуется чужими СП) и пролетариат (те, кто вообще не имеет СП). В народе говорят: «Без ногтя и вошь не задавишь», т. е. без орудий труда, являющихся основой СП, сделать ничего невозможно – ни еды приготовить, ни одежды сшить, ни жилья построить. Поэтому человек без СП (пролетарий) либо должен жить в первобытных условиях, либо договариваться с владельцем СП на неравных условиях (см. выше). (Оставим пока в сторонке «прослойки» интеллигенции и управленцев-«менеджеров»). Само собой, ни тотального сговора, ни формальной организации, ни членских билетов в «классах» нет. Более того,

многие представители каждого класса не всегда осознают себя в таком качестве, а межклассовые границы обычно размыты (иногда – сознательно). Поэтому говорить о волонтаристском установлении диктатуры класса невозможно. Доминирование (гегемония) класса возникает спонтанно из простого факта владения средствами производства.

А в чём же состоит диктатура класса? галина Яковлевна, давайте ответ поищем в Вашей бездонной формуле. $Прб = Лпт + Рпр + Нкр$. Прибыль делит на кусочки не тот, чьим трудом создана прибавочная стоимость, а тот, кому принадлежат СП. Он-то и распоряжается финансовыми потоками – направить их на создание новых домов, улиц, городов и фабрик или спрятать в сундук до лучших времён. Только он может сказать: «Не нужна гидростанция, нужен нефтепровод до самого Китая». Или: «Не надо ни того, ни другого – нужен автобан «Питер – Владивосток». Вот это решающая, главная составляющая диктатуры класса – быть не просто выразителем общественных потребностей, но и диктовать их состав и объём. Как заверяют упомянутые «Протоколы», его право – в его силе. А сила – в финансах: доход от реализованной продукции идёт владельцу СП, он «распорядитель кредитов». Нынешний кризис (идёт уже апрель 2009) даёт тысячи иллюстраций этому тезису.

А вот другая часть формулы: $Ипр. = М + Э + Пм + Об + Рс + Прч$. Оплату рабочей силы, т. е. меру труда – одну из составляющих Издержек производства опять же диктует владелец СП. А удел пролетария – бороться, как учит Борис Васильевич, за то, чтобы его не сильно обжуливали хотя бы. Что касается КЗОТа, то не мне Вам рассказывать, кем, как и для чего он создавался. Сам факт, что государство открыто, принципиально и «по закону» не вмешивается во «взаимоотношения хозяйствующих субъектов», говорит сам за себя. Если бы это было не так, то Вам не пришлось бы обучать рабочих держать оборону.

Посмотрим ещё один вариант формулы: $Дх = Цг - Иобр$. Тут, вроде бы, больше демократии – можно поторговаться. Но, на деле, меру потребления опять же диктует правящий класс: ключи от лабазов у него – при необходимости он может и придержать то-вар. А цена определяется, в первую очередь, соотношением спроса и предложения. Опять же, нынешний кризис и динамика цен на товары народного потребления всё высвечивают, как на экране.

Но выйдем за рамки материального производства и потребления. Кто формирует общественное мнение? Тот, кому принадлежат СМИ, индустрия развлечений и реклама образа жизни, а также другие технические и психологические средства управления социальным поведением масс («зомбирование»). Ясно, что правящему классу. И

это не только из-за «любви к искусству» или в целях классовой борьбы. Эти элементы, конечно, присутствуют но на втором-третьем плане. А главное видно из откровений одного современного политолога: «Капитализм удовлетворял потребности, а империализм их создаёт». Т. е. они тоже «не ждут милостей от природы». Но если Мичурину не терпелось во имя блага человечества, то «олигархам» – во имя собственного обогащения и укрепление тем самым своей позиции на горбу человечества.

Вот это и есть 4 главных составляющих классовой диктатуры. И не я, не Тютюкин, не Ленин и даже не Маркс их изобрели – они существуют объективно. Соответственно, пытаться отменить классовую диктатуру – значит покушаться на прерогативу Господа Бога. Пока только Зюганов попытался это сделать, когда устанавливал «лимит» на революции. Но и он последнее время начинает понимать, что «погорячился». Однако надо иметь в виду, что в каждом классе имеются люди, глядящие дальше, чем их собратья. Их взором и умом правящий класс предусматривает возможность возмущения угнетаемых классов. (Особенно много таких в нынешнем правящем классе России: ВППШ, подлецы, в своё время заканчивали. Грамотные.)

Поэтому они создают средства управления межклассовыми отношениями в виде Конституции, КЗОТа, УК и т.д. И поручают «вести документацию» комитету, для благозвучия названному Правительством. Так что карательные функции классowego государства – подстраховка, не более того. Нетрудно заметить, что первичным является появление господствующего (доминирующего) класса, а вторичным – диктатура этого класса. Поэтому название главки (4–79) «Диктатура пролетариата как его организация в господствующий класс» – нелогично: господствующим (т.е. диктующим вектор социального развития, меру труда, меру потребления, развитие общественного мнения) он уже стал в результате победы в социалистической революции.

В свете этого тезис в предшествующем абзаце (4–79) выглядит весьма сомнительным: «Цели социалистической революции, могут быть достигнуты, если на смену буржуазному государству придёт не диктатура пролетариата, а народно-демократическая власть». Так ведь среди «народа» кроме пролетариата сразу после революции остаётся несметное количество верных слуг буржуазии из числа «прослоек», да и буржуазия, особенно мелкая, никуда не делась. Какие у них цели в социалистической революции? Ещё абзацем выше Вы сокрушаетесь: «Все эти группы населения, по логике концепции диктатуры пролетариата, не становятся субъектами диктатурно-пролетарской власти, а остаются объектами власти, т. е. эксплуатируемыми». Галина Яковлевна, да ведь вы же сами ведёте речь о социалистической революции, которая по определению ликвидирует эксплуатацию челове-

ка человеком! Видимо, чувствуя шаткость своей позиции, Вы закручиваете словесный пируэт относительно «диктатурно-пролетарской власти». Для такой влати нужна не социалистическая, а буржуазно-демократическая революция. И причём здесь «власть»? Ведь диктатуру осущ-ствляет класс-гегемон, а не его «приказчики» из «Правительства». Они просто технические исполнители, как ВОХР в лагере.

Несколько ниже (4–81) читаем бескомпромиссные чеканные строки: «Диктатура есть узурпация власти структурами политической субъектности всех (? – А.В.) социальных групп и социальных общностей, в т.ч. и капиталистического класса, и рабочего класса». Галина Васильевна, кого Вы пытаетесь ввести в заблуждение, читателя или себя?

Во-первых, мы уже выяснили, что для диктатуры класса вовсе не нужна «узурпация» власти: класс-гегемон берёт её по праву победителя.

Во-вторых, диктатуру как способ управления обществом и государством не обязательно устанавливать за счёт узурпации. Вот в Германии в 1933 году фашисты установили одну из жесточайших диктатур в истории человечества. Но они не узурпировали власть – они получили её в результате «демократических» буржуазных выборов. А вспомните историю прихода к власти Юлия Цезаря или Наполеона Бонапарта.

В-третьих, за узурпацией всегда скрывается какой-то класс, хотя разным группам этого класса «дивиденды» выпадают не одинаковые. И представлять «капиталистический класс» ягнёнком наравне с «рабочим классом» – это для легковерных. Да что класс! Широко известный факт, что гитлеровцы, уничтожавшие евреев сотнями тысяч, возможно, даже миллионами, прекрасно ладили с сионистской верхушкой и даже выпускали «нужных людей». А за кровавой диктатурой Пиночета разве не стояли американские монополии, прежде всего «Анаконда Коппер корпорейшн»? А за такой же кровавой диктатурой Ельцина (даже стадион использовал! Чем не Пночет-2?) разве не скрывалась «семибанкирщина»? Фамилии напомнить?

Нет, не надо представлять капиталистов невинными котятками – это волки, рвущие глотки всем и вся. И только благодаря биологии во втором-третьем поколениях от них рождаются нормальные люди, да и то большинство из них система опять превращает в волков. Вспомните Прошку из «Угрюм-реки».

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что Галина Яковлевна много и красочно говорит об издержках ДИКТАТУРЫ ПРОЛЕТАРИАТА (ДП), но редко и вскользь – о ДИКТАТУРЕ БУРЖУАЗИИ (ДБ). Вот одно такое место (4– 83): «Можно, конечно,

утверждать, что при таком понимании и в таком контексте ДП – это и есть пролетарская демократия, и противостоит она ДБ, то есть государству, в котором доминирует, господствует буржуазия в форме буржуазной демократии». Как тонко подано!!! На первый взгляд – никакого противоречия моему пониманию: ДИКТАТУРА КЛАССА может (и не только может, а реально почти всегда так и бывает!) существовать в форме демократии. Либо буржуазной («до того»), либо пролетарской («после того»). Причём, пролетарская демократия лучше всего реализуется в форме Советов, которые на семинаре Галина Яковлевна признала высшей формой демократии.

А теперь посмотрим, как хитро построена тирада: «...ДП – это и есть пролетарская демократия...» Каково! Читатель должен содрогнуться от ужаса: если при демократии диктатура, то что же будет в особых случаях?! А далее: «...противостоит она ДБ, т. е. государству, в форме буржуазной демократии». Вот видите, какие буржуи «белые и пушистые»: у них даже диктатура, и та в белых перчатках демократии! Ах, Галина Яковлевна! Забыли, как Лев Толстой описывал белые перчатки полковника, сбрасывавшего их после мордобоя? («После бала»)

Двумя абзацами ниже страшилка усиливается: «Из такой «диалектики» вытекает, что пролетариат должен господствовать и тогда, когда уже нет эксплуататорских групп, а есть только различные слои трудящихся». Галина Яковлевна, кто же с Вами не согласится, что среди вчерашних пролетариев есть свои Шукари, требующие «портфеля»? Но ведь не исключения (кстати, о них в конце статьи немного поговорим отдельно) делают погоду. Возникает законный вопрос, и Вы его ставите (4– 83): «Господствовать для чего?». Для получения «портфеля»? Но если в результате революции эксплуататор и эксплуатируемый просто меняются местами, то это – не социалистическая революция. (Кстати, вы и сами выдвигаете сходный тезис (4 ... 80))

В результате социалистической революции устанавливается ОБЩЕНАРОДНАЯ собственность на основные средства производства, значит, пролетариат как таковой, исчезает. Одномоментно! ВЧЕРАШНИЕ ПРОЛЕТАРИИ СТАНОВЯТСЯ СОВЛАДЕЛЬЦАМИ. А вот классы и прослойки, как долгоживущие этносы, ещё долго будут сохраняться «де факто», хотя и в несколько изменённом виде. И вот тут-то выделится во всей вчерашней пролетарской массе рабочий класс. И он должен взять на себя роль гегемона в процессе становления социализма вплоть до полного отмирания классов. Это Вы называете «навязыванием трудящимся лишь того варианта развития...»? Но ведь не для своего же личного кармана, как нынешний гегемон – буржуазия! В этом Семёна Давыдова не только Размётнов или

Нагульный, – даже Яков Лукич Островнов ни одним словом не упрекнули: не за что было.

Значит, историческая задача рабочего класса на этом этапе – быть гарантом необратимости процесса до полного его завершения.

И вот тут-то есть несколько щекотливых вопросов, которых Вы либо не можете понять, либо (упаси Бог!) спекулируете на них. Рассмотрим некоторые.

Во-первых, гарант сплошь и рядом должен действовать жёстко. Возьмите действия Ельцина в начале 90-х.. Ему пришлось и уговаривать, и врать, и убивать тысячами своих же сограждан. И это всего лишь во имя того, чтобы всякая сволочь могла развлекаться в ночных клубах дома или в Куршавеле. А если у гаранта задача – обеспечить благо всего трудящегося люда?

Во-вторых, есть такое понятие – «форс-мажор» или «форс-мажорные обстоятельства». Вы очень мило, как всякий добропорядочный человек, пишете (4 ... 84): «Характер действий государства после социалистического политического переворота должен определяться гуманистическим характером целей социалистического движения. В противном случае (если действовать по принципу «цель определяет средства») результаты общественных преобразований будут существенно отличны от целей, а то и прямо противоположны им». Умно и складно. Не возразишь? Но только Вы до этого говорили о диктатуре класса, а здесь – «действия государства». А ведь мы уже улавливаем разницу между классом-гегемоном и порождённой им государственной машиной. Не говоря прямо, Вы показываете пальцем на 20-е, 30-е и 40-е годы в нашей истории.

Вспомните знаменитые слова Сталина, сказанные в 31-м году, о том, что СССР в экономическом и техническом отношении отстаёт от Запада на 50 .. 100 лет, и если мы это отставание не преодолеем за 10 лет, то нас сотрут. 1941-й подтвердил это. Кстати, «стирание» предусматривалось планом «Барбаросса» далеко не метафорически и распространялось даже на численность населения. А некоторые народности на нашей территории вообще предполагалось уничтожить. Так что, если бы индустриализация задержалась, то, очень вероятно, мне не с кем было бы полемизировать сегодня. В одном из сериалов руководитель специальной диверсионной группы, чтобы на тренировке подстегнуть выбивающихся из сил коллег, вообще бросал позади них тротильные шашки. Действовало. А Суворов дал знаменитую формулировку: «Тяжело в учении – легко в походе».

Если бы мне предложили Вашу идеалистическую формулу «Цель определяет средства» преобразовать в идеальную, то я добавил бы в неё всего-то два слова и один союз: «Цель и конкретная обстановка определяет средства». Без этого мы обязательно придём к би-

блейской формуле: «Если тебя ударили по правой щеке, – подставь левую», т. е. по сути поощряющую насильника.

В-третьих, в любой революции всегда дефицит людей, понимающих суть её, задачи, вытекающие из этой сути, и при этом преданных делу революции: с одной стороны жизнь поставляет их в недостаточном количестве, а с другой – именно они гибнут в первую очередь в борьбе с контрреволюцией. В результате процент «услужливых дураков», которые по Крылову «опаснее врага», увеличивается. Более того, к любой побеждающей стороне (Ленин очень хорошо об этом предупреждал!) неизбежно примазываются мимикрирующие «подлецы и проходимцы». И эти рано или поздно обязательно посоветуют (вспомните Якова Лукича) «для культуры» подсыпать песочка в воловье стойло. А потом они же и начнут вопить про «гладомор». В итоге при позитивной революции она страдает от возрастания доли врагов революции. А при негативной революции эти категории только усиливают её. 1991 ... 93 годы – ярчайший пример. И если общество перестаёт очищаться от таких клопов, то они заедят его. Вспомните, с чего начал Ельцин – первым делом ликвидировал народный контроль. Те, кто подзуживали Беспалого, чётко знали, что если рабочий класс вернётся к своей главной социальной задаче при социализме – быть гегемоном процесса, – то всем кровососам несдобровать. И когда Вы пугаете нас властью рабочего класса, то получается, что Вам жалко пролетарской крови только после того, как она оказалась в желудках клопов и прочих кровососов. Я был бы весьма благодарен Вам, товарищи Ракитские, если бы Вы дали научно выверенные советы, как обучить дураков, чтобы они стали поумнее, и как не пропустить в важные органы кровососущих паразитов, маскирующихся вначале под друзей. Один совет на семинаре я уловил: укреплять Советы, т. е. органы политического и социального руководства рабочего класса и всего общества. А что ещё? Галина Яковлевна не стала развивать эту тему. На мой взгляд, надо бы вспомнить критику и самокритику, (о ней некогда много говорили, но мало поддерживали «сверху»); а ещё бы неплохо напомнить об общекультурном воспитании класса-гегемона (кстати, в программе Сельского ПТУ был курс эстетики); и ещё бы усилить гуманитарное и гуманистическое воспитание всего общества (не только «гегемона»).

Есть в брошюре одно красивое место (4–80): «Цель и суть социалистической революции по самой своей идее, – это радикальнейшая качественная перемена в истории, в общественном устройстве, в организации власти». Изумительно! Я – за! Но почему ничего не сказано о том, что эта высокая и благородная цель не может быть достигнута без коренного изменения базиса – э-ко-но-ми-ки? Ещё раз напомним, что социалистическая – это та революция, которая делает основ-

ные СП общенародными. Это сразу меняет и цели и способы производства. Де-юре все становятся совладельцами. И задача из задач – как сделать так, чтобы каждый и понял, и почувствовал это, и повёл себя соответственно? Подскажите, друзья мои!

Чуть ранее (4–76) Вы указываете: «Для обозначения народной демократии используются также термины «перевёрнутая пирамида власти», «советская власть», «советская демократия». (Не следует забывать, что рассматривать советы в России как конкретно-историческую форму народно-демократической власти можно лишь ... до превращения структур, называвшихся в СССР советами, в органы, маскирующие диктатуру правящей партии)». С этой трактовкой трудно не согласиться, по крайней мере, я с Вами согласен почти на 100%. Но тут возникают 2 вопроса.

Первый. Если Советы как форма диктатуры пролетариата в СССР просуществовали недолго, то они не могли и не должны нести ответственность за пресловутый «тоталитаризм», развившийся после фактической потери власти Советами. Почему же Вы, так упорно «кати-те бочку» на эту самую форму? Не знать элементарных основ логики Вы не можете. Получается, что Вы сознательно вводите в заблуждение тех, кто должен возродить Советы как высшую форму рабочей, да и всенародной демократии. Кстати, РКРП ещё, так сказать, в «перинатальный период» своего существования (ДКИ) выдвинула лозунг и де-факто следует ему: Создавать Советы Рабочих, Крестьян, Специалистов и Служащих.

Второй. Думаю, было бы полезнее не валить с больной головы на здоровую (рабочий класс и диктатуру пролетариата), а попытаться объяснить, как и почему случилось, что партия, некогда бывшая лучшим выразителем чаяний пролетариата, стала выразителем интересов самих членов партии («партия для себя»), а затем – интересов верхушки партии, а затем – предала свои бывшие идеалы и свой авангардный класс. Какие для того были объективные и субъективные причины? Что надо сделать, чтобы при возрождении социализма избежать этой «раковой опухоли»? Т. е. меня (думаю, что ещё многих) интересует коренной вопрос: какими должны быть Советы, чтобы они не могли переродиться не только за 20 лет, но и за 200 и более? Что надо сделать, чтобы они при этом не окостенели и сохранили способность развиваться?

Думаю, ответ на эти вопросы нельзя найти без изучения психологии отдельной личности, как нельзя объяснить свойства океана, не зная свойств молекулы H₂O. Недавно в одной социалистической брошюре вычитал, что К. Маркс обращался к этому вопросу, но его статьи по этой теме не переиздавались. Ещё вопрос: почему? Получилось так, что, не имея надёжной информации из добропорядочных ис-

точников, пришлось выуживать её и собирать по крупицам из комьев грязи у таких авторов, как Григорий Климов.

Не понимая генезиса явления, наши политические предки часто впадали в две крайности:

а) «Яблоко от яблони недалеко катится», поэтому от буржуа могут родиться только буржуи, т. е. все буржуи – плохие, а все пролетарии – хорошие.

б) Всё определяется воспитанием: буржуйский Маугли, воспитанный в пролетарской семье, будет революционером, а пролетарский Маугли, воспитанный буржуями, станет реакционером.

Но психоаналитики выявили, а наша действительность последних 20–25-ти лет наглядно показала, что «прирождённые буржуины», т. е. люди с комплексами стяжательства, власти и отвращения к работе появляются в любой социальной прослойке и при любом общественно-политическом строе. (Недаром древнеиудейским садикам пришлось вписать в Библию от имени самого Бога требование «добывать хлеб в поте лица своего».) Но таковых всего 10–15%. Людей же с частичным проявлением этих негативных комплексов больше, но их число может как уменьшиться (если они подавляются доминирующими носителями позитивных комплексов), так и увеличиваться (если они поощряются доминирующими носителями негативных комплексов).

Публицист Евгений Калашников в книге «Убийцы Сталина» вообще жёстко делит людей на «Людей» и «Животных», исходя из таких признаков, как альтруизм и эгоизм. Между «Людьми» и «Животными» на всём протяжении истории человечества идёт борьба, в которой большей частью преуспевают «Животные», т.к. они ведут «бои без правил», а «Люди» используют «греко-римскую борьбу», в которой даже простая подножка – запрещённый приём.

А ещё у «Животных» есть изумительная способность мимикрировать. Кстати, не только у них. Дачникам (не говоря уже о профессиональных аграриях) хорошо известно, что сорняки очень часто похожи на культурные растения и норовят поселиться в одни и те же лунки с ними. Поэтому при любой прополке часть сорняков уцелевает, а часть культурных растений попадает под тяпку. Но ни один агроном ещё не критиковал полеводов за прополку, а всегда только подсказывал, как усовершенствовать методы прополки, чтобы двигаться к идеалу: 100% сорняков – под тяпку, 0% – пострадавших культурных растений.

Ой, как «Животным» и «Сорнякам» не нравились Сталинские чистки! При этом вопли, конечно же, не о своей злосчастной судьбе, а о тех невинных растениях, часть которых неизбежно пострадает от прополки – как это негуманно! Но что станет с дачным огородом, если хозяин проявит «гуманизм» и прекратит прополку? 70-е, 80-е и начало 90-х годов прошлого века это прекрасно продемонстриро-

вали. Россия умирает экономически, политически, социально (гляньте только на лихорадочные усилия Нургалиева) и (самое страшное!), демографически: некогда славный русский народ почти вычеркнут из современной истории.

Друзья мои, подскажите, как улучшить агротехнику? Кстати, если подбросить извёстки в почву, то мокрица выводится сама по себе, и отпадает потребность её выпалывать. Вот тут бы и понадобился аналитический аппарат науки. А общие рассуждения о «гуманизме» – это адвокатура для «Животных» и «сорняков».

На вопли: «А кто определяет, что хорошо, а что плохо?!» я уже ответил: состояние популяции (динамика численности, изменения ареала обитания и диапазона условий существования; для человеческого сообщества можно выделить «отдельной графой» ещё уровень нравственности, интеллекта и производственного потенциала).

Сложнее с другим. За исключением малого процента явных дегенератов природа тысячелетия плодит людей с психо-социальными аномалиями. Неужели случайно? Вряд ли. Не было бы людей с комплексом власти – не было бы не только узурпаторов, но и великих полководцев и администраторов; не было бы комплекса первенства – не стало бы великих спортсменов

и выдающихся специалистов в каждой профессии. Т. е. многое зависит от обстоятельств и от воздействия общества на отдельную личность – неясная для меня диалектическая взаимосвязь частного (индивид) и общего (нация, государство). Тот же Серёжка Тюленин, если бы не направил свои силы на борьбу с оккупантами, в мирное время, скорее всего, стал бы простым хулиганом и ушёл в криминал.

Так как же организовать общество, чтобы «рекультиви-ровать Сорняки»? Если говорить об истории нашей страны, то хотелось бы подробнее и точнее узнать, как мимикрировали «Животные» и «Сорняки», почему они смогли вытеснить «Людей» из руководящих структур общества? Только ли потому, что у «Людей» слабо развиты комплексы первенства и власти? Или нашим «Животным» кто-то помогал?

Поскольку Ваших учёных разработок или нет, или просто мне неизвестно о них, то почти интуитивно предлагаю три тезиса.

1. Внутри любого, даже самого прогрессивного социального класса, всегда имеются люди, ставящие свои личные интересы выше интересов своего класса и даже всего общества. Не имея возможности сразу стать гегемонами, они маскируются (мимикрируют) под активистов класса. Имея повышенную психо-эмоциональную энергетику, они способны добиться авторитета у «широких масс», а затем, используя обстоятельства, даже подменять эти массы, т. е. фактически узурпировать власть над обществом. Их власть всегда регрессив-

на, поскольку она опирается на их лично-корыстные интересы, на чѐм и были построены рабовладельческий, феодальный и капиталистический способы производства. Недаром же сейчас стало повседневностью похищение людей и удержание их в рабстве.

2. Диктатура пролетариата способна держать под контролем и направлять на созидательные цели энергию абсолютного большинства таких людей. Необходимым условием успешности такого контроля является совместное (общенародное) владение СП.

3. Между обществом в целом и людьми с комплексами первенства и власти идёт постоянная, большей частью, не осознанная борьба на протяжении всей истории, и она будет продолжаться до тех пор, пока эволюция не приведѐт человечество к тому, что процент этих «Животных» станет ничтожно малым. Для этого надо не 3–4 поколения, а 30–40, по крайней мере. Особенности этой внутриклассовой борьбы почти не изучены. (Правда внутриклассовая борьба буржуазии, как шило из мешка, постоянно выпирает: заказные убийства, рейдерские захваты, подкуп депутатов, открытое лоббирование и т.п.) Для общественных наук – непочатый край работы. Ракитские, друзья мои, приложите сюда Ваши знания и Ваш аналитический опыт, вместо того, чтобы подыгрывать буржуйской пропаганде в вопросах «голодомора».

На этом, кстати, остановлюсь чуть подробнее. В 1954-м году приехал я на казачий хутор, куда моя мать вышла замуж вторым браком. Это было всего-то в 20-ти верстах от моих воронежских мест, но уклад жизни заметно отличался от «мужичьего». И в одном разговоре отчим заметил: «А ты видишь, дедов у нас намного меньше, чем у вас: в саботаж повымерли. Женщины, те повыносливей, больше выжили. Теперь они бабки». Много лет спустя мне довелось читать переписку Шолохова со Сталиным, потом книги Максима Калашникова. Причина до удивления банальная. Казаки – народ вольнолюбивый, а тут их под нажимом заталкивают в колхоз, причѐм, зачастую это делают люди, которые сами толком не понимают, что это такое, но верят, что надо. А тут троцкисты и прочая, и прочая... зудят на ушко: «Зачем вам волов в колхоз сдавать, лучше порежьте их – хоть мяса вволю наедитесь». (Это Вам не напоминают ситуацию 90-х, конечно, с новой спецификой). Добились-таки своего: сработал психологический принцип: не мне, так никому! Итог – зимой объедались мясом, а весной пахать не на чем. Сбор урожая упал в два раза. И так по всему югу России, СССР, то бишь. А в средней полосе и на севере, где пахали на лошадях, которых православные не ели, такого голода, практически, не было. Прав был великий Крылов: ларчик-то открывается просто! А эта утка про «гладомор» рассчитана на людей, не умеющих мыслить, да и не желающих. (А таких плодит система всё боль-

ше. ЕГЭ прибавит их в геометрической пропорции). Не было никакого «гладомора» – был саботаж! И ответственность за смерти при этом лежит на «подсказчиках» из правой оппозиции. Так что не надо их выгораживать, перекладывая вину на других.

Ну, ладно, у буржуйских пропагандистов в этом свой корыстный интерес – отвлечь внимание трудящихся от нынешних проблем, но Вам-то, учёным, просвещающим рабочих, зачем это? Публикация Закона Украины «О голодоморе» между Вашими статьями без каких-либо комментариев с Вашей стороны наводит на невесёлые мысли относительно Вас. Получается, что Вам на-до, чтобы цели ШТД, указанные на обложке (№ 55), были строго ограничены: пусть рабочие научатся «выбивать» у хозяина прожиточный минимум, но никогда не посягнут на его «право» распоряжаться прибавочной стоимостью, созданной их же трудом!

А теперь, в завершение моего опуса, несколько замечаний-иллюстраций ко всем предыдущим размышлениям.

1. Козырным пропагандистским клише «Животных» в конце 80-х и в 90-е годы была цитата из Достоевского: «Весь мир не стоит слезинки ребёнка». Олухи поверили этим «мимикриантам». И что же? Теперь они продают тысячи наших детей на донорские органы, ещё больше – для «сексуальных услуг» извращенцам, и ещё более 2-х миллионов держат в качестве беспризорных. Вот цена отказа от «тоталитаризма» и диктатуры пролетариата (даже той, что была таковой по названию), которыми Вы так пугаете своих учеников.

2. У нас по Самаре прокатилась волна поджогов старых домов. «Животные» таким образом выселяют «Людей» из центра города. Могли бы они позволить себе подобное, когда были под контролем «недостаточно гуманной» ДИКТАТУРЫ ПРОЛЕТАРИАТА?

3. 16.04.2009 в 11 ч. Московского времени «Вести» сообщили: на Алтае «собственник» продаёт несколько домов вместе с жителями. И ведь не какой-либо фашистский оккупант, и даже не московский «спонсор», а односельчанин, бывший совхозный агроном. Ответьте на тот же вопрос, что и в п.2.

4. Весной этого (2009-го) года наше областное радио многократно повторяло рекламу: «На Северном Кипре дешёвые дома. Но через год они подорожают в 2–3 раза. Покупайте!». Как Вы думаете, Галина Яковлевна, во что будут «инвестировать» деньги российские буржуи – в отечественный Автопром или в жилищное строительство в чужой стране? Стоит взглянуть на Вашу формулу, как ответ будет ясен. Тем более, что сам Путин заявлял, что бизнес и патриотизм – это вещи не совместные.

5. Сегодня, 18 октября 2009г. около 17 ч. московского времени по ТВ «Ц» шла передача о «коллекторах», т. е. организациях, «по-

купающих (!) долги». Как они изымают кредиты у должников, думаю, пояснять не надо – такой уровень «последовательного гуманизма» был неизвестен в «тоталитарные» времена. И эти организации существуют и действуют легально! Т. е. в рамках «демократического общества»!

6. А вот сейчас (19.10. 2009, 19ч 20м.) идёт кинофильм о «суррогатной матери», которую наняли для производства «расходного материала» – ребёночка на запчасты. Вот это уже – вершина демократического гуманизма. Или ещё выше есть? На фоне того, что и как делает российская буржуазия со своими соотечественниками, предельно ясно, для чего уже несколько десятилетий раскручивается истерика вокруг «репрессий», «ГуЛага», теперь вот ещё и «гладомор» педалируют.

О «гладоморе» я уже сказал, а вот о «сталинизме» лучше процитирую «Трудовую Россию» № 12 (313), стр.2: «Сталина ненавидят не за репрессии, его ненавидят как вождя трудового народа, ненавидят за то, что он замыслил и в целом осуществил построение государства социальной справедливости, государства рабочих и крестьян, в котором не оставалось места социальным паразитам. (Выделено «ТР»). Им приходилось маскировать свою паразитическую сущность либо демагогией, либо показной активностью. Репрессии, масштаб которых был на много порядков меньше, нежели об этом говорят враги народа, от прошлых троцкистов до нынешних либералов, в сущности, представляют собой превентивные меры политической и социальной защиты общества от паразитов... Какие тут репрессии! Это непримиримая и вечная борьба паразитирующих слоёв населения с трудящимися классами общества».

«Если и стоит в чём-то обвинять Сталина, так это в том, что он не смог или не успел создать систему подлинного народовластия, при которой Власть полностью отвечает за свою деятельность перед народом, прежде всего перед его трудовой частью».

«...здесь ещё и другой вопрос: почему именно репрессивные дела являлись раньше и являются в настоящее время высшей государственной тайной? Не потому ли, что сокрытие их выгодно власть держащим, ибо позволяет фальсифицировать историю... Ибо ложь – обязательное условие и среда существования паразитов ».

Над событием никто не властен: оно уже состоялось, его не поправить и не изменить. Оно объективно. Но оценка этого события – субъективна, она зависит не только от глубины информации о нём... но и от позиции человека, оценивающего его, от порядочности и нравственной культуры, от политической задачи, решаемой в данный момент оценкой этого события»

Так какие же задачи решаете Вы, мастера культуры?

А что касается ДИКТАТУРЫ КЛАССА, то ни Вы, Галина Яковлевна, ни я, ни кто иной не в состоянии ни установить, ни отменить её, потому что это объективное социальное явление, причины, возникновение и развитие которого изучает целая отдельная наука, называемая ИСТОРИЧЕСКИМ МАТЕРИАЛИЗМОМ. (Студенты говорят проще: «истмат»). Вот углубить бы эту науку, чтобы она точнее стала! Учёные головы нужны.

Страшно и страстно мечтаю о том, чтобы к Вам можно было обращаться просто: ДОРОГИЕ ТОВАРИЩИ!

Александр ВОРОНЦОВ, член РКРП с 23.11.1991г,

Член Союза писателей России

Июль 2008 – ноябрь 2009-го – ноябрь 2010-го.

P.S.: Вскоре после написания статьи, я размножил её «самиздатом» на обычном принтере в десяти экземплярах и раздал среди тех, кому, по моим понятиям, она была нужнее всего, в том числе Петру Золотарёву (как «Единству» без такой статьи?!). И отправил в нашу газету «Трудовая Россия», но там сочли её слишком объёмной и предложили выставить на сайт ЦК РКРП.

Оказавшийся у нас по случаю назревавшей забастовки один московский товарищ предложил издать статью отдельной брошюрой тиражом 100 экз. С некоторой задержкой он так и сделал. Несколько экземпляров я послал в Питер в ЦК и профессору Санкт-петербургского Госуниверситета, одному из руководителей Фонда Рабочей Академии, Попову Михаилу Васильевичу, товарищу по борьбе ещё со времён ДКИ. Ему она показалась настолько актуальной, что он попросил издать ещё раз таким же тиражом.

Его просьбу я выполнил: издал брошюру в типографии «Форум» в Тольятти. Почти весь тираж отправил Попову М.В., а он уже разослал в рабочие организации по всей России

ЕСЕНИН В МОЕЙ ЖИЗНИ **(сочинение на заданную тему)**

– Нам нужна статья «Есенин в моей жизни». Можете написать? – тон был почти просительный, а голос в трубке – мягкий.

Нет, это не было пресловутым «предложением, от которого нельзя отказаться». Это было простое предложение, но ... но отказать я не мог. И вовсе не потому, что «если женщина просит...». Причины были более труднообъяснимые, вернее, одна из них. Первая – попроще: дама с кафедры литературы университета, да ещё активистка Есенинского общества, – этот колодец может и пригодиться. Вторая – это моя извечная деликатность, помноженная на привычку хвататься за всё сразу. Третья ... Как бы это сказать... Впрочем, древней-

удейские падики (мудрецы) это так выразили: «Не поминай имя Божие всуе». То, что Библия – набор притч и мифов, ещё не означает, что в ней нет глубоких мыслей». А ещё один гигант говорил: «Слова у нас, до важного самого, входят в привычку, ветшают, как платье...». Особенность нашей психики такова, что слова от частого употребления «стираются», как монеты, и, соответственно, теряют своё достоинство. Это сидит у меня где-то в подсознании, может, поэтому в изданных моих книгах, слово Родина встречается не более десяти раз, Пушкин – два раза, Есенин – один раз. Правда, про Есенина мне пришлось говорить лет 25 назад в статье на очень сложную и важную тему – об алкоголизме.

Как Есенин появился в моей жизни? Тут опять не всё просто. Я не помню, когда я впервые услышал про Есенина – когда-то в детские годы, в школе. В 9–10-х классах о нём говорили побольше, но запомнилось, в основном, слово «есенинщина», от которого веяло пьянкой, упадочничеством и волной самоубийств; в общем, поэт был хороший, но не нашёл своего места в жизни. Его стихотворений в программе было немного, и они проскочили мимо памяти и сердца. Потом была песня «Выткался на озере», которую чаще всего распевали под гитару на гулянках. Одним словом, я жил, зная, что был на свете поэт, с творчеством которого я мало знаком, а его скандальная слава как-то не интересовала меня. И вот в 1974-м пришлось мне читать лекцию о валютно-финансовом кризисе в США (я к этому времени стал чуть ли не лучшим лектором-международником ВАЗа) и по ходу лекции понадобилось говорить о «мировых деньгах» (сейчас не буду пояснять, что это). Лекцию всегда оживляют примеры из жизни, цитаты из литературы и т.п. Как-то сами собой всплыли завалявшиеся где-то в уголках памяти строки:

*«Я спросил сегодня у менялы,
Что даёт за пол тумана по рублю...».*

Слушателям понравилось. Потом я ещё в 2-х или 3-х аудиториях процитировал эти строки. И тут мне пришла в голову элементарная мысль: а что если найдётся какой-нибудь дотошный слушатель и попросит продолжить цитату? Пришлось взять в библиотеке томик Есенина и найти нужное стихотворение. Стихи меня захватили мелодичностью, лиризмом и налётом экзотики.

К этому времени я успел побывать во многих уголках нашей необъятной страны и даже за её пределами. Бродил вокруг Девичьей башни в Баку, любовался ею с зыбкого Каспия; глядел в нескучные воды Среднеазиатских арыков и восхищался проступающими сквозь дымку белыми вершинами высоченных гор. Поэтому на меня уже поистине действовало журчание есенинских строк:

*«И ещё спросил я у менялы /
Тише ветра, робче ванских струй...»*

Я заучил наизусть всё стихотворение. Потом захотелось прочесть ещё что-нибудь. Неслучайно вторым есенинским стихотворением, которое я заучил наизусть, стала «Шаганэ». Я не знаю, как считают учёные-есениноведы, но для меня венец есенинской любовной лирики – Персидские мотивы. А самый яркий лал в этом венце – «Шаганэ ты моя, Шаганэ...», – «минивенок» сонетов. Первая строфа соответствует первому сонету «венка», а каждая строка этой строфы так же становится началом следующего сонета. 15 сонетов классического «венка» у Есенина спрессованы в 5 пятистрочных строф. И так же, как сонет из «венка» можно обособить в отдельное стихотворение, так каждую строфу из «Шаганэ» можно выделить и пустить на волю в качестве самостоятельного произведения. Ну, вот хотя бы:

*«Потому что я с севера, что ли,
Что луна там огромней в сто раз,
Как бы ни был красив Шираз,
Он не лучше рязанских раздолий.
Потому что я с севера, что ли».*

Этот хоровод слов и образов завораживает, его хочется читать или слушать ещё и ещё. Что я и делал, особенно по утрам, когда ходил со жбанчиком к бойлеру за молоком, где обязательно была очередь. Потом я захотел заучить весь цикл, и начал с первого «Улеглась моя бывалая рана...». Это стихотворение привлекло меня не только поэтической красотой, но и второй темой, мелькнувшей уже в первой строфе. Лейтмотив, конечно, в строках:

«Незадаром мне мигнули очи / Приоткнув чёрную чадру..».

Обычного читателя эта тема захватывает, и он уже забывает обо всём, кроме лукавого взгляда из-под чадры. Но я к тому времени уже так «дружил с зелёным змием», что ножку циркуля в центр окружности (тогда я работал конструктором) приходилось ставить двумя руками; лекции на понедельник я старался не назначать (я говорил уже, что был лектором общества «Знание»), а если всё-таки надо было обязательно, то приходилось обращаться в «Лабораторию электроники» к Гольдфарбу, который всегда мог налить пол стакана спирта, после чего язык начинал шевелиться, а через полчаса появлялся кураж, и лекция проходила успешно. Поэтому меня сразу зацепила первая строфа:

*«Улеглась моя бывалая рана,
Пьяный бред не гложет сердце мне.
Синими цветами Тегерана*

Я лечу их нынче в чайхане...». И мне как-то захотелось учиться-лечиться на чужом опыте. Через несколько недель я знал наи-

зусть весь цикл за исключением двух стихотворений: «Голубая да весёлая страна...» и «Воздух прозрачный и синий...». Это трудно объяснить, но они так и «не легли на душу». Зато остальные я переставлял, как пасьянс, отклоняясь и от хронологической последовательности, и от последовательности редактора Базанова в шеститомнике, который я смог приобрести. В конце концов, получился рассказ в виде стихотворных фрагментов:

*«Улеглась моя бывлая рана...»,
«Свет вечерний шафранного края...»,
«Никогда я не был на Босфоре...»,
«Я спросил сегодня у менялы...»,
«Золото холодное луны...»,
«Шаганэ ты моя, Шаганэ...»,
«Ты сказала, что Саади...»,
«Руки милой – пара лебедей...»,
«Голубая родина Фирдуси...»,
«Быть поэтом – это значит то же...»,
«В Хоросане есть такие двери...»,
«Отчего луна так светит тускло...»,
«Глупое сердце, не бойся...».*

В этом рассказе есть все формальные признаки его: завязка, развитие, кульминация и развязка. (Любой может перечитать стихи в этой последовательности и заметит всё это). Для чего я это проделал, трудно объяснить. Скорее всего, интересно было. А тут ещё одна из библиотекарей профсоюзной библиотеки СКП ВАЗ Малинина Светлана Алексеевна, большая почитательница Есенина, взялась проводить цикл вечеров-лекций о нём и решила пригласить меня в качестве чтеца иллюстративных материалов. И такая последовательность подачи «Персидских мотивов» пользовалась успехом. Но был ещё один более интимный момент.

Если читатель позволит, то я для начала процитирую ... самого себя:

*«Вначале все бывает свежим:
Слова и взгляды-светляки,
Пожатъя краткие руки,
Свиданья в лозах у реки.
Затем бесцветней все и реже,
И все слова как будто те же,
Но сердца не знобят, не режут.
Вдруг видим – любим не того...
И кто подскажет, отчего?»*

В «Персидских мотивах», если их сверстать, как я предложил, всё это чётко прослеживается. Всё преходяще, даже самая пылкая

любовь к женщине. Но есть в них нечто непреходящее, мелькающее, как блики на водной ряби – на мгновение блеснёт, и не каждый успеет уловить:

*« Мы в России девушек весенних
На цепи не держим, как собак...»;
«...Чтобы я о дальней северянке
Не вздыхал, не думал, не скучал...»;
«Потому что я с севера, что ли,
Что луна там огромней в сто раз,
Как бы ни был красив Шираз,
Он не лучше рязанских раздолий...»
«Мне пора обратно ехать в Русь.
Персия! Тебя ли покидаю?
Навсегда ль с тобою расстанусь
Из любви к родимому мне краю...»
«Многие видел я страны,
Счастья искал я повсюду,
Только удел желанный
Больше искать не буду...»*

Мои детство, отрочество и юность прошли, в основном, в Придонье. По русской традиции детство – до 7 лет, отрочество – 7...14, юность – 14...21 год, дальше – возмужание. Этапы моей жизни как-то близко совпали с этой градацией: перед войной 2 года в Богучаре (7 км от Дона), потом на хуторе Неледове (45 км от Дона), в селе Шуринновка (60 км от Дона), снова на Неледове – до 14 лет; потом год опять в Богучаре, потом в Чернышковском Сталинградской обл. (60 км от Дона) – до 17 лет, потом в Павловском Ростовской обл. (35 км от Дона), потом в Нижнее-Чирской станице (На берегу Дона), потом опять в Павловском – до 19 лет. Потом – Советская Армия (Забайкалье – 1 год; Западная Украина – 2 года). Демобилизовался в 22 года. Юность окончилась, началось возмужание. Харьков, учёба в ХПИ – 2 года. Женитьба. Душанбе – 3 года, Тамала Пензенской области – 4 года. Тольятти – 4 года (к описываемому моменту).

Постоянные переезды незаметно въелись мне в душу, и к 1974-му году, прожив в Тольятти около 4-х лет, я почувствовал какой-то зуд, мне чего-то не хватало, я куда-то рвался. Вероятно, неосознанно я стремился в родные края, но «голос мысли чувству говорил», что я уже не уеду из Тольятти: незачем, да и некуда – «я никому там не знаком, а те, что помнили, давно забыли...». И те самые блики в есенинских стихах я уловил сразу, потому они и «легли на душу».

А что дальше?

Ставши владельцем шеститомника, я добросовестно начал его перечитывать; оказалось, что кроме «Персидских мотивов» у Есе-

нина много великолепных стихов разной тематики. Ясно, что не все они оказывали на меня одинаковое воздействие, как и должно быть. Постепенно складывалось впечатление, что если это и не Пушкин, то поэт, стоящий от него совсем недалеко, а если бы ему ещё 7 лет прожить, то мог бы и на одной доске оказаться. По его стихам и по статьям Юрия Прокушева у меня прорезалось понятие о развитии таланта и личности поэта. Что особенно замечилось? Во-первых, поэтический талант (образность поэтической речи, смелость её, напор и т.д.) проявился у Есенина сразу (т. е. «поэт от Бога»). Уже в ранних стихах можно прочесть о «стозвоне сосняка» и о «водяном ветерке», что «звенит придорожными травами» и многое другое. Во-вторых, уровень поэтического мастерства постепенно поднимается – такие «навороченные» образы: «Кленёночек маленький матке / Зелёное вымя сосёт» или «Солнца струганные дранки загораживают синь» попадают всё реже, а впечатление – не меньшее от таких вот строчек, например: «Несказанное, синее, нежное...» или «Свет луны, таинственный и длинный». Правда, уже в одном из самых ранних стихотворений мелькает – «Отражаясь, ломались берёзы в пруду». И красивый и абсолютно правдивый образ!

В-третьих, удивительно плодотворны 1924-й и 1925-й годы – последние годы жизни, – плодотворны и по количеству работ, и по художественному уровню, и по своей значимости. При этом успевал убежать из лечебниц! Удивительно! Может, действительно правы те, кто утверждает, что слухи об алкоголизме и пьяных дебошах Есенина преувеличены? В общем, чем дальше, тем интересней.

Но проблемам личной жизни Есенина я не придавал большого значения: мало ли у кого какие проблемы. И если они на творчество не оказывают особого влияния, то что о них говорить? Однако, «пути господни неисповедимы». В середине 70-х я и сам начал возвращаться к стихам (в юности я получал первую премию а районной газете, но когда в армии получил два щелчка от окружной газеты, то много лет потом не совался в «СМИ») и в конце 70-х пришёл в литературное объединение «Лада» (его возглавлял покойный Ю. В. Брусникин) при ДК ВАЗа, а там бывалые «объединенцы» при разборе стихов не только цитировали классиков, но и норовили сравнить с ними. Возражения типа «Так это ж гении!» во внимание не брались. И правильно: пусть в любом случае с гением не сравниешься, но расти будешь. Если планку не поднимать, то никогда не вырастешь. Поэзия, как лес – в нём должны быть и кустарники, и подросток, и зрелые деревья, которые, преодолевая тень собратьев, тянутся к солнцу, а некоторые из них становятся гигантами. И даже трава и мох нужны: они сохраняют живительную влагу. Как бы сейчас ни «раскручивали» задним числом Набокова и других писателей-эмигрантов, а

с Достоевским или Шолоховым им не сравняться. И вины их в этом, практически, нет: они (может быть, помимо их воли) были перенесены в другой лес, на другую почву, где они не смогли «использовать свой потенциал».

Но в изучении и заучивании есенинских стихов была и обратная сторона: пока не обретёшь своего почерка, то, бывает, становишься в двусмысленное положение. Прочтёшь что-либо «родным и близким», тут же вопрос: «Это есенинское?». «Да нет, моё!». «О-о-о-о!» Хочешь радуйся, что за классика приняли, хочешь горюй: в подражательстве заподозрят. В общем, заучив наизусть 60 стихотворений и несколько коротких поэм (но «Анну Снегину» я знал, примерно, как персонаж Иосифа Уткина: «Он знал почти наизусть почти весь Талмуд»), я решил остановиться: есенинские слова, интонации, ритмика сами собой лезли, как тесто из квашни.

Всё туманится в памяти, даже есенинские стихи, но иногда (ни с того, ни с сего!) вдруг резанут по сердцу строки, вроде этих:

*«Спит ковыль. Равнина дорогая,
И свинцовой свежести полынь.
Никакая родина другая
Не вольёт мне в грудь мою теплынь».*

И теперь я знаю, что я всё больше не похож на Есенина структурой стихов, а если прочитают мои строки:

*«Пройдут года, и в ком-то вспомнясь,
Вдруг оживят иную даль
Моя печальная весёлость,
Моя весёлая печаль»,*

то не упрекнут меня в похожести за эмоциональную тональность: просто мой «внутренний камертон» настроен так же, иначе я бы и не заучивал 60 стихотворений. Иначе я бы и не написал:

*«Что мне похвал этих разноголосье?
Господи Боже, прости!
Самое главное не удалось мне:
Русь не успел я спасти».*

Было ещё одно пикантное обстоятельство, заставившее меня вчитываться и глядываться в Есенина. Я уже упоминал, что пристрастие к алкоголю во мне нарастало. И вот, когда в сентябре 1984 года я по пьянке свалился в смотровую яму в гараже, прокатился рёбрами по металлической окантовке и сломал пять рёбер, то понял, что надо тормозить. Через месяц уже вышел с «больничного», страхи и сомнения стали быстро улетучиваться. Итог – за ноябрь и декабрь пять запоев, от трёх до пяти дней каждый. Тут я понял, что «завязывать» надо полностью. Остановился со 2 января. Пошёл к врачам. Потом уе-

хал в Ялту в санаторий «Киев», там опять сорвался. Но снова пошёл к врачам по возвращении в Тольятти.

Тут мне повезло: я попал к Евдокимову Валентину Степановичу, который лечил иглоукалыванием и беседами. И я чётко усвоил: алкоголизм не победить, если отсиживаться в обороне. Надо вести активную наступательную борьбу с ним. И я повёл борьбу с «зелёным змием» и самим собой – через четыре с половиной года жестокой борьбы я всё же победил, и уже 21-й год – абсолютный трезвенник, твёрдо усвоивший формулу Валентина Степановича: алкоголизм срока давности не имеет.

Потом подошло подкрепление: в разгар весны 85-го борьбу с пьянством и алкоголизмом возвели в ранг государственной задачи. Кое-кто (я в том числе) начали понимать, что бороться бы надо за трезвость – эффект будет выше. (Дело в том, что алкоголику труднее всего не остановиться, а не скатиться в кошмар снова: нечем восполнить дефицит дофамина в организме). Недаром Валентин Степанович рекомендовал наступательную тактику: любая активная борьба вызывает естественный прилив дофамина и норадреналина – и жизнь становится прекрасной. Возможно, многие помнят изумительный марш 30-х годов:

*«Эй, вратарь, готовься к бою:
Часовым ты поставлен у ворот,
Ты представь, что за тобой
Полоса пограничная идёт...»*

И когда редакция «Волжского автостроителя» попросила меня написать статью на антиалкогольную тему, я откликнулся и решил дать сдачи проклятому Змию (правда, как я уже говорил, он фанатично оборонялся и сдал свои позиции только через несколько лет). При работе над статьёй, которую я назвал «Сладкая полынь», мне пришлось задуматься над многими интересными гранями бытия, особенно над взаимоотношениями в четырёхугольнике – алкоголь, интеллект, талант, культура. Пришёл к неутешительному выводу, что противостоящая алкоголю тройка не гарантирует автоматической победы над ним. (Более того, через годы я узнал, из одной статьи, что талант – «двойной агент», «фактор риска», ибо любой талант уже есть психическая аномалия). Приведу небольшую цитату из этой статьи:

«Алкоголь, проникая в мозг, поражает в первую очередь его самые важные слои, управляющие высшей нервной деятельностью, т. е. «культурой». Подтверждение этого известно каждому: у пьяного человека сначала нарушаются поведение, мыслительные процессы, речь, и только потом – двигательные функции («моторика») (Читатель может вернуться к цитируемой статье: она включена в эту книгу)... ..»

Необходимость и правомерность ограничения винопития достаточно ясны и сомнения вызывают всё меньше. Но пока ещё для многих туманен ответ на вопрос: «Что взамен?». Отчего он возникает? У кого он возникает? Великий поэт нашей эпохи В. Маяковский сказал:

*...Чем от скуки,
Лучше уж от водки помереть!»*

Вот так Есенин своей трагической судьбой помог мне предостеречь многих. Известно, что в 1985... 89 годах наблюдался заметный рост населения.

Шли годы. Шли тучи над страной и над миллионами судеб. Появлялись новые факты и «факторы». Сенсации стали модой, потому что они приносят немалые денежные и иные барыши тем, кто их фабрикует. Одной из сенсаций, коснувшихся Есенина, стала хорошо аргументированная версия об убийстве, а не самоубийстве его. Я не криминалист и поэтому не буду ни подтверждать, ни опровергать эту версию. Сейчас, пожалуй, уже никому невозможно со 100%-ой уверенностью сказать: «Так, и только так!». Сейчас можно сказать только: «Это могло быть так».

Однако, ввиду важности темы, небезразличной для меня (тут переплетаются вопросы литературной жизни, политики и морали), выскажу только некоторые соображения.

Версия убийства особенно напирает на то обстоятельство, что около Есенина крутилось много агентов ОГПУ, и что убийство его – чуть ли не выполнение «госзаказа». Но давайте зададим древнеримский вопрос: «Кому выгодно?». Для строительства нового общества, нового государства нужны люди искусства («творческая интеллигенция»). И руководство страны это прекрасно понимало, особенно Сталин (уж он-то никогда не говорил: «Я не читал этой книги, но знаю, что она политически верная (или неверная)»). Но он тогда ещё не набрал силы и недостаточно закрепился на вершине власти, а позиции других ветеранов революции, особенно Троцкого, были ещё сильны, хотя год от года и убывали; и поражение их произошло только на стыке 20-х и 30-х годов, когда Есенина уже не было. С точки зрения «государственников», т. е. созидательно настроенных деятелей, поэт огромной величины (а Есенина таковым к середине 20-х уже считали) – это дар Божий! Ведь это он написал:

*«Хочу я быть певцом и гражданином,
Чтобы для каждого, как гордость и пример,
Был настоящим, а не сводным, сыном
Великих штатов – СССР!..»,*

или:

*«...И никому не пелась песнь моя.
Лишь только он,
С рукой своей воздетой,
Сказал, что мир – единая семья...»*

(таких цитат можно приводить много-много). Ведь он заменяет десятки пропагандистов, он влияет на умы миллионов. Такого надо беречь и холить. И тот, кто знает об отношении Кирова к Есенину, скажет, что так и было. А вот с точки зрения тех, кому не нравилось становление нового государства и нового общества, было интересней провоцировать и травить духовных и интеллектуальных маяков народа. И тот, кто знает о «ближайшем окружении» Есенина и о «случайных» собутыльниках, тот задумается... Да, я ведь упоминал об одной госструктуре – ОГПУ; но те, которые знают, кто руководил этой госструктурой, и кто составлял костяк её, те тоже задумаются.

«Я из Москвы надолго убежал;/ С милицией я ладить не в споровке...».

Так что же, правы те, кто считает, что Есенина убили? Не знаю! Да вряд ли сейчас остались люди, которые знают точный ответ на этот вопрос. Сейчас можно... (см. выше).

Теперь о второй (она же официальная) версии.

Есть в психиатрии два понятия: «инстинкт самосохранения» и «комплекс саморазрушения». Они сидят в каждом человеке. Но в разных пропорциях у разных людей, и даже у одного и того же человека в разном возрасте и в разных обстоятельствах. Люди религиозные считают, что первый – от Бога, второй – от Сатаны. (Сатана-то – бывший архангел, единственный из архангелов отказавшийся поклониться сделанному из глины Адаму, за что был изгнан и назван Сатаной, т. е. врагом, противником. Не имея возможности отомстить Богу, он стал мстить тому, из-за кого пострадал. Так часто и у людей бывает). Самая первая большая месть – совращение Адама и Евы, благодаря чему они вылетели из рая, как и он сам когда-то. Адам и Ева стали смертными, но полученная способность продолжать род, сделала бессмертным уже род человеческий. Оскорблённая и подловатая душа Сатаны не успокоилась, и теперь он стал мстить потомкам Адама. Поэтому на перекрёстке пустынных дорог в одну и ту же секунду оказываются две, иногда три, а то и все четыре машины. Или, скажем, у соседки среди ночи разболится зуб, и она мечется у кухонного окна как раз в тот момент, когда вторая соседка целуется у подъезда с чужим мужем. В общем, Сатана изобретательней любого «шоумена». Я как-то написал:

*«...За таланты, взятые у Бога, /
Подати плачу я Сатане».*

Почему так? Точно пока никто не знает, но достаточно обоснованные гипотезы трактуют, что в некоторых людей комплекс саморазрушения закладывается в повышенных дозах ещё в перинатальный (дородовой) период. И очень часто одновременно с каким-нибудь талантом. А потом Лёва из «Покровских ворот» будет рассказывать Людочке: «Это Сервантес, ему на войне оторвало руку, а это Артюр Рэмбо, ему ногу ампутировали, когда он в Африке миллион добывал, этого на дуэли ... этого... этого ... и т. д. и т. п.». (А если бы он к литераторам присовокупил музыкантов, художников и актёров, большие глаза потрясённой Людочки вообще могли бы полезть из орбит). Пушкину в юности цыганка нагадала, что он погибнет от руки молодого высокого блондина, и он задибался со всеми молодыми высокими блондинами, чтобы узнать – не он ли это, пока не наткнулся на Дантеса. Ещё один гений – Лермонтов, – будучи одним из самых храбрых офицеров полка, этим не довольствовался и, как поведал Есенин,

*«За грусть и желчь в своём лице,
Кипенья жёлтых рек достоин,
Он, как поэт и офицер,
Был пулей друга успокоен».*

А что же сам Есенин, чем он оплатил свою гениальность, случайно ли его судьба, не последовал ли он за Джеком Лондоном? Не подал ли он пример Маяковскому, Фадееву, Хэмингуэю? Заглянем в его стихи.

*«...И вдали за рекой,
Видно, за опушкой,
Сонный сторож стучит
Мёртвой колотушкой».* (1910-й год, Есенину 15 лет).
*«...В пряже солнечных дней время выткало нить,
Мимо окон тебя понесли хоронить...».* (1910 г.)
*«...Ходит девушка по берегу грустна,
Ткёт ей саван нежнопенная волна».* (1914 г.)
*«...Я умру на тюремной постели,
Похоронят меня кое-как».* (1915 г.)
*«...Помолись перед ликом Спасителя
За погибшую душу мою».* (1916 г.)

(В эти годы никакого ОГПУ не было и в помине, кого винить за пессимизм в строках?) Ну, это «переломный возраст», даже Горький в 18 лет стрелялся; ко многим в этом возрасте приходят суицидные мысли, но, по счастью, в большинстве случаев так и остаются мыслями, а не «руководством к действию». Перелистаем несколько лет.

*«...Скоро, скоро часы деревянные
Прохрипят мой двенадцатый час!»* (1920 г.)
«...Но отпробует вражеской крови

Мой последний смертельный прыжок...» (1921 г.)

*«...Друг мой, друг мой, прозревшие вежды
Закрывает одна лишь смерть».(1921 г.)*

*«...На московских изогнутых улицах
Умереть, знать, судил мне Бог». (1922 г.)*

А вот последние годы жизни, когда Есенин уже сомневался, что справится со своим недугом. Надо сказать, что алкоголизм и суицид – близкие друзья. Когда сквозь тучи в сознании пробивается на минуту понятие своей ненужности и беспомощности перед самим собой, как-то незаметно, словно летние облака, вырастают вопросы: «С какого этажа ...? Под какой грузовик, но чтобы водитель не виноватым оказался ...?» Цеплялись ли к Есенину эти репейные мысли? Кто ж это знает. А что строки этих лет говорят?

*«...Может быть, и скоро мне в дорогу
Бренные пожитки собирать...» (1924 г.)*

*«...А ныне я в твою безгладь
Пришёл, не ведая причины:
Родной ли прах здесь обрывать
Иль подсмотреть свой час кончины!..» (1924 г.)*

*«...А если я помру?
Ты слышишь, дедушка?
Помру я?...» (1924 г.)*

*«...Я веки мёртвые себе
Спускаю ниже,
Кладя на них
Два медных пятака...» (1924 г.)*
*«...И эту гробовую дрожь
Как ласку новую приемлю» (1924 г.)*

Ну, а стихотворение «До свиданья, друг мой, до свиданья!...» считается чуть ли не предсмертной запиской. Некоторые исследователи-графологи обращают внимание на то, что строки рукописи идут с заметным понижением окончаний, что свидетельствует об упадке духа в момент написания. На этом основании делается вывод, что последовавшая вскоре за этим смерть была самоубийством. Но вот в 1-м номере шеститомника (изд. 1977 г.) приведены фотографии некоторых рукописей С.Есенина. И что же мы видим? Уже в ПЕСНЕ О СОБАКЕ (1915 г.), начиная с 7-й строки, концы строк падают вниз, как рессора под нагрузкой. «Заметался пожар голубой» (1923 г.) – то же самое, хотя и не так интенсивно. «ОТЧЕГО ЛУНА ТАК СВЕТИТ ТУСКЛО» (авг. 1925 г.) – аналогично, «АННА СНЕГИНА» – то же. Поэтому «падение» строк в стихах Есенина нельзя считать 100%-ой приметой последнего отчаяния, разве что, он жил в постоянном от-

чаянии. Рано или поздно оно могло закончиться трагедией? Не знаю! Сейчас можно... (см. 10 абзацев выше).

Поэтому давайте оставим эту загадку истории, как смерть царевича Дмитрия, как загадку Шекспира, как смерть Моцарта, смерть великого оптимиста Маяковского. Нам важнее не то, как они ушли из жизни, а то, что они успели сделать при жизни! (Отрок Дмитрий не успел ничего привнести в культуру, но он потревожил совесть больших правителей).

Мне иногда доводится вести разговоры, переходящие в дискуссию, на эту тему. Конечно, я мог бы, очертя голову, заявить: «Есенин убит!», или наоборот: «Есенин – самоубийца». В любом случае меня никто не опровергнет, но я этакой беспроегрышностью никогда не злоупотребляю и говорю: (См. 12 абзацев назад).

А ещё дискуссии вызывает вопрос, кто был Есенин идеологически – советский или антисоветский. И тут галдёж не только на бытовом уровне. Почему? Уж очень хочется взять в соратники человека, способного заменить десятки пропагандистов, и влиять на умы миллионов. Возможно, сам Есенин и не задумывался над своими способностями в этом плане, и он жил и писал, как ему подсказывала душа и знание жизни.

Человек искусства так устроен (и чем выше дарование, тем острее это проявляется – один из признаков комплекса саморазрушения), что он прислушивается к своему внутреннему голосу и сопротивляется попыткам запрячь его в какую-то упряжку. В каком-то цехе я видел лозунг на стене учебного класса по качеству: «Есть только один способ заставить их работать качественно – сделать так, чтобы они этого захотели». Это слова какого-то американского организатора производства. За ними, кажется, кроется универсальный принцип. А желание такое появляется из жизненных примеров и умения их обобщить, проанализировать и сопоставить. К примеру, если моя мать осталась в войну вдовой с тремя детьми и смогла дать двум высшее образование, а одному – среднее специальное (при этом я видел таких семей немало, видел инженеров – бывших детдомовцев), то как бы по радио и телевизору не плевали на нашу историю – она для меня чиста и свята. И наоборот, когда в 90-м году мы повернули к капитализму, появились в изобилии бананы, а я увидел в Ленинграде, как человек вытаскивает из мусорной урны банановую кожуру и начинает её облизывать; когда я увидел потом бесчисленное повторение подобного, то меня хоть осыпь жемчугом, я буду считать, что капитализм – самая страшная язва на теле человечества. И меня не надо уже заставлять или уговаривать писать так, а не иначе – у меня сами собой пишутся стихи, какими их можно увидеть в моих сборниках.

Даже если мне аргументировано докажут, что я не прав, я всегда отвечу, что это МОЯ ошибка.

Есенин принял социалистическую революцию потому, что надеялся: она избавит любимую Россию от многих бед, главной из которых была бедность горячо любимой деревни. Нет, в личном плане ему повезло: он родился в достаточно зажиточной семье. Но... но...

*«Быть поэтом – это значит то же,
Если правды жизни не нарушить,
Рубцевать себя по нежной коже,
Кровью чувств ласкать чужие души...»*

А ведь эти строки – из ПЕРСИДСКИХ МОТИВОВ, эпицентра лирики Есенина! Т. е. они сидят у него в глубине сердца (в подсознании), и «придумать» их не-воз-мож-но. До 1916-го года почти все стихотворения Есенина были «привязаны» к деревне, а потом деревня появляется в стихах всё реже в виде ностальгических эпизодов. Светлые строки о деревне почти всегда у него были связаны не с ней самой, а с природой, с великолепными пейзажами среднерусской местности. Да ещё отблески солнца на крестах церквей, да ещё благодостные звоны колоколов, да ещё тяжёлый, но священный труд. Да ещё ощущение связи родной местности со всей Россией. Строки:

*«Если крикнет рать святая:
«Кинь ты Русь, живи в раю!»
Я скажу: «Не надо рая,
Дайте родину мою»*

– были написаны в 1914 году, когда он ещё почти и не ездил по Руси. Это великие слова. И вот представьте: в этом уголке Земли, который даже на рай не хочется менять, видится:

*«Сторона ль моя сторонка,
Горевая полоса...», или:
«Край ты мой заброшенный,
Край ты мой пустырь...», или:
«Чёрная, потом пропахшая выть!
Как мне тебя не ласкать, не любить?»,
и ещё, и ещё ...*

Непостижимо, но все эти пронзительные строки написал 19-тилетний парнишка!. Их можно поставить в один ряд с некрасовскими:

*«Подтянутой губернии,
Уезда Терпигорева,
Пустопорожней волости,
Из смежных деревень –*

.....

*Горелово, Неелово,
Неурожайка тож...» или с этими:
«...Кабак... острог в Буй-городе,
Там я учился грамоте,
Пока решали нас...»*

А в более зрелом возрасте в поэме «Анна Снегина», которую можно смело сопоставлять с «Евгением Онегиным», энциклопедией русской жизни начала 19-го века, есть строки, написанные «не мальчишеским, но мужским», т. е. пропущенные не только через эмоциональное, но и через рациональное:

*«... Мы в знатные очень не лезем,
Но всё же нам счастье дано,
Дворы у нас крыты железом,
У каждого сад и гумно.
К каждого крашены ставни,
А в праздники мясо и квас.
Недаром когда-то исправник
Любил погостить у нас*

*.....
Но люди – все грешные души,
У многих глаза – что клыки.
С соседней деревни Криуши
Косились на нас мужики.
Житьё у них было плохое –
Считай, вся деревня вскачь
Пахала одною сохою
На паре заезженных кляч...».
И опять неизменная спутница русской жизни:
«... Судили, забили в колодки
И десять услали в Сибирь...».*

Есть недалёкие (или рассчитывающие на недалёких) люди, долдонящие, что «До 1913-го Россия кормила хлебом всю Европу». Да, кормила, как и сегодня (сегодня – экологически чистым хлебом) за счёт того, что сами крестьяне жили впроголодь. Некрасов и Есенин – надёжные свидетели (это не политехнологи «новых русских»), им я верю больше, нежели апологетам перелицованного на новый лад купеческого фатовства.

Есенин знал суть крестьянской (да и не только) жизни не по рекламным байкам, вот почему он с надеждой встретил социалистическую революцию. Потом оказалось, что социализм основан на общенародной собственности на средства производства, а не на привычной и понятной частной собственности. Более того, людей «не нюхавших премудрость скучных строк» Маркса оказалось в десятки тысяч

раз больше, чем понимающих. И ещё более того, непонимающих оказалось огромное количество даже среди тех, кто волею судеб оказался во главе строительства новой жизни (тот же Прон Оглоблин). И вот Есенин, «оставшийся в прошлом одной ногою», разрывается между Пронем Оглоблиным и Анной Снегиной. А на него уповают и с той, и с этой стороны. Холодная душа могла бы стричь купоны и там, и там, но сложной и чуткой душе Есенина оставалось «Рубцевать себя по нежной коже,/Кровью чувств ласкать чужие души». И какая же благодарность (от тех и от этих)?? Он попробовал со стороны посмотреть – уехал с Айседорой в Америку. Оказалось, что Америка – это «железный Миргород», только ещё хуже: душевности никакой. По сравнению с ней жизнь в разорённой нищей, холодной и голодной, но полной надежд и энтузиазма России казалась более человеческой. Вернулся после долгих странствий, оставив и Америку и Дункан, а здесь уже «никому не знаком, а те, что помнили – давно забыли».

«...Вот так страна!

Какого ж я рожна

Орал в стихах, что я с народом дружен?

Поэзия моя здесь больше не нужна,

Да и, пожалуй, сам я тоже здесь не нужен...».

А тут ещё пьянство стало превращаться в алкоголизм, по крайней мере, «друзья» так говорят. Как не впасть в отчаяние? Даже Галя Бениславская ничего не могла поделать.

И вот, будучи «не в сноровке ладить с милицией», Есенин мечется по городам и весям необъятной страны, пока не окажется в «Англетере». «Новые» стали «дистанцироваться» (тогда этого слова не было, но подлость существовала) от него, а «бывшие» злорадно завывали: «Это большевики затравили Есенина, потому что он с ними не пошёл!». По такой же методике много лет спустя Сахаров А.Д. (не без помощи Елены Боннэр) был превращён из друга страны в недруга и затравлен.

Что касается Есенина, то не мог он по принципу Васи Алибабаевича бежать туда, куда все бегут: натура иная. Если бы оказалось около него побольше таких людей, как Киров и Орешин, да только не замордованных своими делами, он лучше бы понял и радужные перспективы, и неизбежность текущих «заморочек». И трудности не загоняли бы его в депрессию, но «сбросивши к чёрту свой костюм английский», он бы мог показать, «...Я ли вам не свойский/ Я ли вам не близкий...»).

Вот мы, тольяттинцы, почти все приезжие; в душах у нас сидит невырываямо наша бывшая «малая Родина», однако это же не значит, что мы не стали патриотами нашего молодого, но знаменитого города. Нечто похожее творилось и в душе Сергея Есенина, и не раз-

глядеть этого, не понять этого могли только либо очень занятые, либо заинтересованные люди. А много лет спустя, когда стало ясно, как велик (в горах, на близком расстоянии, снеговые великаны не видны: их закрывают низенькие, но рядом расположенные сопки) и как неубиваем Есенин, и вот затеяли «козлодрание», пытаясь вырвать его имя у соперника и добежать до финиша.

А что же сам Есенин? В заключение статьи процитирую без комментариев несколько мест из его стихов и поэм:

*«...И говорят,
Забыв о днях опасных:
«Уж как мы их...
Не в пух, а прямо в прах...
Пятнадцать штук я сам
Зарезал красных»*

*.....
Я тоже рос,
Несчастный и худой,
Средь жидких,
Тягостных рассветов.
Но если б встали все
Мальчишки чередой,
То были б тысячи
Прекраснейших поэтов.
В них Пушкин,
Лермонтов,
Кольцов,
И наш Некрасов в них,
В них я...». (1924. «Русь бесприютная»)*

*«... Услыхали мужики
Весть печальную.
Власть советская
Им очень нравится,
Да идут войска
С ней расправиться.
В тех войсках к мужикам
Родовая месть.
И Врангель тут,
И Деникин здесь.
А на помог им,
Как лихих волчат,
Из Сибири шлёт отряды
Адмирал Колчак...
.....*

Ах, яблочко,
Цвета милого!
Бьют Деникина,
Бьют Корнилова....». (1924, «Песнь о великом походе»)

.....
Свершился дивный
Рок судьбы:
Уже мы больше
Не рабы...». (1924, «Поэтам Грузии»)

«...Но вы не знали, что в сплошном дыму,
В разворочённом бурей быте
С того и мучаюсь, что не пойму,
Куда несёт нас рок событий....

(Вот же он, ключ к загадке Есенина! Боже, а лицом к лицу так его
и не разглядели. Вот если бы... Простите, не сдержался).

.....
Я стал не тот, что был тогда,
Не мучил бы я вас,
Как это было раньше.
За знамя вольности
И светлого труда
Готов идти хоть до Ла-Манша...».
(1924, «Письмо к женщине»)

«...Давай, Сергей,
За Маркса тихо сядем,
Чтоб разгадать
Премудрость скучных строк». (1924, «Стансы»)

«...Но помню
Под звон головы:
«Скажи, кто такое Ленин?»
Я тихо ответил:
«Он – вы».

.....
Расея...
Дуровая зыкъ она,
Хошь верь, хошь не верь ушам –
Однажды отряд Деникина
Нагрянул на криушан.
Вот тут и пошла потеха...
С потехи такой – околеть.
Со скрежетом и со смехом
Гуляла казацкая плеть.

*Тогда вот и чикнули Проню...». (1925. «Анна Снегина»)
«Мы многое ещё не сознаём,
Питомцы ленинской победы,
И песни новые по-старому поём,
Как нас учили бабушки и деды...*

.....
*Советскую я власть виню,
И потому я на неё в обиде,
Что юность светлую мою
В борьбе других я не увидел...»*

(1924. «Русь советская»)

Вот, пожалуй, и всё, что я смог сказать по заданной теме. Возможно, кто-то (пусть даже и сама заказчица!) скажет, что «вот это, это и это места – неверны: не та трактовка и т.п.». Я не боюсь этого: у меня всегда есть «отмазка». Мне было дано задание написать статью: «Есенин в МОЕЙ жизни». В ВАШЕЙ жизни он может быть и другим: это священное право Есенина и ваше, дорогой оппонент.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ВНАЧАЛЕ БЫЛА ЖИЗНЬ. (Автобиографические очерки)

«Больше всего я заботился о правде, несколько не стараясь блеснуть ни образованностью, ни слогом... поверяя эти события бумаге, я не мог опустить ни одного существенного обстоятельства. Тем не менее,... я вычеркнул много мелочей из опасения показаться скучным и мелочным...».

Джонатан Свифт

«Се повесть временных лет, откуда пошла есть земля Русская».

Одна из первых русских летописей

*«...И за все за былые грехи
Я приму справедливую кару:
Сочинять перестану стихи...
Может быть, напишу мемуары».*

Ал. Воронцов

Ремарка автора к части третьей

Когда семь лет назад (в 2000-м) я писал эти строки, мне подспудно казалось, что это просто художественный приём, а если и дойдёт до мемуаров, то это будет так нескоро!

Впрочем, мемуары как таковые, я и не собираюсь писать по двум причинам. Во-первых, «калибром» не вышел... Во-вторых, кто сегодня (а в будущем тем более) станет читать мемуары: нужна усидчивость и вдумчивость....

для чтения их Но вот мои старшие собратья Брусникин и Соснов издали книги «Повесть о Юрке» и «Записки отставника». Книги состоят из ряда новелл, посвящённых каким-то эпизодам из их жизни, и читаются с интересом. Вот и подумал я, что недурно один из разделов задуманной мною книги посвятить некоторым эпизодам из моей простой (но запутанной) жизни. Пока я работаю над этой книгой, Борис Чернов с большим успехом опубликовал в 2008-м автобиографическую повесть «Борискино детство» (увы, все они теперь покойные – А.В. 2013).

Название этой части – «Вначале была жизнь» – дало название и всей книге. Это не случайное обыгрывание библейского «слогана»: «Вначале было слово». Если вначале было только слово, то кем и к кому оно обращено? И о чём слово, если больше ничего не было?

Поскольку я не Бог, то накопить материал, чтобы что-то повесть людям, я мог, только прожив жизнь. И, как оказалось, немалую. Получилось так, что мне теперь есть что сказать людям.

Часть 3.1

Я ЖИЛ И В ГОРОДАХ, И В СЕЛАХ.

1. ОТКУДА ПОШЕЛ

Я абсолютно не помню, какие первые слова и как – в прозе или в стихах я промаякал в радченском роддоме за два года до начала Великой Отечественной, а именно 14 июня 1939 года.

Радченское до гражданской войны было Красножёновым, а потом было переименовано в честь Радченко, комиссара легендарной 40-й Богучарской дивизии. Тогда Радченское (в обиходе Радченск) было (был) районным центром, но в пятидесятые годы район объединили с Богучарским.

Вскоре родители увезли меня к новому месту работы отца, и с тех пор в родном селе я бывал ... проездом. Но всякий раз, когда воловья упряжка двигалась по мостушке через речушку (Правая Богучарка!), мама показывала на старый большой дом, и говорила: «Здесь ты родился». И мы ехали дальше – в Богучар из Неледова, или в Неледов из Богучара. А Правая Богучарка бежала на встречу слевой Богучаркой, и далее сестрицы текли уже одним шикарным потоком – река Богучарка! А потом вёрст через двадцать (с извилами, быть может, и побольше) ныряли в Дон.

*«...В южнорусской глубинке,
Где не знает вода суеты,
Расцветают в июне кувшинки,
Нежно-желтые чудо-цветы.» – это о ней.*

(Здесь и далее я буду приводить отрывки из своих стихов, опубликованных в предыдущих книгах – А.В.)

Богучарка позволяла пересечь её только по настоящему, хоть и деревянному, мосту между Песковаткой и городом(!) Богучаром, в котором были электричество, пожарная каланча, горсад (чудо!), кино-театр «Шторм» и неповторимые горбатые мостики через водосточные канавы. Была одна целая средняя школа, ещё одна разбомблённая (в ней на стыке 10-х и 20-х годов теперь уже прошлого века 3 или 4 года учился Миша Шолохов, будущий великий русский писатель, лауреат Нобелевской премии); было педучилище (тоже разбомблённое), а рядом (тоже разбомблённый) собор и базар (его-то никакие бомбы не брали), Город сбегал по склонам мелового хребта к Богучарке, обильно поросшей осокой и кувшинками и заселённой раками, краснопёрками, плотвой. Но ещё при моей памяти дядя Андрей ловил с друзьями рыбу бреднем и даже надеялся поймать сома, боталом (полый деревянный конус на длинной ручке, который издавал хрипло-

ватое невнятное бульканье при погружении в воду) загоняя вероятное лакомство в сеть.

А какие вербы стояли на той стороне! (Почему-то всё самое интересное бывает «на той стороне»). Вербы стояли на низеньком луговом правом берегу. Они хорошо просматривались, но до них был плёс «купальни», кувшинки, осока и неисчислимые стада лягушек. Когда поляя вода освобождала правый берег, там устраивали огороды, на которых выращивали многое, даже редиску. Однако такая патриархальность надоела Богучарке, и она в 54-м снесла деревянный мост; волей-неволей через несколько лет построили новый бетонный, который и стоит до сих пор. Чуть выше уцелевшей средней школы (в ней я потом учился один год), на улице с интересным названием – Верхняя Лысогорка – рядом с молокозаводом за сплошным забором стоял дедовский дом с крыльцом и верандой.

*«...Дом заурядный – крыльцо в три ступени,
Жестью покрытые ветхие сени,
Кленов доверчивых чуткие тени –
Дом продается...»*

Это о нём. Дом дед Стефан, купил в 39-м году, когда после месячной отсидки по навету и полной реабилитации по суду продал хату в Неледове и уехал в Богучар, а сам дом был построен и перенесён из Верхнего Мамона. Года три назад был в родных краях, дом ещё стоял. Кто в нём живёт? Не знаю.

В Богучаре я жил совсем крохой, потом провёл почти год, когда учился в восьмом классе, и после бывал, в основном, наездами, а большая часть моего детства прошла на хуторке Неледове, куда осенью 41-го уехала мама к своим родителям. Мама уехала с тремя детьми: девятилетней Клавой, четырёхлетней Ирой и двухлетним Шуриком, со мной то есть.

2. ОТ КОГО ПОШЕЛ

Деда Стефана я не помню: он умер, когда мне был только один год. На посмертной фотографии деда у его гроба стоит бабушка Анисья, стоят мои родители, мои дяди и тёти, сёстры, даже Ирина стоит, а я – на руках у мамы. Дед тоже был молодой: всего-то 57 годков, на 11 лет моложе, чем я сейчас.

Родом он был из Верхнего Мамона. Впрочем, не только он, но и второй дед, и обе бабки, и оба родителя родились там, в этом таинственном селе. Я служил в Забайкалье, бывал на Урале, в Закавказье, жил на Украине, в Средней Азии, бывал многократно в обеих российских столицах, выезжал за рубеж, исколесил Воронежскую, Ростовскую и многие другие области, а вот в Верхнем Мамоне не бы-

вал. Ни разу! Только по мосту через Дон проезжал несколько раз, и почему-то почти всегда – ночью.

Но вернусь к предкам. Увы, записей нет. Пишу так, что помню из рассказов старших.

Дед **ВОРОНЦОВ СТЕФАН ИВАНОВИЧ**, 1882г. р., уроженец с. Верхний Мамон Воронежской губернии.

Служил в Семёновском полку лейб-гвардии.

Был председателем ревкома и председателем с/с в Верхнем Мамоне и в Нижнем Мамоне.

Умер в г. Богучаре в 1940 году. Похоронен на Богучарском кладбище, чуть выше действующей церкви. Строки: «...колокольные звонны,/Что текли в Богучарку с холма...» – рождались на колокольне этой церкви.

Возможно, дед прожил бы дольше, но в конце 38-го он был арестован по ложному доносу. Накануне суда ему приснился сон, будто внушка Ирочка, моя двухлетняя сестра, вошла к нему в камеру, взяла за руку и повела. Когда суд полностью оправдал деда Стефана, он до самого дома нёс Иру на руках и всё повторял: «Это внученька меня вызволила!». Вскорости у него появился и внук – это я. А вскоре после этого дед Стефан продал хату на Неледове, купил дом в Богучаре и переехал туда. В хате поселились другие люди, но хата и посаженная им полоса белой акации (живая изгородь), остались.

О прадедах своих, увы, знаю очень мало. У прадеда Ивана Никитовича был брат, тоже Иван, он ослеп в детстве: пересмотрел на солнце своих сверстников. Рекорд обернулся трагедией. Второй брат Борис Никитович был благополучен.

Бабка **ВОРОНЦОВА АНИСЬЯ НИКОЛАЕВНА** 1879г. р., уроженка с. Верхний Мамон Воронежской губернии. Девичья её фамилия мне неизвестна.

Всегда крестьянствовала и вела домашнее хозяйство.

Умерла в г. Богучаре в 1946 году. Похоронена на Богучарском кладбище рядом с дедом Стефаном. На этом же кладбище лежит прах моих дядёв: Зеленина Михаила Никитовича, Воронцова Андрея Стефановича, тёток Шипиловой Татьяны Стефановны, Сыроваткиной Анны Стефановны, двоюродной сестры Нины Михайловны, двоюродного брата Ивана Михайловича. Это он пятнадцатилетним подростком, когда мы на Неледове были под немцами, заявил повару Гансу, обслуживавшему офицера-оккупанта: «Погоди, Ганс, вот Дон станет – наши погонят ваших!» Так и получилось. (Но все наши родные перепугались из-за этой фразы – хорошо, что Ганс был добродушным человеком и не донёс офицеру.)

А сколько на этом тенистом старинном кладбище более отдалённых родственников! А сколько земляков! Я никогда особой робостью относительно кладбищ не страдал, но на Богучарском кладбище мне даже отрадно, как-то благостно, хоть это и противостоит естественному на первый взгляд.

..... А когда бабушка умерла (как и жила, тихо, спокойно: пошла доить корову, да так и не вернулась), мама со старшими сёстрами пошла за 45 км хоронить её. Мои заверения, о том, что я осилю дорогу, маму не убедили, и я остался дома. Но уже года через два-три я доказал, что я – хороший ходок: доходил за день до Богучара.

О бабушкиных предках я почти ничего не знаю. Помню только предание, что один её дядя привёз с войны жену-болгарку. Она была из зажиточной семьи и всё интересовалась, есть ли у его родителей лавка, и какая обстановка в доме. Мой двоюродный прадед похвалился, что у них четыре лавки, а постели они сжигают каждое утро, чтобы вечером постелить свежие. Он не обманывал: в передней комнате стояла лавка, в светлице – целых три! А солому из тюфяков каждое утро отправляли в печку на растопку. Молодиче пришлось смириться.

Дед по материнской линии ЗЕЛЕНИН НИКИТА ИВАНОВИЧ, 1875г. р., уроженец с. Верхний Мамон. Всегда крестьянствовал и был колхозником.

Умер на х. Неледов Богучарского района в 1955 году. Похоронен там же. Дед был невысокого роста, но крепок и работящ, строг характером. До самой смерти почти не поседел, сохранил чёрные, «жуковЫе» волосы и обошёлся без проплешины

Но вот что мне помнится, и что я не ценил в детстве, а сейчас ценю всё больше и больше. Первое. Дед был удивительный универсал. Он, само собой, в совершенстве мог делать любую сельскохозяйственную работу и во дворе, и в огороде, и в поле. Но этим на хуторе удивить было трудно. А вот плотничали уже не все деды, а крыть соломой крышу, так, чтобы она не протекала, – это могли сделать совсем немногие. А кто ещё мог делать половники и ложки из грушёвых чурок? (Ложки были грубоватые и увесистые, особенно это чувствовалось, когда за столом нам с Ирккой попадали смешинки в рот, а потом попадало ложкой в лоб).

Как дед заготавливал кленовые и вязовые чурочки, как сушил их в печурке (своего рода карман в русской печке), потом делал шпильки; как делал при помощи воска и смолы дратву – это целая наука!

И когда мне в начале 80-х встретились стихи Нины Гнатюк:

*«Мий дид був тэсля, плугатар, пастух,
Мог сияты, спиваты писню...», –*

я сразу вспомнил деда Никиту и не мог удержаться, чтобы не сделать перевод.

Мало того, дед ещё и портняжил! До шестого-седьмого класса я одет был в то, что шили мама и дед. Первый покупной костюмчик в моей жизни я надел 1-го сентября 52-го, причём, ухитрился на большой перемене, когда «тарзанничал» в посадке, сделать Г-образный порыв на одном интимном месте, чем и потешал одноклассников, когда на уроке физкультуры пришлось подтягиваться на турнике. Что было потом, лучше не вспоминать. Как-то в семидесятые годы я, уже взрослый мужчина, имеющий сына-школьника, приехал в Богучар и с вечера до утра на крыльце под виноградником с дядей Мишей. О многом. И, конечно же, вспоминали деда Никиту. Я вспомнил, как дед делил хлеб. Обычно бабушка Танюша пекла хлеб на всю неделю. Большие караваи! Но вот дед резал каравай на три части: завтрак, обед, ужин. Каждая доля уже не казалась огромной. Но потом и её дед разрезал: себе, бабке, Дуняхе, Ирке, Шурке (Клава к тому времени, которое я помню чётко, училась в Богучаре) – и моя доля уже казалась меньше всех. Добавки просить было бесполезно. Дед норму знал и выдерживал. Бабушка Танюша, та иногда украдкой отламывала от своей доли и давала мне или Ирине. Ах, какая добрая бабушка! Ах, какой скупой дедушка!

Мама работала в поле, ездила с обозом, одним словом, делала тяжёлую работу (про деда и говорить нечего), а бабушка почти круглые сутки во дворе и на кухне «танчилась, как чёрт у боклаге», – они нуждались в хорошей кормёжке, но какая еда в войну и сразу после неё! Нам с Ирой давали почти столько же, что и взрослым: мы не делали тяжёлой работы, но нам надо было расти! Всегда хотелось есть! Короче, всегда хотелось добавки, а дед не давал. И вот в разговоре с дядей Мишей как-то незаметно возник вопрос, а что бы мы ели с марта-апреля до июля-августа, если бы дед был щедр на добавки? Это второе. Дед Никита был опорой всей семьи. Да, он не мог заменить сразу всех, но без него мы бы однозначно бедствовали. Мы были одной из очень немногих семей на хуторе, которые ели хлеб без жёлудей! И не только: пока позволяло здоровье, дед содержал пасеку (до 8 семей), и какая была роскошь: в праздники – медовые пряники из чёрной муки! А когда начинала работать медогонка!.. Дед имел моральное право на жесткость и строгость. Более того, именно строгость главы была гарантией жизнеспособности семьи, лишённой мужчин среднего поколения. Почему-то, когда обиженные или же недалёкие люди начинают хаять Сталина, мне вспоминается дед Никита. Им нельзя было быть добренькими, иначе они не спасли бы семью. Масштабы, конечно, были разные.

Умер дед в 55-м, когда я жил в Чернышках и узнал об этом только из письма.

О прадедах по зеленинской линии тоже знаю очень мало (хорошо, что успел записать кое-что в апреле 96-го). Прадеда звали Иван Семёнович, прабабку звали Мария. Они не были богачами, но жили крепко, были уважаемы в селе. Несмотря на то, что Мария страдала астмой, родили пятерых детей.

Да, деда я понял и уважал только на четвёртом десятке (когда уже не мог признаться ему в этом), а бабушку Танюшу любил с раннего детства. Конечно, если бы верховодила добрая бабуленька, весьма сомнительно, что мы бы все уцелели, а Дуняха смогла бы вывести нас в люди, но в пятилетнем возрасте я не мог делать таких выводов и просто любил бабушку Танюшу.

Бабка по материнской линии ЗЕЛЕНИНА ТАТЬЯНА ФЕДОРОВНА 1874г. р., уроженка с. Верхний Мамон. Девичья фамилия НЕСТЕРОВА. Всегда крестьянствовала и вела домашнее хозяйство. Умерла на х. Павловский Верхнедонского района Ростовской области в 1962 году.

Бабушку тех лет я помню лучше: дед был занят во дворе или в огороде, мама в поле или в поездке, а бабушка на кухне. Русская печка. Заслонка. Каток. Рогачи. Чугунки разных калибров. Квашня. Лоханка. Телёнок. Корова.

Какие у нас были коровы! И от каждой бабушка приносила по ведру пенистого тёплого молока после каждой дойки. В первый день масленицы бабка всегда пекла блины и первый же солила и несла корове. Никто не протестовал: корова есть корова – кормилица. Забот на кухне бабушке прибавлялось в конце февраля – начале марта: корова телилась, в сарае мороз – телёнка несли в тепло. Теснота становилась невероятная. А что делать? Нам с Ирой тоже забот прибавлялось: надо было следить за телёнком и как можно точнее определять момент, когда требовалось подставлять горшок. Чем сноровистей мы срабатывали, тем меньше было дурных запахов. На пятый – шестой день телята становились такими милягами, что их невольно хотелось поцеловать в мордочку. Как только весна позволяла, телят выводили во двор на прогулки... Когда телёнок первый раз выходил на простор двора, то нам редко удавалось его удержать. Что тогда было! Все знают поговорку «телячий восторг», но отчего она появилась, знают только те, кто новорожденных телят в первый раз на волю выпускал.

Когда сначала Ира, а потом и я пошли в школу, на бабушку ложились и эти телячьи забо-ты. Летом к ним прибавлялись огородные дела. Зимними вечерами бабушка ещё и пряла немного, но, в основном, это делала мама.

Бывали изредка и благостные часы, когда бабушка что-либо рассказывала. Обычно это были рассказы о том, как «ездили на заработки на Капказ», где есть быстрые реки Кубань и Лаба, а ещё «как жили в старину» или вспоминала мамонских родственников. Поскольку на Неледове только две семьи были со стороны, а остальные – выходцы из Верхнего Мамона, то бабушка поясняла, кто кому кем приходится. Оказывается, весь хутор повязан родством в разных коленах или свойством. А если приходила погостить «бабушка Дашонка» (она имела маленький рост и была черничкой, т. е. монахиней, которая живёт в миру, а не в монастыре), то разговоров было ещё больше, и они перемежались церковными песнопениями. Надо сказать, пели они ладно Иногда мама им подпевала. Так на три голоса лилось:

«...Миру заступница, мать сипетая,

*.....
Бедная грешница, мраком одетая,
Я пред тобою стою...»*

Мне было интересно узнать, что такое «...мать сипетая»? Уже взрослым я случайно узнал, что это «мать всепетая». Бабушка была истово верующая, и если она припечатывала: «Безбожник!», так это было совсем не то, что «азият» или «оболонок головастый», а что-то вроде «анчихриста», и тут уже всё – дальше ехать некуда.

Дед и мама тоже были верующие, но мне всегда казалось, что они веруют как-то так, на всякий случай. Бог не уберёт маму от вдовства, дедов – от гибели сына Петра и от многого другого. Когда я стал учиться в школе, я узнал, что он и не мог ничего поделать, по той причине, что его просто нет. Я стал «безбожником», хотя меня в 44-м крестил приезжий «батюшка». Поскольку я для купели был несколько великоват, то меня просто окунули головой в кадку с водой для полива, отчего я заревел. Может, потому и засомневался через несколько лет? Но когда я передавал «батюшке» приготовленный мамой гонорар, то он воодушевился, погладил меня по голове и изрёк: «О, в этом младенце есть искра божия!». Крёстными отцом и матерью мне были назначены мои же двоюродные брат и сестра Ваня и Нина (взрослые были кто на войне, кто в поле).

В хате у нас был «святой угол» с иконой и негасимой лампадой, за которой, в основном, приглядывала бабушка. Перед иконой молились на ночь поочерёдно. Особенно мне нравилось, когда весной в Прощёное Воскресение дед бросал шубу на земляной пол, становился на колени и кланялся в ноги бабушке, а потом всем остальным и просил прощения за все обиды. Далее этот же ритуал проделывали все остальные.

А ещё мне нравилась Троица. Накануне в хате тщательно убирались, пол затирали глиной с добавкой коровьего навоза (чтобы

пол не растрескивался), посыпали песком и степными травами. В ход шли мыльная трава, чобор (чабрец), любиста (любисток – по-укр.), мята. Стены украшали ветками деревьев. Аромат и ощущение праздника – неизгладимые! Наутро ходили на кладбище, молились дома (церкви на хуторе не было), а потом – гулянки: «кумились», всем хутором шли на опушку леса, там на поляне всеобщее застолье с выпивкой... Сейчас это назвали бы сеансом эмоциональной разгрузки. А разгружаться было от чего: с фронта на 45 дворов вернулось человек пять мужчин. Вот откуда эти строки:

*«...Зайцы след запутали
Прямо у двора,
Без отцов на хуторе
Сплошь вся детвора...»*

По-моему, бабушка верила сердцем, а дед – больше от фатализма. Когда от сильной простуды ... у него обострился ревматизм и скрючились пальцы, а ноги почти перестали ходить, он философски заметил: «На войне я никогда не был, в тюрьме не сидел – должен же я как-то пострадать?». И если Бог был бы всевидящ и всезнающ, вряд ли он этого допустил: перед ним дед был безгрешен: он практически не пил, не курил и никогда не сквернословил, а главное – он вынес на своих плечах большую семью.

По рассказам очевидцев, последними словами деда, человека очень не сентиментального при жизни, были слова, обращённые к бабушке Танюше: «Родная моя!». Они впервые увиделись в церкви при венчании, потом была долгая и нелёгкая жизнь. Родили четверых, вырастили троих детей, один из которых не вернулся с фронта.

После смерти деда бабушку вскоре взял в Богучар дядя Миша. Но через некоторое время он сам заболел, и бабушка переехала на казачий хутор Павловский, где с 54-го мама жила во втором браке с Ключниковым Петром Ильичём (тоже выходцем из Верхнего Мамона!).

.... У меня сохранилась фотография, на которой заезжим фотографом во второй половине 40-х (точнее не помню) заснята вся наша семья: дедушка и бабушка сидят рядом на табуретках в классических позах – руки на коленях, я держусь за их плечи и выглядываю из-за их спин, Ира стоит рядом с бабушкой Танюшей – она уже вровень с ними, а во втором ряду – мама и Клава, которая ростом уже догнала маму. На этой фотографии у деда борода и усы с изрядной проседью, а красивые волосы, стриженные «под горшок», без единой седой прядки.

.... Так получилось, что могилы моих дедов и моей матери находятся в разных местах, но все – в Придонье. А я вот 37 лет назад пу-

стил корни в Поволжье. Уже и здесь есть могилы близких мне людей. Может, и моя здесь будет.

Отец **ВОРОНЦОВ СВИРИД СТЕФАНОВИЧ**, 1910 г. р., уроженец с. Верхний Мамон Воронежской губернии.

Служил в Красной Армии в 1932...35 г.г. в Благовещенске, красноармеец. Крестьянствовал. Грамоту освоил в «Ликбезе». После армии обучался в Совпартшколе, по завершении работал счетоводом в колхозах и организациях Богучарского и Радченского районов Воронежской области. Сохранилась его трудовая книжка, в которой последняя запись от 10 августа 41-го: «Уволен в связи с призывом в РККА». Воевал на Брянском фронте в сентябре – октябре 1941-го, пропал без вести. По неофициальным источникам мученически погиб в плену.

Как-то получилось, что никто не помнил точную дату рождения отца, а метрики его не сохранились. Мама говорила, что где-то недалеко от Рождества или от Нового года, но по старому стилю, или по новому – она никак не могла вспомнить. Почему-то в начале 80-х, когда впервые по радио и ТВ стали вспоминать католическое Рождество, я за импровизированным фуршетом (тогда ещё был пьющим) с руководителем литобъединения «Лада» С. С. Ульяновым заговорил об этом. Поводом послужил тот факт, что Сергей Сергеевич был, как и мой отец, 1910-го года рождения. Мы помянули отца, и я решил, что 25 декабря будет условным днём рождения отца. Прошло много лет. И вот, когда я готовил статью «Безвестный защитник» и рылся в оставшихся после смерти мамы бумагах, я нашёл «Свидетельство о рождении» отца! Там чётко записано: 12 декабря 1910 г. Но это свидетельство выдано 21 августа 1938 года со ссылкой на запись от 12 декабря 1910-го в книге регистрации с. В. Мамон. Но тогда ЗАГСа не было, учёт вёлся по церковной регистрации. Возник вопрос, по какому стилю дата, перевели её в 38-м или нет? (Если по старому, то как раз 25-го получается по новому),. Прошёл год, и я случайно на работе заглядываю в настольный календарь, где стали указывать именинников, и вдруг вижу: 25 декабря в числе прочих – Спиридон! А ведь Свирид и Спиридон – это одно и то же имя. Так я разгадал тайну рождения отца. Может, когда-нибудь удастся разгадать и тайну его смерти.

Отца я знаю только по рассказам старших да по фотографиям. Почти всё, что я о нём знаю, я написал в «Безвестном защитнике». Могу добавить только то, что все хуторяне, кто его помнил, отзывались о нём уважительно. И считали его грамотным человеком ещё тогда, когда за его плечами был только ликбез.

Когда началась война, отец несколько раз ходил в военкомат с просьбой призвать его в действующую армию. Мать, естественно, тор-

мозила его, но он заявлял, что ему стыдно сидеть в тылу, когда другие воюют.

Призвали дядю Мишу (на фронте он попал в плен, но вернулся живым), потом дядю Петю (пропал без вести в апреле 1943 г.), потом дядю Андрея (провоевал почти всю войну; в Венгрии, был тяжело ранен, умер в 2004-м году). В августе 41-го пришёл черёд отца. Действительная служба его закончилась всего 6 лет назад, он был в запасе, 3 марта 39-го получил удостоверение об отличной сдаче норм на значок «Готов к ПВХО» и потому, вероятно, чувствовал себя уверенно, а, может, как и я, от природы был оптимистом.

На фотографии, сделанной в день отъезда 10 августа, вся наша семья: отец, мама, все трое детей, бабушка Аниса и тётя Стюня (Устинья) – жена дяди Миши. И ещё плюшевый медвежонок у меня в руках и кукла в руках Иры. Мишка весёлый, кукла – равнодушная, я – сосредоточенный, Ира – недоверчиво-настороженная, Клава – понимающе-печальная, мама – ожидающе-настороженная, папа – уверенно-оживлённый, бабушка – как всегда в белом платочке и спокойная... но крепко сжатые губы и глаза!...Они уже видели, они уже знали, что будет дальше!

При копировании фотографии никак не удавалось повысить резкость лица у папы. Мама (она ещё была живая) сказала, что ничего не получится: отец по-русски прощался со своими сотрудниками и прямо из доротдела, где работал до этого дня, он пришёл в фотографию.

Потом были официальные проводы у военкомата, речи с платформы грузовика, обещание привезти мне пулемёт и яблок. Говорят, я был доволен. Теперь нас осталось только трое.

Я уже в два с лишним раза старше отца, но до сих пор я перед ним – ребёнок. И ощущение: он был умнее, мудрее, светлее.

Мать **ВОРОНЦОВА ЕВДОКИЯ НИКИТИЧНА** 1911г. р., уроженка с. Верхний Мамон Воронежской губернии. Девичья фамилия **ЗЕЛЕНИНА**. Фамилия по второму браку Ключникова. Умерла в 1999-м году в п. Чернышковский Волгоградской обл.

Всегда крестьянствовала, была колхозницей и вела домашнее хозяйство.

Мама родилась 14 марта, аккурат на «Авдоки-с гор потоки», потому и назвали Евдокией.

В детстве и юности любила петь – в свою маму пошла – и даже сочиняла частушки.

Образование, как и отец, получила в ликбезе: в более подходящем детском возрасте она полгода училась в школе, но потом мама (её мама) заявила, что она дома нужней. Мама осталась неграмотной, но зато она научилась трепать лён, чесать шерсть, прясть на прялке,

шить ручными иглами и на машинке (подольское, старше меня, чудо техники до сих пор у моей дочери: Галя родилась тоже 14 марта, ей и досталась машина), вязать (меня всегда удивляло, как она, не глядя, управляется со спицами).

В ликбезе мама освоила только начала письма и арифметики, но зато крепко освоила: и учётчицей работала после войны, и звеньевой, и даже бригадиром. А письма мне писала до самых последних лет жизни. В том же ликбезе учился и отец. Возможно, с этого всё и началось, но я сильно не расспрашивал. На Неледове мои родители и поженились. Потом родилась Клава, потом отец служил в Забайкалье три года, а мама работала в колхозе. Потом отец учился в Острогжской совпартшколе, потом родилась Ирина, а о себе я уже говорил.

Как хорошо было всё вначале! Муж, дети. Муж неплохо зарабатывал, жили не в бедности, хотя и не было своего дома (снимали квартиры), городские условия: радио, свет, кинотеатр и прочие культурные точки – чего бы не жить! Фашисты в Германии думали по-иному.

С октября 41-го письма от отца перестают приходить, и мать почти 9 месяцев обращается в военкомат и к людям, о которых знакомые говорили, будто они были сослуживцами отца. Вот одно такое письмо от 14 мая 42-го. Адресуется «Командиру роты товарищу Коробову Ивану Петровичу» по адресу: «Полевая почтовая станция 725, п/я №3». На письме-треугольничке круглый штемпель плесновской почты, круглый штемпель сортировочного пункта полевой почты от 21.05.42, гербовый штемпель военной цензуры и прямоугольный штемпель: «ВОЗВРАЩЕНО за выбытием войсковой части. Подпись...». А в треугольничке взволнованным ликбезовским почерком: «Здравствуйте дорогой товарищ командир фронта. Я гр. Воронцова Евдокия Н. жена фронтовика Воронцова Свирида Стефановича... я вас товарищ Коробов хочу побеспокоить чтобы вы дали мне ответ где в настоящее время находится мой муж Воронцов Свирид С. ...

Товарищ командир если есть у вас такой фронтовик то постарайтесь пиридать ему привет от жены Ев. Н. и детей Клавдии С. и Ири и Александра Свиридовича.» (А я-то думал, что меня по имени-отчеству стали называть только в 26 лет, когда я стал мастером мехучастка).

В этот же день 14.05.42-го такой же треугольничек (и с тем же результатом) отправился по адресу: «Киргизская СССР г. Фрунзе эваку. Госпиталь 1080 корпус № 1 Воронову Петру» с обращением. В общем, утопающий за соломинку хватается.

Письма бумерангом вернулись, а вскоре началась немецко-фашистская оккупация хутора Неледова. А весной 44-го, когда жизнь немного восстановилась, из военкомата на сельсоветских выездных конях привезли извещение о том, что отца уже искать бесполезно: «Ваш кр – ц Воронцов Свирид Стефанович уроженец ...

В. Мамонского р – на рож. 1910 г. находясь на фронте пропал безвести в октябре 1941 г....» У матери началась истерика, сёстры тоже плакали, а я не понимал, что надо делать мне.

До получения извещения о том, что отец пропал без вести, оставались какие-то надежды. Теперь их не стало. а война всё продолжалась. Стали призывать уже и маминых племянников. Я теперь понимал и запоминал больше, чем год назад. Для меня ещё долго «призывается в армию» значило «уходить на войну.... Подводы с призывниками провожали с рыданиями километра два. Что означает формула «дальние проводы – лишние слёзы», я знаю с детских лет.

В начале оккупации было много переживаний от вида колонн наших пленных. Женщины несли на шлях (большак пролегал по границе с Ростовской областью) хлеб, сухари, воду, молоко для пленных. Конвоиры почти всегда не давали им передать из рук в руки, приходилось даже бросать на дорогу перед колонной. Каждой женщине думалось: «От моего-то весточки давно нет. Может, и его так ведут!». Тогда у матери случился первый сердечный приступ.

Потом немцы гоняли женщин и подростков на строительство узкоколейки, по которой со станции Чертково предполагали подвозить к линии фронта на Дону боеприпасы и всё прочее. До самого Дона им не удалось протянуть дорогу, но мимо нас они успели запустить «кукушку» – маленький узкоколейный паровозик, гудки которого и стали причиной такого прозвища. Но «кукушка» не спасла немцев от резвого бегства (там, правда, было немало итальянцев, были румыны, мадьяры, чехи, финны – этих поменьше). Дед Никита всё удивлялся: «К Сталинграду и на машинах, и на танках, и на подводах, и на мотоциклах, и даже на велосипедах пёрли, а куда же это всё подевалось, как под Гарбузовкой (село километрах в 15...20-ти.) погромыхало?».

Когда пришли наши, после короткой радости начались суровые будни: «Всё для фронта, всё для победы!» Работы стало много, а работников стало меньше.

Матери предстояло поднять троих детей почти самостоятельно. она обещала отцу «вывести нас в люди», и добивалась этого, не щадя ни себя, ни нас. (Почти как у Сергея Аршинова:

*«...Спина горит огнём,
Кричит бабуля: «Будя!»
А дед Семён ремнём
Меня выводит в люди...»)*

Да, её педагогические приёмы не всегда совпадали с методиками Пестолоцци, Яна Коменского, Ушинского и даже Макаренко. Тем не менее, у Клавды за плечами пединститут, у Иры – два техникума, я тоже инженер-механик с высшим образованием. Однако тут есть ещё одно обстоятельство: у нас в стране был социализм. Ни за учё-

бу, ни за библиотечные книги мы не платили. А тетради и учебники стоили копейки, и учебники не менялись ежегодно – ими можно было пользоваться несколько лет по схеме: Клава – Ира – я. Фашистов у нас вышибли под Новый Год, а школы открылись уже в марте – думали тогда о будущем народа.

СЕСТРЫ ВОРОНЦОВА КЛАВДИЯ СВИРИДОВНА и ЛЕВШИНА ИРИНА СВИРИДОВНА проживают в п. Чернышковский Волгоградской области.

Как-то после одного из концертов в Тольятти Виталию Соломину задали вопрос: «Скажите, а Юрий Соломин это Ваш брат?», и Виталий тут же ответил: «Нет, это я – брат Юрия Соломина!». Изумительный ответ! Вот и мне вернее будет сказать: «Я – брат Клавдии и Ирины». Клава пошла в школу с шести лет, поэтому, несмотря на войну и даже оккупацию, в шестнадцать она закончила Богучарскую среднюю школу и поступила в двухгодичный Воронежский учительский институт. А через два года с дипломом о незаконченном высшем образовании поехала учить нанайских детей в село Болонь на берегу могучего и таинственного Амура. Мало того, что восемнадцатилетняя девчонка подалась в дебри на краю Земли, она ещё для облегчения жизни маме взяла с собой Ирину.

Поскольку школа в Болони была семилетней, то на следующее лето повзрослевшая на целый год Ира приехала (сама! через всю страну!) с гитарой и в ореоле романтики дальних дорог с рассказами об аборигенах. Потом она поступила в Богучарскую среднюю школу, а через два года я присоединился к ней: стал восьмиклассником. Жили мы у дяди Андрея.

Через год наши Богучарские «университеты» закончились: Ирина окончила школу и опять уехала в дальние края. На этот раз – на север, в город Череповец, в который её позвала гитара поступать в Культпросвет техникум. А я уехал в степной казачий хутор Чернышковский. Большой хутор – райцентр и станция Чернышковская, в просторечье – Чернышки.

*«...Я, волнуясь, сойду на перрон невысокий,
На котором извечно шумят тополя,» – и ещё:
«...Тополя, скольких вы повидали!
Скольких вы проводили уже!
И в какие далёкие дали
Уезжали вы в чьей-то душе?» –*

это всё там, на перроне небольшого вокзала в полукилометре от моста через речушку со звонким и гордым именем Цимла.

Клавдия, отработав 4 года в Болони, вернулась в родные края В Об-
лОНО ткнули пальцем на карте в Чернышки – и Клавдия Сви-

ридовна(!) поехала обучать детей. На этот раз она прихватила с собой меня, исходя из тех же побуждений: маме дать передых, а для меня на два года стать И.О. мамы. Вообще о Клаве надо бы написать отдельную книгу – она героиня, каких немного. Один пример. Вдовсок ко всем жизненным перипетиям, самым нелепым образом погибла её дочь Лена, оставив пятерых детей детского и подросткового возраста. Мало этого – непутёвый зять запил, все заботы о детях упали на Клавдию. Но и этого судьбе показалось мало – Клава сломала ногу и оказалась (до сих пор!) прикованной к постели. А зять от неумеренного питья вскоре умер. И вот Клава, сама не поднимаясь с постели, смогла поднять троих внуков и две внучки, дать им образование, которое обеспечило им профессии. Сейчас они повзростели, все живут в Волгограде и взяли туда бабу Клаву, которой 12 августа 2012-го года исполнилось 80 лет. Внуки отнеслись к ней с благодарностью, забрали её в Волгоград. (Это уже 2013-й). Вот такая у меня сестра! А я – всего лишь её брат. Пока я оканчивал среднюю школу в Чернышках, Ирина окончила «культпросвет» в Череповце и уехала в город Сокол, где вскорости нашла своего сокола, бывшего моряка Ваню Левшина. Судьба распорядилась так, что обе мои сестры много лет живут в Чернышках, я периодически их навещаю, а их мужья Владимир Никанорович Даниленко и Иван Иванович Левшин давно покоятся на Чернышковском кладбище...

Можно было бы рассказать подробнее о моих родных сёстрах, да и о двоюродных (Митя, Клава, Коля Зеленины, Нина, Ваня Зеленины, Володя и Коля Сыроваткины) тоже есть что вспомнить, но для этого надо писать слишком толстую книгу.

Вот такие корни и ветки моего генеалогического дерева, произраставшего в Придонье и проросшего в Поволжье. А дети и внуки мои сейчас живут в Тольятти кроме Ритули, которая заканчивает в Питере 2-й курс Госуниверситета. Откуда «есть пошёл» теперь немного понятно. А куда? Попробую вспомнить.

3.КУДА ПОШЕЛ

Самое раннее

Я не уверен, что это МОЯ память. Может быть, я запомнил то, что мне рассказывали позже, когда я уже что-то воспринимал, но я помню... Я сижу у отца на животе, а он лежит на кровати, держит мои руки в своих руках и поёт. Этот эпизод я упоминал в «Безвестном защитнике». При этом отцовского лица я не помню, но помню, что кровать стояла у стены, а стена была слева от меня. Было ли это у Миколуты, или у «Карплякыча» (так Ира называла Карпа Яковлевича, одного из наших квартирохозяев), я не помню. Но «струна моя»

время от времени стучит в моё сердце, как «пепел Клааса» в сердце Тили Уленшпигеля.

Ещё из самого раннего. Луг, вдали пасутся лошади, низкое пасмурное небо, а я, Ира, мама (где же Клава?) и дед Никита на подводе с какими-то вещами. Вероятно, это было на Липчанском лугу осенью 41-го, когда мама уезжала на Неледов – хуторок, в котором, практически безвыездно, мне предстояло прожить всё детство и отрочество до 53-го.

Неледов – степной хуторок, основанный, как я уже говорил, в 21-м или 22-м годах верхнемамонцами. Он лежал в виде неправильной буквы Т, верхушка которой с севера на юг шла вдоль подножия возвышенности, за которой и до сих пор лежит Батовка. Ножка буквы тянулась на запад в сторону Мышкиного леса, который тоже был за пологой возвышенностью, а за лесом были пруд и хутор Перекрестов, далее, за увалом, – Попасный. Наш дом стоял как раз на стыке верхушки и ножки буквы Т в пятидесяти шагах (моих нынешних) от овражка, который в конце марта превращался в «Гремячий ручей», почти такой же страшный, как горные потоки. По ночам он немного утихал, а днём, особенно с полудня, бушевал неистово и укатывался через прорванную плотину к Радченску, а далее – в Богучарку.

*«...Укатилось со звоном
По оврагам лесистым
Вместе с талой водою
Мое детство давно –
В струях доброго Дона,
И привольных и чистых,
Прошумевши волною,
Растворилось оно...» –*

эти строки не выдуманы – они просто вспомнились.

Самое страшное

Первые дни оккупации я не помню, хоть мне уже пошёл 4-й год, помню только какое-то ощущение тревоги и постоянного страха, которое сохранялось потом долго-долго. И эта тревога, и этот страх – вовсе не такие, как, скажем, единственный градусник разобьёшь, или на бахче, или в чужом огороде шариться, или возвращаешься поздно ночью с киносеанса из другого хутора и знаешь, что мама не спит... Нет, это всеобъемлющая тревога, когда воздух пропитан ею.

Долго я отходил от такого страха, забыл его, наконец, а потом он мне вспомнился через много лет, когда в августе 94-го я пикетировал Тоцкий полигон, где проводили российско-американские военные учения, когда «свой – чужой» расплывалось, и было не понять, от кого и откуда исходит опасность, и ждёшь её отовсюду.

Потом помнится тревожная заплаканная мама – она вместе с другими женщинами носила хлеб, сухари, воду и молоко на шлях (поскольку украинцев полно по округе, то «большак» мало кто знал, а «шлях» знали все), по которому немцы гнали колонны наших пленных. Немцы почти никогда не подпускали женщин к пленным красноармейцам, поэтому хлеб, пирожки, сухари приходилось бросать им в руки, а то и под ноги, а с водой и молоком хуже было: через конвоиров передать – так они сами со смехом выпьют, тем более, что жара в июле в наших краях была немалая. Приходилось подбегать между конвоирами и на бегу совать в руки пленным крынки и кружки, рискуя получить удар прикладом. Может быть, поэтому я до сих пор при женщинах не могу сказать бранного слова, даже если...

Корова

Потом мне помнится случай, уже чётче врезавшийся в память. Деловитые немцы быстро организовали переоборудование колхозного правления и конюшни в склады.... Рядом с незаконченным строением лежали штабелями такие толстые лесины, что по ним можно было бегать. Что мы и делали. Мы – это я, сестра Ира, Любка Павлова, поуличному Чупилина и ещё кто-то. Точно не помню. Может, Нинка Звягина – они все были одногодки и подружки.

Но вот помню, что Любка скакала на одной ноге и пела взрослую частушку:

*«Раз-два-триста,
Люблю гармониста!
Гармонист-конфетка
Ходит ко мне редко!»*

Нам было страшно весело. И вдруг стало только страшно, а весёлость испарилась: по переулку со стороны шляха к нам приближались «полицаи»: дядька Егор и дядька Васька. Оба навеселе. Егор (кажется, он) сидел на коне, а дядька Васька шёл пешком, но с карабином за спиной.

Мы прижукли и стали смотреть, куда повернут, – если в сторону Перекрестова, то, скорее всего, к деду Антону, старосте. А если в сторону Батовки, – то тут только три двора в порядке: тётка Акулина, тётка Ганька и наш двор. Повернули вправо и через два двора повернули в третий – к нам! Мы уже понимали, что такие визиты добром не кончаются, и когда немного пришли в себя, припустили с Ирой домой.

Во дворе разворачивалась драматическая сцена: дед Никита сидел на штабеле брёвен, закатав штаны выше колен, и солнышком лечил ревматизм (дело было в конце августа или в начале сентября), а дядь-

ка Егор, поминутно матюкаясь, кричал, чтобы тот вёл корову на убой для прокорма оккупантов. Дед твёрдо заявил:

– У меня болят ноги, никуда я не пойду и корову не поведу. Хотите – заналыгайте («налыгач» – это верёвка, которую обматывают вокруг рогов коровы или вола и используют как повод) и ведите сами!

– Васька, дай карабин, я его пристрелю!

– Стреляй, но корову я не поведу! – дед стоял на своём.

Мама и бабушка с воем метались по двору, мы с Ирой дружно ревели, а дядька Васька не решился отдать Егору карабин (хорошо, что один на двоих!). То ли совесть ещё трезвая была, то ли понимал, что фронт пока в сорока километрах – сразу за Доном.

Кончилось тем, что они сами увели корову. Хорошо, что коров у нас до этого было две. На всю огромную семью осталась одна кормилица. Бело-серая огромная (так мне казалось) корова Манька с очень мирным характером. В порыве нежности я даже обнял однажды её заднюю ногу, но это было уже слишком: она слегка тряхнула её – я отлетел к стенке сарая. Отличная корова – «ведёрница», если бы не она, нашей семье совсем худо бы пришлось.

Мягок и отходчив русский народ. Когда пришли наши, особых показаний на деда Антона, на дядьку Егора и на дядьку Ваську никто не стал давать (не застрелили же никого, не повесили!) – их вызывали несколько раз в район, но не арестовали. Дядька Васька сбежал-таки в Донбасс и на хуторе уже не показывался, а дядька Егор работал трактористом, а потом бригадиром тракторной бригады. Видно, учили, что он в начале 41-го был на фронте, воевал, получил ранение. Теперь ни Васьки, ни Егора давно нет. Ну, Бог им судья.

Соблазн

Теперь я знаю, что это называется «катафот». Но тогда я знал только, что если через осколок этого кругляшка посмотреть на яркий свет, то заструится красивый красный луч, а красоты даже в оккупации хотелось! Красоту надо было добывать, потому что она была прикреплена к заднему борту машин, загнанных прямо в наш двор. Их было две или три – точно не помню уже. Военное время учит всему быстро. Я, как заправский разведчик, сначала обошёл двор, выбрал самую удалённую от сеней тёти Устиньи. (Именно в её половине дома расположились немцы) Потом я подобрал подходящий камень и стал ждать, когда все уйдут со двора. Наконец, момент созрел, и я подошёл к машине. Катафот располагался внизу борта, поэтому я дотягивался до него. Осторожно (чтобы не слишком громко было) я стукнул по стекляшке. Она не поддалась – я замахнулся посильнее, но и этого оказалось мало. Азарт пересилил осторожность – третий замах мог бы оказаться решающим, но в этот момент звякнула щеколда!.. Пока

немцы вышли на ступеньки сеней, я был уже (без камня!) за нашими сенями и с самым что ни на есть равнодушным видом пошёл вдоль завалинки вокруг дома. Спектакль удался, и я не был изобличён. Хорошо – иначе б меня высекли за «партизанщину».

Шлагбаум

Сталинградская мясорубка требовала всё нового и нового материала, поэтому мимо хутора по шляху время от времени проходили большие и малые подразделения. Иногда заходили в хутор на ночёвку. Дед Антон распределял их по хатам. Немцы были наглые: отбирали, что хотели, вели себя угрожающе. Итальянцы были жалкие: страшно мёрзли (морозы в ту зиму были серьёзные), почти все сопливились, дарили картинки и открытки, (так что мадонну с младенцем я увидел гораздо раньше, чем услышал в школе про Рафаэля) и вообще на фоне немцев (и особенно мадьяр!) казались «белыми и пушистыми». Румыны тоже мёрзли, но были ужасно вороваты (если румын побывал в доме, чего-то после его ухода обязательно не станет), поэтому такого сочувствия, как итальянцы, не вызывали. На детей они иногда покрикивали:

– Чи пльнджи? Чи пльнджи? Дутила каптёр!

По-нашему: «Что плачешь? Что плачешь? Лезь на печь!» (Да простят меня в Букурешти, если в транскрипции наврал: 65 лет всё-таки прошло).

В тот вечер у нас был немец. Он сидел на стуле посреди тесной комнаты ногами в сторону грубки. (В воронежских краях обычно к русской печи пристраивали маленькую с двух-конфорочной чугунной плитой, она-то и называлась «грубкой»; украинцы её называли просто «груба». Зимой использовали как лежанку, а весной-осенью – просто как экономичную печку). Немец не снял шинели, на голове у него был вязаный шерстяной подшлемник. На коленях лежала винтовка с примкнутым штыком. Физиономия была мрачная (летом, когда наступали, весёлые, гады, были), и его молчание тоже было мрачным.

Бабушка возилась на кухне, а дед, может, ещё во дворе убирался, может, уже на печь залез, но его в комнате не было. Мама сидела на дедовой кровати и что-то вязала. Я сидел рядом с ней. Потом то ли на тёплое место захотелось, то ли просто потому, что у меня «шило в одном месте торчало», я слез с кровати, перебрался через длинные ноги «фрица» и залез на грубку. Но вскоре я соскучился по маме, слез с грубки, перебрался через длинные ноги «фрица» и залез на кровать. Потом мне опять захотелось на грубку, и... см. выше. Но когда я снова решил вернуться на кровать, немец взбеленился (теперь-то я его понимаю!). Он что-то зло забормотал и выбросил передо мной, как

шлагбаум, винтовочный ствол со штыком. Я маленько испугался, но мама испугалась гораздо сильнее – она вскрикнула, быстро схватила меня, перенесла через «шлагбаум» и прижала к себе. Шило из моей ... немец вытащил мигом – я теперь весь вечер сидел у мамы на руках и не рыпался.

Окопчик

Огороды на Неледове у колхозников колхоза им. Тельмана были немалые – по 45 соток. В длину – метров сто. Это хорошо: подальше от домов. Канавы в конце огорода превратили в траншеи и отрыли по одному-два окопчика, которые перекрыли досками, брёвнами и присыпали землёй.

*«...На дне промёрзшего окопчика,
Укутав сына в одеяло,
Сидела мать с трёхлетним хлопчиком...»*

и показывала на след трассирующих пуль и на горящие амбары. С окопами неразрывно связано слово «жутко», его я запомнил с тех времён. Странно, но особенно жутко было в двух случаях: когда стреляли и бомбили (это понятно) и когда было необычно тихо (немцы испарились, а наши ещё не вошли) – страшили неизвестность и тайное опасение: не вернутся ли?

Бомбили хутор всего один раз (так мне помнится). Кто бомбил? Кажется, наши, когда немцы были на хуторе. Разбомбили два колхозных амбара и дом Звягиных: он был метрах в ста от амбаров. Клава подсказала, что амбары бомбили дважды: и наши, и немцы. Видимо, поэтому получилось, что зерно, которое сгорело в одном из амбаров, не было растащено ни жителями, ни немцами. Хорошо, что разбомбили почти пустые амбары, а склады не бомбили: наш дом к ним стоял ещё ближе, чем Звягинский – к амбарам. Да и не пустые склады были... А горелое зерно отдавалось особой болью в сердце, тем более что чуть ниже находится требовательный пустой желудок.

Что касается Звягинского дома, то его я ещё упомяну. Окоп сохранялся ещё долгое время, но по мере отдаления фронта его функция смещалась в игровую сторону. Какие у нас потом были «партизанские обеды» в заброшенных окопчиках! Чего туда мы только не стаскивали!

Наши пришли

Сутки или двое было «жутко»: немцы, как в цирковом фокусе, исчезли, словно испарились (я уже говорил, как этому удивлялся дед Никита). А наши торопились догнать врага – что им какой-то затевавшийся в заснеженной степи хуторок из 43-х хат и двух землянок да из 3-х складов(!), которым, по счастью, тыловые службы на-

ших сразу не придали особого значения. Когда скрылись немцы и полицаи, несколько часов все сидели по хатам и в окопах, а потом детям, т. е. мне, Ире и Клаве было велено сидеть дома, а взрослые удалились, потом пришли, потом опять ушли, потом... Потом у нас появились немецкие консервы в плоских баночках, на которых прямо по металлу были нарисованы рыбки и кораблики, а ключ-открывашка был припаян прямо к крышке, которая и наматывалась на ключ при открывании. А ещё галеты (твёрдое печенье толщиной в палец и размером в мою нынешнюю ладонь), простое печенье батончиками с конфету «Кара-Кум», конфеты леденцовые и шоколадные (тогда я ещё не знал, что это – шоколад), гороховый концентрат (прелесть! до сих пор люблю гороховое пюре). Эти лакомства держались у нас несколько лет, т.к. расходовали их только в особых случаях. Мне нравилось болеть: болезнь была таким особым случаем.

После того, как «пещера Аладдина» была опустошена, я несколько лет не держал в руках конфет, кроме особых случаев, как, например, когда двоюродные братья из армии на побывку приходили. Карамель и леденцы «Барбарис» казались вестниками иного мира, который был смутно-неопределённым и только в 48-м, когда стала приезжать кинопередвижка, этот мир стал хоть и недоступным, но наглядным. А когда я летом 53-го пошёл пешком в Богучар, то часть выданных мне денег израсходовал в Радченске на покупку 200 граммов конфет и пол кило печенья. Выйдя из Радченска, я остановился на отдых и обедал, заедая карамель печеньем! О, какая роскошная жизнь разворачивалась предо мною!

На немецких складах было не только продовольствие, но и бельё, одежда (военная форма, плащ-палатки), обувь (неизносимые ботинки я, кажется, упоминал), лошадиная упряжь и многое другое, нужное в хозяйстве. Даже пластмассовые коробочки (величиной с зажигалку) с хлорной известью: заботились о солдатском кишечнике. Но в 41 – 42-х годах в этом у них особой необходимости не было, а в 44 – 45-х хлорка уже не помогала. Всё это: и еда, и одежда, и малопонятные предметы довольно долго хоть чуть компенсировали тот ущерб, который нанесли хуторянам оккупанты. Вероятно, это было настолько справедливо, что трофейные команды не очень старались, и почти всё, что хуторяне унесли со складов, у них же и осталось.

Было ещё одно обстоятельство, по которому до конца войны было менее голодно, чем в первые послевоенные годы. Летом 42-го, когда фронт уже подошёл близко к хутору, ночами все хуторяне тайно (хотя каждый знал, что это делают все) вырыли ямы-схроны в огородах. У нас было две ямы, дно каждой было заложено сухой соломой. В одной яме была спрятана одежда и постельные принадлежности (что получше, конечно), а в другой – еда: мёд, солёный творог,

круги перетоплёного бараньего жира, масло коровье, пшеница, мука, манка довоенная (манная каша потом тоже была медикаментом). Удивительно, но ни староста, ни полицаи, ни сами жители немцам об этих ямах ничего не сказали. Вскрыли ямы нескоро: всё ждали, когда фронт отодвинется на надёжное расстояние. Слава богу, отодвинулся и не вернулся!

Тётя Устя с Ниной и Ваней вернулась на свою половину дома, у нас стало просторней. Я нашёл где-то пятиконечную звёздочку и прицепил к козырьку своего треуха. И в один прекрасный день пошёл к тёте Усте (может, просто так, а, может, во мне «комплекс Винни-пуха» разыгрался). Поскольку Нина была мне крёстной, то я шёл без особых церемоний, и вообще на Неледове днём стучать было не принято.

Я прошёл сени и кухню, отворил двустворчатую дверь и... остолбенел: за столом сидел офицер! Моя правая рука сработала мгновенно, но не очень точно: звёздочку с козырька я сорвал, но не удержал в ладони – она покатилась по дощатому полу (это была единственная в нашем доме комната с дощатым полом, потому её и выбирали квартирьеры для офицеров) под кровать и тем демаскировала меня. Я обомлел. Но тут услышал смех тёти Усти: «Не бойся, этого офицера не надо бояться – это наш». Наших офицеров я не видел, а если и видел до оккупации, то они тогда погон не носили: их позже ввели, да и не помнил – был ещё мал.

Через несколько дней у нас (теперь уже на дедовской половине дома) остановилось отделение солдат. Поскольку комната была небольшая, то они впокат заняли весь пол (глиняный!). Бабушка, конечно, подстелила им, что смогла найти, в основном, старые поддёрки и полубубки. Когда уже все начали засыпать, случился переполох: раздались не то выстрелы, не то небольшие взрывы. Причём, прямо в хате. Когда они стихли, началась ругачка: сержант делал внушение молодому солдату. Дед с бабкой заступались за него как раз ввиду его молодости и неопытности. Оказалось, что солдатик положил в печурку две обоймы патрон, задремал и вовремя их не вынул. Они перегрелись, в нескольких патронах порох воспламенился, вот они и устроили фейерверк, когда все спали. Хорошо, никому в глаз ни пуля, ни пламя не попали.

Наутро солдаты ушли. На запад. Гнать фрицев подальше от Неледова и от нашей хаты соответственно. Только в небе иногда гудели то наши, то немецкие (на слух отличали) самолёты.

Всё реже и реже появлялись на хуторе военные, но война не уходила из жизни. Ждали писем, разыскивали без вести пропавших, собирали тёплые вещи для фронтовиков, вязали варежки, подшлемники. Готовили детей к школе (в марте уже заработала Батовская

начальная школа). И всё это – руками женщин. Нагрузка на них упала страшная – и душевная, и физическая. Весной начались полевые работы. Фронтовики без хлеба воевать не могут, рабочие заводские без хлеба вооружать фронтовиков не могут. А хлеб надо вырастить. А для этого его надо посеять. А для этого землю вспахать надо. А чем и как пахать? Техники и до войны было мало, война уничтожила и то, что не было мобилизовано в действующую армию. Колхозный скот частью эвакуирован, частью съеден, частью немцы увели. Да и домашний тоже. Волон, лошадей катастрофически не хватало. А пахать надо! На знаменитой ныне автостраде «Дон» (она проложена рядом с Богучаром и Батовкой, т. е. через мои родные края) недалеко от одного из поворотов в Миллерово на искусственном возвышении есть скульптурная композиция: женщины на себе тянут плуг. Я могу поклясться, что это не художественный приём, что это чистая, хоть и страшная, правда.

Тяжёлая работа рвала матерям нашим тела, а души рвала война, хоть она и катилась уже, как солнышко, на Запад. К извещениям «пропал без вести» и похоронкам прибавилась новая напасть: подросли старшие дети – их стали призывать в армию. Призыв в армию воспринимался как отправка на фронт. И даже не говорили, что кто-то «пошёл в армию» – говорили, что «пошёл на войну». Сначала ушёл мой старший двоюродный брат Митрофан, сын дяди Пети, Потом Иван, тот самый, который заявил повару Гансу, что немцев погонят, «как только Дон станет». Подводы, на которых их увозили, провожали далеко за хутор, и даже мы, дети, бежали за подводами чуть ли не на полдороги в Плесновку. А слёз-то, слёз было сколько! Вот и встают в памяти непроизвольно эти картинки, когда слышу формулу: «Дальние провода – лишние слёзы».

4. МИРНЫЕ ЗАБАВЫ

Цыганские пляски

К весне, когда растаял снег, и стало подсыхать, появилась неуничтожаемая потребность в играх и забавах. Мне теперь было почти четыре, столько же Любке Слепушкиной; Витьке Нецепляеву, Мишке Слепушкину и Ваньке Бобровскому – по пять; сестре Иринке, Любке Чупилиной, Нинке Звягиной – по шесть; Шурке Болдыреву (сын тёти Гани, соседки), Алёхе Полунину, Алёшке Кадетову – по семь, а Кольке Гребенюку – целых восемь лет.

Обычно собирались на выгоне где-либо и играли в весенние игры. Мальчишки ещё дрались иногда. Я был самый младший Поэтому в стычках я чаще других был пострадавшей стороной. Довольно явственно помню, как однажды мы собрались не на выгоне, а в

Звягинском доме. Дом был разрушен бомбой и частично обгоревший (Бог или Ангел-хранитель тётю Полю и Нинку спас, не знаю, но во время бомбёжки их в доме не было, вероятно, тоже в окопчике сидели). Крыши не было абсолютно, окна выбиты (их дед Алексей Иванович заколотил на всякий случай).

Сколько нас было, точно не скажу, но шайка собралась немалая. Нинка на правах хозяйки командовала нашим шабашем. Девчонки нарядились цыганками, благо нашлась почти целая гитара. Они пели какую-то тарабарщину, мы им поддывали, потом пошли в круговой пляс. Гвалт стоял невообразимый, видимо это нас и погубило. Как в сказке, неведомо откуда, может, из-под земли, вырос Алексей Ванч и с грозным окриком перегородил единственную дверь. Выход был заблокирован. Вероятно, возвращение немцев не напугало бы нас больше: дед Алексей был человеком, не склонным к шуткам и юмору. Мгновенно установилась тишина. Ещё через мгновение те, кто был постарше, взлетели на стенки, видимо, благословляя бомбу, снёсшую крышу. Ах, как я жалел, что я ещё маленький и не мог так же легко воспарить над обгоревшим срубом! Выход оставался один: проявить максимальную юркость и прошмыгнуть в дверь между ног этого вратаря. Увы, дед был ещё резвым, и каждый из неудачников (ясно, что и я) выходной билет оплатил тем, что был припечатан к дверному косяку.

Больше Звягинский дом не конкурировал с рестораном «У яра», и гитара там долго не звенела. Потом кончилась война, вернулся дядя Ваня-кузнец (когда-то он работал с дядей Петей). На следующий год у Нинки сестра появилась. А дом дядя Ваня отстроил и жил в нём долго до переезда в более «перспективную» Батовку (трасса Воронеж-Ростов спасла её от разбегания).

Взрывотехники

Я уже говорил, что вокруг Неледова больших боёв не было. При всём при том в окрестностях мы находили неимоверное количество оружия в разном состоянии, вплоть до годного к боевому применению. Находили и боеприпасы, начиная от пистолетных патронов до 85-ти миллиметровых пушечных и танковых снарядов. Для «пугачей» мы ещё долго использовали не спички, а настоящие пороха. Их было великое множество: серые, угольно-чёрные, жёлтые; крупичатые, мелкими бусинками, квадратными чешуйками, соломкой, таблетками и т.д. и т.п. Когда через много лет я учился в Сретенске на механика авиавооружения, мне уже нетрудно было понять, что такое инициирующие, пиротехнические, метательные и бризантные (дробящие) ВВ (взрывчатые вещества).

Находили мы и толовые шашки. Похожие по цвету и размеру на куски мыла.... Знали, что бить молотком по ним опасно, но если отколупнуть крошку и на куске рельса стукнуть по нему молотком по-энергичней, то хлопок улаживает слух! Знал я и то, что шашку целиком поджигать нельзя – взорвётся, а вот по кусочку – можно. Поэтому, когда я в очередной раз зашёл к тётке Усте и увидел, как она мучается с печкой, не желающей разгораться, я сразу понял, чем можно ей помочь! В этот день ветер дул «от Егора» (да, того самого), так что тяга была плохая, может, и хворост сыроват. Печь дымила, хворост еле тлел, тетя Устя всё норовила подуть в зев печи. Так это же русская печь – до таганка с чугуном, в котором что-то варилось (вернее, должно было вариться), было не меньше метра! Поскольку истинное благодеяние в огласке не нуждается, я молча вышел во двор и накрошил с пол кармана кусочков тола из початой шашки. (Зная, что старшие сомневались в моей взрывотехнической квалификации, то шашку хранил тайно). Кусочки были разной величины: от семечка до грецкого ореха. Вернувшись на кухню, увидел, что тётки нет. Видимо, она устала от дутья и вышла в чистую комнату. Это меня не смутило, а воодушевило: всё равно она во взрывчатке ничего не понимает, не будет мешать от страха.

Я бросил горстку «семечек», некоторые попали в зону хиленького огня, начали плавиться и гореть, наподобие свечек. Чугунок стоял чёрный и холодный. Ждать угощения придётся долго. Я стал бросать кусочки побольше. Эффект почти тот же. Тогда пришлось бросить самый большой «орешек». Бросок получился! Орешек упал под чугунок и быстро загорелся. При этом скорость горения стремительно нарастала, пламя белело. И тут свершилось долгожданное чудо: чугунок вскипел! Но ликование моё было недолгим: тётка Устя услышала шипение воды, вскипевшей и потому пролившейся на пламя. Она влетела на кухню в тот самый момент, когда я намеревался усилить процесс... Печь осталась не развороченной, но я был сдан маме, и мой организм пострадал только в отдельных местах.

Летом я сделал себе «машину» из алюминиевых каркасов каких-то ящичков, возможно, из-под боеприпасов. Машина была почти готова: сидение в кабине, руль, колёса... Не хватало только малости для полного антуража – фар, подфарников и задних фонарей. Но вскоре со шляха я принёс штук несколько круглых предметов, очень похожих на подфарники. Смутно я догадывался, что это что-то довольно опасное, и поэтому не стучал по ним железяками. Ясность внёс двоюродный брат Коля (он на 9 лет старше): дал мне подзатыльника, «подфарники» выбросил в «копанёк» (неглубокий колодец на родниках). Потом пояснил всё-таки, что это взрыватели от снарядов.

Не все мои друзья были такими везунчиками, как я. Витька Нецепляев на mine подрывался, Алёха Полунин – на гранате. Коля Гребенюк тоже что-то взрывал. Шурик Болдырев пострадал больше всех, хотя взорвалась-то фитюлина, размером с пол карандаша – взрыватель от мины. Но об этом попозже.

В апреле подорвался Алёха. Мне рассказали, что гранату он взял в придорожных кустах на шляху недалеко от Мышкиного леса. Округу я уже знал неплохо, поэтому сразу понял, о каких кустах речь. Более того, мне рассказали, что там ещё три гранаты осталось. Когда я услышал про этот «подвиг» Алёхи, то я с изрядной долей ехидства рассказал об этом бабушке Танюше, напирая на то, какой глупый Алеха, и что я бы никогда не стал взрывать гранату поблизости от себя: от взрыва надо прятаться за углом или в канаве. Про то, что в кустах, по словам приятелей, осталось ещё три гранаты, я бабушке почему-то не стал рассказывать. Но недаром говорил Крылов: «Чужой беде не смейся, голубок!» ... Честно говоря, в душе я завидовал Алёшке, его славе и его везучести. Его кусала гадюка, когда он шёл от своей бабушки из Попасного, но всё обошлось. Он срывался с высоченного дуба в Маленьком леске, когда лазил за грачатами (молоденькие грачата до определённого возраста, пока не покрываются большими перьями, съедобны, а еда у нас никогда не была лишней), но сумел ухватиться за ветку, остался цел и невредим, за что и получил на много лет прозвище – «паук». Он взорвал гранату поблизости от себя, но ему попала итальянская граната, и он получил лёгкие ранения и царапины. Если бы в тех кустах лежали не красненькие итальянские гранаты, а немецкие «толкушки» или наши РГД-5, то Алёхин подвиг был бы последним, а его летописца уже 1 мая 1947-го года тоже не стало бы.

Поскольку на хуторе первомайских демонстраций не было, то многие в праздничный день пошли в поле собирать съестное: дикий чеснок, «ховрашки» (грибы-сморчки) и всё, что попадётся (мы тогда знали очень много съедобных трав, корней, злаков, что нас спасало от авитаминоза даже при скудном питании), они отлично произрастали среди подросшей зелёной ози. День выдался не по весеннему прохладный, поэтому я пошёл в поле экипированный ещё по-зимнему (и это тоже вместе с итальянским происхождением гранат спасло меня): в валенках и самодельном ватнике до колен, неизвестно из чего сделанный моим мастеровитым дедом...

Дары поля, если честно, давали мне возможность, как сказал бы Штирлиц, «мотивировать» мой поход. Истинная же цель мною никому не раскрывалась, и состояла она в том, чтобы найти в кустах у шляха остаткиклада, пока его не разграбили другие ребяташки: став обладателем 3-х гранат, я мог бы забыть на некоторое время,

что я самый младший среди друзей-соперников. Это обстоятельство, плюс то, что я, как ни крути, был приезжим, (да ещё из города! Мы с Ирой даже зубным порошком пользовались!) сильно снижало мой статус в нашей ватаге. Итак, я в течение нескольких минут походил в общем «стаде», потом стал перемещаться в сторону шляха. Никаких подозрений это не вызвало, тем более, что все стали разбредаться по полю. Довольно скоро я вышел на шлях, а там уже – рукой подать до заветных кустов. Осмотр кустов меня несколько разочаровал: там лежали, как яйца стрепётки в степном гнезде, две красненькие гранаты, по размеру и по форме очень напоминавшие баночку для асидола (кто служил в армии, знает, что это). А где же третья? Если кто-то нашёл раньше меня, то почему не забрал все? Значит, где-то есть ещё одна, но я её не вижу! Обыск кустов ничего не дал, пришлось довольствоваться тем, что есть. (Может, я просто не понял Алёху: может, было, а не осталось три?) Обе гранаты я положил в карманы и пошёл «в сторону поля», но продолжать собирательство мне уже как-то не хотелось: все помыслы были заняты моим сокровищем. В конце концов, я не выдержал и начал забавляться одной из гранат, как кошка с пойманной мышью. «Крышка» «асидольной баночки» крепилась к корпусу на четырёх ножках, в просвете явственно виднелся взведённый боёк. Но как он снимается с предохранителя, я не понял: ни чеки, ни каких-либо рычажков я не заметил.

Потом мне захотелось испытать, не сработает ли боёк от удара? Я бросил гранату, теперь трудно сказать, далеко ли она улетела (через много лет в армии спортивную гранату – 750 гр. – я бросал за 50 метров), но она не взорвалась. Причину «невзрыва» я определил сразу: земля-то мягкая, обработанная. Вот если бы обо что-то твёрдое! На глаза попался лошадиный череп. То, что надо! «Но голос мысли чувству говорит»: а что, если взрывом подбросит этот череп, и он упадёт на меня? Перспектива неважнецкая: ростом я не отличался, а череп был размером почти с меня – лошадиный всё-таки. Пока во мне боролись чувство и мысль, откуда-то подлетел чертёнок, поднял мою правую руку и с такой силой опустил прямо передо мной, что рыхлость поля оказалась несущественной. Грохот заставил меня вскинуть руки к лицу и закрыть ладонями глаза. Должно быть, я сделал это в невероятном темпе, потому что я чувствовал, как землёй сечёт руки – они потом несколько недель были иссиня-чёрными, как у шахтёра. Если б не эта проворность рук, такой цвет имело бы всё лицо, и трудно сказать, что было бы с глазами. Между бровями был чёрно-синий островок: мизинцы короче остальных пальцев.

Через мгновение я с закрытым лицом развернулся «на 180» и побежал к своим. Потом я отнял руки от лица и увидел, что мои земляки направляются в мою сторону. До них было с полкилометра

или чуть более. Я перешёл на шаг и осмотрел свои «шахтёрские» руки. Ноготь правого указательного пальца был пробит осколочком, так что в дыру могла бы пролезть спичечная головка. (Я очень удивился, что абсолютно не чувствовал момент ранения, тогда как «земляную атаку» я ощущал прекрасно). Первыми, конечно, ко мне подбежали ребяташки. Я им вкратце рассказал, что произошло, покаяться, что вёл себя, как сепаратист, и сдал остатки боеприпасов. Гранату Шурик Болдырев через полчаса выбросил в пруд: в этот момент все ребята стали такими же умными, как я, когда перед бабушкой Танюшей критиковал Лёху Полунина.

Когда мы шли к пруду (вернее, к огромной луже талой воды, а настоящий пруд был на другой стороне леса у Перекрестова), кто-то сказал мне, что я хромаю. Я сначала не поверил, но потом снял один за другим оба валенка. На обеих ногах оказались осколочные раны: на правой – три подряд чуть выше колена, на левой – одна примерно посредине лодыжки с внутренней стороны ноги и одна тоже с внутренней стороны ноги, но повыше коленки. Раны были невелики – с горошину, кровоподтёки тоже были небольшие; я обмыл ноги водой из этой лужи, снова обулся и пошёл домой. Ребята и взрослые потянулись за мной – маленько испортил я всем зелёную вылазку. Хорошо, что я был в валенках и ватнике: они избавили меня от мелких осколков и от иссечения землёй. Идти постепенно становилось тяжелее, но огорчало меня не это, а предстоящее объяснение с мамой: нервы у неё были подпорчены войной, а рука была увесистой.

Примерно на полпути до Неледова на горизонте показались люди – человек пять, среди них – мама и Клава. (Оказывается, грохот от взрыва достиг хутора, и они заподозрили, что без меня там дело не обошлось). Сердце моё провалилось в окровавленный валенок, но мама почему-то не отшлёпала, а со слезами на глазах схватила меня на руки и понесла, хотя шёл я ещё уверенно, как мне казалось. Я обязательно дошёл бы до хутора, если бы мама не несла меня. Но когда она опустила меня на землю во дворе, идти я уже не смог.

Несколько дней я лежал дома. Левая нога у меня согнулась в колене и не распрямлялась, а правая, наоборот, вытянулась, как полено, и не хотела сгибаться. Надежда на то, что осколки выйдут сами собой, не оправдывалась. Встал вопрос об отправке в Богучар. Вообще, город, путешествие, больница – это так романтично, так заманчиво, но... всё перечёркивало ужасное слово – операция!.. И вот моя левая коленка торчит над подводой, в ящике которой на соломе и на перине поверх неё, везут меня по той дороге, по которой 6 лет назад дед вёз нашу семью из Богучара на Неледов. Что-то всплывало в памяти, но сколько нового: Липчанка, Радченск («А вон в том доме ты родилась!»), Дядин, Купянка, Песковатка – какие названия! И, наконец,

Богучар, таинственный город моего младенчества. Боже, тут уже восстановлен электросвет! Как горит электролампочка, куда до её волшебного света керосиновой лампе, особенно «катюше»! («Катюшей» тогда называли самодельные керосинки из малокалиберных стреляных снарядных гильз; света такая лампа давала немного, но копоти – только успевай нос прочищать!) Запахи совсем не деревенские. Дома, главное, улицы совсем не такие, как в Неледове. Во всей этой экзотике можно было бы купаться, но... но впереди маячила больница!

И вскоре я уже сидел в «предбаннике», где мне в ранки поочерёдно ширяли нечто вроде щупа, которым проверяют уровень масла в двигателе: проклятая граната имела алюминиевый корпус, осколки магниту не поддавались и рентген их плохо берёт. Было не очень больно, но смотреть, как тебе в тело ширяют какую-то вязальную спицу!.. На это мои нервы ещё не были готовы. Поэтому когда мне «заморозили» правую ногу, положили на стол, и дядя Андрей оказался в роли привязного ремня; я заметался, да так, что взрослый крепкий мужик еле-еле удерживал. Я требовал показать, что там со мною делают, но этого мне так и не позволили. Операция закончилась безрезультатно – осколки остались в ноге, левую ногу резать не стали. Врач сказал, что кровь заливала весь разрез, и он не смог найти осколки. Потом, много лет спустя, года за два-три до своей смерти, дядя сказал, что они с врачом были оба нетрезвыми: выпили для снятия стресса.

Дня через три меня опять повезли на Неледов. В Плесновке в медпункте делали перевязку. Тут я увидел на ноге канавку шириной в сантиметр и глубиной с полсантиметра. Она уже подсыхала. Её опять засыпали стрептоцидом и забинтовали. Что интересно, через некоторое время ноги мои стали гнуться в коленках. Ещё разик меня свозили в Плесновку (это уже близко – всего 7 километров), а потом мама сама стала делать мне перевязку. Вскоре я стал подниматься, потом потихоньку ходить. И за несколько дней до завершения моего первого учебного года я тайком от матери пошёл в сторону Батовки: на полпути был куст терновника, в котором я с часок повалялся, ожидая возвращения школьников. Когда они ватагой поравнялись с кустом, я неожиданно вышел – эффект превзошёл мои ожидания! После этого выздоровление пошло быстрее. Ранки затянулись нежной кожей (даже на левой ноге), но через некоторое время что-то их стало подпирать изнутри. Потом на правой ноге один за другим прорвали молодую кожу все три осколочка. Мама предложила мне выковырять их булавкой, но я после Богучара боялся, и только когда она пообещала мне первый огурец с грядки, я решился на эту самодельную мини-операцию. После того, как первый осколок был извлечён без особой боли, я осмелел – и через два-три дня в правой ноге осколков не осталось. Потом высунулись оба осколка из левой ноги, их ма-

ма извлекла уже по отработанной методе. Все осколки были свёрнуты трубочкой, и внутри каждой была вата: осколок прошёл через самодельный «бронезилет». На левой ноге лодыжку спас валенок: до кости осколок не добрался. Из-под ногтя на правом указательном пальце осколок тоже удалось выковырять, но ноготь до сих пор имеет неправильную форму.

Во второй класс, хоть я и пропустил больше трёх недель, Феня Павловна меня перевела: учился я хорошо. О Фене Павловне Сычёвой можно, пожалуй, и нужно бы написать целую книгу. Это была УЧИТЕЛЬНИЦА старой закалки. И её труд можно смело сравнить с трудом тех женщин, которые стоят на постаменте под Миллерово.

Уже в марте 43-го она возобновила работу в Батовской начальной школе, располагавшейся в старом панском доме на самом краю хутора. Школьный сад уходил в небольшой лесок, населённый дубами, клёнами, ясенями, осинами и другими деревьями, окружившими братскую могилу, в которой похоронено 28 наших соотечественников, заплативших своими жизнями за освобождение этих маленьких степных хуторков, моей Малой Родины.

Учеников в школе было немного, поэтому занятия проводились сразу с двумя классами: 1-й и 3-й занимались в первую смену, 2-й и 4-й – во вторую. Мне повезло: Ира на два года старше меня и первые два года она опекала меня, а потом, когда я пошёл в 3-й, она училась в Плесновской семилетке.

Феня Павловна учила нас всех троих (поочерёдно) – Клаву, Иру и меня. Была она для нас не только учительницей, но и матерью, как курица-наседка для цыплят. Сама она жила в страшной бедности, но не было случая, чтобы в плохую погоду она не нашла неледовцам, каких-нибудь накидок, плащей, платков. И мы топали полтора километра под дождём или снегом более уверенно. Матери наши очень уважали Феню Павловну. Моя – особенно. Но уже в конце третьего класса у меня была возможность отличиться ещё раз, но ... бог милостив, а вот Шурку Болдырева – нет.

Шурка Болдырев – мой ближайший сосед. Поскольку наш дом стоял в конце порядка, то других соседей у нас не было. Но, несмотря на то, что Шурик (мы его называли только таким именем или каким-либо прозвищем) был мне тёзка и ближайший сосед, особой дружбы у нас не было: он был на три года старше меня, нрав имел буйный (одна из его уличных кличек – «Буря»), физически, может быть и не превосходил Колю Гребенюка и Алёху Кадетова, но за счёт напористости держал верх и над ними. Ввиду этого заступиться за меня особо было некому, и поэтому я иногда ходил не с ватагой, а самостоятельно. Это меня приучило в одиночном пути не скучать и не бояться. Пока Ира училась в Батовке, мы стояли друг за друга.

Но и вражды с Шуряком у меня никогда не было, хотя бы по причине различия в «весовых категориях», да ещё я, в силу своих способностей, многим помогал в учёбе. Это мне даже нравилось. Ребята постарше «пробуксовывали», поэтому я некоторых догнал и даже перегнал. С Шуряком мы семилетку закатывали в одном классе. Потом, с годами, ностальгия сделала нас друзьями, и мы многие годы поддерживали дружеские отношения, хотя жизнь не позволяла нам видеться часто. Кроме того, он был двоюродным братом Любки Чупилиной, а она, (кажется, я уже упоминал), стала мне тоже двоюродной, хоть и сводной, сестрой. Так что мы с Шуряком были свойственниками.

Так вот. Весной 49-го в канун Благовещенья мы, неледовские мальчишки, (девчонки ушли сразу на хутор) шли в приподнятом настроении: во-первых канун праздника, а бабки у всех были верующие, значит, обязательно обломится что-нибудь вкусенькое! Во вторых, весна ранняя, дружная, подсохло и на дороге и в поле – идти было легко, и это – очень важно, так как, в третьих, мы вознамерились обследовать одно из полей за шляхом в Ростовской области: над ним, по рассказам старших, был сильный воздушный бой в 42-м. Минут через 15...20 спорого хода мы уже бродили по этому полю. Сведения подтвердились: довольно много попадалось звеньев от патронных лент автоматических авиапушек и пулемётов были и стреляные гильзы и разная мелочь. Я оказался везунчиком: вся ватага нашла один полностью снаряженный патрон от авиапушки, а я один – целых три! Конечно, многим такая благосклонность Фортуны ко мне показалась несправедливой – за мной стали гоняться, чтобы отнять моё достояние. Несмотря на бывшие ранения, я оказался очень резвым – патроны у меня не смогли отнять, но до самого Неледова я держался на некотором отдалении от ватаги – на всякий случай.

Когда пришли на хутор, несколько ребят пошли к Шурику Болдыреву, а я благоразумно шмыгнул в свой двор. Сразу встал вопрос: куда запрятать мои трофеи? Их надо было обезопасить не только от ребят, но и от мамы (двоюродные братья уже были на действительной службе в армии; ой, сколько было слёз, когда Митю и Ваню призвали: они уходили, когда война ещё не закончилась, но им повезло – на фронт они не попали, зато служили по семь лет...).

В мыслях я быстро «прокрутил» все варианты тайного складирования боеприпасов. Решение пришло верное и быстрое – на чердаке: там темно, много половы, в которой всегда отлёживались груши с хороших лесных деревьев, а крыша – соломенная. Так что через считанные минуты я уже перелезл через лежень (горизонтальный участок дымоходной трубы) и на ощупь нашёл хорошее место как раз в стыке потолка и ската кровли. Ещё через пару минут я был у слухового окна (оно же – лаз на чердак), которое выходило на крышу се-

нец. Я высунулся в проём окна, и в это мгновение раздался не очень сильный взрыв, как я понял, во дворе у Болдыревых, хотя за хатой не видно было. Через одну-две секунды я был на крыше сенец и готовился стать на лестницу, но тут послышался отчаянный рёв Шуряка, и я застыл на месте. Стало жутко, а когда ещё через мгновение показались сам Шуряк, я остолбенел! Лицо у него было всё окровавлено, рубаха на пузе тоже красная и вся дырявая, руки он держал впереди себя, они тоже окровавленные; но самое ужасное – из пальцев левой руки торчали белые кости, а мясо и кожа завивались «бурунчиками». Почему Шуряк бежал к нам? Взрослые ещё не вернулись с полевых работ, а у нас была бабушка Танюша. Она-то и оказала ему первую помощь; потом появились другие люди, всё засуетилось, и вскорости его увезли в Богучар.

На следующий день я выяснил, что главным трофеем моих преследователей был минный взрыватель с переломленной металлической оболочкой. Обломок был по диаметру примерно с школьный карандаш, а по длине – пол карандаша. Сходство с карандашом усиливалось тем, что по центру проходил сердечник из инициирующего ВВ (это я в Сретенске узнал). Не помню, кто его нашёл, но он оказался у Шуряка. В поле взрыватель не трогали: побаивались, сломанный всё-таки! А во дворе с ним не церемонились – Шурка попытался подпалить его, как свечку. Это почти удалось: толовая «обмазка» горела вместе со спичкой, а когда спичка потухла, Шурка ширнул острым огарком в торец взрывателя. Что произошло потом, я уже рассказал.

Недели через две-три Шуряк вернулся из Богучара в ещё большем ореоле, чем я некогда. В больнице он научился играть в шашки, потом научил меня (в 9-м классе в Чернышках я завоевал титул чемпиона школы по шашкам!). Под бинтами у Шуряка были культяпки: на всех пальцах левой руки, кроме мизинца, отняли первую фалангу – и он их показывал нам. Повреждённый левый глаз потерял до 90% остроты, правый тоже стал похуже видеть. Через много лет Шурик вступил в общество слепых и даже несколько лет был председателем Богучарского отделения. А что касается его живота, то он остался в оспинах, как лицо у рябого. Умер он от сердечной недостаточности, не дожив немного до 60-тилетия. А тётя Ганя, его мать, хоть и лежала несколько лет парализованная, но пережила его. Оба покоятся на родном Богучарском кладбище. На могилу Александра Тимофеевича Болдырева в один из приездов в родные места я положил свою первую книгу стихов «Ты понимаешь, я – не идол...».

5. ДЕЛА ЗИМНИЕ

Морж

Уже когда пошёл в третий класс, я, за неимением гранаты, нашёл ещё один способ навредить себе: поддался на провокацию Витьки Нецепляева и прокатился по молодому льду нижнего Батовского пруда. Метрах в десяти от берега я провалился. Попытки выбраться на лёд были безуспешными: моя мокрая шубейка была тяжела, а лёд хрупок. Всё же мне удалось развернуться лицом к берегу и, ломая лёд, держать голову над водой и постепенно приближаться к берегу. Метра через полтора-два я носками обуви (валенки тоже впитывали воду и стали ужасно тяжёлыми) достал дна. Тут я воспрянул духом и через несколько секунд под весёлый смех ребятни выскочил на берег. Если бы лёд лопнул на метр – полтора дальше от берега, то опять же читателю этот случай был бы неизвестен за неимением рассказчика.

До школы было с полкилометра. Поэтому я наскоро вылил воду из валенок и помчался (насколько мне позволяла тяжёлая от воды одежда) в школу. Пока добежал, шуба сверху вся заледенела, да и изнутри начала подмерзать. Феня Павловна не стала меня ругать, а просто отвела в свою комнату (жила она при школе), сняла всё мокрое, вернула во что-то, а шубейку повесила над печкой сушиться (в барском доме, конечно, была не русская печь, а «голландка», что оказалось кстати: печь как бы закутали в мою одежду), и когда я после уроков пошёл домой, всё было настолько сухое, что я продумывал варианты, как это происшествие скрыть от мамы. Слава богу, всё обошлось, а мама ещё больше зауважала Феню Павловну.

«Ужастик»

Однако иногда хотелось ещё более острых ощущений. И вот мы сговариваемся с Ванькой Бобровым. Постепенно план разработан. Дед Ларюк (так по-неледовски звучало красивое и благородное имя Илларион), родной дед Витьки Нецепляева, живёт с бабкой Аринухой у самой «гребли» (у плотины), которая когда-то сдерживала пруд посреди хутора, но её прорвал наш бешеный ручей ещё до моего рождения. Чуть дальше, поближе к прорану, росли три шикарные вербы. Получается, дед Ларюк жил вроде бы посреди хутора, но в то же время – на краю.

Волков в войну расплодилось неимоверно. Они иногда заглядывали на хутор и даже проникали в овчарни. У Кольки Уколова волк прогрыз небольшую дыру в стене и сквозь неё умудрился одной овце откусить половину нижней губы, так что многие ехидничали: «Нечего с волками целоваться!». Хорошо, что дед Алексей Ванч вовремя услышал гвалт, а то бы волк многих перецеловал!

Так вот, может же какой-нибудь самый отчаянный волк из-под верб выскочить и ломануться в окно к деду Ларюку и бабке Аринухе? А если ещё и завоет страшным голосом? Дед задрожит, а бабка затрясётся – а мы с Ванькой будем ликовать! План был утверждён.

И вот мы сидим на завалинке у деда Ларюка и подглядываем в щёлку. Дед уже в одних подштанниках, а бабка ещё молится на кухне. Тут мы завыли «страшными волчьими голосами». Бабка прекратила общение с Богом, а дед начал торопливо надевать штаны. Потом он бросился в сени, а мы не стали искушать судьбу (наш «страшный волк» оказался предусмотрительным) и бросились через греблю. Когда дед выскочил на крыльцо, мы лежали за гребнем и ехидно ухмылялись. Минут через десять акция повторилась с той только разницей, что дед ещё поматюкался с крыльца. Ещё минут через десять «волки» завыли опять. На этот раз дед оказался проворнее, чем можно было ожидать от старика. Он уже был в штанах и, видно, не запирали двери сеней.

Ванька был на год старше меня, к тому же он не залазил в этот раз на завалинку, поэтому он опередил меня метров на пять и вовремя нырнул за греблю. Я же слышал приближающийся топот сапогов деда Ларюка, а потом один из них (уж не знаю, левый или правый) я ощутил на своей заднице, и полетел догонять Ваньку. После этого вечера на нашем хуторе перестал слышаться ужасный вой «страшных волков».

В полях и лесах

Кроме зимней гибели бабушки Катюхи в полях и лесах разыгрывались и другие трагедии, о которых мы быстро узнавали, и которые становились предметом долгих обсуждений. Так, однажды колхозный хряк захотел воли – сломал дневные ворота и убежал. Его так и не смогли загнать в свинарник до вечера. А утром нашли его косточки в поле недалеко от Мышкиного леса. Но, похоже, он недёшево отдал свою жизнь волчьей стае: в борьбе был вытоптан круг диаметром метров в десять, и залит он был не только свинячьей кровью.

Поскольку волки стали бичом сельского хозяйства, то власти даже выплачивали премии за каждого убитого волка. За лисьи и заячьи шкурки тоже платили, но намного меньше. Поскольку гоняться с ружьём за дичью мы ещё не могли, то быстро сообразили: надо ставить петли на звериных тропах. Самым умелым мастером по изготовлению и установке петель оказался Колька Гребенюк. Он и поймал штук пяток зайцев. Лис немного сумел поймать кто-то из батовцев. А вот волки так и не поддались: они оказались умней нас... (главка сокращена – А.В. 2013).

По счастью, вблизи мне волки не попадались, хотя я часто ходил (пешком или на лыжах) в одиночку, а вот в отдалении метров за пятьсот – семьсот наблюдал довольно часто. Всё равно страшновато, но, самое главное, не привлекать их внимание криками и излишней суетливостью, тем более, убегать – иди спокойно, как шёл. А вот летом мы смело бродили по лесам даже малыми группами: были твёрдо уверены, что волки из осторожности летом в драку не лезут. Дело в том, что у волков шея не очень гибкая, и в случае получения раны недалеко от лопаток на спине или на боках, он не сможет её зализать – а тут мухи, и сами понимаете, что получится. Волки потому и сохранились до сих пор, что они не только сильные, смелые и выносливые, но и осторожные и очень умные звери.

6. ПЕРВЫЕ СЛАДОСТИ

Пряники

Должно быть, из всех продуктов питания самым дефицитным были сладости. В детстве это чувствуется особенно. Приход Нового 1949 года мне запомнился особенно. Маме выписали несколько килограммов ржаной муки и немного патоки из колхозной кладовой: ей поручили испечь пряники для школьников на новогодние празднества. Мама и бабушка священнодействовали, а я смотрел на них примерно так, как наш кот Филька смотрит на банку с сухим кормом. Но излишка у мамы не получилось, и мне ничего не перепало. Поскольку Батовский колхоз им. Володарского был немного побогаче, то батовцы испекли белые пряники. Все – и белые, и чёрные Феня Павловна поделила поровну, поэтому меня раздирали сразу два чувства: было радостно, что и мне достались белые пряники, и стыдно перед Батовкой за бедность Неледова. Но война была за спиной ещё так недалеко, что оправдание находилось само собой. Кроме пряников новогодняя ёлка запомнилась тем, что я был на утреннике Новым 1949-м годом! Поскольку я был одним из самых маленьких по росту, то выбор пал на меня. Мне прикрепили на козырёк треуха фасонный лист с заветными цифрами –1949, и я принимал дела у Старого года.

Сахар

Но и во втором классе мне однажды очень повезло. Тётя Таня, старшая сестра отца, работала в бригаде шабашников-пустовалов, т. е. валяла валенки. Работа ужасно тяжёлая и вредная для здоровья: пар, сырость, кислота, уксус, жара в цехе и холод на улице. Но заработки были хорошие, колхозники о таких и мечтать не могли. Тётя Таня относила ко мне очень хорошо, ведь я сын любимого брата Свири, ко-

торый не пришёл с войны. Я (и сёстры тоже) много зим ходил в валенках её работы.

В тот год бригада арендовала полуподвал в «Доме» рядом с греблей между верхним и нижним прудами в Батовке. «Дом», как и школа, был тоже когда-то панским, только ещё более богатым – мы его считали двухэтажным. В нём было правление колхоза, клуб и магазин, куда мы сдавали яйца, зачастую ворованные, и покупали леденцы или морс (Коля Гребенюк ухитрился однажды сдать варёные, что мать давала на обед). Морс одноногий продавец Федя-Толкач (Фёдор Толкачёв) делал очень просто: на донышко стакана наливал вишнёвого или малинового морса из банки и заливал хорошей колодезной водой. Какая вкуснотища! Как тут не соблазниться, вот Колька и пожертвовал обедом. Потом он мне признался, что слукавил, но я его, конечно, не заложил Феде-Толкачу.

Время от времени я, рискуя опоздать на уроки, делал крюк и приходил к тёте Тане на работу: она давала мне что-нибудь вкусненькое. Однажды она дала мне целую пачку пилёного сахара-рафинада! Я её, конечно, распечатал по дороге и грыз неимоверно сладкие «кубики», что мне компенсировало горечь от опоздания на первый урок. Слоняясь по вестибюлю, остановился перед огромным (ведра полтора-два) самоваром, который у нас в школе играл роль всеобщей поилки. Тут меня осенила мысль удивить ребят – я приподнял крышку и бросил в воду один за другим три кубика и почувствовал себя меценатом! На перемене меня постигло жестокое разочарование: ни одного возгласа удивления. Тогда я сам взял кружку, открыл краник – и понял, что колодезная вода в сироп не превратилась. Надо было бы высыпать всю пачку, но так далеко моя филантропия не простиралась.

Дары природы

Но чаще всего мы лакомились капустными кочерыжками. В низинке около школы были капустные огороды: рядом протекал ручей, он тоже впадал в Богучарку, но с неледовским сливался только в Плесновке. Осенью капусту убирали, оставляя разной высоты кочерыжки, иногда очень большие, с белой-белой, сладкой-сладкой (после первых лёгких заморозков) сердцевинной. Добраться до сердцевинны было просто: под дорогой ручей протекал в огромной неизвестно кем и когда положенной чугунной трубе, о торцы которой мы разбивали твёрдую волокнистую кору кочерыжки.

А ещё были лесные вишни, яблоки, груши. Во всех окрестных лесах мы знали каждое дерево, на котором росли «почти садовые» плоды. Яблоки, в основном, резали и сушили, а зимой делали из них «узвар». Вишни редко до зимы сохранялись, но иногда всё-таки по-полняли «узвар». Груши сушили на солнышке, а потом зарывали

в полу, где они могли сохраняться до двух лет и со временем становились твёрже, но слаще. Королевой лесов, без сомнения, была лесная клубника. Она росла во всех окрестных лесах, но лучше всех она была в цепочке лесков за шляхом в Ростовской области. В разгар сбора доходило до того, что мы валились в траву (боже, какое разнотравие, какие ароматы, а как припекает солнышко!) и скусывали ягоды прямо со стеблей! Кроме всего прочего, хорошая корзиночка ягод была лучшим ответом на вопрос: «Где шлёлся?». Взрослые тоже лакомились, однако ягоды из корзинки – разве это то же, что ягоды с кустика? Но если земляника – Королева лесов, то Царём полей был, безусловно, арбуз. Вот-то где сладость! Особенно если протопал вёрст пять – семь, если луна несколько раз выходила из-за тучки, но сторож всё равно не заметил, если в укромном месте устроен привал, если в рубашке с завязанным воротом лежат несколько небольших, но вожаделенных арбузов, если один из них расколол ребром своей же ладони, а сердёдку арбуза выскреб своими «стерильными» пальцами!

«...Иль бахча в ночной прохладе

И за пазухой арбуз,

И вопрос: а что как сзади

Сторож с палкой? Вот конфуз!..»

Это отголоски щекотливой темы, когда нельзя, но очень хочется. Кто из деревенских пацанов не сталкивался с этой неразрешимой дилеммой? Что интересно, дед Никита несколько сезонов в конце войны и в первые послевоенные годы был сторожем на бахче, но этим положением не злоупотреблял и меня как внука днём на бахчу не запускал – приходилось «как всем» учиться ночным набегам.

Кроме лесов и полей были ещё и сады. Но садов на Неледове было немного. Да и размерами сады были так себе – редко 3...4 сотки. Сады, в основном, вишнёвые, яблонь было мало, а слив почти не было. Но мы, ребята, конечно, знали, где, что и сколько. Гоняли нас за это, но особым грехом это не считалось. Один из лучших садов был сад тётки Польки Полуниной, Алёхиной и Машкиной матери. Поскольку к друзьям в сад ночью ходить было не принято, мы довольствовались тем, чем нас Алёха сам угощал. Но сад этот мне запомнился одним курьёзным случаем.

Однажды я, Колька Уколов, Витька Нецепляев и сам Алёха играли на веранде ... и вдруг замерли: на самую высокую яблоню сел коршун. Коршун! Коршуны были нашими злейшими врагами: нам поручали приглядывать за цыплятами, и если коршун уносил бедолагу, то спрашивали не с проклятущего разбойника, а с нас, сторожей. Поэтому идея осенила всех сразу – наглого вора надо убить! Единственный способ – подстрелить. Луки и стрелы дома были у каждого. Ясно, что у Алёхи тоже. Кроме того, он считался самым метким стрел-

ком. Мы замерли и на карачках, прячась за оградку веранды (коршун очень наблюдателен, и вспугнуть его просто), перебрались в сени. Алеха достал лук, вставил стрелу, натянул тетиву, зажал стрелу на взводе и медленно-медленно стал спускаться с веранды: он помнил наш наказ подобраться к дереву и бить гада наверняка. Главное – не вспугнуть! А уж если Алёха из-под соседнего дерева пустит стрелу, то коршуна уже ничто не спасет! Алёха был уже метрах в четырёх-пяти от крыльца, но вдруг он засвистел какую-то песенку и пошёл обычным шагом как бы мимо дерева. Мы обомлели от этого неожиданно-го манёвра, а коршун, напротив, резко толкнул ветку, взмахнул длинными крыльями – и через секунду оказался высоко над яблоней. Алёхина меткость была уже бесполезной. Еще через секунду мы набросились на него.

– Да я хотел, чтобы коршун подумал, что я просто так прогуливаюсь! – оправдывался Лёха. Мы почти сквозь слёзы засмеялись. Потом, много лет спустя, я увидел мультик про Винни-пуха. Посмотрел я сцену с пчёлами и, почти как Станиславский, промолвил: «Верю!».

Был, правда, ещё один сад, куда по ночам мы не ходили – школьный сад. Феня Павловна разрешала нам собирать там и яблоки, и остальные плоды. Однажды в первой половине сентября мы, неледовцы, дружной стайкой обследовали яблони в середине сада. Методика сбора урожая была простая, но эффективная: ребята постарше (они тяжелей и сильнее) забирались на деревья и трясли ветки. Девчонки и пацаны поменьше собирали в ведра и потом делили примерно поровну. Яблоки сыпались с веток весёлым градом. И вдруг одна градина – больше всех: Шуряк грохнулся! И прямо на ведро, да так, что ушко дужки оторвалось. Все, и я тоже, испугались за него. Но он скоро поднялся. Тут уже испугался только я: Шуряк не стал винить себя за неосторожность, а начал искать того, кто ведро оставил на том месте, куда он упал. Я благоразумно молчал, а все остальные в суматохе не обратили внимания, так что я не пострадал, а Шуряк, к счастью, хромал недолго, и рёбра все целыми оказались...

У нас был небольшой вишнёвый садик из молодых деревьев, поэтому настоящие урожаи пошли, когда я уже выпорхнул из родного гнезда. Но зато у нашего плетня росли шикарные клёны. Летом в их ветвях можно было лазить по ветвям сколько угодно (ветки были гибкие и упругие, почти не ломались), устраивать гнёзда-лежанки. А в тени ветвей на штабеле брёвен можно было посидеть днём. Вечером под ними хуторская молодёжь постарше устраивала пляски под балалайку, позже под гитару, а у Ивана Сарычева (сына того самого Егора) даже гармошка появилась со временем. Барыню, гопак, страдание, польку, краковяк могли «отрывать» почти все. Вальс умели танцевать

не все. Под клёнами на пяточке диаметром метров пять – шесть трава была выбита напрочь! А какие частушки! Вот, например:

*«У Перекрестовских ребят
Сапоги – пудов по пять.
А у Неледовских ребят,
Хучь худые, но скрипять!»*

Или такая:

*«Милай мой, дарагой,
Лутче дарогова,
При тебе люблю тебя,
Без тебя – другова!»*

Сколько было таких шедевров! Зимой у клёнов наметало сугроб ровень с верхушками – можно было сверху на трубы дома поглядеть. С этого сугроба, как с горки, мы катались на лыжах, когда за хутор на гору идти не хотелось, или некогда было. Но вернёмся к сладкому. В конце мая – начале июня к запахам полыни и других степных трав примешивался аромат (вот именно а-ро-мат!) белой акации. Я не помню, но мне рассказали, что небольшую посадку как живую изгородь для огорода посадил мой дед Стефан Иванович вдоль яра. (Потом, после перипетий, о которых я рассказывал, он переехал в Богучар, а посадка осталась, и растёт до сих пор.) Помню, как она подрастала, стала цвести и одаривать такими вкусными гроздьями соцветий.

*«...Но над памятью этой
Как и прежде плывет
Раскаленное лето
И акации мед...» –*

это как раз о той посадке. Хороша она была ещё тем, что взрослым в колючки лезть не хотелось, потому это было идеальное место для строительства куреней, в которых можно было хранить табак, порох, проводить «партизанские обеды», да мало ли ещё чего?.. Но главное, посадка давала и сладость детям и лекарство взрослым. И украшала хутор в дни цветения.

В общем, сладости были и в сороковые годы, но давались они не просто.

7. ДЕЛА ВЕСЕННИЕ

Комсомолец

На Неледове все времена года хороши. Нет, лето, конечно, лучше всего, но... но без весны лета не бывает. Приход весны всегда давал особое настроение, которое я нутром ощущал лет до сорока, а уж в детстве-то!

Весна приходила почти всегда исподволь: подтаивало на дворе, потом на дорогах, потом тяжелел снег, потом появлялись маленькие ручейки... И вот по оврагу мимо нашего дома начинает бежать и весело шуметь вода. Сразу проблема: из Абашкиного колодца мало запасли воды. Срочно через ерик перебрасывается длинная лестница, запасы воды пополняются. А назавтра лестница уже вряд ли поможет: ручей расширился, а вода шумит уже не весело, а устрашающе – не только перейти, подойти страшно! Был ещё один ручей, который тёк по другому овражку, между овчарней и скотным двором для «крупного рогатого скота». Ручей был поменьше, шумел потише, но тоже был похож на горный поток. Такие страшные потоки я увидел потом через много лет в Таджикистане и на Кавказе.

Однажды, когда проталины разрослись, заняли почти всю округу и начали подсыхать на солнечных склонах, а ручьи чуть утихли, мы с Колькой Гребенюком грелись на весеннем солнышке и вели вялую беседу. Разговор зашёл о ботинках, а именно, что делать, чтобы они воду не пропускали. Сезон делал эту тему весьма своевременной. Колька заявил, что если подмётки хорошо пришиты, если ремённые шнурки туго затянуты, а ботинки хорошо смазаны дёгтем, то «можно шурхнуть в мокрый снег или лужу и не набрать воды». «Вот Ванька Нецепляев...» Ванька был старшим братом Витьки, ровесник моей сестры Клавы, но сильно отставший в учёбе, поэтому всё ещё ходивший в Плесновскую семилетку. Зато он был рослым, широкоплечим и ужасно сильным – семнадцатилетним парнем мог побороть взрослого мужика.

– Вот Ванька Нецепляев на прошлой неделе, когда ручей подмыл овчарню и унёс шесть овец, прыгнул в воду и всех овец выбросил на берег, так у него в ботинках было сухо!

Я онемел: осмелиться прыгнуть в такой бушующий ледяной поток, который может унести хоть в Плесновку, хоть до самого Богучара?!

– Да как же он не побоялся?

– Так он же комсомолец!

От Павки Корчагина тогда мы отстояли всего на 25 лет. А что случилось с комсомольцами ещё через 40 лет, мы поняли слишком поздно.

Кукурузник

Может, следующей весной, а, может, через весну случилось ещё одно неординарное событие. Мы шли из школы по почти сухой дороге и слышали гул самолёта. В войну самолёты часто пролетали над нами, мы даже по звуку отличали немецкие от наших. Потом самолёты стали летать реже и реже, немецкие совсем исчезли с неба, а после войны и наши нечасто развлекали нас. Этот самолёт шёл низко, и мы сразу определили – «кукурузник».

Нынешняя молодёжь знает этот самолёт только по кинофильмам. Это тихоходный маленький фанерно-перкалевым двухместный самолёт «По-2», он же «У-2». «Кукурузник» особого интереса у нас не вызывал, пока мы не заметили, что он готовится к посадке на бугре недалеко от кладбища. Он снизился и скрылся за увалом. Тут мы рванули через поле в ту сторону, где он мог сесть. Бежать пришлось дальше, чем это казалось сначала. Когда мы оказались у самолёта, около него уже стояло несколько хуторян. Мы с любопытством разглядывали его, особенно ребристый двигатель, кое-кто даже в кабину заглядывал, но залезть в неё и потрогать «часы», которых на приборной доске было множество, не позволил механик, который был рядом с самолётом.

Лётчик ушёл на хутор. Оказалось, что дед Абабура (родной дед Шурика Болдырева – дед Василий, получивший прозвище потому, что он единственный пузан на хуторе) был в гостях у дочери на Криничном (за шляхом в Ростовской области), а там каким-то образом оказался этот самолёт. Дед Вася решил покататься и пообещал лётчику кувшин мёда (Абабура имел самую большую на хуторе пасеку), если он его отвезёт на Неледов (по дороге это было семь километров).

Вскоре показался лётчик в сопровождении деда Василия и кувшина с мёдом. В толпе – ропот восхищения. Пацаны восторг делили между самолётом и дедом Василием. Лётчик сел в кабину, механик взялся за лопасть винта, потом команды:

– Контакт! Зажигание! От винта!

Механик рванул лопасть раз, другой, самолёт чихнул и заревел так, что ушам стало больно. Механик занял место во второй кабине, самолёт взревел ещё громче и, виляя рулевым оперением, покатился по выгону, а потом подпрыгнул и стал подниматься прямо в небо! Мы долго махали ему вслед. Ума не приложу, как во второй кабине размещались механик и пузатый дед Абабура. Жалко, что мы не успели к посадке самолета – я бы видел, как он вылезал из кабины.

Может быть, после этого случая мои мечты начали меняться: из активного сподвижника Евпатия Коловрата я превращался в ведомого Алексея Мересьева, соответственно, пересев с боевого коня в боевой самолёт, благо, что вскоре прочёл изумительную «Повесть о настоящем человеке». А когда на Неледов стала приезжать кинопередвижка, то я воочию увидел образ «Настоящего Человека», которого замечательно сыграл Павел Кадочников.

«Пути Господни неисповедимы»: я, три года отслуживший в авиации, первый взлёт на «летательном аппарате тяжелее воздуха» (на планёре «Приморец») совершил в Харькове через пол года после демобилизации, а первый полёт на пассажирском самолёте я совершил

ещё через полгода, когда летел на «Ан-2» из Харькова в Луганск после первого курса ХПИ.

Весной пятидесятого я без троек сдал первые в жизни учебные экзамены, окончил начальную школу и получил первый в своей жизни официальный документ – «Свидетельство» о начальном образовании. А ещё мама решила, что я, при моём маленьком росте, не справлюсь с семикилометровой дорогой в Плесновскую семилетку. И потому пятый класс мне предстоит пройти в Шуриновке: школа там – через дорогу. Этой же весной покинула школу наша любимая учительница Феня Павловна. Вместо неё прислали Никиту Матвеевича, недавнего фронтовика. Многие ребята поняли, что дисциплина будет жёстче.

8. ШУРИНОВКА

Библиотека

Тётя Таня, как и многие её сверстницы, во время войны осталась вдовой, поэтому её, как очень немногих сверстниц, просватал вдовый мужчина. Это был дядя Митроша – Митрофан Михайлович Шипилов. По профессии он был ветфельдшер. А родом он тоже из Верхнего Мамона! Как и дяде Андрею, ему повезло: он пришёл с войны живой и даже не покалеченный. Физически. А душевные травмы, наверное, были: когда он выпивал, а это случалось не так уж редко, то долго не мог заснуть, ходил по комнате, как тигр по клетке, и о чём-то бормотал сам себе. А трезвым он так интересно рассказывал о военных событиях, в таких масштабах, с таким знанием обстановки, с такими подробностями, что мне казалось, будто он был командиром если не дивизии, то полка, по меньшей мере. Но он был простым солдатом. Вообще, интересные тогда люди были, тот же дядя Андрей был ему подстать. Нынешние «государственники» им и по плечо бы не дотянулись, даже на цыпочках.

Так вот, тётя Таня предложение приняла, с адской работой «завязала» и уехала в Шуриновку, что в 18-ти километрах от Неледова и в 35-ти от Богучара. Шуриновка, мало того, что была с моим именем, она была большое село, больше Плесновки; там были школа-семилетка, аптека, библиотека и клуб, в котором регулярно «крутили» кинофильмы! Преподавание в школе велось обычным порядком, но почти все школьники были из украинских семей. «Балакали» они так же, как и плесновские, лофицкие, нагибинские, вот «розмовляты» не умели – луганщина была близко, всего 45 километров до Черткова, а за железной дорогой уже Украина – но далеки они были от полтавщины, черниговщины, киевщины, где чистый украинский язык; зато москали их понимали без труда.

Год обучения в Шуриновке запомнился несколькими случаями. О некоторых вкратце скажу. Перед Октябрьскими праздниками на осенние каникулы я отправился домой. Расстояние неблизкое – 18 км. Так далеко я не ходил, да ещё один, да ещё по маршруту, по которому меня провезли только один раз. Шёл я ходко, но сердце время от времени ёкало: казалось, что я заблудился, потом успокаивался, когда видел памятные ориентиры. И только когда увидел Маленький лесок, хоть начало смеркаться, успокоился: здесь-то я всю округу знал!

Возвращался в Шуриновку уже уверенней, а недалеко от села увидел чудо: меня обогнала «Победа»! Какие красивые огни на ней – целых три! Не то, что на колхозной полуторке № ВГ 82–10. От победы отделяло уже пять с половиной лет. Я долго смотрел вслед «Победе». До этого я только один раз катался на легковой машине – дядю Андрея свататься к тётке Тане Павловой (Чупилиной) привозил на «Москвиче» кто-то из его друзей. Зато на грузовиках поездил немало, но... особым способом! По шляху летом проходили грузовики, на которых мы по-партизански охотились: в тех местах, где они замедляли ход, мы прятались в придорожных канавах, бросались вслед машине, цеплялись за крюки (Шурик даже доставал до борта) и висели до очередного участка, где понижалась скорость. Рекордсмены километра по полтора-два проезжали. Колени и локти, понятное дело, всегда были в ссадинах, но ведь раны героев только украшают!

Был ещё более престижный способ поката́ться. В конце лета на Неледов и окрестные хутора приезжала авторота, и с токов машины возили зерно на элеваторы в Монастырщину, Чертково, Кантемировку, реже – в Галиёвку. А там их разгружать надо было. Вот пацаны и работали грузчиками. Тут даже несколько трудней заработать можно было! Но на эту работу меня начали брать только после пятого класса (самостоятельно) сначала на полуторку, потом и на «Фордах», и на ЗИСах, и на «Студебеккерах» пришлось поехать по придонским степям (об американской «помощи по ленд-лизу» всяко говорят, но вот о «Студебеккерах» я ни одного дурного слова не слышал). А какие кузова у них огромные становились, когда начиналась разгрузка.

*«...Зерносклад. Транспортёр обесточенный,
Крутобокий пудовый корец,
Конопатый, с дырявой порточиной,
Разгружает трехтонку малец...»* –

это автопортрет с натуры.

В Шуриновке особенно хороша была библиотека. Сейчас, возможно, она такой не показалась бы, но после малюсенькой библиотечки Батовской начальной школы, где даже библиотекаря не было, а книги выдавала сама Феня Павловна, несколько высоких застеклён-

ных (!) шкафов, стоящих у стен и посередине помещения вызывали священный трепет. А какие обложки, какие корешки на книгах Жюль Верна! Я читал запоем «Таинственный остров» и другие его шедевры, даже приносил в школу и втихую читал на уроках, пока не попался. Потом мне пообещали, что сообщат в библиотеку, и мне перестанут выдавать книги – пришлось терпеть до окончания занятий.

*«...Была в них какая-то строгость,
Мальчишка был робок, как серна,
Но как же хотелось потрогать
Обложку на книге Жюль Верна!..» –*

это про ту библиотеку.

Покатался

Единственная весна в Шуриновке запомнилась двумя событиями.

Во второй половине апреля в субботу я приехал (в кабине ЗИС-150!) в Первомайск (это в пяти километрах от Шуриновки) со старшим сыном дяди Митроши. На следующий день я, уже пешком, отправился обратно. Вышел за околицу и тут почему-то вспомнил недавно прочитанную в газете заметку о том, как группа спортсменов на тренировке пробежала 15-ти километровую дистанцию. Возник вопрос: добегу ли я хотя бы до поворота на большую дорогу? И победил. И добежал. Опять вопрос: а до той мостушки? А до того столба? А до того? Так я отодвигал финиш много раз и вдруг увидел, что до Шуриновки осталось недалеко. Через несколько минут я уже вбежал в село.

Это был единственный в моей жизни забег на 5000 метров. На большие дистанции я бегал потом только на лыжах, да и то не много раз. На майские праздники я ушёл на Неледов. В тот же вечер получил приглашение на автомобильную прогулку. Наш колхоз имени Тельмана объединили с колхозом имени Володарского, точнее влили в него, председателем стал Батовский председатель, отец Кольки Кулешова, озорного до хулиганства и разговорчивого до развязности. Машин (все – полуторки) стало целых три. На одной из них дядя Саша Кулешов пообещал покатасть ребятню на 1-Мая, один из двух великих праздников. На следующее утро я с другими ребятами в назначенное время был в Батовке. Сборы были у Дома и оказались недолгими. Всего собралось человек пятнадцать. Присматривал за нами Никита Матвеевич, который почему-то пришёл со своим младшеньким сыном, совсем ещё крошечным – год или полтора. Утро оказалось тёплым, не то, что четыре года назад. В кузове машины разместились, как придётся. На скамейке-полочке у переднего борта в правом углу сел Никита Матвеевич с младенцем. Я и ещё кто-то се-

ли на запасное колесо. Большая часть стояли, держась друг за друга и за борта машины.

Вскоре из Дома вышел Кулешов в сопровождении Феди-Толкача. Вероятно, перед поездкой они «вдохновлялись» в федином магазине. Настроение и у них, и у нас было праздничное, болтали, кто о чём. Я рассказывал про Шуриновку. Проехали через всю Батовку и мимо школы подались на шлях и там повернули в сторону Кантемировки. (Кто не знает Кантемировскую танковую дивизию?) Там машина побежала быстрее, по бортам закрутились в разные стороны поля, заструились посадки вдоль шляха, замелькали остатки немецкой узкоколейки. Проехали знаменитые и памятные мне кусты; если ехать на машине, то они так близко от хутора! Вскоре повернули на Криничный – он тоже так близко, а когда в 12 ночи идёшь после просмотра «Тарзана», так он от Неледова на таком расстоянии, что можно успеть подремать на ходу. Правда, бахча криничанская была чуть поближе к нашему хутору.

Быстро доехали до Криничного и ещё быстрее подъехали и остановились около одной хаты. Уже много позже я узнал, что там у Кулеша была, так сказать, дама сердца. Дядька Сашка вышел из машины, сказал, что ненадолго, и пошёл в хату. Вслед за ним зашкандылял Федя-Толкач, кажется, на протезе (он попеременно ходил то на костылях, то на протезе), мы стали терпеливо ждать. «Ненадолго» явно затягивалось, наконец, закончилось: из хаты вышли очень оживлённые обитатели кабины и заняли свои места.

К нашему разочарованию, машина направилась в сторону Батовки, а мы надеялись покататься подольше и подальше. К разочарованию добавились настороженность и тревога: машина шла по шляху змейкой, как горнолыжник на слаломе. Когда машина совсем беспорядочно заметалась по дороге, кто-то начал стучать по кабине, вероятно, Никита Матвеевич, но в этот момент левый борт машины полез к небу, ... я оторвался от колеса, и всё потемнело.

Когда опять посветлело, я увидел, что лежу в придорожном кювете, а машина с оторванным правым бортом стоит на шляху носом в сторону Батовки. Вокруг меня возились, кричали и стонали другие ребята, я поднялся, тело было какое-то ватное, но боли не чувствовал. Почему-то были сумерки. Неужели я лежал полдня здесь? Потом я пошёл в сторону Батовки за кем-то из ребят. Мы шли молча. А навстречу нам торопливо шли, почти бежали, несколько женщин. Кто-то из них спросил:

– Там все живы?

Шуряк ответил за всех:

– Ребятишки все живы, а Никита Матвеевич и ребёнок мёртвые.

Одна из женщин упала. Это была жена Никиты Матвеевича. Мы пошли дальше, упрекая Шурку за то, что он сразу брякнул об этой страшной новости. Я тоже только в этот момент узнал о ней. Пока я дошёл до Неледова, в глазах немного посветлело, оказалось, что ещё не вечер. Хутор был взбудоражен. Я не знал, что мне делать: радоваться, что сам жив, или горевать о покойных. Но через некоторое время почувствовал себя хуже, почему-то показалось, что я тоже умру, стало страшно, и я пошёл к другим ребятам. В нашей стайке как-то успокоился, мне стало легче, я не умер... до сих пор. Ангел-хранитель в третий раз взял верх над Сатаной, потом он проделывал это ещё не один раз.

Машина опрокинулась из-за того, что Федя-Толкач потребовал допустить его к управлению машиной, так как он умеет ездить на инвалидской коляске, потому должен считаться водителем. Эти притязания закончились дракой, что и привело к трагедии. Когда, много лет спустя, Ельцин затеял драку с Горбачёвым, мне, чтобы предвидеть грядущий результат, даже не надо было использовать свой лекторский опыт: я просто вспомнил 1 мая 1951-го года. Путин с Медведевым пока не дерутся, но опасаясь, что их засунули в одну упряжку, чтобы в нужный момент (для не наших) сравнить. Дядьку Сашку Кулеша осудили на 8 лет и отправили строить Волго-Донской канал, откуда он через 2 – 3 года (точно не помню) за ударный труд и примерное поведение был отпущен на волю. Но Никита Матвеевич и его невинный младенец так и не вернулись.

В Шуриновку я дошёл без приключений. Из-за посещения Неледова я пропустил собрание, на котором принимали в пионеры. Но галстук у меня уже был заготовлен, поэтому в Плесновке, когда я пошёл в шестой класс, я сказал, что я пионер. А членских билетов у пионеров нет.

9.НЕЛЕДОВ – ПЛЕСНОВКА

Упряжка

Итак, ветры возвратились на круги своя, но, в строгом соответствии с законами диалектики, уже на новом уровне. Я стал старше на целый год, повидал много нового, подрос, испытал себя в ходьбе на большие расстояния. Мама отнеслась ко мне уже не как к мальцу, даже покупной костюмчик приобрела. Чем это обернулось, я уже рассказывал.

Осенью и весной ходить в школу было не трудно, пока сухо. Но когда начинались дожди или весенняя распутица, идти было трудно: большая часть дороги проходила по чернозёму, ясно, что на сапоги налипали килограммы грязи. На батовской дороге было не

легче, но 7 километров это больше, чем полтора. Зимой в тихую погоду ходили на лыжах, а в метель – пешком. Иногда бригадир давал нам воловью упряжку. Поскольку некоторым переросткам было уже по 14..16 лет, то возчика нам почти никогда не давали. Кто жил в деревне, знает, что волов впрягают в подводу при помощи ярма, которое крепится к дышлу железным кованым кольцом и деревянной притыкой. Верхняя и нижняя колоды ярма соединяются двумя деревянными штырями, которые и ограничивают воловы шеи изнутри ярма. А снаружи воловью шею ограничивает металлический штырь, который называют занозом.

Однажды после пятого урока мы, уже изрядно проголодавшиеся, начали торопливо запрягать волов, которых с трудом оторвали от соломы, припасённой в ящике саней. Руководил действиями, конечно Шуряк. Правый вол («цоб») довольно легко согласился вставить шею в ярмо, а левый («цобэ») то ли от свободолюбия, то ли от лени, заупрямился, и Шурке пришлось заталкивать его в ярмо. Кое-как удалось, но убирать руки он не мог: вол сразу бы сбросил ярмо. И Шуряк дал мне команду: «Шурка, возьми заноз!». Я не сразу заметил, что заноз валяется почти под ногами, вероятно, поэтому мне показалось: «Шурка, возьми за нос!» И я растерялся: кого взять за нос – себя, Шуряка или вола? Может, у меня нос побелел от мороза, поэтому?... А его зачем за нос хватать? Не высморкать же? Вол уже всё равно вставлен в ярмо... У Шурки уже от напряжения и холода затекают руки, он орёт: «Кому сказал, возьми заноз?!» Я растерянно спрашиваю: «Кого?». Ребята вокруг начинают хохотать. Наконец, до меня доходит – я тоже хохочу. Шуряку не до смеха, но вола мы запрягли, и через несколько минут сани скрипели по ядрёному снегу, а мы, сидя в ящике саней, прикрывали носы от закатного ветерка.

Учился я по-прежнему хорошо, лучше многих, но того безусловно лидерства, что было в Батовке, не осталось. Почему? Не знаю, но я старался. Во всяком случае, обходилось без троек за четверти. Мне не хотелось огорчать маму и омрачать славу моих сестёр: Воронцовы не имеют права учиться плохо! Этот комплекс ещё долго был моей тенью.

Мама помнила о своём обещании отцу относительно детей... Да и мы видели, что тем счастливицам, у которых отцы вернулись с войны, при всех трудностях, было намного легче во всех отношениях. Нам же объективно надо было рассчитывать только на свои силы: маминых на всех нас не хватало. Поэтому с пяти лет уже приходилось работать в своём огороде, с десяти – на колхозном поле, потом на току, потом на тракторном прицепе. Лет в одиннадцать-двенадцать я уже зарабатывал первые свои «трудодни», мизерные, вроде бы, но когда на них мне дали оклунок зерна, я был горд, конечно.

Да я и сейчас, в 68 лет, имея за плечами 50 лет официального трудового стажа, продолжаю работать по найму, частью из-за многолетней привычки, а частью из-за того, что не делал накоплений (до 91-го не было необходимости, после 91-го не было возможности), а пенсия... А вы, дорогие читатели, ещё спрашиваете, почему я не желаю жить при капитализме.

«Тайна»

В том далёком «тогда» трудности и бедность были объективные, и «объективно» их нечего было стыдиться. А вот «субъективно»... не всегда удавалось побороть себя. Вспоминаются два случая.

Однажды в драмкружке мы начали подготовку небольшого спектакля по пьесе на тему пионерской жизни. Мне досталась роль пионера Пети. Играть ровесника было не очень трудно. Приступили к репетициям. Первые репетиции, естественно, были без костюмов, с большим объёмом условностей. И вот одну сцену я наотрез отказался выполнять на репетиции. Полина Павловна (учительница по русскому языку и литературе и Юлькина мама), ставившая эту пьесу, замучилась со мной. Я, по пьесе, должен быть босым, в пионерском походе поймать занозу (не заноз!) в пятку, а пионерка Галя должна была её выковырять. Не помню, кто её играл, помню, что не Юлька, но мне всё равно было стыдно до слёз из-за «пустяка»: поскольку на репетиции я был обутым, то пионерка Галя должна была имитировать удаление занозы у каблука моего ботинка. А на мне были те самые итальянские, 42-го размера, «неизносимые». Дед уже болел, сшить обувь некому было, а купить мама смогла только костюмчик, тоже «тот самый».

Был ещё такой случай. Так совпало, что с моим приходом в Плесновскую семилетку туда назначен был новый директор – Петр Харлампович. Фронтоник! В военной форме без погон, высокий, плечистый, статный, черноволосый (говорили, что он болгарин), одним словом, красавец мужчина. (Вскоре пошли слухи о его тайной любви с одной из учительниц – не мудрено!) Директор он был по-военному строгий. И вот однажды он обратил внимание на чьи-то жёлтые пальцы – всё ясно: курит, подлец, украденный у деда самосад! Решительность действий Петра Харламповича была под стать его военной выправке. Внезапно открылась дверь нашего класса, и он появился на пороге – мы дружно вскочили.

Тут же команды:

– Садитесь!

– Мальчики, руки – на стол!

После беглого осмотра «пучек» (по-украински так называются кончики пальцев) – новая команда:

– Вынуть всё из портфелей!

Поскольку тогда «правозащитников» не было, я стал защищать свои права и достоинство самостоятельно, напирая на то, что у каждого может быть свой секрет, своя тайна. Силы были неравные. Тайна моего портфеля была раскрыта. Табак я заблаговременно спрятал в посадке (опять «в той самой»), так что в портфеле кроме книг была только краюха чёрного хлеба на обед – и ничегошеньки больше! У других хоть по кусочку сала было или яйцо варёное, а у меня – ничего! Шёл 52-год, самое голодное время было уже позади.

Я уже говорил, что жили впроголодь много лет, а хлеба вдоволь поели только с урожая 50-го. Последние две из семи ковриг, что пекла бабушка, мы не доели: она испекла хлеб из новой муки, да ещё белой! Я был рад дважды: тому, что новый белый и вкусный, но ещё больше тому, что не надо было доедать старый хлеб, который был с песком, потому как бабушка оставила квашню слишком близко от печки, а с неё очень небрежно прыгнула кошка. Да, урожаи поднялись (сорняк пошёл на убыль, обработка полей улучшилась – рабочих рук прибавилось), да, обязательные госпоставки уменьшились, да, цены ежегодно снижались, – но дед слабел с каждым годом, да и бабушка не здоровела. В общем, жизнь улучшалась, но медленно, и до сытой жизни было далеко. По крайней мере, в нашей семье.

А ребята всё же захихикали (чего я и боялся): «Вот это «тайна»!»

И всё же в моей душе не умирало ожидание праздника. Откуда оно взялось, когда оно появилось, это ожидание, но оно, как линия горизонта, сопровождало меня лет до двадцати пяти. Казалось, вот ещё один шаг, ну, несколько шагов, – и праздник настанет, появится! Когда я подрос, оказалось, что в таких ощущениях я не пионер: задолго до моего рождения Сергей Есенин писал:

*«...И мечтал, по-мальчишески, в дым,
Что я буду богат и известен,
И что буду я всеми любим!...»*

Заноза

И всё-таки праздники приходили и длились. Был не только заноз, но была и заноза. Я втянулся в учёбу, привык к школе, к Плесновке, к дороге, к ребятишкам и девчонкам. Все были «как все» – кто-то поближе, кто-то подальше. Но вот миновала зима, потеплело, подсохло – на школьном дворе можно побеситься. Что мы и делали.

Однажды я, в погоне за кем-то, влетел на широченное, но низенькое школьное крыльцо, натолкнулся на какую-то девчонку и чуть не сшиб её. Ей это не понравилось, она крикнула мне что-то обидное. До меня не сразу дошло, чего я такого нехорошего сделал, – я остановился и посмотрел на девочку. Это оказалась Юлька Перерви-

на, которая училась классом позже и была дочкой Полины Павловны. Так ведь и она сама только что носилась со скоростью ласточки. Но она смотрела на меня с такой обидой, что мне стало как-то не по себе, я в ответ смотрел на неё, как будто впервые увидел, и что-то бормотал про «нечаянно». И в этот момент оказалось, что Юлька – не «как все». А когда после уроков возвращался в Неледов, вдруг почувствовал какое-то тепло, да что тепло – жар какой-то в груди. Не заболел ли? Вечером лёг спать с этим жаром, утром проснулся – горит... И Юлька перед глазами. Я сначала не думал, что эти два явления как-то взаимосвязаны, а позже понял, что дело совсем «швах» – меня постигла любовь.

*«...Юлька, что ж тебе не спится,
Видишь – за полночь уже!
Что ж ты Юлька-озорница,
Колобродишь по душе?!» –*

это вспомнилось о той самой Юльке. Где она теперь? Что с ней? Я ведь её 54 года не видел и лет сорок ничего не слышал. Шурик Болдырев говорил, что она учительствовала (по маминым стопам пошла) где-то в родных воронежских краях.

Пожар в грудной клетке, как в кузбасской шахте, бушевал почти год, но я, словно спартанец, сгорая изнутри, был бесстрастен снаружи. Это не оттого, что начитался мифов Древней Греции, а оттого, что иначе я стал бы предметом насмешки всех неледовских (да и не только) ребят. А, самое главное, я понимал, что «силы были неравные»: Юлька, хоть тоже «безотцовщина», как и я, но из интеллигентной семьи, к тому же, по Пушкину, «обещала стать красавицей», а я был «рыжий, конопатый». А тут ещё понимание неминуемости Богучарской десятилетки для меня, и целого года продолжения Плесновской эпопеи для Юльки. Так что пожар заглох без вмешательства Сергея Шойгу, которого тогда ещё и не было, к тому же.

*«...Всё бывшее милеет, милеет,
Всё ушедшее память лелеет,
Только в слово облечь не умеет –
Речка речи мелеет, мелеет..» –*

эти стихи написаны почти случайно, но вспомнились при написании этой главки. Заноза вышла из груди, а место, где она сидела, ещё долго-долго помнит её. Всё же я благодарен судьбе, что у меня (во мне!) был такой чистый пожар, который не испепелил меня. К тому же первые стихотворные пробы относятся к этому периоду. Разве это не праздник на всю жизнь? Оказывается, поражения бывают иногда плодотворней побед. Когда теперь я слышу несуразнейшую формулу «заниматься любовью», то она не столько оскорбляет меня своей пошлостью (греху, за который Адам и Ева были лишены статуса не-

божителей и стали простыми смертными, дают святое название; хотя я в этот конкретный миф не верю), сколько поражает обычной мешанской тупостью: не надо быть ни физиологом, ни сексопатологом, ни даже филологом, чтобы понять, что любовь – это не действие, это состояние... Любовь – это ведь праздник души.

Второй выпуск

Весна 53-го началась со смерти Сталина. В нашем детском мире это событие воспринималось без особой трагичности, а взрослые были взволнованы, некоторые в смятении даже плакали. Бабушка Татьяна прослезилась и спросила: «А кто же теперь у нас царём будет?». Головы для ношения венца нашлись, а вот для управления Державой... Великий земляк Шолохов очень метко заметил: «Да, был культ, но ведь была и личность!». Хрущёв чуть было не создал культ, да личности не хватило. Но это «из другой оперы».

Продолжилась весна моим провалом: три тройки на семи выпускных экзаменах! Иначе я это не мог расценивать. В свидетельство, правда, не все вошли, потому что четвертные оценки были выше. Но пруд, который создавался на моих глазах, широкий шикарный пруд я переплыл не случайно: не жалко было утонуть после такого провала. Как-то так получилось, что мама нас нацелила, а хуторяне привыкли к тому, что «Дуняхины дети» учатся лучше всех, а хулиганят меньше всех на хуторе. Это так въелось в мою натуру, что часто я воздерживался от чего-то плохого, даже если соблазн был велик, просто потому, что мне слышалось: «Шурик, да как же так? Мы же тебя примерным считаем!» Я рано стал атеистом и роль «всевидающего ока» для меня играло общественное мнение. Хорошо это или плохо? С позиции сторонников «атомизации» общества – плохо: каждый должен жить сам по себе, как хочет и как получится. С точки зрения сторонников «единой семьи», когда «один за всех, и все за одного» – хорошо: есть взаимоуважение, почитание, есть традиции, т. е. то, что делает этнос устойчивым. Почему мы, 60 – 70-тилетние, не были наглецами в отрочестве и юности, хотя были такими же сорванцами, как и нынешние ребята? Да просто потому, что каждый взрослый был вправе и даже обязан натрепать уши пареньку, если он зарывался. Хулиган имел шанс получить вторую порцию от родителей, если они узнавали об инциденте.

Закончилась весна тем, что я чуть не покалечился. Возвращаясь из Мышкиного леса, я влетел в хутор бегом (после седьмого класса надо бы посolidнее себя вести, но, если честно, то её и до сих пор мне не хватает), пробежал мимо хаты дяди Пети-Кадета и по улице спустился в лощинку (где когда-то бушевал поток, из которого Иван Нецепляев овец вылавливал) и решил перепрыгнуть через промо-

ину, оставленную очередным весенним потоком. Прыжок получился хорошим: я одолел «ущелье», а вот приземлился неудачно: правая стопа подвернулась – я упал и долго не мог подняться. Домой скакал на одной левой: боль была сильная; о том, чтобы наступить на правую, нечего было и думать. Нога вскоре распухла и не думала успокаиваться. На третий день мама повезла меня в Радченск в райбольницу. Там «успокоили»: перелома нет, просто растяжение сухожилий. Сухое тепло, тугая повязка, покой – и всё пройдет само собой. Больше врачи ничего не могли предложить. На обратном пути мама завезла меня к деду-костоправу. Он ощупал ногу, сообщил радостную весть, что кости, действительно, целы и на месте, поэтому... ему делать со мной ничего не надо. Прошло ещё несколько дней, а ходить я не мог. Все, да и сам я, забеспокоились. Кто-то вспомнил, что в Попасном есть «бабка». И вот я сижу на лавке в тесной кухоньке низенькой хаты. Правая нога – в оцинкованном тазике с тёплой водой. Над ней склонилась «бабка». Она смачивает ногу тёплой мыльной водой, разглаживает сустав большими пальцами сухоньких кистей и бормочет о том, что ребята терпеливей девчонок и боли не боятся. Но к боли в стопе я уже как-то притерпелся, поэтому я только ухмыляюсь. И вдруг бабуля (откуда столько силы?) ка-а-ак надавит обоими пальцами около обеих моих щиколоток – я судорожно вцепился в лавку и чуть не завопил, но перед девчонками стыдно стало – кое-как сдержался. А в глазах ненадолго потемнело. Бабка заверила: «Всё, всё, больше не буду!». Минут пять я отдыхал на лавке, потом было заявлено, что можно ехать.

Я с маминой помощью поднялся, точнее, приподнялся, потом поскакал на выход. В сенях нам стало тесно, мама прошла вперёд, а я «пошёл» сам, при этом ступил правой ногой, потом ещё раз. Боль была очень сильная, но при этом я вдруг заметил, что она уже не мешает мне стоять!

Я заметно повеселел: поверил, что всё пройдет. На следующей неделе я два раза сходил пешком в Богучар, но об этом я уже упоминал. «Холодное лето 53-го»: оформление в школу, помощь семье – я работал в огороде, на колхозном поле (даже прицепщиком на сеялке, на граблях и на плуге!), грузчиком во время уборочной страды, весовщиком на току. Одна работа только у меня не получалась – погонщиком воловьей упряжки. Нет, я научился запрягать волов в подводу, чётко знал «цоб» и «цобе», но для выполнения этих команд их надо было принуждать при помощи палки, а я не мог заставить себя ударять бедных волов, по крайней мере, сильно. А на лёгкую имитацию ударов они быстро переставали реагировать и нагло лезли на обочину дороги косить траву длинными шершавыми языками.

10. БОГУЧАР

Роман

Всё кончается, лето – тоже. И 1-го сентября я пошёл в «8-Ж» класс Богучарской средней школы. Ирина там же заканчивает десятый. Живём у дяди Андрея в пятидесяти метрах от школы и в пятистах – от Богучарки.

Город, с его достопримечательностями, о которых я уже упоминал, мне был в общих чертах знаком. Но есть у Богучара одна достопримечательность, о которой я пока не упоминал. Это легенда о его названии. Считается, что сначала появилось название реки – Богучарка. И случилось это так: однажды, когда Пётр 1-й плыл по Дону с Воронежских верфей в Азов, он остановился на ночлег в устье какой-то речки, впадающей в Дон, (они тогда, конечно, были полноводней). Ужин Петра, естественно, сопровождался возлияниями, начавшиеся с того, что он наполнил два кубка, один выпил сам, а второй вылил в речку со словами: « Это мне чарка, а это – Богу чарка!»

Так что всё просто и понятно, хотя историки и лингвисты имеют и другие, не менее достоверные версии, но эта самая приятная для сердца любого богучарца, каковым я считаю и себя. К Богучарской школе пришлось «притираться» дольше, чем к Плесновской: не было рядом когорты Неледовской ребятни. Хорошо, хоть Ира была рядом. В школе всё ещё работала учительница из легенды – Алевтина Васильевна. Она до войны учила Клаву, в нашей семье её не раз вспоминали, но для меня она была человеком из другого мира. Требования в школе были заметно выше, поэтому я на некоторое время скатился из «твёрдых хорошистов» в «середняки» и только в последней четверти стал возвращаться на более привычный уровень.

По химии начали проходить явление электролиза, я узнал, что воду можно разложить электрическим током на исходные элементы – водород и кислород. А потом можно вновь соединить их и получить огромную энергию горения. (Через пять лет в Сретенске я узнал, что водород примерно в 40 раз калорийнее пороха.) В моей башке это вызвало разгул фантазии. Поскольку к тому времени кавалерию (Евпатий Коловрат) и авиацию (Алексей Мересьев) я начал сдавать морю («Цусима»), то сразу нашлось применение мощному горению: реактивное морское судно, тем более что воды – море!

Смущали два обстоятельства: огромное количество соли в морской воде, а, главное, неумолимая химия утверждала, что для разложения воды надо затратить столько же энергии, сколько её выделяется при горении. Чтобы обжечь химию, пришлось придумать некий катализатор, который бы облегчил диссоциацию воды. А что касается соляного осадка, то это дело техники: несколько реакторов

должны были работать поочерёдно: пока в одном идёт горение, в другом – разложение воды, а в третьем – удаление осадка.

Довольный таким финтом и подпираемый любимым Жюлем Верном, я начал писать «научно-фантастический роман», где главными героями были изобретательный парень Пётр и красивая девушка Надя, почему-то портретно похожая на Надю Бойко, сидевшую на третьей парте в правом ряду. Ясно, что «роман» я писал тайно, но однажды дядя Андрей на подпитии нашёл и прочёл мою записную книжку. Вопреки моим опасениям, он, пообещав свозить меня к самому Шолохову, причём, главным козырем должна была стать не буйная сила моего дарования, а предполагаемая ностальгия Михаила Александровича по Богучарской гимназии. У меня появился шанс стать великим романистом, но, по счастью, дядя Андрей пил с перерывами.

Причастие

Зелёный Змий, забавлявшийся с дядей Андреем, хвостиком и меня зацепил. Как-то дядя послал меня в ларёк, в котором продавали водку на разлив, – ему надо было опохмелиться, а я учился во вторую смену. Когда я принёс ему полбутылки водки, то он выпил не всё, а граммов 50...60 оставил мне в знак благодарности. Я смело и решительно выпил зелье, а минут через десять Любка, показывая на меня пальцем, заявила, что я пьяный, и что у меня глаза разбегаются в стороны. Но я себя таковым не чувствовал и не признал, а в школе никто не заметил ничего необычного в моём поведении.

Строго говоря, это был второй мой опыт на скользкой дорожке, по которой ползает пресловутый Зелёный Змий (ЗЗ). Первый был много раньше, когда я ходил ещё в 1-й или 2-й класс. Бабка Катюха выдавала дочку замуж куда-то на Перекрестов или на Попасный. И когда вся свадьба переместилась туда, Шуряк заявил, что ему доподлинно известно, что в хате у Бабки Катюхи осталось несколько бутылок самогону, и что нам обязательно надо выпить «на шермака». Собралась небольшая гоп-компания: Шуряк, Витька Нецепляев, Алёха Полунин, я и ещё кто-то, уже не помню. Мне страшно не хотелось лезть в чужую хату – это уже пахивало не шалостью, – но выказать слабинку перед старшими я тем более не мог.

Поскольку замками на хуторе в те времена не пользовались, то проникнуть в хату было проще пареной репы. Шуряк, действительно, быстро нашёл бутылки с самогоном и алюминиевую кружку. С закуской было похуже: то ли всё съели, то ли лучше запрятали, а шариться мы не стали – не воры же мы какие-нибудь! Ребята смело одолели почти по полной кружке, а мне, как маленькому, налили только половину. Это тоже доза немалая, но я её одолел, хотя самогон мне

не понравился: он на вкус отдавал чем-то горько-горелым. Никакого опьянения я не почувствовал, и когда мы пришли в Батовку, а ребята начали хулиганить и что-то орать, я думал, что это они придуряются, чтобы выглядеть пьяными, как взрослые.

В третий раз я попробовал водки, когда на Октябрьские праздники приехал домой. Какие-то считанные месяцы сделали наш мирок иным: пока я учился вместе с ребятами, которые были на три года старше меня, – они были мне ровесниками, а когда они стали работать, они повзрослели, а вместе с ними – и я. Ребята предложили сходить на Перекрестов и «выпить по сто грамм»: там Фрося Чернышёва продавала на разлив. Реноме дороже денег – и я согласился, причём взял 150 граммов: у меня было целых 6 рублей, а у других нашлось только по четыре. Когда мы вернулись на Неледов, выяснилось, что мама уже ищет меня: случилась оказия – в Богучар шла машина. Я скоро уехал, и мама не заметила моего грехопадения. Я ехал ночью в кузове «студебеккера» в углу у переднего борта, встречный ветер был прохладен, но в животе у меня было разлито приятное тепло. Увы, не в груди, а ниже – в желудке.

Прощай, любимый город

В целом, богучарский год прошёл без особых событий. К трудностям городского обучения постепенно приноковался, снова стал хорошим, вступил в комсомол, предметно узнал, что один километр на соревнованиях пробежать труднее, чем пять – свободным бегом. Роман о чудо-корабле дописать не успел, а роман с Надей Бойко не получился: как-то не очень горячо в груди было, не то, что в водородном реакторе. На школьных вечерах бывал редко. Чаще в роли зрителя выступал. Но вот в городском саду и роль зрителя была приятной. На танцплощадке из старых танцев ещё немного оставались полька и краковяк, всё больше вальс, вальс-бостон, танго и падеспань. И уже некоторые танцевали падекатр, падепатинер. Танцевали под духовой оркестр. Не меньшим удовольствием было посещение «купальни» – пляжа на берегу небольшого плёса поблизости от моста. А ещё лучше – за мостом на луговине с берегом аршинной высоты, который (за неимением лучшего) служил трамплином для прыжков в воду. В речке водилась рыба, но мне некогда было заниматься рыбалкой, да и азарта соответствующего не было. А вот таскать кувшинки и следить за мальками в перерывах после заплывов мне нравилось. Экзамены я сдал вполне успешно, хотя и не блестяще, и уехал, нет, ушёл пешком с обеими сёстрами на Неледов. Они вернулись «без ног», а я – ничего, даже потащился в Батовку какой-то кинофильм посмотреть.

11. ЧЕРНЫШКИ – ПАВЛОВСК

Родной полустанок

Через несколько дней Клава поехала в Шахты за назначением. Что последовало за этим, я уже говорил. Пока она ездила, и потом до отбытия в Чернышки я работал прицепщиком: там чётко платили (кажется, 25% от заработка тракториста, может, и 50, точно не помню), а я решил заработать Клаве на подарок.

В середине августа мы с ней отправились в Чертково, откуда началась моя первая железнодорожная поездка. В Чертково я впервые попал ещё в 47 или 48 году, (помню, что чуть ли не всю ночь домашний репродуктор-тарелка рассказывал о том, какой плохой Иосип Броз-Тито, который так недавно был нашим хорошим другом, но не распознанным). Чертковская экзотика отличалась от Богучарской вокзалом, часть крыши которого ещё отсутствовала по причине военной бомбёжки, свистками и гудками паровозов, стуком вагонных колёс, которые куда-то бежали и звали за собой. Может, ещё тогда появились и несколько десятилетий сидели во мне строки, которые потом выплеснулись на бумагу:

«Этот поезд – такая трава:

Так бы ехал и ехал! Куда?

А туда, где июльские травы,

Где красивые сплошь города...»

И вот я еду в общем вагоне до Лихой, потом пересадка, недолгое ожидание и короткая, но жёсткая схватка у кассы за то, чтобы билет то ли «закомпасировали», то ли закомпостировали (что такое компостная яма, я знал, но при чём тут она?), то ли «закомпострировали» (как дядя Митроша в Шуриновке «компострировал» молодых жеребцов и превращал их в меринов, а потом выпивал в компании заказчиков и помощников под экзотическую закуску, я тоже знал, но и это не при чём), в общем, что-то с билетами делали, чтобы с ними нас пустили в поезд «Харьков – Сталинград». Потом я узнал, что такое «компостер», как и для чего им пробивают дырочки в билете, но это уже мне было ни к чему, потому как я наловчился ездить зайцем.

Доехали мы благополучно, не считая того, что около Клавы (ей тогда было только 22) норовили покрутиться подвыпившие «попутчики». Клава уже успела побывать в Чернышках и слегка сориентироваться в обстановке. Мы остановились у Алевтины Макаровны Панчишкиной. Интересная фамилия, может, кто-то из предков её покойного мужа был похож на маленького «пана», а, может от ещё более украинского слова «панчоха» – чулок? Интересна она была не только фамилией. Маленького росточка, она каталась, как ртутный шарик, всегда была при деле, очень добрая и гостеприимная. Работала в

той же средней школе, что и Клава. Она в юности была участницей Гражданской войны, в боях под Царицыным была связной у подпольщиков, у партизан и в регулярных (если их тогда можно было так называть) частях. Видела Сталина, который, по её словам, тогда особой известностью не пользовался.

Было у неё двое детей: Вовка, годом старше меня, и Наташка, наоборот, двумя годами моложе меня. Это было создание с очень некрасивым лицом, но при этом, удивительно симпатичным. Скорее всего, это было от весёлости и душевной доброты и доброжелательности, которыми отличались все Панчишкины. Потом мне доводилось не раз встречать людей, некрасивых на первый взгляд, но очень симпатичных. Отсюда и такие строчки:

*«...Ни тени смущенной изливости,
Достоинство – от богов.
Прекрасна в своей некрасивости,
А сердцем – светлее снегов!..».*

Они занимали половину большого дома, а во второй – жила ещё одна пожилая учительница, сын которой, Толик Полянский, входил в небольшую, но тесную компашку, в которой кроме него и Вовки был Колька Небаба. Ребята, кроме своей дружбы, отличались крепким сложением, были сильны не по возрасту: предел моей мечты – двухпудовая гиря – была для них обычным снарядом. При этом они были начитаны и очень приличного поведения, никакой «приблатнённости», которая вполне обычна для станционного посёлка. Во дворе стояли спортивные брусья, и ребята на них проделывали упражнения, которые в Богучаре я не успел освоить. Одним словом, я попал в хорошую компанию и был неплохо принят. С Колькой мы до сих пор дружим.

Клаве довольно скоро удалось найти квартиру, и мы переселились в мазанку, которая раньше была летней кухней, во дворе у дяди Васи Бугая. Он был родом с Украины, тосковал о ней, когда выпивал, а пил он почти как дядя Андрей. Тем не менее, он со знанием дела заявлял: «Ой, та нэма хуже хворойи коровы та пьянойи бабы». По счастью, тетя Оля, квартирохозяйка, была женщиной добродетельной, и эта тирада звучала, скорее, абстрактно. Дядя Вася ходил на деревянной ноге, «колымажке», а по праздникам надевал настоящий протез и пиджак с орденами и медалями. У них были дети: Шурёнок, сухорукый парнишка, годами и размером поменьше меня; Валя, чуть постарше Клавы, но незамужняя; и Виктор, которого мы почти не видели: он учился в Харькове в политехническом (это то самое чеховское «ружьё», которое попозже выстрелит).

Метрах в двадцати – тридцати от бугаёвского забора под невысоким обрывом текла Цимла. Тогда она ещё текла! Она была поуже

Богучарки, может, поэтому была ещё гибче – такие зигзаги по низинке, что нарочно не придумаешь. Ленивой Цимла бывала почти одиннадцать месяцев, а потом вдруг бунтовала, крушила лёд, выходила из берегов и начинала подкрадываться к бугаёвскому двору, но затопить его обычно силёнок всё же не хватало. А вот льдины она здорово вертела. Местные на них катались, а я поначалу робел, а потом сам навострился, хотя в ботинки и даже в резиновые сапоги несколько раз набирал. Но рекорды, конечно, были за коренными чернышковцами. Чернышковский по размеру не на много уступал Богучару, по официальному статусу – районный центр – был с ним вровень, но... «далёко куцому до зайца»: Богучар – город, а Чернышки – хутор. И этим всё сказано.

Кинотеатр не то, что богучарский «Шторм», а более похожий на обычный сельский клуб, приспособленный под кино. (Правда, зайцем в него легче было попасть – особенно на «Бродягу»!) «Парк» и сравнить было невозможно с богучарским горсадом. Улицы не мощёные – летом пылица, осенью грязища; электричество – от локомобиля, который еле справлялся с нагрузкой: лампочки часто начинали тускнеть и вот-вот погасли бы, если бы мы не произносили волшебное заклинание: «Масло, масло, масло!». Не поверите, но это почти всегда помогало. А ещё, почти как к богу, обращались к неведомому (для меня) Авилкину, который управлял этой паровой станцией. Если не помогало, то статус его полярно менялся. Тут же.

У Богучара было ещё географическое преимущество: он стоял в семи (теперь немного ближе: разрастается город), а не в семидесяти километрах от Дона, хотя Цимла, как и Богучарка, тоже в него впадает. Недалеко от Богучара есть леса, особенно в пойме Дона. Богучар стоит на границе между степью и лесостепью, тогда как Чернышки – в степи, на границе между степью и сухой степью. Лес только в пойме Чира, ещё одного родителя Дона. Ах, Дон! Вроде бы и не велика река, а водную дань со всей Руси, да ещё и с Украины собирает; даже его притоки знамениты: Северский Донец, воспетый ещё в «Повести о полку Игореве», Хопёр, Воронеж, Медведица, Цимла. О Богучарке молчу.

Нравы были попроще, сродни настоящим хуторским, тогда как богучарцы молча, но всегда ясно давали понять, что Богучар занимает второе место после Воронежа. С местными я дружил (началось с описанной выше троицы), во всяком случае, ни одной серьёзной драки, даже с Вовкой Колесниковым (из-за Гали Бочкарёвой): как-то в школьной теплице с миром разошлись. Лет через тридцать я понял причину такого миролюбия: мы оба оказались неудачниками. Ввиду неактуальности драк, я занялся не боксом, а гиревым спортом: очень хотелось иметь мускулатуру, пусть не такую, как у Кольки Не-

бабы, а хотя бы до Юрки Полянского дотянуть. Старания не пропа-ли даром: с каникул после 9-го класса я вернулся из Павловска (поче-му не с Неледова? – это иной разговор) и тут же выжал двухпудовку. А после десятого класса – выжимал даже левой, а правой – три раза подряд. (Через несколько лет в Харькове я установил личный рекорд – пять выжимов подряд двух гирь, а штангу одной рукой – 40 кило-грамм левой и 50 – правой).

Драки были неактуальны ещё и потому, что меня в десятом клас-се выбрали комсоргом школы, и я должен был подавать личный при-мер приличного поведения. А ещё я занялся стихосложением – ро-манов больше не писал. Писал обо всём, но преобладали два направ-ления: былины и сказки перезаписывал в стихотворной форме, (осо-бенно мне удалась – «Бой на Калиновом мосту») и на мелодии из-вестных песен придумывал новые слова. От Клавы я тайлся, но кое-что она прочла и однажды ехидно стала выпытывать у меня, что та-кое «восторги сладострастья»? Я с жаром отстаивал «свободу твор-чества» и святое право поэта «писать обо всём». В детства и юности я Марка Твена ещё не всего проштудировал, поэтому не знал его му-дрой ремарки о том, что, по примеру короля Артура, он ввёл бы закон о смертной казни для любого автора, вставившего в своё произведе-ние хоть одно слово, значения которого он сам не понимает.

Толик Старокож

В девятом «Б», куда я был зачислен, был ещё один новичок. Так или иначе, при всей лояльности ко мне «местных» я всё же был «ино-родным телом» в организме класса: у меня не было общей истории с одноклассниками. Таким же оказался и Толик Старокож. Он, как и я, был отправлен к родственникам, чтобы материально разгрузить ро-дителей. Поэтому мы довольно быстро подружились. Толик приехал из Приазовья – из Волновахи, что близ Мариуполя. Правда, я сей-час не помню, был ли тогда этот город Мариуполем или Ждановым, но ж.д. станция точно была Мариуполь – об этом на вагонах было на-писано. Иногда далеко вагоны уезжают от родного дома, ещё дальше, чем я от Неледова.

Толик учился старательно, но ему было трудно: в Волновахе он обучался на украинском языке, и хоть мог неплохо пользоваться рус-ским языком, нуждался в моей помощи, тем более, что я знал неко-торое количество украинских слов, скажем «чоботы» или «капелюх» я мог перевести запросто. А Толик немного меня обучал настоящему украинскому, что мне потом пригодилось. «И взагали вкрайиньска мова розвинуна майже так, як и россьйська» заявил он мне. Я пра-вильно понял, что украинская речь развита почти так же, как и рус-ская. Русская речь выросла из украинской, но потом впитала в се-

бя множество местных диалектов и заимствовала много от других соседних народов, более всего от татарского по понятным причинам. А украинцы долгое время были под большим влиянием Литвы и Польши. Это и увело общую речь в разные стороны, но не очень далеко. С Толиком мы никогда не ссорились, и нам никогда не было скучно, особенно когда он рассказывал про Азовское море: мои морские фантазии к тому времени всё более укреплялись. У обоих была склонность к юмору. Однажды он меня разыграл. Заявил, что вчера нашёл голову под железнодорожным мостом. Я ужаснулся. А Толик пояснил: «Кто-то ел селёдку в вагоне, а голову через окно под мост выбросил!» Я возмутился, а он: «Так я же не сказал, какую голову нашёл!» – возразить было нечего. Но с летних каникул Толик не вернулся, и я потерял его след, точнее его самого, а след вот остался.

Девочка Галя

Стихообразные комплименты и каламбуры были весьма кстати на школьных вечерах: там кроме танцев и всевозможных инсценировок процветала «почта». Несмотря на то, что в Чернышках я был пришлым, на этих вечерах я себя чувствовал более уверенно, не потому, что стал на год старше, а больше потому, что была разница: в Богучар я прибыл из деревни, а в Чернышки – из города! Танцевать «страдания», я почти разучился (в Павловске ещё вспоминал, теперь сожалею, что забыл совсем); «краковяк» и «полька» звучали всё реже и реже; зато я освоил вальсы, фокстроты («Рио Рита», конечно, это король фокстротов!) и даже танго. Потом, в Нижне-Чирской, фокстрот я уже «бацал» «линдочкой». Вальс мне нравился и удавался больше всего, танго шло труднее: там нужны более высокие музыкальные способности, но я чётко ориентировался – на это танго надо приглашать, а на это – лучше отдохнуть.

Галя Бочкарёва была дочерью начальника милиции, жгучего брюнета – он был цыганских кровей. Галя была темноволосой, но не до такой степени. Зато коса у неё была «толщиной в руку», а глаза большие, тёмно-золотистые.

«... Но как прежде зовут поездапоезда.

Нас они, бесшабашно звеня,

Столько лет по планете катали!

Толстокосая девочка Галя,

Ты, конечно, забыла меня.

Встречный ветер был молод и лих,

Вдаль иные ландшафты стекали,

Большеглазая девочка Галя,

Что тебе до печалей моих!» –

эти штрихи портрета, конечно, не забылись. И когда через много лет я прочёл эти стихи землячке Т.Ч., она, не задумываясь, сказала: «Так это про Галю Бочкарёву». Талией она с Людмилой Гурченко не могла состязаться: была крепенькая, но не толстуха. Училась в параллельном классе. Кроме глаз и косы у неё были недурные вокальные способности. И когда она на школьных вечерах пела румынскую песенку (в переводе, конечно) про шалопаю Мариникэ, то каждому становилось понятно, кто королева бала.

Со мной она танцевала, но как-то безразлично; и когда после новогоднего школьного вечера у меня в груди опять стала повышаться температура, я почти не сомневался, что ответного пожара я не увижу. Когда через 30 лет Колька Небаба привёл меня в местную больницу к Галине Ивановне Любченко, я сразу узнал Галя, а она узнала меня. Она закончила Волгоградский мединститут, вышла замуж за выпускника Качинской лётной школы.

Я тоже три года служил в авиации: первый год – в Забайкалье, потом два – на Западной Украине. Галя с мужем-лётчиком тоже служила (почти в одно время!) в Забайкалье и на Западной Украине. Потом в Польше, в ГДР. Так и я в тех местах, хоть и недолго, бывал. У Гали первый ребёнок – сын Саша, у меня второй – дочь Галя. Несмотря на эту кучу совпадений и на то, что я регулярно бывал в Чернышках, о Гале я почти ничего не слышал все эти 30 лет.

*«...Наших жизней шальные клубки
Вновь сплелись на родном полустанке,
На нечаянной этой стоянке,
Как во сне, мы опять далеки...» –*

«Не судьба, говорим...», так что ли, София Ротару поёт?

Судьба у Гали оказалась невесёлой, Но это выходит за рамки моих полномочий в этом жизнеописании.

Отчим

Моя судьба тоже писала зигзаги, «как бык по дороге». Однажды зимой к нам с Клавой приехал незнакомый дядька, привёз нам несколько огромных кусков сала и ещё какие-то гостинцы и сказал, что его зовут Ключников Пётр Ильич, и что он хочет посвататься к нашей маме, соответственно, стать нашим отчимом. Мы были озадачены: нам это не очень понравилось, но, с другой стороны, с 41-го прошло уже много времени, надежды на возвращение отца – никакой; а матери одной трудно было, недаром Клава пыталась её разгрузить. Пётр Ильич постарался произвести на нас хорошее впечатление, что ему удалось тогда, но что, честно говоря, не 100%-но соответствовало действительности. Мне потом довелось довольно много с ним общаться и даже проживать в одном доме, он относился ко мне достаточ-

но уважительно, а вот с девушками у него отношения не сложились, прежде всего, потому, что они не сложились у него с мамой.

Но это всё тогда было в будущем, прочесть которое дано не всем и не всегда. Как-то получилось так, что Ира раньше нас побывала в Павловске и была настроена оптимистично, тем более что у Ключниковых «есть велосипед». Кроме того, Пётр Ильич хоть и жил на казачьем хуторе, но родом был из неистощимого Верхнего Мамона, и кто-то из неледовских «советовал маме», да и бабушка Танюша не возражала. История эта возникла потому, что тётя Шура (тоже мамонских корней!), первая жена Ильича, умерла и оставила ему двух дочек, Раю и Нину, которой был годик всего. А Пётр Ильич работал механиком МТС в Павловске, и разрывался между работой и детьми. Причина для нового брака более чем уважительная. Так у меня появились две сестры, с которыми я, к стыду моему, поддерживаю очень нерегулярную связь. Проклятое время летит безжалостно – дитя, которое я «на ладони держал», уже пенсионерка.

В общем, Петр Ильич уехал, заручившись нашим непротивлением, а я летом 55-го года поехал не на Неледов, а в пресловутый Павловск. Дед Никита к тому времени умер, а бабушка уехала в Богучар, так что и ехать-то не к кому было.

Казачий хутор

Павловск, точнее, хутор Павловский был всего в 18-ти километрах от Неледова. Если ехать по шляху на восток, не сворачивая, то незаметно окажешься на просёлке, который приведёт в большое украинское село Тихая Журавка (каково название! Эх, хороши мои родные места!), а в пяти-семи километрах дальше – этот самый казачий хутор Павловский, селение по-казачьи вольготное (улицы там знали только понаслышке). Он раскинулся по обоим берегам ручья-речки Тихая. В ней были омуты, в которые можно было прыгать с берега, но, в основном, по колено, кое-где – по пояс. Тем не менее, там водилась рыба: красноперки, ещё что-то и даже «чебаки» – сазаны. Поймать «чебака» – великая удача и предмет гордости. Добираться до Павловска надо было окольным путём: до Миллерова поездом, потом больше двух часов автобусом до станции Мешковской, о которой я был наслышан с детства, и из которой казаки привозили продавать такие ароматные яблоки. И привозили их мешками! Мешковская подсознательно у меня связывалась с яблочным ароматом. Странное дело – подсознание... Через много лет, когда я уже был женат, моей молодой жене сшили осеннее пальто из какого-то тонкого сукна сложного цвета, в котором довольно явственно прослеживались зелёный и коричневый оттенки. Оно хорошо на ней сидело. Естественно, Людмила спросила, как мне нравится это одеяние. Как истинный джентль-

мен я похвалил пальто, но в душе у меня шевелился червячок, чем-то это пальто отталкивало меня. И только месяца через два-три я понял, чем пальто провинилось передо мной: оно было цвета шинели немецких офицеров!

Станица Мешковская лежит на той же речушке, что и Павловский, но на перепутье многих маршрутов: на Дон, в станицы Казанскую и Мигулинскую, и к железной дороге, в Чертково и Миллерово. Всё это совсем недавно было для меня «дальними странами» в лиловом зареве романтики, а теперь они для меня стали пусть не повседневной, но реальностью. Это не делало их приземлёнными, наоборот – нимб романтики опускался и светился на моей голове! В Мешковской нас с Клавой встретил Пётр Ильич на одноконной повозке, и часа через полтора мы увидели маму и новых сестёр.

Для хуторских сверст(нико)в(ниц) я тоже казался пришельцем из дальних стран, в которых не говорили: «ня знаю», «дай, хучь чуть» и т.п., а использовали хорошую литературную речь: «не знаю», «дай, хоть немножко» и т.п. Я старался не разочаровывать их и не щеголял информацией о том, что ещё два года назад жил на хуторе раза в три-четыре меньше, чем Павловский.

Их разделяло менее двадцати километров. Говор «мужицкий» и говор «казачий» во многом схожи, но есть и разница в выговоре и словоупотреблении, да и в словарном составе. В Павловске, например, не знали, что такое «обитушек» (гличик, кувшин с обитыми краями), зато я долго моргал, пока понял, что «баретки» это просто «тухли» по-неледовски, и был очарован красотой слова «левада», которое есть в словаре Даля, но не бытовало в неледовском говоре.

Боже, как я был легкомыслен – я не записывал ни мамонско-неледовский, ни павловский говор тех времён, а сейчас уже и позабыл почти всё; да в родных местах давно начали говорить по-иному: «миграция» делает своё дело. А так иногда хочется услышать своё, родное, пусть и не отшлифованное грамматикой, прессой, литературой и городом, но потому и близкое слово, которое лучше всякой отметки в паспорте сообщало, из каких краёв говорящий. Помню, когда я после семилетних скитаний по городам, весям и гарнизонам поступил в Харьковский политех, то по воскресеньям приезжал на час-другой на Белгородский вокзал, чтобы послушать, как «балакають» белгородские торговки, ждущие электричек. Белгородский и мамонско-неледовский говоры – как два «рушника», расшитые одной мастерницей. Казаки и казачки отличались не только говором, но и нравами. И, Боже упаси, назвать мужчину «мужиком», – он казак! Некоторые деды (их было немного – отголосок голода начала тридцатых) и казаки просто постарше носили штаны с лампасами и фуражки с красным околышем, но всё это постепенно гасло.

*«...Чутьочку жаль, что растаял
Бывший казачий почет,
Все же понятнее стало:
Дон из России течет.» –*

эти слова навеяны воспоминаниями тех лет. Это наивное стремление как-то обособиться «от России» теперь эксплуатируется далеко не наивными людьми, «возрождающими казачество».

Кроме соседей, я познакомился и подружился с Ваней и Васей Мрыхиными (двоюродные братья), с Ванькой Лагутиным, который отличался тем, что не отличался от меня до того, что нас часто принимали друг за друга. Появились и другие знакомые, но от них я был дальше либо географически (Павловский – большой разбросанный хутор, без улиц, в отличие от Мешковской и райцентра), либо по возрасту. Ещё у меня появился друг из Поздняков – Саша Ключников, племянник Петра Ильича, т. е. сводный двоюродный брат. (Хутор Поздняковский, расположен впрытик к Павловску выше по речке; ниже, тоже сплошняком, шли Верхняки, Нижние Верхняки (!), Назаровский, Мешковская, потом Коноваловский и ещё какой-то хутор – все, как бусины на ожерелье, на речке Тихой)

Так вот, нравы, как и речь, в Павловске несколько отличались от неледовских. Подростки 15...19 лет на праздники собирались отдельно от взрослых, но вели себя «по образу и подобию», т. е. за праздничным столом было спиртное, хоть и в меньших количествах, которое определялось суммой складчины. Отношения между парнями и девушками были более свободными, хотя существовал естественный предел, за который никто не заходил (кроме редчайших случаев, осуждаемых, как и на Неледове). Гарантией была всезнающая и всепроникающая народная молва. «От людей на деревне не спрятаться...» – это не только в Пенькове. Поэтому можно было провести ночь с соседской или более отдалённой девушкой, и это не подвергалось осуждению, если предел не нарушен.

Считалось хорошим тоном иметь «свою девчонку» и, по возможности, привести со временем дело к свадьбе. На этом пути была «полоса препятствий», главным из которых была трёхлетняя служба в армии. О том, чтобы «уклониться» от службы, у казаков и речи не могло быть. Службой гордились, о ней вспоминали, о ней вели разговоры на всех «гульбищах». В отношениях со мной было ещё одно препятствие: в Павловске я был мимоходом, после школы мне светил институт и т.д. и т.п. Что произойдёт в реальной жизни, не знал ни я, никто другой, но все, да и я тоже, меня и Павловский не связывали неразделимо.

Тем не менее, меня познакомили с моей сверстницей, Нинкой Н., предварительно уведомив меня, что я ей «дюже нравлюсь». Она

не произвела на меня такого же впечатления: вот если «дюже» убрать, то она мне тоже понравилась, но в определённом смысле, вполне подходящем для моего возраста. Видимо, для завоевания ответных чувств Нинка и решила поймать меня на этот крючок: она стала обучать меня искусству поцелуев. Где она сама этому научилась, я не спрашивал, может быть, и не училась вовсе, а просто ею руководило пылкое чувство ко мне. Кто знает? Но через мно-о-ого лет мне пришло в голову трёхстишие:

«Говорят, безудержно красивы

Те, которых любят неподдельно...

Довелось и мне однажды быть красавцем».

К тому времени я читал про то, как «кровь закипала в жилах», но то, что она может кипеть буквально, я узнал только тогда. Потом я знал искусниц, но кровь уже ТАК не кипела – может быть, им кроме искусства надо было ещё чувство такое же, как у Нинки, иметь, а, может, у меня кровь, как вино, скисло и стало простым уксусом... Неизвестно, чем бы мой курс наук закончился, если бы не Витька Лагутин, который и познакомил меня с Нинкой, не спровоцировал меня на опрометчивое заявление. Витька мне не очень нравился: он, хуторянин, вёл себя «как городской», не в лучшем понимании этого слова, включая право давать советы. Однажды вечером, я ему и поддакнул. А на следующий вечер в отношении ко мне Нина резко переменялась: оказывается, Т. передала ей наш разговор с Витькой. Поцелуи поцелуями, а «естественный предел» никто не отменял. Как говорят дипломаты, «разрыв стал неизбежен». Но я это пережил довольно легко, тем более что уже через неделю был в Чернышках, а Нина убивалась искренне. Она писала мне несколько раз в Чернышки (через того же самого змея-искусителя Витьку), однако постепенно вулкан успокоился.

Но в Павловске я не только «ночи жаркие с подругой проводил»: днём я, как и на Неледове, работал в поле на прополке, а в июле-августе – на току: хотелось семье помочь и не хотелось испытывать неловкость перед местными, которые работали в колхозе, носившим имя Сталина. Колхоз был побогаче батовско-неледовского, да и колхозники жили позажиточней, особенно те семьи, где мужчины сохранились.

Грузчиком во время хлебозаготовок пришлось работать мало: на элеваторах стали устанавливать опрокидыватели, которые могли разгружать даже бортовые машины. Зато меня как грамотного поставили весовщиком. Работа физически не трудная (хотя лопатой тоже приходилось у вороха махать), но ответственная. Однако же, был ещё зав. током, был бригадир полеводческой бригады «и другие официальные

лица». Так что все проверки, в том числе и райкомовские, мы выдерживали.

Хорошая штука молодость! Впитываешь в себя жизнь, как губка воду, чему-то учишься, что-то познаёшь, раздвигаешь горизонты, а впереди всё равно – непочатый край уроков и дел.

Перспектива

В Чернышки я вернулся загоревший, окрепший, подросший и потяжелевший. И уже в первый же вечер в присутствии знаменитой тройки выжал двухпудовую гирию.

Через день-два Вовка Панчишкин уехал в Сталинград, для него школа кончилась, началась иная жизнь, а для нас с Колей Небабой завертелся последний учебный год. Коля был заядлый радиолубитель и на школьных вечерах он почти не танцевал, зато обеспечивал бал музыкой и радиотрансляцией. Кроме учёбы и комсомольской работы 10-ый класс ознаменовался для меня всплеском стихотворчества, спортивными достижениями и постепенной трансформацией мечты о море в практическую подготовку к морской службе. Жалко (может, наоборот, хорошо), что стихи тех лет у меня не сохранились. Но они стали некоей психологической и литературной базой, без которой потом ничего бы не состоялось в моей жизни.

Нормы ГТО я сдал не то чтобы запросто, но без особых затруднений. Один наш школьный Брумелъ (Валька Киселёв), прыгавший на 5,5 метра в длину и почти на 180 см в высоту, дал мне несколько хороших подсказок, и я несколько раз прыгнул в длину почти на пять метров, а однажды даже на 5,12. До этого и потом я дальше 4,8 никогда не прыгал. В высоту одолел планку 1,35, а рекорд моей жизни 1,45. В разгар осени Коля Небаба сказал интересную новость: «физкультурник» привёз настоящую штангу, и она уже в спортзале. Специалистов по штанге у нас в школе не было, кое-что подсказал преподаватель, а, в основном, мы с Колькой занялись самостоятельно. У него была железная мускулатура, и он здорово опережал меня в жиме. А я в конце учебного года выжимал 60 при собственном весе 55. Зато в темповых упражнениях я почти не уступал Николаю: в рывке брал 65, а в толчке – 72,5.

Что касается жизненных перспектив, то я всерьёз стал думать о карьере военного моряка. У Петьки Нещерета оказался адрес и перспектик Каспийского высшего военно-морского (КВВМУ) училища имени Кирова, и мои мечты стали вливаться в определённое русло. Немалую роль в моём стремлении играло то обстоятельство, что в военном училище меня будут кормить и одевать. Да ещё во флотскую форму – держитесь, девахи! На всякий случай я решил обойтись без сжигания кораблей, т. е. поступать на штурманское отделение –

тогда «на гражданке» дело найдётся при необходимости. В военкомате мне дали необходимые документы, которые я отправил в Баку, и скоро получил извещение, что я могу стать «кандидатом» в курсанты КВВМУ им. Кирова! Плюс к этому – бесплатный проезд по воинскому требованию туда и обратно! Но я надеялся, что «обратно» мне не понадобится.

И вот настал день выпуска. Речи, пожелания. Потом – прощальный выпускной вечер, на котором я облил шампанским платье Лиде Сурженко. Потом я научился открывать шампанское так, чтобы пробка вылетала с громким хлопком, дамы при этом бы испуганно вскрикивали (в этом весь кайф!), а вино бы не фонтанировало. Но тогда я был неопытен. Зато с другой стороны сидел сам «Михельсон» – Михаил Савельевич, преподаватель математики, один из самых опытных и уважаемых, при этом я уже мог чокаться с «Михельсоном»! На левой руке – часы «Победа», подарок Клавы к выпуску. Совсем зрелым стал.

На следующий день я обратил внимание на сложность моего душевного состояния – облегчение стало походить на опустошённость: делать было нечего, а до отъезда ещё четыре дня. От нечего делать я пошел на Цимлу искупаться. Почему-то не полез в воду у железнодорожного моста, где обычно купался, а пошёл в луг, и там примерно в полукилометре (если петлять с Цимлой) от моста обнаружил интересное место: чистая луговина подходит к самому берегу, который небольшим обрывчиком – с метр всего – опускается к воде, в которой барахтались пацаны лет по 10...12. Но этим идиллия не ограничивалась: метрах в пяти от обрывчика лежала нимфа. Да-да! Живая нимфа – всё об этом говорило: и прекрасный плед, на котором она возлежала, и прекрасная фигура, и прекрасное лицо, и жесты при перелистывании страниц книги, и возраст, лет 16...18 (в переводе на человеческий календарь). Она точно спустилась с небес или приехала из большого города (так и оказалось: из Сталинграда, а это «покруче», чем из Богучара даже). Ясно, что я обязан был чем-то отличиться. Самое простое и доступное – показать «ласточку» в прыжке с обрыва (жалко, низковат – вот в Плесновском пруду, бывало...). Я спросил у пацанов, глубоко ли (в этом месте мне не доводилось купаться), получил заверения и выбрал трассу разбега так, чтобы она оказалась в поле зрения нимфы. Короткий, но энергичный разбег, высокий прыжок, красивый полёт «ласточкой» – и руки мои прокалывают воду... Но что это? Голова ещё не ударилась об воду, а руки уже входят во что-то мягкое – ил! Боже, хорошо, что не песок. А, может, плохо – я бы свернул себе шею... но не познал бы минут позора. Когда я выдернул голову из ила и встал из воды, которой мне было чуть выше колен, я ничего не видел и не слышал. Представляю, какой вид был у ме-

ня, когда я прочищал уши и глаза! Первое, что я услышал, был ядовитый, прямо-таки уничтожающий, смех пацанов. Я рассвирепел и бросился на них. Куда там – они, как ветер, зашуршали по прибрежным кустам. Мне осталось промыть волосы, умыть лицо, как можно чище, и бесславно удалиться. Вязы у меня ещё в Баку немного побаливали, но на медкомиссии я виду не подал.

12. БУМЕРАНГ

Джан Баку

И вот наступило 26-е июня, мы с Клавой опять в поезде, только едем в обратную сторону – из Чернышков. Путь недалний – до Лихой; а дальше Клава – на север к маме, а я – на юг в КВВМУ им. Кирова. Около Клавы опять вьётся попутчик, на этот раз какой-то моряк, которого Клава просит попытаться отговорить меня от флотской жизни и от морской службы. Но морячок на подпитии откровенен: «Бесполезно: он же рыжий, а рыжие – упрямые». Я проглотил «рыжего» и вздохнул с облегчением: Клава донимать не будет в последние часы перед новой жизнью.

В Лихой мы попрощались: Клава уехала раньше, а я начал совсем новую жизнь. До этого новая жизнь у меня начиналась много раз, но теперь рядом со мной не было никого более хожалого, более взрослого, т. е. как воздушный гимнаст в цирке без страховки.

К вечеру уехал и я. Ростов проезжали затемно – огни, огни, ещё огни; какой огромный город! Я о нём много наслышан (как же, «Ростов – папа!»). И вот поезд гремит по мосту, под ним разноцветьем огней маслянисто блестит Дон, который здесь совсем не такой, как в Монастырщине, в Казанке, в Мигулинской; и дело не в том, что он здесь шире, а в том, что здесь он – горожанин, а я его знал как селянина. И всё-таки это – Дон! Лучшая река в мире. А, может, как Кура в грузинском анекдоте – второе место после Миссисипи?.. Нет, первое всё-таки.

Мелькнул огонёк знаменитого Батайского семафора – и через каких либо пол часа огни большого города и лента Дона остались далеко позади.

Наутро я пошёл умываться. За окном пейзажи постепенно менялись. Холмы и коровьи тропы на них походили на придонские, но «что-то было не так». Иная растительность, иное солнце над поездом, иные люди на станциях, «хохляндия» в говоре слышалась ещё гуще, хотя и от Черткова уезжал всё дальше. И одежда была другая. А наливных поездов всё больше и больше, особенно в Гудермесе. Интересно. Но всё это – за окном, да на перронах при коротких стоянках поезда, который неумолимо втаскивал меня в новую жизнь. Перед

Минводами на горизонте нарисовались горы – сначала облака странной формы, потом акварель, потом картина маслом. До них было – рукой подать, но мы ехали, ехали, а до них – всё так же рукой подать. Наконец, они странным образом стали становиться всё ниже и ниже, и когда поезд пошёл у их подножия, они не казались такими великанами, как час назад. Привыкший к скудности моих родных краёв, я удивлялся обилию снеди, которую торговки предлагали на стоянках. Особенно смущали белые булочки нескольких фасонов и размеров, но деньги мне были выданы не для такого меню.....

На следующее утро горы за окном пошли сплошной грядой, но ужасно скучные: всё бурое, выгоревшее от беспощадного солнца, на склонах – ни деревьев. В Дербенте ненадолго показалось море. Так вот где мне предстояло осваивать азы флотского дела! Потом опять скучные горы, потом всё чаще зазвучали слова: Сумгаит, Апшерон, Сабунчи, Баку. Всё чаще и в динамике и в вагоне звучали песни на азербайджанском языке. Я их не понимал, потому и не запомнил, хотя до сих пор вертится в голове припев одной из песен:

«Вай, Баку,

Джан Баку!..» – только в самом городе я понял, как точны эти короткие слова, – он их достоин. («Джан» – райский сад).

Дома (невиданное дело!) без крыш, собственно, крыши были, но... плоские, даже у многоэтажных домов. Кроме бескрышных домов было ещё два чуда: нефтяные вышки и стволы зенитных пушек. И те, и те стояли в бессчётных количествах прямо между домами и группами домов.

Архитектура вокзала, прилегающий сквер-парк, породы деревьев – всё было из новой жизни. Но морских фанатов не было: никто из опрошенных нами (в вагоне оказалось ещё трое ребят, ехавших в Училище) не знал не только где, но и что это – КВВМУ? Наконец, мы начали «интервьюировать» таксистов – они кучкой сидели в тени платана в ожидании жертвы, которую можно ободрать. Даже они не сразу вспомнили, что «это на Зыхе», и только один изъявил желание довезти нас туда. Если бы он пообещал сделать это бесплатно, мы бы непременно согласились. Дальше было уже проще: какие трамваи «ходят на Зых», знали многие.

Через час за мною затворились ворота со звёздами и якорями, и началась новая фаза новой жизни. Судьбами людей в Армии и на Флоте распоряжаются быстро и просто: нас построили по ранжиру в две шеренги, отсчитали нужное количество и дали команду: «Напра – во! Два шага вперёд – марш!» В итоге мои вагонные попутчики, к которым я стал привыкать, оказались в одном подразделении, а я – в другом. Потом перед строем прошёл усатый мичман с двумя матросами и одной матрасовкой, и приказал в целях санитарии и ги-

гиены выбросить в неё все дорожные запасы продовольствия. У меня оставалась только непочатая полукилограммовая пачка пилёного сахара. Я её добросовестно бухнул в бездонную матрасовку (потом уже до меня дошло, что сахар не прокисает и не плесневеет!). Было объявлено, что питаться мы будем в столовой училища. Кажется, в час дня мы узнали, где эта столовая, и что в ней есть, и что придётся есть. Детская порция каши-овсянки, кусочек селёдки, стакан чая и кусочек хлеба. Вспомнился 48-й год. Там каша была из протёртого жита, но её было раза в три больше. Утешился мыслью, что здесь не успели подготовиться к нашему приезду. Вот дальше всё будет... Вечером, часов в семь всё было точно так же, как и днём. Утром всё повторилось.

Так было все пять дней, пока я проходил комиссию. Конкурс был большой – более пяти человек на место, поэтому комиссия свирепствовала. В перерывах между походами к врачам и «тестами» слонялись по просторному двору училища, на котором размещались плац, открытый бассейн с вышкой – площадки на высоте 3, 5 и 10 метров, но туда нас не пускали: нужны были плавки, принятие душа и удостоверение курсанта (оно и было нашей мечтой). Ещё по периметру двора и вокруг бассейна росла шелковица (тутовник). Ягоды уже зрели во всю, но их объедали наиболее решительные, которые не стеснялись залезть на дерево.

Пять дней проползли всё же. Потом отделили зёрна от плевел – я отсеялся: на трёх врачах ажик споткнулся. Некоторые наголодавшиеся даже облегчённо вздохнули. А я впал в такую фрустрацию, которой потом 5 лет не знал. Прогулка по Баку, знакомство с Девичьей башней, которая когда-то (по легенде) стояла на берегу Каспия, и несчастная молодка сиганула в него, но гордость и достоинство своё спасла и увековечила в названии башни. Не везло девушкам этого региона: одну вынудили утопиться, другую в Волгу бросили. А её душегуб сам увековечился на Апшероне: там есть посёлок Степан Разин (был в 56-м).

Не солоно хлебавши

До отхода поезда было много времени, и я не только попытался унять свою тоску на аттракционах в привокзальном сквере, но и прокатился по заливу на катере «Теренкур». Баку с моря смотрится фантастически: огромная плавная дуга (более 20 км.) залива, башня и здание Совмина республики, плавное восхождение кварталов на покатые горы, купы зелени. Душа бы ликовала, если бы не это проклятое слово – «забраковали».

Картину несколько портила замазученная вода, от которой прибрежные камни и песок были чёрными. Кто-то из местных ска-

зал, что какой-то инженер даже разработал специальную машину для сбора нефти с поверхности воды. Я воспринял это скептически, а сейчас всем известно, что такие устройства имеются. Но чем дальше от порта, тем вода становилась чище, и когда Девичья башня стала восприниматься как простая водокачка, захотелось искупаться, но катер не остановили.

И опять я ехал в новую, но уже безнадежную и безрадостную жизнь. Кстати, прошедших комиссию, по слухам, кормили лучше. А уж курсантов-то... Увы, этого я уже не узнал. Деньги мои заметно посухли, пришлось экономить, а статья экономии была только одна – продовольствие. На следующий день к вечеру я в Прохладной сделал последнюю покупку – купил огромную белую булку, которая при съедении оказалась гораздо меньшей, чем при покупке. Проснулся где-то за Новочеркасском. Вскоре пошли до мелочей знакомые станции: Лихая, Каменск, Глубокая, Тарасовка. И, наконец, Миллерово. Автовокзал недалеко от железнодорожного. Автобус будет, но второй рейс – не скоро. Почему-то решил почистить запylённые ботинки.

Чистильщик – армянин лет пятидесяти на мою шутивную реплику о выходных днях (было воскресенье) серьёзно заметил:

– В месяце тридцать днэй, и тридцать днэй ми кушаем, значит, и работать надо тридцать днэй!

Незначительный эпизод. А вот запомнился.

Дело – табак

Недалеко от вокзала стоял под парами товарняк локомотивом в сторону Воронежа. Машинист согласился взять меня в кабину паровоза, и вскоре мы поехали. Но когда состав оставил станцию и начал вытягиваться за город, я додумался спросить, будет ли остановка в Чертково. Моему ужасу машинист ответил, что он не понял, что мне надо в Чертково, где остановка в графике не предусмотрена.

– Что же делать?

– Прыгай, пока скорость не набрали, да смотри не расшибись об столб!

Пришлось выждать момент, сбросить чемодан и сигануть. Это был мой первый прыжок с поезда.

По счастью он оказался удачным (как и все последующие): чемодан не рассыпался, и я не упал носом в щебёнку, где он мог бы и остаться.

Потом, удручённый, километра три топал назад к вокзалу, рядом с которым была автостанция. По счастью автобус в Мешковскую должен был идти вскоре. Купил билет. Пересчитал остаток. Мало – два рубля. Что купить? Подумал, вспомнил старую грузинскую сказку – купил 20 папирос «Беломорканал»: шиковать так шиковать! Ку-

рил я с детских лет. В 10 – уже затягивался. Курил, как и все хуторские мальчишки, всё: сухие листья лопуха, конский навоз, табак из окурков, ворованный самосад. Иногда, почти чудом, попадались папиросы «Прибой», «Норд» (это эталон!), сигареты «Тайга», «Огонёк». «Беломор» и «Прима» – это высокий класс, предмет вожделения. А вот «Казбек» – это прорыв в «элитную» жизнь. Зр.50к. пачка – одно это уже говорит о многом, да ещё и коробка картонная! Но махорка – почти повседневность. А ещё повседневнее – самосад, ворованный с огородов у курящих мужиков. У деда Алексей Ванча самосад был самый душистый и самый злой. Когда Колька Уколов подрос и тоже начал курить, воровать у деда уже не надо было: Колька приносил сам. Однажды он принёс полный карман самосада – целое состояние. Я обрадовался, но тут же забеспокоился – куда спрятать? И как старший дал Ц.У:

– Колька, только Шуряку не показывай – всё отберёт!

– Не, ни за что не скажу!

Мы закурили и стали обмозговывать, куда спрятать золотой запас. Шуряк не замедлил появиться, как подслушал, паразит.

– Что, курите? – как на допросе.

Колька тут же:

– Шуряк, думаешь, у меня есть табак? Не, нет у меня табака!

– А ну-ка давай сюда! – рявкнул Шурка.

Через минуту наш табак лежал у него в кармане.

Но я много раз бросал – не курил по несколько недель, а то и месяцев. В Чернышках почти всё время не курил: Колька, Вовка и Толик были некурящими. А вот в Баку после «облома» снова закурил. В Миллерово я резонно решил, что за два рубля всё равно весь день не смогу быть сытым, а 20 папирос мне до самого Павловска хватит.

К вечеру я был в Мешковской. Понятно, что там меня не встретили: телеграммы я не давал. Благо, что чемодан был не тяжёлый, я потопал пешком и часа за три, уже после захода солнца, одолел 18 км.

За синицей

Мама почти не горевала, что у меня так получилось, точнее, не получилось, и успокаивала меня. Но вскоре встал вопрос: что делать дальше? В институт подавать документы уже поздно. От кого-то узнал, что в Шахтах есть приём в Энергетический техникум. Более того, есть общежитие, а стипендия – целых 36 руб. (это около 4000р на нынешние деньги, а теперь – март 12-го – все 5000 наберутся). Я чувствовал себя, как девица 19-го века на выданье: брак по любви не получился, теперь всё равно за кого, так что лучше – за богатого. Не помню точно, но примерно через неделю я, теперь уже побывавший в самом Баку, еду в Шахты, нахожу посёлок Артёма, Артём-ГРЭС

и Энергетический техникум при ней. Уже на второй день обнаружил чудо: огромный пруд с тёплой, почти горячей водой: это естественный холодильник ГРЭС. Купаться в нём было интересно и приятно. Короткая подготовка – и начались экзамены. В перерывах – короткий отдых в виде прогулок (поодиночке гулять было опасно: Шахты очень недалеко от Ростова) – и снова подготовка к очередному экзамену. Экзаменов, правда, было немного – всего три. Сдал я их успешно и очень ровно – все на «четыре». Ждать своей участи я поехал в Чернышки: туда проще добираться.

Примерно через неделю, я снова отправился в Шахты. Клава, на всякий случай, дала мне записку в одну семью, в которой она оставалась во время учебных сессий в Пединституте (в Воронеже она, как я говорил, закончила двухгодичный Учительский, и ей надо было получить законченное высшее образование). В Энергетическом техникуме мне сказали, что я «недобрал одного балла». Господи, ну что ж я физику, любимый предмет, не сдал на пятёрку! Впрочем, тогда бы у меня была другая судьба, другие друзья, другая жена, другие дети, другие внуки, и неизвестно, писал бы я сейчас эти воспоминания? Нет, хорошо, что не получил эту пятёрку, а то заканчивалась бы моя славная трудовая биография под тенью «герострата» Чубайса.

Так или иначе, но в душе поселилось смятение: не успел от большого поражения отойти, как второе зашумело. Как домой показываться? Узнаю, что в двухгодичном Горнопромышленном училище (ГПУ, как-то?) продолжается набор, в том числе на машинистов врубовых машин и горнопроходческих комбайнов. Кроме приличной стипендии, общежитие, кормёжка, форма – всё как в армии, только льготней! Я даже как-то не подумал, что боюсь подземелий. А впрочем, как говорил Тургенев, «ко всему привыкает человек, привык и Герасим...».

И вот я перекочёвываю из одного общежития в другое и готовлюсь к медкомиссии ГПУ. Начало было неплохое: требования были не такие жёсткие, как в КВВМУ, и конкурс не такой.

Но на второй день произошёл инцидент, который в очередной раз перевернул мои планы. После очередной проверки у врача я спокойно шёл по коридору, и вдруг меня окликнули через открытую дверь с приглашением зайти. Не ожидая подвоха, я зашёл. В комнате стояло штук 10 кроватей, и находилось семь человек второкурсников. Трое занимались своими делами, а четверо, среди которых был верзила по кличке Слон, тут же предложили мне подмести комнату, поскольку я «молодой», и подали веник. Я не сразу «врубился», поэтому вежливо пояснил, что живу в другой комнате и подметать буду в ней. Веник не взял и пошёл из комнаты, но на пороге меня догнал какой-то шкет, на которого я не сразу обратил внимание, и ударил меня в затылок. Эта подлость меня взорвала: ни на Неледове, ни в Батовке, ни даже в

Богучаре никогда не нападали сзади, это всё равно, как бить лежащего – такого у нас не было никогда. Я резко обернулся, схватил его за плечи, швырнул остальным под ноги и снова шагнул через порог. Но тут трое, включая Слона, схватили меня за руку и, как я ни упирался, втащили в комнату. На меня сыпались удары, я отбивался, как мог, но понял, что один долго не продержусь. Хорошо, что они мешали друг другу на маленьком пятачке между дверью и крайней койкой.

Я стал звать на помощь, в надежде на то, что тут тоже есть порядочные люди. Это их остановило, я обозвал нападавших сволочами и ушёл в свою комнату. Тут я отдышался, огляделся и понял, что урон я понёс небольшой: из одной ноздри сочилась кровь, но мой нос, несмотря на свой размер, – моё слабое место изначально, и это меня не смутило, а ещё одна пуговица на рубаше оторвана, но я нашёл её в коридоре. В нашей комнате ни у кого иголки с ниткой не нашлось, а из комнаты обидчиков поступило предложение. Отказаться – проявить слабинку. Я пошёл. Кто-то из тех, кто не участвовал в нападении, предложил мне иголку и нитки. Я взял и тут же прошёл на середину комнаты к столу, снял рубашу и начал пришивать пуговицу. Стол привлёк меня не своим удобством, а тем, что на нём стояла бутылка из-под лимонада. Внешне я старался держаться спокойно, но внутри кипел и решил, что при малейшей попытке нападения буду гадов бить по головам, и даже если убью кого, то жалеть не буду. По счастью, этого не произошло: как раз, когда я пришил пуговицу, вошла преподавательница, и я быстро ушёл, хотя разговор о веннике они пытались завести снова. (Пресловутая «дедовщина» имеет давние уголовно-хулиганские корни).

Пока я пришивал пуговицу, со мной вели почти светский разговор о моих спортивных предпочтениях, о часах на моей руке, о вечерних прогулках по парку и походах на танцы. Даже до анекдотов дошло, которых я уже и тогда знал немало. Тем не менее, как только появилась преподавательница, я с удовольствием выскользнул из комнаты, а в своей заснул не сразу.

(Эта история имела милое продолжение через год. Где-то в районе Белой Калитвы я на крыше вагона встретил парня, который давал мне швейные принадлежности. Он рассказал, что в этой шайке мне дали «кликуху» – Весёлый. И ещё долго вспоминали, сожалея, что я не остался в училище). Утро вечера мудренее – я быстро проанализировал ситуацию и понял, что случай оставил мне два пути: постоянная вражда и стычки с второкурсниками или влиться в их шайку. Если они не считают зазорным кодром нападать на одного, то моё дело – «швах»: в любом случае против четырёх-пяти я продержусь не долго. Если же сдружиться с ними, то мой жизненный путь непременно будет проложен через тюрьму. Оба варианта нежелательны.

Я показал зрение одного глаза намного хуже, чем у другого и забрал документы как не прошедший комиссию. Но в общежитии оставался ещё два дня и одну ночь, которая преподнесла два сюрприза. В двенадцатом часу я проснулся от истошного крика:

– Ребята, наших бьют! – и ещё что-то, чуть потише, о событиях в парке.

Я счёл за благо продолжить сон по двум причинам: во-первых по злопамятности, а во-вторых, как я мог отличить «наших» от «не наших», тем более ночью? На следующий год на крыше вагона узнал, что в ту ночь «повязали» нескольких из ГПУ, в том числе Слона, чему я непроизвольно обрадовался задним числом. А утром я обнаружил у себя под кроватью ботинки 42-го размера, причём, правый напоминал пасть крокодила. А своих ботинок, я так и не нашёл. Настроение стало ещё хуже. Я подвязал подошву каким-то шнурком (который не очень долго продержался) и поехал в Новочеркасск: там, по слухам, продолжался набор в Училище механизации сельского хозяйства (УМСХ). Оказалось, что там набор уже закончился «на днях».

Возвращение блудного сына

Надо возвращаться в Шахты, где на вокзале в камере хранения несколько дней лежал предусмотрительно оставленный мною чемодан. А мои злоключения разделяла со мной «балетка» – крохотный чемоданчик для самых необходимых вещей. В ожидании пригородного поезда я зашёл в привокзальный буфет «как взрослый» попить пива. Когда пиво было выпито, я спохватился, что балетка осталась у стойки. Увы, она осталась там не навсегда, а ушла по примеру ботинок, хотя в зале было пусто. Я погоревал, а потом захихикал: в «балетке» кроме куска сала и краюхи хлеба был только складной ножичек (но если сала нет, то зачем ножик?).

В Шахтах я ненадолго зашёл в общежитие, а вот мои ботинки так и не пришли в комнату, поэтому мне ничего не оставалось, как использовать последний шанс – пустить в ход Клавину записку. Что я и сделал. Частный дом с небольшим двориком; хозяева были заняты поливом, причём, поливали не только клумбы, но и дорожки и пятючок перед крыльцом – для прохлады. Очень логично: конец июля – начало августа под Ростовом весьма тёплый период.

Хозяйка с некоторым сомнением осмотрела меня (видок у меня на такие сомнения наталкивал, особенно ботинки), тщательно изучила Клавину записку, а когда я рассказал о своих похождениях, успокоилась и пообещала помочь. Она предоставила мне душ, накормила, дала 5 рублей денег. Этих денег мне хватило на дорогу и даже на кружку пива в станционном буфете. Назавтра к вечеру я был в Павловске.

Возвращаться пришлось не в морском кителе с кортиком, и не на белом коне с саблей. Но жизнь продолжалась.

Уже в сентябре я начал работать в колхозе, «куда пошлют». На току – отгрузка остатков зерна, в поле – ручная уборка кукурузы, работа на тракторном прицепе, скирдование соломы. Это физически тяжёлая работа, требующая навыков, которых у меня ещё не было, поэтому пригодился небольшой опыт занятий со штангой. На мельнице и на маслобойне приходилось работать с мешками и «чувалами», в которые входило до центнера пшеницы. Недостаток «ума», т. е. владения приёмами работы, приходилось восполнять физической силой, так что мышцы развивались.

13. ЗА ПРОФЕССИЕЙ

Программа-минимум

Те колхозники, которые имели постоянные рабочие места (механизаторы, работники животноводческих ферм и др.), зарабатывали, как правило, заметно больше, и распорядок всей жизни у них был более стабильным и предсказуемым. Это заставляло задуматься. Мечты о высшем образовании пересекались с надвигавшейся армейской службой.

И вдруг... Фортуна произвела очередное фуэте: военкомат начал работать с молодёжью заблаговременно, и за два года до призыва я был вызван на очередную медкомиссию. Это меня не волновало: не может же районная комиссия тягаться с медкомиссией КВВМУ. Но, как удар молнии, – меня забраковал терапевт, причём, из-за сердца! Я вспомнил, что в апреле мы с Колькой Небабой в одно из воскресений самостоятельно в школьном спортзале дорвались до штанги. И я так перетренировался, что к вечеру почувствовал сердечную боль, нет, вовсе не ту возвышающую до облаков... Я обеспокоился, но дней через пять всё вошло в норму, я не сомневался в своём будущем прорыве. Но произошло то, что произошло, однако сердце меня не беспокоило. И вот теперь опять жизнь «ударила ключом». Вместо призывного свидетельства мне дали «белый» билет – армия отпала, но встал вопрос, что делать? Надо готовиться в институт, но так готовиться, чтобы осечки (в виде пресловутого «одного балла», например) уже не случилось. Значит, нужно время. Что ж, оно теперь есть – двухгодичные интервал открылся в сторону бесконечности. Надо получить надёжную сельскую профессию.

Стоит только внутренне на что-то решиться, как судьба это «что-то» подсовывает. Уже в ноябре я узнал, что Нижне-Чирское Училище Механизации Сельского Хозяйства (УМСХ №7) проводит набор в январе для подготовки трактористов-машинистов широкого

профиля. Я начал искать точный адрес. Вдохновляло то, что Нижне-Чирская недалеко от Чернышков.

Как пролетели недели до Нового года и дни после него, я рассказывать не буду. Как впервые «напоролся» на 7-е ноября в кампании новых друзей, как болел потом и зарекался больше этого не делать, я тоже не буду говорить.

Путь-дорожка

И вот числа 10-го января с направлением от колхоза им. Сталина в чемодане и несколькими рублями в кармане еду в Чернышки, где я задержался на два дня. За это время я разузнал маршрут поездки в Нижне-Чирскую. Надо было доехать любым поездом до Суровикино, оттуда на грузо-такси – до места. Всё очень просто. Но немцы говорят, что чёрт прячется в деталях.

Поскольку деньги у меня были не в избытке (в силу нескольких причин сразу, одна из которых – в УМСХ кормят и выдают «форменку»), то я решил немного сэкономить. В те далёкие годы зимой тоже случались оттепели, хоть и очень редко. Как раз в момент моей поездки было около нуля. Поэтому я уговорил Клаву не провожать меня и, придя на вокзал, перешёл на другую сторону станции и в момент отправления поезда сел на подножку. Вагоны были старой конструкции – подножки вне тамбура. Было тепло. Пока поезд не вышел за границу станции. Там он начал набирать скорость – климат начал меняться. И когда меня перед Обливской «замели» ревизор и проводник, я даже не очень горевал. Оказалось, что на одном из поворотов, когда поезд выгнулся дугой, кто-то из них выглянул в окно. В результате от моего «золотого запаса» почти ничего не осталось. А ведь надо будет ещё на грузо-такси ехать 90 км.

Я начал изыскивать источники пополнения бюджета. В чемодане лежала подаренная Клавой пачка сахара – точная копия той, что я в Баку мичману отдал. Я достал синюю спасательницу и стал предлагать попутчикам купить её за 6-50. «Ошкуривали» меня у них на глазах, и они мне сочувствовали. Одна женщина дала мне 6-50, а сахар брать наотрез отказалась. Люди обидели, люди же и утешили.

Это финансовое фиаско я с лихвой компенсировал в тёплый сезон, когда можно было ездить и на товарняках – в кузове вагона или на площадке, а то и на цистерне; и на пассажирских – зайцем в салоне вагона или на крыше, или на «гармошке», или на площадке, раза два-три даже на «мягком» ездил! Но я не наглед: на большой скорости и на виражах по крыше не бегал, место расположения выбирал, обычно, заблаговременно, поэтому ни разу не свалился (больше бы и не понадобилось). Хотя... был один случай. На вокзале в Лихой я перешёл на тыльную сторону состава и стал ждать отправления, которое уже

объявили. И в этот момент перед шлагбаумом переезда остановилась полуторка, в кузове которой сидело десятка полтора милиционеров. Залазить на вагон сразу было бессмысленно: снимут! Поезд мешкает с отправкой, а «мусора» уже обратили внимание на меня: я «бесцельно» маячил на переезде. Наконец, поезд тронулся, я выждал несколько долгих секунд и бросился к намеченному вагону, милиционеры поняли, что их подозрения были не напрасны, и погнались за мной. Пришлось прыгать на ближайший вагон, на котором не было скоб с этой стороны. На буфер я вскочил резво, но чтобы подняться на крышу, пришлось подпрыгнуть – уцепиться удалось только одной рукой, а поезд шёл уже довольно быстро, начиналась болтанка. Стало страшновато, но Ангел-хранитель на этот раз принял образ гнавшегося за мной «мусора» и придал мне сил и смелости – я влез на «гармошку», потом и на крышу. Никто из преследователей не захотел повторить мой трюк, я нагло помахал им рукой, но в Белой Калитве счёл за благо пересесть на другой вагон: они могли сообщить по линии...

На автовокзале в Суровикино в ожидании грузо-такси я познакомился с тремя парнями примерно моего возраста: Юрка Калюжный, Юрка Кузовлёв и Пасько (имя уже и забыл). Это небольшая, но сплочённая группа. Верховодил Калюжный. Он закончил УМСХ №7, но трудоустройство его не удовлетворило, и он ехали за новым направлением. А Кузовлёв и Пасько ехали поступать. Они были из Шахт! Земляки! И заметно «приблатнённые». Внешне, если бы тогда я знал Булгаковских героев, я бы их сравнил: Калюжного – с Воландом, Кузовлёва – с Азazelло, а Пасько – с Бегемотом. Да и распределение ролей у них было очень похоже.

Три часа по раскисшей (оттепель!) грунтовой дороге в кузове грузовика способствовали нашему сближению. Это вскоре пригодилось: прибыли в станицу к вечеру, в Училище оформить было не у кого, а ночевать на улице не хотелось. «Воланд», «Азazelло» и «примкнувший к ним» «Бегемот» смогли решить эту проблему даже в отсутствии коменданта общежития. Поскольку я тоже к ним примкнул, то и у меня крыша над головой появилась. Кроме того, я был избавлен от необходимости поиска самого училища в огромной станице, по размерам не уступающей городу Богучару. А, главное, в такой компании я не опасался повторения шахтинских приключений.

Следующий день начал всё расставлять по местам: Калюжный был временно определён в котельную училища, а я, Кузовлёв и Пасько были зачислены курсантами, правда, в разные группы. Училище занимало несколько одно- и двухэтажных корпусов на юго-западной окраине станицы. Потом было зачисление в Училище, получение формы, начало занятий и недолгое пребывание в общежитии. Дело в том, что мест на весь набор не хватало, и часть курсантов рас-

селяли по частным квартирам. Всем было хорошо: администрации – все учащиеся обеспечены жильём; квартирохозяйкам – они получали доход; курсантам (правда, 1...2 рубля приплачивали, зато по окончании занятий, практически, выходили из-под контроля). А ещё была постановка на учёт в военкомате, где у меня мой «белый» военный билет отобрали, заявив, что до 19 лет военный билет иметь на руках не полагается.

Вскоре начались занятия, они мне нравились, особенно по устройству трактора: Николай Иванович, кроме знания предмета был весёлым человеком, и его уроки проходили очень интересно. Устройство трактора не было для меня откровением: я уже работал прицепщиком, видел, как дядька Егор и трактористы проводили ремонт техники. В школе Михельсон вёл мотокружок, так что общие принципы работы и устройства двигателя внутреннего сгорания я усвоил.

Поскольку я жил на частной квартире, то частенько запаздывал на ужин в столовую училища. При этом почти всегда мне не доставалось блинчика с повидлом, который полагался к чаю. Я знал, чьих это зубов дело, но «не пойман – не вор». Тем не менее, я начал злиться и решил отомстить «симметрично». Поэтому однажды я нарочно пришёл раньше, и когда накрывали столы для нашей группы, съел один блинчик со стола, за которым обычно сидели эти «приблатнённые». Но что же оказалось? Без блинчика остался Женька Улитин, паренётихоня, а они подвинули тарелки так, чтобы у них у всех блинчики были. Было стыдно, но стало понятно, что «ковровые бомбардировки» страшны невиновным, а виноватые «чудесным образом» ускользают от наказания.

На морском берегу

Станица Нижне-Чирская названа так потому, что когда-то, до строительства Цимлянского гидроузла, стояла в устье реки Чир, впадавшей в Дон. Перед затоплением станицу перенесли километров на 15 – 20 и поставили на два холма, поблизости от Дона, который потом пришёл сюда, подмыл бока холмам – образовался крутой берег, на который в плохую погоду накатываются такие волны, что брызги летят выше десятиметрового обрыва. А в хорошую погоду просматривается сквозь дымку далёкий «тот берег», до которого больше двадцати километров. Не всякое водохранилище на Волге и не во всяком месте имеет такую ширину.

Однажды мы с Колькой Грибовским (ещё один «приблатнённый», но не из Шахт, а из Зернограда) на взятой без спроса лодке отправились в детдомовский сад, который не имел ограды со стороны обрывистого берега, за яблоками, только начавшими поспевать. Всё шло блестяще: вода гладкая, лодка послушная, берег не отвесен, ябло-

ки душистые и краснобокие, сторожа вообще нет (может, спал на солнышке?). Яблок набрали себе и на угощение и, не мешкая, – опять в море. Отошли метров на триста – четыреста (на всякий случай) и неторопко пошли в бухточку около пристани. Когда мы уже прошли пол пути, неожиданно-негаданно с берега налетел юго-западный ветер и стал ежеминутно усиливаться. Лодка была большая, борт высокий – парусность, соответственно, а вёсел – одна пара. Мы сразу сообразили, что надо держаться ближе к берегу: он крутой, защитит от ветра, и волна не успеет силу набрать. Но, в целом, направление ветра было почти попутным, и мы довольно быстро добрались до входа в бухту, в которой сначала была пристань, а чуть дальше – причал, от которого мы начали свой каботажный рейс. У входа в бухту, которая образовалась от затопления какой-то безымянной балки, из воды торчала метра на полтора колокольня без купола. Так что глубину мы представляли наглядно, и она нас не очень радовала.

И вот тут-то началось самое интересное: мы обогнули мысок и, оставляя колокольню по правому борту, направились в бухту. Точнее, хотели направиться. Но берега бухты намного ниже, чем обрывы у сада, и от ветра они почти не защищали, а входить в бухту надо было точно против ветра. Я сидел на вёслах, а Колька сидел на корме и подсказывал курс. Против ветра я грёб изо всех сил, потому быстро из них выбился – надо было меняться с Колькой. Пока менялись местами, лодку отнесло опять к входу в бухту. Колька рьяно стал грести, мы подвинулись, но он так же быстро выдохся – опять надо было меняться местами. Круг замкнулся. Что делать? Попробовать причалить к колокольне, но там волна уже была приличная – может разбить лодку, нам надо будет взбираться на стены и куковать до окончания шторма: доплыть до берега навстречу ветру и волне было весьма сомнительно. Да и лодка чужая – получится, что мы – угонщики, это мне не подходило: «приблатнённое» окружение на криминальную стёжку меня всё же не завлекло. А ещё можно было отдаться волнам и просто поддерживать лодку на плаву, но как представишь, что до левого берега 25 километров бушующего Цимлянского водохранилища, а если наискось понесёт – все 50 наберутся.... После нескольких малоуспешных циклов, мы были на грани отчаяния, и тут меня осенила простая мысль: я же неплохо плаваю, надо спуститься в воду и подталкивать лодку, помогая Кольке. Достаточно будет одолеть метров двадцать, как мы войдём в полосу береговой тени. И я прыгнул с кормы «солдатином». Говорят, от трагедии до комедии – один шаг. Точно! Глубина оказалась – по грудь, даже нос и глаза волной не захлёстывало. Когда я осознал новую ситуацию, я просто взял причальную цепь и потащил, как бурлак, нашу шаланду. Колька был так измучен, что даже засмеялся не сразу.

Учёба

Учился я легко и с интересом, особенно интересным было то, что мы изучали тракторы нового поколения. Довоенные ХТЗ/СТЗ, У-2 – со стальными сидениями, стальными колёсами и стальными «шпорами» на них – и гусеничный «НАТИк» (НАТИ) с керосиновым двигателем, запускавшимся обычной рукояткой, были оставлены далеко позади. Мы изучали «С-80» (его база имеет родоначальником американский «Катерпиллер» 30-х и дошла до наших дней, составляя основу «Т-130»), «ДТ-54» (поговорите с любым бывалым трактористом, и он скажет, что это один из самых удачных тракторов в нашей истории), «КД– и КДП-35», «МТЗ-2» (колёсный, но с дизельным двигателем!). Это было увлекательно, тем более что все мы надеялись, что когда вернёмся в свои хозяйства, на таких и будем работать. Эти тракторы удобнее в работе, более производительны, и, самое главное, на них больше платят. На «ДТ-54», например, за выработку нормы начисляли 5 трудодней и за каждый трудодень обязательная денежная оплата – 5 рублей (незабвенный Никита Сергеевич ввёл обязательное «денежное авансирование»), да ещё колхоз натурплату давал... 25 рублей в день (а если перевыполнение нормы?!) – это же были огромные деньги, особенно на фоне курсантской стипендии.

Я квартировал с Петькой Мартыновым и Колькой Высоцким. Потом к нам присоединился Петькин брат Василий, который был года на 3...4 старше нас, но почему-то в армии не служил. Был он «ветреного поведения», даже женился «по пьянке»: перед каким-то праздником запил, а когда пришёл в себя, обнаружил в своей постели подружку.

– А ты почему не дома?

– А я и есть дома: мы с тобой расписались!

Оказывается, уже четыре дня прошло, как загулял; что было за это время – не помнит. Чёрт его знает, может, немного рисовался, но это похоже на него... Учился я даже лучше, чем в школе. Кроме технических дисциплин и физкультуры у нас была политграмота, основы агротехники, зоотехния, т. е. спецов для сельского хозяйства готовили основательно.

Опять майская трагедия

Время катилось довольно быстро (конечно же, не так, как после со-рока), но когда я поехал на Майские праздники домой (точнее, к маме в Павловский, который заменить Неледов не мог, но где он, мой дом теперь?), то оказалось, что я успел соскучиться. Поехал всё же «зайцем», на этот раз удачнее: учёл прежний опыт. Пока доехал до Миллерова, пришлось побывать на переходной площадке товарняка, в пасса-

жирском вагоне и на нём. Может, это и не совсем хорошо с точки зрения законопослушания, но иначе я никогда не написал бы строк:

«...Зеленела в полях молодая пшеница

И дурманил слегка паровозный дымок...», –

впрочем, тогда я не думал, что когда-нибудь буду писать об этом в стихотворной форме.

Я приехал в Павловский накануне 1-го Мая и сразу включился в подготовку к празднику: мама дала денег, и я оказался участником завтрашней молодёжной гулянки в складчину. На 7-е ноября собирались у Маруси Цындринной, а теперь – у Лушки Поздняковой. После завершения праздничных мероприятий (торжественное собрание в клубе и т.д.) пошли к Поздняковым. Уже и не вспомню всех, кто был, Но Ваня Мрыхин был точно, Саша Ключников, мой «сводный двоюродный брат» (жил в Поздняках, но у него здесь был «интерес»), Иван Поляков, ещё кто-то и один малоизвестный мне парень – шофёр. Он сослался на завтрашнюю поездку и ушёл раньше.

Завтра мы должны были ехать в Мигулинскую на фестиваль молодёжи и студентов: завершалась подготовка к Московскому международному фестивалю молодёжи и студентов, на котором прогремела Эдита Пьеха, негромко пропев о красной розочке. Напевая эту песенку, все старались передать даже её акцент. А чуть позже должна была взорваться бомба Людмилы Гурченко. У неё не было милого акцента польки, но у неё была такая талия! Утром мы собрались у клуба, откуда должны были ехать двумя или тремя машинами; автобусов колхоз не имел, поэтому сели в бортовые «газончики» с наспех оборудованными кузовами. Сашка Ключников сел в машину «вчерашнего» шофёра. Как обычно, кто-то опаздывал, поэтому наша машина задержалась минут на 5...10. Поехали. Настроение первомайское, погода тоже. Ехать, стоя в кузове, было интереснее, чем просто сидеть на скамейках, тем более, если захочешь кого приобнять, всегда есть благопристойное объяснение: для устойчивости при качке.

Проехали Мешковскую, далее поднялись на хребет и мимо хуторов по степному большаку двинули на «Мигулинку». Кто-то обратил внимание, что впереди, где-то ещё за километр, стоит на обочине «ГАЗ 51». Мало ли этих «газонов» по району, но что-то нам не понравилось. Подъехали ближе – наш! Около него человека три или четыре. Где люди? Что случилось? Кто-то ответил:

– Откуда-то на дорогу выскочил велосипедист, машина дёрнулась в сторону и опрокинулась в кювет. Одна (называли имя девушки, но я уже не помню) насмерть, а Сашке Ключникову ноги оторвало. Их увезли на попутке в райбольницу.

У всех, а у меня в особенности, настроение резко повернулось на 180 градусов. Очень хотелось, чтобы Сашка, хоть калекой, но

остался живым. Приехали в Мигулинку, сразу – в больницу. Узнали, что Сашке оказали первую помощь и увезли в Казанку: там больница посильнее. Надежда ещё теплилась. Очевидцы рассказали, что когда его вынесли из больничного корпуса и начали грузить в санитарную машину, он запел:

*«Прощай любимый город,
Уходим завтра в море!..»*

Народ плакал. Я тоже. Война унесла несметное количество людей, Никита Матвеевич погиб на моих глазах – но это были люди других поколений. Вечером я узнал, что открыт счёт потерь моих личных друзей. Этот счёт вырос и не останавливается. Я пока жив и хочу дожить до победы.

Девушка, погибшая при аварии, была первой «ухажёркой» Сашки. Вероятно, она села рядом с ним, чтобы попытаться вернуть прежние отношения. Неизвестно, как поступил бы Сашка, но похоронили их в одной могиле. Я впервые в жизни нёс крышку гроба на похоронах. Так что вернулся я в Училище в не лучшем настроении. Но жизнь, тогда это была ещё молодая жизнь, продолжалась. И она была полна разных казусов, которые теперь, в немолодой жизни, видятся как милые забавные и мимолётные приключения.

Бунт против корабля

Правда, один казус был «глобальных» масштабов. В станице был маленький, но всё-таки порт, к нему были приписаны рыболовные сейнеры, портовые катера и прочая мелочь. Но на этих скорлупках (даже по сравнению с Каспийскими судами, не говоря об океанских, о которых я когда-то безнадежно мечтал) служили речники в тельняшках и считали себя морскими волками. На «ремеслуху» они смотрели свысока и иногда поколачивали запозднившихся курсантов. Однажды они поколотили сразу нескольких, и чаша терпения оказалась переполненной. Училище загудело, страсти стали накаляться, и вечером после ужина небольшая группа наших двинулась к общежитию речников. Я, Петька Мартынов и Колька Высоцкий гуляли по Северной Горе, когда слышали крики внизу. Петька благоразумно остался, а мы с Колькой побежали вниз. Толпа наших росла с каждой минутой, скоро собралось человек до двухсот (в начале учебного года было 275 человек, 15 из которых до конца года были «закрыты» по разным статьям). Мы заполнили весь двор – «матросики», естественно, отступили в свою «крепость» и забаррикадировались. Наши «активисты» настойчиво требовали выдать обидчиков, взамен остальным гарантировали неприкосновенность. Начались переговоры. Женщин и детей выпустили, к остальным требования ужесточили вплоть до угро-

зы штурма. О поджоге здания речи не шло. Пока. «Оборонцам» назначили срок.

Чем бы это всё кончилось, не знаю, но кто-то (скорее всего, выпущенные женщины) сообщил в милицию. Приехал начальник райотдела и человек пять милиционеров, которые сразу были взяты в кольцо. Начальник, похоже, был опытным блюстителем порядка. Он долго вёл переговоры с нашими, потом с «блокадниками», потом опять с нашими. Пообещал не оставлять наших врагов безнаказанными и убедил нас разойтись.

Что значит социализм, – такую труднейшую ситуацию «разрулили» в течение суток: на следующий день провели комсомольские собрания у нас и у речников. На наше собрание пригласили от них несколько человек, а к ним – наших. В итоге – ни одного арестованного, а мы с речниками стали друзьями. Теперь наши смело могли гулять по станице круглосуточно: местные и без того нас опасались трогать, а сильнее речников больше никого не было. Тогда я наглядно понял, что сила – в сплочённости.

Мы с Колькой Грибовским подружились с командой одного из сейнеров, купались с их палубы и прыгали в воду с рубки. Особенно интересно было «показывать класс» – прыгать с крыши (дека) рубки (метра 3...4 от воды) на глазах девчат, которые обычно выше палубы не поднимались и прыгали с бортов. Но они предпочитали не следить за нашими рекордами, а смотрели куда-то в морскую даль. Оказалось, их смущало то, что плавок у нас тогда не было, и мы прыгали в обычных домашних трусах.

Шушка

Были и казусы локального, так сказать, значения. Об одном, пожалуй, расскажу.

С апреля мы регулярно выезжали в учебно-подсобное хозяйство: теоретические занятия перемежались практикой. Это нам нравилось, особенно летом. Базу охранял ещё крепенький дедок, который в наше отсутствие отлавливал сусликов (от этого их меньше не становилось, по-моему). Шкурки он сушил (душок был на всю округу, доложу я вам!), жир вытапливал и сдавал в аптеку, а мясо ел. Некоторые из курсантов пробовали, но я не решился. Впрочем, дело не в этом.

Однажды, когда ещё не закончилась культивация пропашных, но уже началась уборка зерновых посевов, и наша группа была в поле, я по каким-то причинам был направлен в училище почти на неделю. На квартире оказался Васька Мартынов, а Петька и Колькой Высоцкий, соответственно, были на базе. На третий день Васька предложил мне:

– Знаешь, у меня в ... (название хутора я уже не помню, но до него 9км было!) есть бабёнка, а у неё – соседка, молодая, симпатичная и т.д. и т. п., – он расписал её, как на картине, – пошли сегодня со мной – познакомлю!

Конечно, в 18 лет после такой рекламы, будучи свободным, я соблазнился, согласился и даже не задумался, что Ваське переться в такую даль одному скучно, и он ищет компаньона. Мы вышли до захода солнца, пришли в сумерках. Дорогой выяснилась, что Васькина «бабёнка» – комбайнёрская жена, но дни и ночи стоят жаркие, сухие, и комбайнёр этот будет в поле до часа ночи, а то и дольше. Ладно, это Васькины заботы, а у меня за плечами – 18 лет, впереди – вся жизнь, а в ближайшей перспективе ночь, достойная пера Гоголя (тепло, в левадах заливаются птахи, кривые деревенские улочки, еле слышные вздохи Цимлянского моря) и встреча, в которой Васька почти гарантировал победу. Вот пишу и сам себе завидую.

Встретили нас «в нужное время в нужном месте». Васька представил меня молодкам. Подруга Васькиной подруги оказалась и вправду недурна. При свете луны (да, луна дополняла антураж, описанный выше!) она выглядела почти красавицей: по-деревенски статная фигура, округлое лицо с правильными чертами, чёрные брови и подходящее имя – Маша. Чего ещё надо?

Довольно скоро Васька со своей приятельницей под каким-то предлогом, который меня не очень интересовал, «отвалил». На склоне отдалённого холма светились огни: это Анькин муж неусыпным трудом добывал зерно для любимой Родины и на прокорм семьи.

Маша устроила мне экскурсию по родному хутору. Он живописно располагался у подножия гряды холмов в некотором отдалении от берега Цимлянского моря. На улицах было много зелени, которая очень романтично выглядела в свете луны. Эту южнорусскую красоту аранжировала деревенская тишина. Вздохи отдалённых волн и мерный гул тоже отдалённого комбайна только подчёркивали эту тишину. Всё это располагало к дружеской беседе, начало которой, как в боксе, – разведка боем. Потом потребовались дружеские поддержки под локоток при форсировании деревенских ухабов, потом потребовались дружеские объятия (для защиты от морского ветерка, ясное дело). А потом как-то неожиданно начались поцелуи.

И вот тут-то всё пошло в ином направлении. Обнаружилось, что у красивой девушки, как бы это сказать, некрасиво пахло изо рта. Атака захлебнулась, не успев развиться. Под благовидным предлогом (обижать Машу, упаси Бог, я не хотел) направление маршрута и тему беседы я переменял. Она тоже закончила десятилетку, но я был эрудированней, начитанней и более хожалый. Поэтому тон разговора задавал я. Но, ввиду отсутствия «материальной заинтересованности»,

вскоре я стал томиться этой беседой. Мне захотелось домой, а Васька, подлец, всё не появляется. Мы решили подождать «сладкую парочку» на бревне у плетня Анькиного двора, благо, с Машей они были соседки. Не помню, как долго мы сидели и вяло беседовали, как вдруг что-то меня насторожило: за спиной во дворе какой-то шорох.

– Что это?

– Небось, корова в закутке, – беспечно ответила Маша.

Но минуты через две зашуршало уже совсем близко, я поднялся, повернулся и увидел кадр из фильма ужасов: чёрная мужская фигура возвышалась над плетнём, как из преисподней. Но это ещё не всё: фигура держала в руках лопату! И это ещё не всё: лопата уже была занесена над головой! И она уже опускалась. Через мизерные доли секунды я почувствовал страшный удар по голове! Видимо, в последний миг мой Ангел-хранитель развернул лопату, и она обрушилась плашмя, а то бы читатель не знал этой истории. Мозги мои сплюснулись, но продолжали работать – я мгновенно сообразил, что в оглушённом состоянии не смогу дать отпор нападающему, тем более что он лез через плетень, не выпуская лопаты из рук. Поэтому я успел дать клич:

– Маша, тикаем! – и задал стрекоча через улицу в сторону недостроенного колхозного коровника.

Хорошо, что, гуляя с Машей, я разведал местность. Топот за спиной раздавался явственно, но я успел заскочить за угол и метров через десять остановился у кучи бутового камня, заготовленного строителями. В душе моей клокотал гнев: перед комбайнёром я безгрешен (я не сомневался, что это он), неужели он не мог отличить по голосу Машу от своей Аньки? За что же? Куски камня были разной величины: от щебёнки до пудовых глыб. Я мгновенно выбрал оптимальные – с пол килограмма каждый, «и в руки взял по каменюке». Прوماхнуться я не боялся: запас в куче на полчаса боя был обеспечен, да и трудно промахнуться на таком малом расстоянии. Видимо, Ангел-хранитель снова вмешался: преследователь из-за угла не появился – проходили минута за минутой, а его всё не было. Может, понял, что ошибся малость, а, может, тоже знал, что здесь куча камней лежит. Я был взбешён, как в Шахтах, камни были увесисты и в неограниченном количестве, а метатель я уже и тогда был неплохой. В общем, мой Ангел-хранитель спас двоих: комбайнёра от больницы или от могилы, а меня от тюрьмы.

Во избежание подвоха я с большой осторожностью, и, не выпуская камней из рук, обошёл коровник и направился в сторону Нижне-Чирской. Хутор был тих, Васька не появлялся. Его о грозящей опасности я предупредить не мог не потому, что был зол и на него, а потому что не знал, в каких кустах его искать, а кустов по левадам было неисчислимое количество.

Часа через два мы (я и шишка на башке) были в такой родной ста- нице, прошли на цыпочках через второе крыльцо, не разбудив квар- тирохозяйку, и завалились на кровать, но заснули не сразу: как там Васька? Жив ли? Будут ли допрашивать меня как свидетеля? Нако- нец, я забылся, но на рассвете меня разбудил... Васька. Живой, под- лец, невинный и довольный! Хуже того: когда он увидел шишку на моей голове (причёска «бокс», понятно, не могла её скрыть), то весе- ло и беспечно захохотал! Он был удивлён моими похождениями. Ве- зёт же гаду!

На следующий день я был в подсобном хозяйстве. Там меня встре- тили тоже хохотом, когда я снял свою форменную фуражку («шести- клинку» я носил только вне училища).

Правда, веселились они недолго: к вечеру должен приехать ма- стер Пётр Ефимович (он почему-то тоже уезжал на сутки в Нижне- Чирскую), а вчера, почти сразу после его отъезда, уронили в овраг трактор «ХТЗ-7», хорошо хоть, Женька Дуванский успел спрыгнуть. Это маленький садово-огородный тракторишко (потом от него пош- ли «ДТ-14» и «Т-25»), одинаково шустро бегающий и вперёд и назад, для чего рулевое колесо переставляется с одного вала на другой. По- скольку с этим возиться никому не хотелось, то «баранка» стояла в положении реверса, и для поворота крутить её надо было в обратную сторону. Представляете, какой навык должен быть у тракториста? У Женьки его не оказалось, а покататься хотелось. Чуть не половина группы ездили в отдалении от оврага, а Дуванский почему-то при- близился к нему. Когда приехал Пётр Ефимович, я даже обрадовался: в отношении трактора у меня железное алиби, а ребятам будет не до моей шишки, которая через неделю сошла на нет. Трактор вытащили, он, к счастью, почти не пострадал – железный всё-таки.

Опять выпуск

Всё обошлось. К концу года мы сдали экзамены. Оценки у меня были хорошие: «5» и «4» по всем предметам, пятёрок больше, отцу было бы не стыдно за меня.

Кольку Грибовского мне удалось удержать от криминала, хотя по- хождения хулиганского порядка были, конечно, но я на них не буду останавливаться. А забавные случаи были!..

Выпускной вечер. Это уже четвёртый выпуск и второй выпуск- ной вечер в моей жизни. Напутственные речи. Потом начали разъ- езжаться. Человек двадцать уехали на целину. Мне тоже хотелось, но я поступал по направлению колхоза им. Сталина, поэтому обязан был вернуться в Павловский. Что я и сделал. Предварительно снял- ся с учёта в военкомате. Военный билет мне не дали на руки, мол, пе- решлём по месту жительства. Я как-то не обратил внимания на это.

14. С ПРОФЕССИЕЙ

В подмастерьях

И вот я с дипломом тракториста-машиниста широкого профиля в Павловске под началом своего отчима Петра Ильича Ключникова. Для начала меня и Витьку Лагутина (того самого) направили на работу в Мешковскую МТС. Там мы научились собирать прицепные соломокопнители для таганрогских комбайнов: они поставлялись в разобранном виде. В ремонтных работах на тракторах мы были, естественно, на вторых и третьих ролях. Век «железнодорожных» ХТЗ и У-2 отходил, зато гусеничных дизельных – всё больше. «Резиноколёсные» МТЗ тоже перестали быть редкостью.

А ещё я научился варить суп из пшена и заправлять его кусочками жареного сала: квартиру оплачивала МТС, а питание было за свой счёт. К весне вернулся на хутор и начал ремонтировать прицепной инвентарь, который хранился под открытым небом. Поэтому я вскоре застудил царяпину на левой ладони и получил флегмону, которая с неделю не давала мне спать. И вот фельдшерица сказала, что флегмона созрела, и её надо вскрывать. Я согласился. Она «заморозила» ладонь и резанула, причём немного вышла за границу анестезированного участка. Стало ещё больнее, но когда я пришёл домой, то через некоторое время заснул, и потом рука пошла на поправку, хотя пальцы, как загипсованные, не хотели сгибаться. Недели две ушло на их распаривание и разработку. Подспудно этот эпизод и ещё один, когда мне в Душанбе сверлильным станком закрутило правую кисть, и я чудом успел поднять её и отдёргнуть, мне как-то вспоминались, когда я писал стихи о цыганском гадании на ладони:

*«...Что же делать прикажешь теперь,
Если шрамы её изломали,
Но зато и она, ты поверь,
След оставила свой на металле...»*

Потом было 8-е марта, когда я опять «напоролся». Праздники подчинялись неумолимому календарю, а я – непоколебимым традициям, которые, в конце концов, и привели меня к выбору: или «традиции» – или полная трезвость. 2 января 1985 года я выбрал последнее, а с 9 ноября 1999 – стал следовать своему выбору.

Но вот похмелье прошло, рука зажила, снега растаяли, и мне дали «МТЗ-2», на котором я стал работать сменщиком Васки Назарова. Он был немного постарше меня, может, года на два, но уже был женат, имел дочку-малышку, однако ему мало кто завидовал: он был «примаком».

Но для работы это не имело значения. Зато он был практически непьющий, характер имел уравновешенный и не занудный, а,

кроме того, он уже имел двухгодичную практику работы на «МТЗ-2». Тридцатипятилетний дизельный трактор на пневматических шинах превосходил по всем параметрам старые ХТЗ и СТЗ. Особенно на транспортных работах: он мог бежать с неслыханной скоростью – 14 километров в час! Пневматические шины и полумягкое сидение делали его менее тряским, чем старые тракторы. Тем не менее «мягкой тряски» в совокупности с отсутствием кабины оказалось достаточно, чтобы я менее чем за год в 19 лет(!) заработал радикулит. Для начала мне поручали простейшие работы: боронование и поездку за копнителем для комбайна километров за сорок (но это в паре с Васей). Потом мне доверили культивацию паров, пахоту, потом прополку кукурузы и подсолнечника, потом посев поздних культур. Даже довелось участвовать в посеве «квадратно-гнездовым» способом, который при помощи мерной проволоки со специальными узлами позволял размещать зёрна в лунках с точностью до пяти-восьми сантиметров. Несколько раз со мной в качестве прицеппщика работал Ваня Мрыхин. Иногда я разрешал ему «порулить», когда на прицеппном орудии не обязательно было находиться. Он носил очки и ночью свет тракторных фар отражался в них сатанинским отблеском, так что я рад был своему атеизму.

Трактор «МТЗ-2» уже был оборудован гидropодъёмником, поэтому он мог работать не только с прицеппными, но и с навесными орудиями. Для колхоза это хорошо: экономилась зарплата прицеппщика, а для тракториста, который работает в ночную смену на поле в 5...8-и километрах от хутора, это не очень приятно: ты всегда один в поле воин. Однажды, работая на третью или четвёртую ночь, я к рассвету настолько захотел спать, что сдрейфил, поднял культиватор и приехал на хутор. Поставил агрегат на машинном дворе (если его можно было так назвать) и пошёл домой. Вошёл в хату тихонько, но Пётр Ильич всё же проснулся.

– Что случилось? Обломался? – встревожился он.

– Да нет, спать очень хочется, – беспечно ответил я.

– Ты что! Не хватало, чтобы мне завтра в глаза тыкали, что сын-ку всё можно! Марш в поле!

Я поначалу обиделся, а потом сообразил, что отчим не просто отчим, а мой начальник. Да ещё меня недавно выбрали комсоргом. Так что я через три минуты шагал к трактору. Но Пётр Ильич наворожил: при запуске трактора сломался «пускач». Причём, я потом истоиво доказывал, что поломка случайно совпала с моим приездом на хутор, и хорошо, что это произошло не в поле. (Интересно, но уже потом, много лет спустя, у меня на «Колхиде» переламывался рычаг «коробки скоростей», потом то же дважды происходило на личной машин, два раза, тоже на личной, отваливалась подвеска двигателя, потом дважды обрывался трос муфты сцепления на казённой легковушке – и каждый раз в черте города!)

Трактористская этика

Однажды летом, на этот раз днём, меня загнал на полевой стан дождик. Уж тут моя совесть была чиста, как небесные струи. В домик набилось человек с десятков трактористов, прицепщиков, заправщиков. Курили, играли в карты, вели разговоры. Лексика была соответствующая. Но вот дождик загнал на стан и Петра Ильича. Он соскочил с одноконной повозки и быстро (по своему возрасту) вбежал в домик. И тут же дядя Тихон, тракторист с «ДТ-54» провозгласил:

– Ребятки! Здесь отец и сын, придержите языки!

Пока Пётр Ильич не уехал, ни одного матюга не было. Кстати, сам он, даже пьяный, в моём присутствии себе тоже не позволял ничего подобного. Хорошо бы эти строки прочли когда-нибудь интеллигентки, рассусливающие по «телку» и по радио о том, допустима ли в кино и в телепередачах «ненормативная лексика». Понимают ли они, что участвуют в проекте уничтожения своего же народа? Спасибо им от Маргариты Тэтчер и от Мадлены Олбrait.

Полевые цветы

Частое и длительное одиночное пребывание в поле имело и свои преимущества: когда трактор исправен, а регулировка прицепа не сбивается, можно думать, о чём хочешь. Я думал сначала просто о поэзии и придумывал стихи, а потом стал думать об этом же, но применительно к Вере Боровиковой, новой библиотечарше. До неё было всего пять вёрст, велосипед у нас, слава Богу, имелся, а читатель я был активный. Вера соответствовала своей фамилии: не очень высокая (это меня ободряло), крепенькая, как гриб-боровичок, с приятным лицом, родом из города Каспи в Грузии (это давало налёт романтики!). Она получила направление в Верхняковскую библиотеку после окончания института и оказалась в этих краях почти сразу после моего возвращения из Нижне-Чирской. Полевые цветы, которые в огромных количествах бесполезно росли на межах и на обочинах дорог, обрели смысл своего существования, которое всё чаще стало заканчиваться в библиотечной вазе.

Стихи стали писаться легче и чище. Они перестали быть элементом абстрактного искусства и получили прикладное значение, как это бывает с блесной, когда она перекочёвывает из витрины магазина в коробок рыболова. А тут подоспело объявление в районной газете о литературном конкурсе. А в свой срок появилось ещё одно: «...Жюри решило первую премию не присуждать. Вторую премию присудить...» И оказалось, что лучше меня в районе стихотворцев нет. Победу мне принесла «Песня тракториста» и ещё что-то, я уже не помню.

Но блесна поблёскивала, а клёва... не было. Так, были умные разговоры о стихах, о цветах, о географии, о звёздах, о... да о чём

угодно: эрудиции хватало у обоих. А клёва... не было. Вера вела себя сложно: надежду не убивала, а любовь держала на приличной дистанции.

Память у меня была свежая. Под гул тракторного двигателя я придумывал и запоминал стихи, а вечером дома записывал. Записная книжка, без которой я сейчас шагу не делаю, была не нужна. А, вечером, когда я передавал трактор Василию, по пути домой я набирал букетик недолговечных полевых цветов (самыми ароматными были воробьиный горошек и клевер). Мама поначалу осторожно выспрашивала, кому это, потом не докучала расспросами: репутация у Веры была безупречной.

Новые обстоятельства

Юлию Цезарю приписывают фразу: «обстоятельства сильнее меня». В начале осени очередная комиссия для допризывников. Поскольку у меня был «белый билет», то я сильно этим вопросом не заботился. Но произошло объединение Мигулинского района и Верхнедонского, поэтому комиссию пришлось проходить в Казанской. Здесь меня признали годным по всем статьям. Может, у меня здоровье улучшилось, может, вопреки несколько напыщенной фразе Мигулинского майора-военкома: «Медики не ошибаются!», они всё же ошиблись, но в моей жизни замаячил очередной зигзаг.

– Так я в этом году пойду в армию? – без обиняков спросил я нового военкома.

– Нет. Ты обязан отработать два года после училища. Вот если бы ты работал не по специальности, мы бы тебя призвали.

Идти в армию не со своим годом мне не хотелось.

На следующий день начались «консультации» с отслужившими и со сверстниками. Все сходились во мнении, что служить не со своим годом плохо. Через несколько дней я принял решение идти в Армию со своим годом. Но как это осуществить? Вскоре созрело решение: надо переводиться в прицепщики. Я подал заявление, отчим помог урегулировать вопрос с руководством МТС, и вскоре я отвёз в военкомат выписку из приказа о переводе меня в прицепщики. На прицеп я попал к дяде Тихону, тому самому. Поскольку я сам был аттестованный тракторист, то он сажал меня за рычаги, как я когда-то Ивана за руль, а он сам отдыхал и даже спал (как раз выпали ночные смены).

Дни проходили один за другим, а повестки не было. Я уже начал ёрзать: работу высокооплачиваемую потерял, а цели, из-за которой это сделал, не достиг. Да и прицепщик, как ни крути, это всё же второй сорт на фоне тракториста. И вот однажды утром, когда я вернулся с поля, заметил в поведении мамы какую-то перемену. Она поспра-

шивала, не передумал ли я насчёт армии, походила кругами вокруг этой темы и подала долгожданную повестку.

До дня призыва оказался зазор – дня три-четыре. На работу я уже не пошёл, начал готовиться к прощальному вечеру с друзьями. Теперь уже гулянка неизбежно была в нашем доме. Гулянка шла по канонам, неизвестно кем и когда установленным: пили, ели, пели, плясали под гармошку, отслужившие вспоминали армейские годы. Были тут и бывшие танкисты, и бывшие зенитчики и... кавалеристов только не было: кони ушли в прошлое. Их вспоминали те, кто постарше, но таких было мало – за столом собиралась, в основном, молодёжь.

Я в этот вечер столкнулся с интересным явлением, которое меня позабавило, но не обрадовало. В конце вечеринки я пошёл проводить друзей, недалеко от клуба мы долго ещё вели пьяные разговоры – я, Ваня Мрыхин, Ваня Лагутин и ещё кто-то. Но на следующий день они в один голос уверяли, что больше никого не было. Выходит, кто-то из них по пьянке двоился. Почему не оба? И кто именно? Мне бы задуматься, но я просто похихикал. Увы, потом было немало случаев, когда двоились все подряд. А ещё у меня болела поясница, но я подумал, что просто стукнулся обо что-то, опять же по пьяни.

И вот наступило 13 октября 1958 года. Я с несколькими сверстниками из нашего колхоза в сопровождении родителей поехал в Казанку, в военкомат. Вера меня не провожала, я не обиделся: отношения у нас были дружеские, но недостаточные для такого важного ритуала: участие в проводах на виду у родных и земляков – это своего рода обещание ждать. Нас пересчитали, бегло осмотрели, сверили документы и дали час на прощание. Прощались на берегу Дона у паррома. Пили теперь украдкой и гораздо меньше, чем на проводах. Мама отвела меня в сторону и сказала: «Сынок, не дай Бог, конечно, но если чего, ты не забывай, что твой дед Советскую власть устанавливал, а отец за неё жизнь отдал». Я обещал помнить это. Помню и до сих пор.

В 83-м году осенью получил от мамы письмо, которое начиналось так: «Пишу тебе 13 октября, сегодня ровно двадцать пять лет, как ты ушёл в армию...». Мне стало как-то неловко, что об этом юбилее я сам позабыл. Так появилось стихотворение «МАМЕ» и такие слова в нём:

*«Пусть утрачены многие даты,
Но зато я слова берегу,
Что сказала ты, мама, когда-то
На песчаном донском берегу».*

Когда через три года я приехал в Казанский военкомат снимать с учёта, я пришёл на пятачок перед паромной переправой. Песок и всё было такое же,... но не такое. А сейчас и вовсе. И я уже не такой. Но помню... помню...

СОДЕРЖАНИЕ ПЕРВОГО ТОМА

От автора	4
Часть 1. КАРАНДАШ (поэзия)	6
«Тихая лирика» Александра Воронцова	6
Ремарка автора к части 1-й	12
КАЛЕНДАРЬ (картинки природы)	
Завтра	13
Фото «Роза в инее»	13
Календарь	14
Ромашка («Ах, Ромашка-Ромашка!..»)	14
Яблоки	15
ШУТОВСТВО (юморески)	
Повадки	15
Случай	16
А если?	16
Прогонялка	16
Шутовство	17
Не бойсь!	17
Квасница	18
Она	18
«Нынче ночь и темна, и скучна...»	19
Вот поймаю	19
Реальность	19
Зачем?	20
Наоборот	20
ВСПОМИНАЙ (любовная лирика)	
Желание	21
«За!»	21
Ладно!	22
Знаешь?	22
Вспоминай	23
Память	23
Ветер («Понимаешь ли...»)	24
Что?	24
Такие дела	25
Пожар	25
«Ты зря себя догадками тревожишь...»	26
Ромашка («Поле бескрайнее...»)	26
Даль	27
И приду	27
Письмо издалека	27

О птицах	28
Прости!	28
Но что?	28

ПРОЩАЛЬНОЕ ТАНГО (элегии)

Были	29
Прощальное танго	30
Дорожка (романс)	31
Вечерний свет	31
Солнышко	32
У небі (укр.)	32
В небе (перевод с укр.)	33
Звёздный вальс	33
A la Esenin	34
A la Block	34
Сельские мотивы	35
Как долго!	35
Где ты?	36
Никогда	37

ЧАСЫ (зарисовки)

О сожалениях	37
Больничные мотивы-3	38
«Плывут шальные времена...»	41
«Тишина в моём саду...»	41
Чудо	41
Часы	42
Тайна	43
Портрет	43
Знаешь?	43
Фантом	44
На обочине	44
Бывает	45
Хорошо	46

СКАЖИ, РОССИЯ (про наших)

Горсад	46
Что мне отрада	47
Прикоснись	47
Тарасу Бульбе	48
Тарасу Бульбі (укр.)	48
Люди	49
Пока	49

Пророк	50
Памяти мамы	50
Скажи, Россия	51
Потому что	51
A la Neckrasoff	52
Хочу бессмертия	52

КАРАНДАШ (дань Аполлону)

Стихи	53
Плата	53
Мы будем	54
Карандаш	54
Уже	54
Два свята (укр.)	55

ОБЕЩАНИЕ (сам по себе)

Клёны	55
Прости меня	56
От иного	56
«Неужто душа опустела...»	57
Просьба («Эх, прожить бы...»	57
«Жизни конец до обидного прост...»	57
Зверь	58
Отпускаю	58
Обещание	59
У зеркала («Зерцало созерцаю я...»)	59
Про жизнь	60
Просьба	60
«Жизни веточка...»	60

МИНИАТЮРЫ

БЕЗ ПОЛИТИКИ (проза)

Вальс!! Вальс! Вальс.Ва-а-а-альс	62
Без политики	67
Безвестный защитник	69
Мои чудесные внуки (очерки)	
1. Ритуля	75
2. Маша	77
3. Оля	78
4. Юрасик	79

Часть 2. СИЛА В УБЕЖДЁННОСТИ (публицистика)	
Без остаточной деформации	81
Часть 2.1 Статьи, написанные до августа 91-го.	
Сила – в убежденности	86
Сладкая полынь	89
«Третья причина»	93
Часть 2.2 Статьи, написанные в 91-99 гг.	
Тоцкое противостояние	114
Кого и зачем?	122
Часть 2.3 Статьи, написанные в 2000-е гг.	
Березовские играют в беспроигрышную лотерею	125
Мы непобедимы, только когда едины	128
Он выбрал свою сторону баррикады	131
«Давно пора... обсудить...»	138
«Копать надо здесь»	141
«Ни Бог, ни Царь и ни Герой!»	145
С кем вы, мастера науки?	150
Есенин в моей жизни	186
Часть 3. ВНАЧАЛЕ БЫЛА ЖИЗНЬ (биографические очерки)	
Ремарка автора к Части 3	205
Часть 3.1 Я жил и в городах, и в сёлах	
1. Откуда пошёл	206
2. От кого пошёл	207
3. Куда пошёл	219
4. Мирные забавы	227
5. Дела зимние	237
6. Первые сладости	239
7. Дела весенние	243
8. Шуриновка	246
9. Неледов – Плесновка	250
10. Богучар	257
11. Чернышки – Павловск	260
12. Бумеранг	272
13. За профессией	280
14. С профессией	292